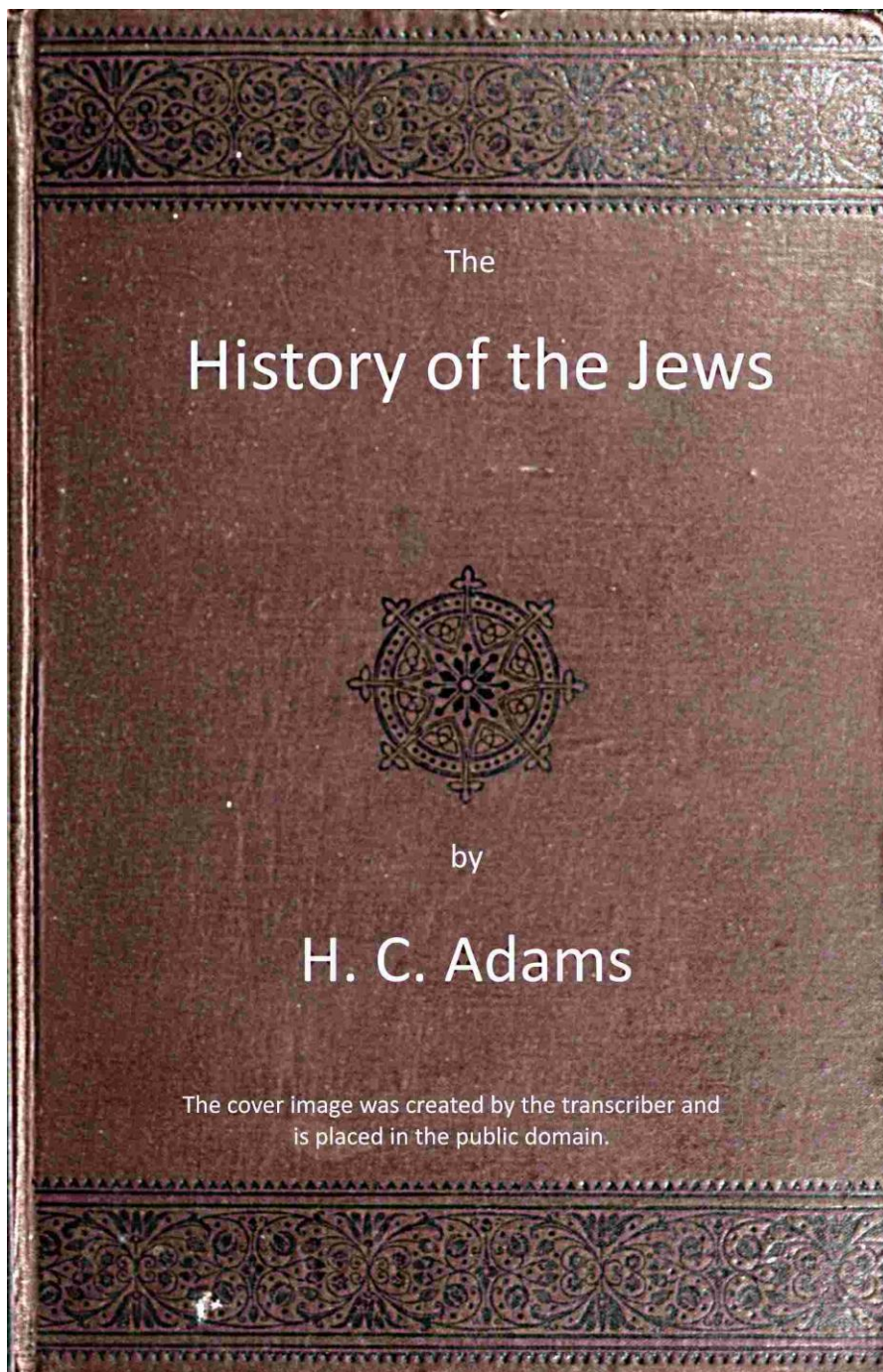

История евреев от войны с Римом до наших дней

Г. К. Адамс

The Project Gutenberg eBook of The history of the Jews: От войны с Римом до наших дней

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в Соединенных Штатах и большинстве других стран мира бесплатно и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях лицензии Project Gutenberg License, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: История евреев: От войны с Римом до наших дней

Автор: Г. К. Адамс

Дата выхода: 20 декабря 2022 года [eBook #69593]

Последнее обновление: 19 октября 2024 г.

Язык: Английский

Оригинальное издание: Великобритания: The Religious Tract Society, 1887

Кредиты: Ричарду Халсу, Бобу Тейлору и группе онлайн-распределенной корректуры на сайте <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Архивом Интернета).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE HISTORY OF THE JEWS: ОТ ВОЙНЫ С РИМОМ ДО НАШИХ ДНЕЙ ***

Изображение на обложке было создано переводчиком и является общественным достоянием.

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ

ОТ ВОЙНЫ С РИМОМ ДО НАШИХ ДНЕЙ.

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ

ОТ ВОЙНЫ С РИМОМ ДО НАШИХ ДНЕЙ.

Преподобный Х. К. АДАМС, магистр богословия.

Викарий Олд Шорхэма.

Автор книг "Уайкхамика", "Честь школьника" и т. д. и т. п.

Лондон:

THE RELIGIOUS TRACT SOCIETY,

56, PATERNOSTER ROW.

1887.

Butler & Tanner,
Селвудская типография,

СОДЕРЖАНИЕ.

			СТРАНИЦА
Предисловие			3
ЧАСТЬ I.			
ОТ НИЗЛОЖЕНИЯ АРХЕЛАЯ ДО КОНЦА ТРИНАДЦАТОГО ВЕКА.			
ГЛАВА.	A.D.		
I.	7-70.	От восстания Иуды до осады Иерусалима	17
II.	71, 72.	Осада Иерусалима Титом	27
III.	72-131.	Иудеи при императорах Траяне и Адриане	37
IV.	131-135.	Восстание Вархохеба	46
V.	135-323.	Иудеи при римских императорах от Адриана до Константина	53
VI.	323-363.	Князь плена - Манес - Иудея при римских императорах от Константина до Юлиана	62
VII.	363-429.	Иовиан - Гонорий.- Взаимные ревности и возмущения.- Подавление Тивериадского патриархата	71
VIII.	429-622.	Гонорий - Ираклий.- Иудейские рабовладельцы.- Юстиниан.- Хосройс	79
IX.	622-651.	Магомет.- Завоевание Аравии, Персии, Сирии и	89

		Египта.	
X.	622-740.	Евреи в Восточной империи, в Испании, во Франции	98
XI.	740-980.	Евреи при халифах на Востоке	106
XII.	-	Евреи Дальнего Востока	114
XIII.	740-980.	Евреи при Карле Великом	122
XIV.	980-1100.	Евреи в Испании, Англии, крестовых походах	131
XV.	1100-1200.	Крестовые походы.- Евреи во Франции, Испании, Германии и Венгрии	139
XVI.	1100-1200.	Евреи в Англии. Евреи-самозванцы	148
XVII.	-	Великие еврейские врачи: Абен Эзра, Маймонид, Бенъямин Тудельский	156
XVIII.	1200-1300.	Евреи во Франции и Германии	163
XIX.	1200-1300.	Евреи в Испании	171
XX.	1200-1300.	Евреи в Англии	179

ЧАСТЬ II.

ОТ НАЧАЛА ЧЕТЫРНАДЦАТОГО ВЕКА ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ.

XXI.	1300-1400.	Евреи во Франции	189
XXII.	1300-1400.	Евреи в Италии	196
XXIII.	1300-1400.	Евреи в Германии, Низких странах и т. д.	203
XXIV.	1300-1400.	Евреи в Испании	211
XXV.	1400-1500.	Евреи в Германии и Италии	219
XXVI.	1400-1500.	Евреи в Испании	227
XXVII.	1400-1500.	Евреи в Испании (продолжение)	235
XXVIII.	1400-1500.	Евреи в Португалии	243
XXIX.	1500-1600.	Евреи в Италии	251
XXX.	1500-1600.	Евреи в Португалии,	259

		Испании и Голландии	
XXXI.	1500-1600.	Евреи в Германии и Центральной Европе	267
XXXII.	1500-1600.	Евреи в Азии и Африке	275
XXXIII.	1600-1700.	Евреи в Германии и Центральной Европе	283
XXXIV.	1600-1700.	Евреи в Голландии. Да Коста, Спиноза	291
XXXV.	1600-1700.	Евреи в Испании, Англии и Италии	300
XXXVI.	1600-1700.	Евреи на Востоке. Саббатай Севи	308
XXXVII.	1700-1800.	Евреи в Испании, Италии и Франции	316
XXXVIII.	1700-1800.	Евреи в Германии и Центральной Европе	323
XXXIX.	1700-1800.	Евреи в Польше: Хасиды.- Франк.- Мендельсон	331
XL.	1700-1800.	Евреи в Англии	339
XLI.	1800-1885.	Евреи в Англии (продолжение)	348
XLII.	1800-1885.	Евреи во Франции, Италии и Германии	356
XLIII.	1800-1885.	Евреи в других европейских странах	364
XLIV.	1800-1885.	Евреи в Африке, Америке и Азии - Заключение	372

ПРИЛОЖЕНИЯ.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I.	Статистика еврейского населения	379
II.	Талмуды	385
III.	Таргумы, Массора, Каббала, Сефер-Йецира и Зоар	392
IV.	Попытка восстановления Храма при Юлиане	398
V.	Обвинения в крови	403

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Читатель поймет, что эта работа не претендует на то, чтобы быть чем-то большим, чем популярной историей, с таким количеством ссылок на еврейские знания и споры, которое может быть необходимо для правильного понимания фактов и характера людей, о которых идет речь. Но такие ссылки, по разным причинам, не будут частыми. Из огромного количества еврейской литературы наиболее ценными являются комментарии их врачей к Священному Писанию, а также их вклад в грамматику, математику и физические науки. Однако они мало интересуют автора истории. Заумные и запутанные рассуждения раввинов, тонкости каббалистов, дикие фантазии - или то, что, во всяком случае, трезвый западный интеллект считает таковыми - в Талмудах, Сефер-Йецире и Зохаре могут поглотить целые годы изучения, но принесут историку лишь бесплодную отдачу за труды. Поэзия евреев, как говорят, пронзительна и трогательна, но слишком исключительно национальна, чтобы представлять интерес для кого-либо, кроме евреев. Их древние историки, опять же, пересыпают свои повествования преувеличениями и баснями в такой степени, что их утверждения нельзя воспринимать без особой осторожности. Именно от писателей, принадлежащих к другим расам, мы должны черпать наши сведения о странных и разнообразных судьбах народа Израиля.

Это, конечно, ставит их в несколько невыгодное положение. И все же нет истории, столь полной поразительных происшествий и скорбного пафоса, как их, нет истории, которая бы поднимала столь торжественные вопросы или передавала столь глубокую мудрость тем, кто правильно ее изучает. В качестве иллюстрации печального интереса, который она пробуждает, достаточно привести слова Леопольда Цунца, одного из величайших современных евреев. Если в страданиях есть градации, - пишет он, - то Израиль достиг своего наивысшего апогея. Если долгая продолжительность страданий и терпение, с которым они переносятся, облагораживают народ, то евреи могут бросить вызов высокородным любой страны". По правде говоря, снова и снова, в каждом последующем веке их летописи, внимание читателя привлекают свидетельства героизма, который не могли сломить никакие суровые испытания и никакое давление гонений. Как бы он ни оценивал достоинства или недостатки евреев, их трагическая история, по крайней мере, вызывает у него сочувствие.

В этом отношении другие народы хотя и не могли соперничать с ними, но, по крайней мере, напоминали их. Но в их истории есть особенности, которые отличают их от всех остальных народов на земле. Главным из них является вопрос: должны ли мы по-прежнему считать их, как считали наши отцы на протяжении стольких поколений, находящимися под особым проклятием Божьим, вечным памятником Его гнева? Разве проклятие, произнесенное перед трибуналом Пилата (Св. Матф. xxvii. 25): "Да будет кровь Его на нас и на детях наших!" - было, так сказать, ратифицировано Всемогущим Богом? Осталась ли на них кровь Господа? Это ли истинное объяснение их прошлых страданий и нынешнего состояния?

Давайте подумаем, в чем на самом деле заключалась вина иудеев, убивших Господа. Я полагаю, что они сами не отрицают, что страдают от Божественного неудовольствия или что это неудовольствие вызвано их грехом. Напротив, они считают, что именно их грех отсрочил и продолжает отсрочивать приход Мессии. Но, отнюдь не считая, что этот грех заключался в убийстве Иисуса Христа, они вообще не считают, что их отцы были виновны в этом. Их закон, как они утверждают, требует предавать смерти богохульников и установителей чужих богов. Утверждение Иисуса "Я и Отец Мой - одно", - говорят они, - было и богохульством, и

установлением чужого бога. Поэтому они послушались бы Божественного повеления, если бы предали Его смерти. Но, добавляют они, не они, а римляне, по приговору которых Он умер за то, что провозгласил Себя Царем Иудейским. Это, по их словам, достаточно очевидно из способа Его смерти через распятие, которое никогда не совершалось иудеями, и надписи на кресте: "Сей есть Царь Иудейский". Крайне сомнительно, добавляют они, что их отцы обладали властью предать Его смерти, но, во всяком случае, они ее не использовали. Иудейский народ, по их мнению, не имел к этому делу никакого отношения. Возможно, некоторые из толпы проклинали кровь Иисуса на себя и своих детей; но если это так, то проклятие могло обрушиться только на тех немногих, на кого оно было наложено. Йост и другие даже отрицают, что Синедрион когда-либо созывался на законных основаниях, а собрание, осудившее Иисуса и передавшее Его Пилату, было, по их мнению, просто буйным сборищем врагов Христа.

Конечно, на это можно ответить, что обвинять нашего Господа в богохульстве и установлении чужого бога - значит просто упускать из виду весь вопрос, стоящий между иудеем и христианином. Действительно, если учесть, что еврейские Писания однозначно объявляют Мессию Богом (Пс. xlv. 6; Ис. vii. 14; ix. 6 и т. д.), то, согласно такому взгляду на дело, в какое бы время Он ни пришел, долг иудеев должен был предать Его смерти, как только Он объявил о Своем истинном характере. Возникает вопрос: как иудеи могли узнать, что Иисус действительно был тем, кем Он Себя провозгласил? Мы отвечаем: по исполнению пророчеств в Нем, по Его чудесным способностям и сверхчеловеческой святости Его учения они имели достаточно доказательств того, что Он действительно Христос. По сути, у них было доказательство этого, которое Божественная мудрость сочла достаточным.

Опять же, несомненно, Он был распят по приказу римского магистрата; и, возможно, правда, что во времена римской прокуратуры Синедрион не имел права выносить смертный приговор[2]. Но именно иудеи привели нашего Господа к Пилату и потребовали Его смерти. Не желая осуждать Его, Пилат с большой неохотой отдал приказ о казни. Только когда прозвучал опасный намек на неверность Цесаря, он согласился с их желанием. Кто может сомневаться в том, что вина лежит на них? С таким же успехом Пилат мог бы свалить вину на центуриона, командовавшего четвертованием на Голгофе, или на трех солдат, приведших приговор в исполнение. Еще одно утверждение, что синедрион не был созван, прямо противоречит утверждению святого Марка (xv. 1). Не похоже также, что утверждение евангелиста когда-либо ставилось под сомнение современными авторами.

У любого человека, принимающего евангельское повествование как правдивую, я не говорю вдохновенную, историю, не может быть разумных сомнений в том, что иудеи того времени были виновны в пролитии крови нашего Господа, и что это был поступок самого вопиющего злодеяния. Но еще предстоит доказать, что они убили Его, зная, что Он - их Воплощенный Бог, и я думаю, что это будет крайне трудно доказать. Если мы будем руководствоваться Писанием в этом вопросе, то придем к другому мнению. Святой Петр сказал этим самым людям через несколько недель после этого: "Я знаю, что вы сделали это по неведению", а затем призвал их "покаяться, чтобы изгладился их грех"[3] Наш Господь также ссылаясь на их неведение относительно природы того дела, которое они совершили.[4] Оба эти отрывка не согласуются с идеей постоянного и неумолимого проклятия. Их вина была подобна вине афинского народа, когда он осудил Сократа на смерть, или флорентийцев, когда они так же убили Савонаролу, или римлян, когда они убили графа Росси - подобна их вине, хотя, несомненно, более усугублена. Грех отвержения проповедников святости и заглушения их голоса своей кровью - один из самых страшных, в которых может быть виновен народ, и он

должен навлечь на себя тяжкий гнев Всеправедного; но, конечно, не на своих потомков во все последующие века.

Что касается другого аргумента, то, несомненно, убийцы Сократа или Савонаролы не проклинали себя и своих детей за последствия своего поступка, как это делали евреи. Но что тогда? Иудеи во время распятия имели не больше власти, чем другие люди, чтобы отрезать себя от покаяния, а тем более отрезать от него своих детей. Кровь Христа может очистить человека от *любого* греха. Это, даже если бы это не было открытым заявлением Писания, доказывается уже процитированным обращением святого Петра к ним. Даже если бы это было не так, какое право могли иметь эти люди представлять еврейский народ? Как показано в другом месте, в мире насчитывалось [5], вероятно, около шести или семи миллионов евреев. Из них ни одна половина, по всей вероятности, не слышала о нашем Господе до Его смерти. Многие не слышали о Нем на протяжении многих поколений. Из двух или трех миллионов, присутствовавших на Святой Земле во время распятия, ни одна тысячная часть не могла слышать протеста Пилата или реплик толпы. По какому принципу эта небольшая часть должна считаться представителем всего еврейского народа, за слова и поступки которого она должна нести ответственность? Когда кордельеры своими неистовыми богохульствами от имени французского народа отреклись от Бога, они, несомненно, навлекли на себя Божественный гнев; но неужели мы должны верить, что вина за их нечестие навсегда ляжет на французский народ? Такая идея кажется мне чуждой духу как естественной, так и явленной религии.

Но, несомненно, возникнет вопрос: как же тогда объяснить странное и исключительное положение евреев на протяжении стольких веков? Ни одному внимательному изучающему Слово Божье не составит труда ответить на этот вопрос. Аврааму, "другу Божьему", и его потомкам за него были обещаны великие и вечные благословения. Они были повторены Давиду, "человеку по сердцу Божьему", с заверением в еще больших милостях. Верность Бога Своим обещаниям не зависит от времени. Для нас обещание, данное почти 4 000 лет назад, может показаться совершенно устаревшим, для Него же оно так свежо и обязательно, как если бы было дано вчера. Поэтому, хотя любой другой народ, кроме того, который произошел от чресл Авраама, был бы уничтожен и выкорчеван за ряд таких мятежных поступков, как те, что увенчались распятием Господа, память об Аврааме и Давиде предотвратила его полное уничтожение. Нам ясно сказано, что так было и в другие периоды их истории. Когда Иеровоам впал в идолопоклонство, он и весь его род были отсечены от корня и ветви. Но когда Соломон сделал то же самое, царство, хотя и с уменьшенной силой и великолепом, было продолжено его потомками. Когда Израильское царство преступило черту, оно было рассеяно по всем землям, а его народность погибла. Когда Иудейское царство было столь же виновно, его рассеяли лишь на время, а затем позволили вернуться и возобновить свое национальное существование. Остаток нации был сохранен ради Авраама, этот особый остаток - ради Давида. Таково, как можно заключить, истинное объяснение их удивительной истории на протяжении последних восемнадцатисот лет. Их длительное существование в нынешнем состоянии - это действительно чудо, но чудо не гнева, а милости. Это они и сами быстро понимают.

Но как в вышеупомянутых случаях сохранение скипетра потомкам Соломона и восстановление Иуды после плена не освободило их от наказания за последующее непослушание, так и сейчас сохранение Израиля на протяжении стольких веков опасностей и страданий не отменяет и не изменяет последствий их неверия. Как и все народы, соприкасающиеся с христианством, но не принимающие Христа, они разделяют блага Его жертвы, в измененном нравственном тоне мира, который медленно растет под влиянием Его

учения; но они могут обрести, или, правильнее сказать, вернуть, Его благосклонность, только приняв Его как своего Господа и Бога.[6] Нельзя с полным правом сказать, что они живут под проклятием, но они, несомненно, не могут получить благословение. Но к этому они продолжают упорно оставаться слепыми.

В этом ключ к их истории. В этом объяснение их упорной изоляции, их решительной стойкости, их непобедимой уверенности в себе. Потомки особых любимцев Неба, полностью убежденные в том, что его благосклонность не утрачена, а лишь временно отменена, эта высокодуховная и одаренная раса всегда чувствовала, что, поддерживаемая этим убеждением, она может, подобно "милосердию" святого Павла, надеяться и переносить все. Расы, которые не появились на свет, когда их раса достигла высшей точки цивилизации и славы, могли бы сделать вид, что презирают их: но, выражаясь языком, который сэр Вальтер Скотт вложил в уста барда Кадваллона, они знали, что кровь, которая текла в жилах их гонителей, по сравнению с их собственной, "была лишь лужицей на дороге к серебряному фонтану"[7].

Их история печальна и унизительна для чтения; и не менее печальна и унизительна для них самих, чем для тех, чьи предки попирали и преследовали их. Она ярко высвечивает не только хорошие, но и плохие стороны их национального характера. Упрямое неверие поколения за поколением; то, как деловые способности под давлением несправедливости превратились в ремесло, в способность накапливать богатства за счет ростовщичества и неустанного вымогательства последнего фартинга; медленные процессы, в результате которых наиболее ярко выраженная черта еврея стала чертой сурового и безжалостного кредитора; - все это мрачные тени на великом национальном характере и национальной истории, представляющая глубочайший интерес.

С другой стороны, их история, как никакая другая, показывает глупость и нечестие этого самого смертоносного, хотя иногда и самого справедливого на вид, из всех сатанинских влияний, религиозного преследования. В те злые времена наши отцы с ужасом говорили о грехе евреев, упорно отвергающих Христа. В тот день, когда от всех потребуют отчета, не окажется ли, что самым смертельным из их собственных грехов было то, что своей отвратительной пародией на христианскую веру они закрыли от евреев знание о реальности?

На протяжении веков самые жестокие гонения исходили от тех, кто, грабя и жестоко обращаясь с евреями, поскольку обвинял их в том, что они высмеивают христианство и охотно помогают его врагам, сами были невежественны в первых принципах Евангелия и являлись преданными приверженцами Церкви того времени. По мере того как развивалась Реформация Церкви и возрастала сила евангельских принципов, гонения на евреев прекратились. Церковь все больше и больше осознает истину, что Христос умер за еврея не меньше, чем за язычника, и что в этом отношении Ему лучше служить провозглашением Его собственной любящей вести о прощении, чем любыми попытками узурпировать Его функции Судьи или принудить к внешнему подчинению, в котором сердце не принимает никакого участия.

Израиль, действительно, имеет тяжелый счет против англосаксонской расы, хотя, возможно, и не такой тяжелый, как против гота, тевтона и славянина. Есть некоторое утешение в размышлениях о том, что мы в этом веке сделали кое-что, чтобы уменьшить баланс, который стоит против нас. Пусть наши дети усвоят урок милосердия и терпимости во всей его полноте и таким образом возместят ошибки и грехи наших отцов, насколько это возможно!

ССЫЛКИ:

[1] Еврей, несомненно, будет отрицать это. Я не останавливаюсь на этом вопросе, поскольку это не работа по спорному богословию; и, кроме того, этот вопрос был настолько ясно сформулирован христианскими божествами, что нет необходимости в моей защите. Пусть читатель, у которого могут возникнуть сомнения по этому вопросу, рассмотрит Ис. xl. 10; xlv. 24; xlviii. 17; Иер. xxiii. 6; Осия i. 7; Зах. ii. 10, 11; Малахия iii. 1, где не только титул Элохим, но и Иегова дается Мессии.

[2] Нет более спорного вопроса, чем вопрос о том, обладал ли Синедрион во времена правления римских прокураторов полномочиями предавать смерти лиц, осужденных за смертные преступления. Заявление, сделанное св. Иоанном xviii. 31, и действия Альбина, который в 63 г. н. э. сместил первосвященника Анана, потому что синедрион предал смерти святого Иакова без его санкции, кажутся убедительными, что они не могли капитально наказывать людей, осужденных за богохульство, если только не по приказу прокуратора. Случай со святым Стефаном, Деяния viii, не опровергает этого, поскольку, очевидно, это была процедура, связанная с беспорядками, и приговор не был вынесен. Но Синедрион, безусловно, обладал властью капитально наказывать *некоторых* преступников, как, например, любого язычника, перешедшего за барьер между храмовыми дворами (см. Jos. V.J. vi. 2, 4), - преступление, очень похожее на богохульство. Возможно, они могли наказывать смертью за некоторые определенные преступления, но только за них. Это вполне соответствовало бы принципу римского правления - позволить первосвященникам капитально наказывать людей, осужденных за серьезные моральные преступления, но не тех, кто виновен только в вопросах, касающихся "их собственных суеверий", как они выражаются.

[3] Деяния iii. 17.

[4] St. Luke xxiii. 34.

[5] См. Приложение I.

[6] "Вы не увидите Меня, доколе не придет время, в которое вы скажете: благословен Грядый во имя Господне" (Св. Лука xiii. 35) - то есть "вы не увидите Меня и благословений, которые Я приду принести вам, пока не признаете Меня истинным Мессией и Спасителем мира". *Увидеть* Господа - это, по выражению Нового Завета, духовно различить и понять Его.

[7] *Betrothed*, chap. 31.

ЧАСТЬ I.

ОТ НИЗЛОЖЕНИЯ АРХЕЛАЯ ДО
КОНЕЦ ТРИНАДЦАТОГО ВЕКА.

ГЛАВА I.

7-70 ГГ. Н.Э.

ОТ ВОССТАНИЯ ИУДЫ ДО ОСАДЫ ИЕРУСАЛИМА.

На этих страницах не предполагается рассматривать историю евреев в течение долгого периода, который прошел между зарождением нации в семье Авраама[8] и их окончательным восстанием против римской власти. Записи о тех временах можно найти в богодухновенном томе или в повествовании Иосифа; и нам нет нужды больше заниматься ими, кроме как выяснять, как различные изменения в их судьбе - от рабства к свободе и от свободы к рабству, под законодателя, судьи и первосвященника, иностранного тирана и родного государя - способствовали формированию их национального характера - наиболее ярко выраженного, можно с уверенностью утверждать, который когда-либо отличал любой народ.

Детство еврейского народа было тяжелым и суровым. Они выросли в национальное существование под властью чужеземных правителей, которые боялись и ненавидели их, налагали на них невыносимые бремена и уничтожили бы их с лица земли, если бы не Божественная защита, распространявшаяся на них. Избавленные тем же видимым проявлением Божественной силы от этих тиранов, они были перенесены на богатую и благодатную землю, а сильные и воинственные народы были изгнаны, чтобы освободить им дорогу. Их первой национальной и истинной идеей должны были стать их особые привилегии как благосклонного народа Небес; но к этому они добавили ложное убеждение, что ничто и никогда не сможет лишить их этих привилегий; и это так глубоко укоренилось в их вере, что весь опыт последующих поколений не смог ни разрушить, ни даже изменить ее. Их собственное участие в грехах соседних народов - тех самых грехах, которые навлекли на *них* Божественное возмездие, - не поколебало этой уверенности в том, что они надежно защищены благосклонностью Всевышнего. Настигнутые суровым наказанием за непослушание, они на мгновение встревожились и смирились; но они вернулись к прежнему самодовольству, как только было даровано избавление от страданий. Беды иноземного порабощения, изгнания и плена так сильно повлияли на них, что они отказались от идолопоклонства, которое было главной причиной их страданий. Но это не ослабило их чувства превосходства над всеми остальными расами, а также особого и неотъемлемого обладания благосклонностью Всевышнего.

Они считали невозможным, чтобы они находились под властью какого-либо чужого народа. На какое-то время им могло показаться, что это так, но на самом деле это было не так. То, что в течение семидесяти лет они были вассалами вавилонского царя, еще двести лет - зависимыми, мягко выражаясь, государями Персии, несколько поколений после этого находились под властью то одного, то другого властителя, который поступал с ними по своему капризу, что их собственное Асмонеиское царство в действительности было лишь зависимым от императорского Рима и существовало лишь до тех пор, пока она это позволяла - все это не имело для них никакого значения. Даже низведение Иудеи до статуса римской провинции и пребывание римского прокуратора в Иудее не помешало им ответить нашему Господу, что "они дети Авраама и никогда не были в рабстве ни у кого". Пока была возможность под любым, пусть даже прозрачным, предлогом отстаивать свою независимость, они упорно продолжали это делать.

В то же время они были слишком умны, чтобы не понимать, что императорский Рим не потерпит ни противодействия ее оружию, ни уклонения от ее требований. Должно быть, им давно было ясно, что рано или поздно наступит время, когда им придется сделать выбор

между искренней преданностью империи Цезарей и открытым восстанием против нее. Однако они намеревались откладывать его как можно дольше. Могли быть выдвинуты требования, которые они скорее предпочли бы выполнить, чем погибнуть; но пока они не выдвинуты, не было необходимости их предвосхищать; и мягкость, которая всегда отличала римскую власть, когда ей не противостояли, строгое соблюдение справедливости во всех отношениях с покоренным народом[9] и терпимость к его обычаям и предрассудкам, надолго отсрочили ужасную борьбу, которая в конце концов последовала.

Низложение Архелая и превращение Иудеи в римскую провинцию привело к первому открытому акту восстания. Иуда, прозванный "галилеянином", поднял восстание, которое с трудом удалось подавить. Своим девизом он взял знаменательное предложение: "Нет у нас другого господина, кроме Бога". Причины, о которых уже говорилось, по всей вероятности, не позволили более влиятельным слоям иудеев оказать ему поддержку, на которую он рассчитывал. Он был разбит и предан смерти. Но вызванный им дух жил еще долго после него, и Иосиф приписывает ему все последующие вспышки, которые в конце концов завершились разрушением Иерусалима и рассеянием евреев[10].

Копонию, первому римскому наместнику, было позволено без сопротивления поселиться в Кесарии. Этот город, а не Иерусалим, был выбран в качестве места его правления, вероятно, из соображений уважения к чувствам иудеев. После короткого перерыва его сменили Амбивий и Руф. После него почти двенадцать лет бразды правления держал Валерий Гратус. Во время их префектуры и в течение нескольких последующих лет Иудея оставалась спокойной. Но в Риме иудеи, к которым при Августе относились с большим снисхождением, были изгнаны из города его преемником Тиберием. Говорят, что этот акт был вызван враждой Сеяна, хотя в качестве предлога называлось вымогательство денег у Фульвии, знатной матроны. Четыре тысячи евреев были вынуждены вступить в армию, большая часть которых умерла от малярии на острове Сардиния. После падения Сеяна эдикт против евреев был отменен.

Гратуса сменил Понтий Пилат, который занимал свой пост в течение десяти лет. Во время правления этого прокуратора произошло еще одно грозное восстание, вернее, ряд восстаний, вызванных в первую очередь тем, что римская армия с ее идолопоклонническими штандартами была направлена в Иерусалим. По этому случаю произошло всеобщее восстание народа, и, если бы Пилат остался у власти, военные действия с Римом могли бы начаться за поколение до их фактического возникновения. Но после того как Пилат совершил, казалось бы, безнаказанно несколько кровавых расправ над иудеями, которых он своим бесцеремонным пренебрежением к их чувствам подстрекал к восстанию, самаритяне обвинили Вителлия, префекта Сирии, в подобном же бесчинстве по отношению к ним. Вителлий приказал ему отправиться в Рим, чтобы предстать перед судом. Там он был низложен и приговорен к изгнанию.

Через некоторое время после этого Иудея на короткое время снова превратилась в иудейское царство при Агриппе I, чей странный и ужасный конец записан в Деяниях апостолов. Агриппа был сыном Аристокла и внуком Ирода Великого. Он рано примкнул к Калигуле и тем самым вызвал подозрение Тиберия, который бросил его в тюрьму. Вероятно, он был бы предан смерти, если бы смерть императора не спасла его от опасности. Наследовав империю, Калигула передал ему тетрархии, ранее принадлежавшие Лисанию и Филиппу, вместе с титулом царя. Но вскоре его правление было сопряжено с трудностями. Дарованное ему царское достоинство вызвало ревность Ирода Антипы, тетрарха Галилеи. В сопровождении своей жены Иродиады он отплыл в Рим, надеясь сместить Агриппу с императорского престола обвинениями в неверности. Но Агриппа в ответ обвинил Антипу в

изменнической переписке с парфянами, в результате чего Антипа был изгнан, а его владения были присоединены к тем, которыми уже управлял Агриппа. Последний строго соблюдал Моисеев закон, и его убийство святого Иакова и гонения на святого Петра, вероятно, были вызваны именно этим, а не тиранией или жестокостью. За время своего семилетнего правления он, похоже, сделал все возможное для своего королевства и страны. Он построил третью стену вокруг Иерусалима и попытался примирить враждующие группировки, которые разрушали жизнь нации.

За некоторое время до его воцарения произошло событие, которое вызвало гнев иудеев, возросший до невиданных ранее масштабов; если бы возмущение зашло еще дальше, результатом, несомненно, стала бы гражданская война. Это была попытка императора Калигулы воздвигнуть свою статую "Младшего Юпитера", как он себя называл, в самой священной части иудейского храма.

Этот замысел, похоже, был результатом простой прихоти, задуманной полубезумным императором и упорно продолжавшейся, когда он узнал (как от самих евреев, так и от Петрония, прокуратора Сирии), что его исполнение вызовет среди поклонников Бога Евреев невыразимый ужас и тревогу^[11] Не может быть сомнений в том, что это нечестие было намеренным. Статуя была заказана, если не завершена; но мудрое и великодушное промедление Петрония, убедительные заверения Агриппы, который был любимцем императора, а также смерть самого императора, последовавшая почти сразу после этого, помешали осуществлению замысла. Рассказ об этой операции ценен тем, что показывает, что в то время иудеи были склонны к мудрым и умеренным советам, что резко контрастирует с их безрассудной жестокостью поколением позже. Когда стало известно о роковых намерениях Калигулы, все население, как нам рассказывают, всех сословий и возрастов, с огромного расстояния вокруг Иерусалима, столпилось вокруг кресла римского прокуратора, заявляя о своей решимости скорее умереть, чем стать свидетелем столь страшной профанации.^[12] Их поведение так глубоко задело Петрония, что он с тех пор старался всеми доступными ему средствами предотвратить страшную катастрофу; и, благодаря обстоятельствам и заступничеству Агриппы, он преуспел в своей попытке. Калигула, однако, не смог простить ему неповиновения, и, как говорят, только смерть императора спасла Петрония от последствий его гнева.

Благодаря благосклонности Клавдия, который теперь восседал на императорском троне (и чье правление, несмотря на один акт суровости,^[13] было благоприятным для иудеев), Агриппа получил все владения своего деда, Ирода Великого, и владел ими в течение четырех лет, когда умер, н.э. 14^[14] Во время его правления и правления его преемника Тиберия Александра мир в Палестине оставался ненарушенным, за исключением вспышек одного или двух буйных поджигателей, которых в стране было великое множество. Их легко было подавить. Но во время прокураторства Вентидия Кумана вражда между народом и римскими солдатами, которая уже давно тлела, разгорелась в пламя. Во время одного из иудейских праздников один из солдат нанес грубое оскорбление происходящему обряду, что вызвало ярость иудеев не только против обидчика, но и против самого Кумануса. Последний, услышав яростные крики, с которыми его атаковали, направил все свои силы в Антонию и начал беспорядочную резню, в которой погибло 20 000 человек. За это возмущение и последующее поведение во враждебном столкновении между иудеями и самаритянами Куманус был предан суду в Риме и осужден на изгнание.

Его сменил распутник Феликс, чье правление было хуже, чем у любого из его предшественников. По сути, это была одна длинная сцена жестокости и вероломства. Он вступил в союз с разбойничьими шайками, кишущими в Иудее, и с их помощью убил в самом

храме первосвященника Ионафана, который обличал его пороки. После одиннадцати лет правления он был обвинен иудеями в Кесарии в варварском убийстве некоторых своих соотечественников. Его судили в Риме, но он избежал наказания благодаря заинтересованности своего брата Палласа. Однако он был энергичным правителем и усмирил печально известного египетского еврея, который с 30 000 последователей поднял грозное восстание (Деян. ххi. 38).

После его правления и правления его более гуманного и праведного преемника Порция Феста неизбывное зло, от которого страдала вся Иудея, продолжало расти в жестокости и интенсивности. Бандиты заволокли всю страну и почти безнаказанно совершали свои незаконные грабежи. Самозванцы и фанатики появлялись со всех сторон и увлекали за собой огромные толпы людей, которым они проповедовали восстание против римских правителей как религиозный долг. Беспорядки и кровопролитие, вооруженные столкновения с римской армией стали постоянным явлением, которое власть прокуратора не могла сдерживать. Зло усугубилось после того, как на освободившееся после смерти Феста место пришел продажный Альбин; но только когда его, в свою очередь, сменил печально известный Гессий Флор, недовольство несчастных иудеев вылилось в мятежную вспышку, которая привела к их гибели.

Вряд ли можно предположить, что целью Флора было подтолкнуть евреев к восстанию; однако курс, которого он упорно придерживался с самого начала своего правления, не мог привести к иному результату. Дело было не только в том, что он брал взятки со всех, кто искал его благосклонности или боялся его гнева. Он вступил в союз с грабителями и убийцами, разделяя их доходы и одобряя их преступления. Он требовал большие суммы как из государственной казны, так и из частных сундуков, под самыми ничтожными предлогами, а зачастую и вовсе без предлога. Он разжигал гневные чувства, и без того опасно возбужденные, всеми возможными оскорблениями и бесчинствами, на которые только была способна незаконная власть; и, наконец, возбуждая грабежами и резней разъяренных евреев к отказу подчиниться власти, которая, казалось, существовала только для их уничтожения, он призвал Цестия Галла, префекта Сирии, возглавить римские войска под его командованием, чтобы подавить мятеж.

Этот офицер, хотя и был человеком узких взглядов и посредственных способностей, являлся римским чиновником и, как таковой, не стал бы действовать на основании доказательств *ex parte*. Он послал трибуна по имени Неаполитан в Иерусалим, чтобы выяснить истинность обвинений Флора; Агриппа,^[15] который был осведомлен о случившемся и стремился предотвратить гибель, грозившую его стране, сопровождал его в иудейскую столицу. Полностью убежденные в истинности обвинений против Флора, они, тем не менее, не решались поддержать его обвинителей и пытались убедить народ подчиниться ему. Но они были слишком сильно разгневаны варварством Флора, а мятежные духи среди них слишком сильно возобладали, чтобы позволить этому совету возобладать; несмотря на то, что высшие слои граждан, которые все еще желали избежать войны, высказались в его пользу. Они с оскорблениями изгнали из города Неаполитана и Агриппу и открыто отказались от верности Риму^[16].

Вскоре после этого появился новый авантюрист, Менахем, сын Иуды Гаулонита, и был с радостью принят народом. Но вскоре он вызвал ревность Елеазара, лидера zelотов, который был свергнут и убит. Получив полную власть в городе, Елеазар принялся с бесстыдным вероломством убивать римский гарнизон, который сдался под страхом пощады. Почти одновременно с этим шокирующим деянием было совершено не менее ужасное в Кесарии, где греческие жители вырезали 20 000 евреев. В этой атмосфере предательства и

кровопролития весь народ, похоже, сошел с ума. Они решили, видимо, что раз рука каждого человека направлена против них, то и их рука должна быть направлена против каждого человека. Они взялись за оружие, разграбили несколько сирийских городов и опустошили всю страну вокруг них. Сирийцы отвечали им с не меньшим варварством, повсеместно убивая без пощады своих сограждан-иудеев. Ни владения Агриппы, ни Египет не избежали этой заразы. В первом из них вражда между Варом, наместником, которому Агриппа передал управление своим царством на время своего отсутствия в Антиохии, и Филиппом, генералом его армии, едва не привела к гражданской войне. В Антиохии очередная ссора между иудеями и греками по поводу права первых посещать общественные собрания привела сначала к беспорядкам, а затем к всеобщему восстанию иудейского населения. Правитель Тиберий Александр, который по происхождению был иудеем и несколько лет назад занимал должность прокуратора Иудеи, а затем командовал армией Тита при осаде Иерусалима, послал за главными людьми среди иудеев и призвал их использовать свое влияние, чтобы утихомирить беспорядки. Потерпев неудачу, он приказал вывести войска и предпринял нападение на квартал иудеев, в ходе которого было убито 50 000 человек. По всей Палестине, Сирии и Египту царили раздоры и кровопролитие. Все, кто сохранил рассудок, с тревогой ожидали наступления римской армии как единственной надежды положить конец неистовой анархии, которой теперь была охвачена вся земля.

ССЫЛКИ:

[8] Я считаю, что это ошибка - связывать имя Еврей с Гебером, или Эбером, правнуком Шема. Авраам был назван Евреем, или перешедшим, ὁ περάτης (Быт. xiv. 13, LXX.), потому что, повинаясь Божественному повелению, он "перешел" Евфрат, оставив свой дом и народ, чтобы поселиться в чужой земле. Гебер был родоначальником не только евреев, но и многих других народов. Представление о том, что они были названы в его честь, потому что во время Вавилонского рассеяния он сохранил и передал первобытный язык мира только одному из своих потомков, - чистая фантазия. Возможно, его называли и, скорее всего, называли "проходящим" или "несущим", потому что он был патриархом рассеяния. Но имя Авраам было дано ему по другой причине и совершенно независимо от имени Гебер.

[9] В доказательство этого можно привести тот факт, что за короткий промежуток времени в шестьдесят лет не менее четырех римских прокураторов были вызваны в императорский трибунал для ответа на жалобы, поданные на них иудеями; двое из них были наказаны пожизненным изгнанием.

[10] Иуда родился в Гамале, городе Гаулонитов. Он был храбрым, способным и красноречивым человеком. При поддержке Садока, влиятельного фарисея, он основал партию галлонитов, которые были предшественниками зилотов и ассасинов более поздних времен. Несмотря на то, что вокруг его штандарта собралось множество людей, он не был поддержан народом в целом, а власть Рима была слишком велика, чтобы он мог с ней бороться. Он был побежден и предан смерти. О нем говорится в Деяниях, ст. 37.

[11] Эти чувства были вызваны не только в Иудее. В Александрии предложение греков поставить статую императора в иудейском Просеухе вызвало беспорядки, в ходе которых было уничтожено много имущества и произошла ужасная резня. Римский наместник Флакк Аквиллий, в течение многих лет мудрый и способный правитель, но ставший безрассудным после воцарения Калигулы, к которому он не питал добрых чувств, не только не пытался подавить, но скорее поощрял эти беспорядки. Он был настолько неразумен, что открыто оскорбил друга императора, Агриппу. Он был арестован по приказу Калигулы и предан смерти с варварской жестокостью.

[12] По этому случаю из Александрии прибыл знаменитый Филон, чтобы выступить в защиту своих соотечественников.

[13] Изгнание евреев из Рима в 54 г. н.э. Деяния xviii. 2; Suet. Claud. 25.

[14] Во время его пребывания на посту самозванец по имени Феуда, выдававший себя за пророка, поднял грозное восстание. Но Фадус, человек действия, арестовал и казнил его. Он упоминается в Деяниях ст. 36.

[15] Это был Агриппа II, сын Агриппы I. Именно перед ним выступал святой Павел (Деян. xxvi.). Suet. (Vesp. 4).

[16] Согласно Суетонию, Флор был убит иудеями во время бурной вспышки. Считается, что Иосиф противоречит ему. Но его слова можно истолковать так, чтобы они согласовывались с Суетонием.

ГЛАВА II.

71-72 ГГ. Н.Э.

ОСАДА ИЕРУСАЛИМА ТИТОМ.

Война была объявлена открыто, и Цестий двинулся на Иерусалим с 10 000 римских солдат и еще большим числом союзников, чтобы подавить восстание и отомстить за убийство своих соотечественников. В результате римское оружие потерпело самое страшное поражение со времен поражения Вара. Не добившись успеха в предварительных стычках, Галлус напал на город и после пяти дней нерешительных боев на шестой пробился к стене с северной стороны Храма. Все попытки одолеть ее не увенчались успехом, и он приказал легионерам сцепить щиты вместе и образовать *testudo*, их обычный способ укрытия, под которым они подрывали укрепления, которые не могли преодолеть. Маневр удался. Стена была практически пробита насквозь, гарнизон находился на грани бегства, когда Галл внезапно, без всякой видимой причины, приказал отступить, [17] поспешно удалился сначала в свой лагерь, а затем в Антипатриду, потеряв при отступлении весь свой таранный обоз и 6 000 солдат.

Теперь иудеи уже не надеялись на прощение, и обе стороны приготовились к ожесточенной и смертельной схватке, которая стала неизбежной. Повстанцы набирали свою сравнительно небольшую численность, заручившись поддержкой жителей Идумеи (из них было набрано 20 000 человек), Перреи и Галилеи. С другой стороны, Рим вызвал на поле боя грозные силы, которыми командовал Т. Флавий Веспасиан, величайший солдат своего времени. Надеясь, видимо, что иудеи, узнав о силе посланного против них войска, покорятся без дальнейшего сопротивления, Веспасиан отложил нападение на Иерусалим более чем на два года, решив сначала сдать города Галилеи - Гадару, Йотапату, Гишалу и другие, которые, действительно, ни один благоразумный полководец не мог оставить непокоренными в своем тылу. Вся эта провинция, находившаяся под управлением знаменитого историка Иосифа, [18] оставалась в течение всего этого периода в состоянии внутреннего раздора, разжигаемого в значительной степени небезызвестным Иоанном из Гишалы, что давало мало надежд на успешное сопротивление Риму, когда начнется настоящая борьба. Однако некоторые из этих городов, в частности Гамала-Тарихея, и прежде всего Йотапата, где командовал лично Иосиф, оказали длительное и отчаянное сопротивление [19].

Когда дорога на Иерусалим была полностью открыта, гражданские распри, от которых империя была отвлечена, подошли к концу. Гальба, Отхо и Вителлий, один за другим, наследовали императорский скипетр, только чтобы вырвать его из своих рук; и, наконец, Веспасиан был возведен на трон Сезаров. Оставив своему сыну Титу задачу привести к повиновению непокорный город, Веспасиан отплыл в Италию, а римская армия, насчитывавшая 60 000 человек, [20] под командованием нового вождя двинулась в последний бой весной 70 г. н.э.

В то время Иерусалим был одним из самых сильных и живописных городов мира. Он стоит на скалистом плато на высоте около 2 600 футов над уровнем моря. Со всех сторон, кроме одной, он окружен горами, которые, однако, не поднимаются на большую высоту, чем сам город. Плато состоит из двух главных возвышенностей, Сиона и Акры, на первой из которых стоял Верхний город, или город Давида, а на второй - Нижний город. Третий - меньший и несколько более низкий холм, называемый Мориа, - в древности был отделен от горы Акра Тиропионом, или Долиной сыроваров, которая была засыпана Маккавеями, поднявшими Мориа на один уровень с соседним холмом. Именно на вершине Мории стоял Храм. В более поздние времена к городу был присоединен пригород, называемый Безетой, и весь он был обнесен стенами.

Их было три - одна внутри другой. Первая начиналась с северной стороны у башни Гиппика и заканчивалась у западной обители Храма. Вторая стена начиналась у ворот Генната, окружая только северный квартал города, и заканчивалась у башни Антония. Третья, предназначенная для защиты Безефа, была недостроена к моменту начала Иудейской войны, но затем была завершена в преддверии приближающейся осады. Эти стены были укреплены башнями из массивной кладки - некоторые камни были огромных размеров - и возвышались на большую высоту над уровнем стен. Башня Антония стояла на скале высотой в девяносто футов, а сама крепость была на семьдесят футов выше; в тех частях, которые не были защищены этими стенами, сама платформа скалы, опускавшаяся почти отвесно в ущелья внизу, создавала неприступную оборону. Во времена, когда порох был неизвестен, захватить его можно было только путем блокады или после самых страшных потерь человеческих жизней.

Тем временем в городе разгорелись междоусобицы, которые, казалось, скорее уничтожали друг друга, чем поддерживали успешную оборону от врага. После расправы над римскими войсками первосвященник Ананий, мудрый и добрый человек, приобрел определенную власть в городе и попытался противостоять влиянию зилотов. Возможно, ему удалось бы предотвратить войну. Но Елеазар, предводитель зелотов, и Иоанн из Гишалы, [21] вождь галилеян, составили против него заговор и ночью ввели в город идумеян в подавляющем количестве. Они убили Анана и его друзей, и Иерусалим с этого момента погрузился в безнадежную анархию.

Власть в городе принадлежала главам трех фракций - Елеазару, Иоанну и Симону, [22] но между ними не было не только согласия, но и самой ожесточенной и упорной вражды. Зилотов было около 2500, галилеян - 6000, а ассасинов (так называли последователей Симона) - 10 000 иудеев и 5000 идумеев. Мало кто из них, сравнительно, проходил военную подготовку. Но их отчаянная и фанатичная храбрость, подстегиваемая полным пренебрежением ко всем законам, человеческим и божественным, сделала их самыми грозными врагами, с которыми когда-либо сталкивался сам Рим. Не только между тремя лидерами, но и между их последователями существовала жесточайшая ненависть, которую

они удовлетворяли постоянными ссорами и убийствами; если бы это было в их власти, они бы с радостью истребили друг друга. Однако на поле боя они объединились против общего врага с самым полным единодушием.

Большая часть жителей ожидала приближения римлян с тревогой и беспокойством. Город был переполнен людьми, которые пришли из страны, чтобы отпраздновать Пасху. Цифры Иосифа, несомненно, преувеличены.^[23] Но, с другой стороны, среди современных писателей наблюдается тенденция ошибаться в противоположную сторону. Можно с уверенностью утверждать, что общее число жителей, когда появились римские штандарты, не могло быть меньше миллиона, а возможно, и превышало это количество. Многое, независимо от ужаса перед именем римлян, пробуждало их опасения. На небе и на земле были знамения приближающейся катастрофы. Говорят, что огненный меч висел над Иерусалимом днем и ночью в течение многих месяцев. Однажды все небо было заполнено огненными колесницами и конями, которые, казалось, окружали Иерусалим. Передавали, что в полночь большие ворота храма сами собой открылись, и послышался голос, воскликнувший: "Пойдем отсюда". Простой пастух Иисус, сын Ханани, внезапно был охвачен духом пророчества и в течение нескольких лет ходил по городу, восклицая: "Горе, горе, Иерусалиму! Его привели к римскому правителю и бичевали до тех пор, пока не обнажились его кости. Но он не прекращал своего скорбного песнопения, пока однажды во время осады его не поразили камнем из катапульты, и он был убит.

Но ничто не смогло сломить решительный дух гарнизона. В самом начале осады Тит получил убедительное доказательство характера врагов, с которыми ему пришлось иметь дело. Он подъехал к городу с целью его осмотра в сопровождении 600 всадников, не мечтая о том, что они посмеют напасть на него, и скорее ожидая, что его присутствие вселит в них ужас и побудит капитулировать. Но как только он приблизился к стенам, иудеи бросились врассыпную, окружили его отряд и отрезали его от поддержки; только благодаря самым отчаянным усилиям он избежал гибели. На следующий день они дважды нападали на десятый легион, занятый укреплением лагеря, и приводили его в смятение; только оперативность Тита предотвратила великую катастрофу. Вскоре после этого они сумели заманить под стены отряд римских солдат, под видом предложения сдаться, и почти полностью перебили его. Сразу стало ясно, что для того, чтобы победить или хотя бы сдержать этих людей, потребуется максимальная бдительность и оперативность.

В соответствии с этим были созданы два укрепленных лагеря, слишком сильные, чтобы их могли атаковать даже отчаянные люди; затем началась собственно осада. После тщательной разведки Тит решил штурмовать тройную стену на северной стороне города, которую, в конце концов, было не так сложно преодолеть, как могучие валы, возведенные природой при помощи искусства, которые представляли собой другие части оборонительных сооружений. Поэтому он построил три большие стены, срубив для этой цели всю древесину, которую можно было найти вблизи города. На них он установил свои военные машины, которые метали огромные камни и дротики в защитников стены, а затем пускали в ход тараны, чтобы сбить ее. Также были возведены башни, обшитые железом, чтобы быть защищенными от огня, и перекрывающие оборонительные сооружения, что лишило защитников возможности удерживать валы. После отчаянной попытки поджечь укрепления осаждающих, евреи были вынуждены оставить внешнюю стену и отступить ко второй.

Она была захвачена и разрушена в гораздо более короткие сроки, чем те, что были потрачены на восстановление первой. Но успех не был достигнут без многочисленных

поражений и тяжелых потерь, а оборона, которую еще предстояло преодолеть, казалась настолько грозной, поскольку гарнизоны состояли из людей, которых ничто не могло утратить или утомить, что Тит решил продемонстрировать на их глазах всю свою военную мощь в надежде, что, показав невозможность окончательного сопротивления, он сможет побудить их к сдаче. Он заставил все свое войско пройти перед ним в виду города, все в полном обмундировании и соблюдая строжайшую военную дисциплину - великолепное, но ужасное зрелище для людей, которые знали, что они не могут оказать действенного сопротивления. Но и Симон, и Иоанн, и их яростные последователи знали, что нанесли слишком глубокое оскорбление, чтобы их можно было простить; они сурово и мрачно смотрели на происходящее, но не подавали никаких знаков; не ответили они и Иосифу, когда вскоре после этого он предложил свое заступничество. Тит увидел, что все попытки примирения тщетны, и началась последняя сцена страшной трагедии.

Свирепость иудейских солдат была столь непобедимой[24], что можно сомневаться, что даже суровая дисциплина, высокий воинский дух и подавляющая численность римлян не заставили бы их в конце концов уступить, если бы не то, что Рим теперь приобрел двух новых союзников, более страшных, чем все, кого они еще выводили на поле боя. Иерусалим, всегда многолюдный город, теперь был до предела переполнен чужеземцами, пришедшими на иудейскую Пасху и не имевшими возможности уйти. Запасы продовольствия вскоре стали подводить, и наступивший голод с каждым часом становился все острее. Солдатам приходилось обеспечивать свои потребности, обходя дома и вырывая еду из рта голодающих сограждан. Многих из них голод заставлял по ночам выходить из города, чтобы собирать травы и корни, которые могли бы дать временное облегчение. Тит, надеясь утратить осажденных проявлением суровости, которая в конце концов спасла бы больше жизней, чем он принес в жертву, приказал распять этих несчастных на глазах у их соотечественников; и город, в котором Господь жизни претерпел такую же смерть, был окружен множеством крестов, на которых агонизирующие страдальцы медленно отдавали свои жизни в мучениях. Других, моливших о защите римлян, варварские солдаты безжалостно разрывали на части, полагая, что беглецы проглотили золото, которое они найдут в их внутренностях. Судьба этих людей, как бы ужасна она ни была, была менее страшной, чем судьба тех несчастных, которые остались умирать от голода. Сцены, почти слишком шокирующие, чтобы в них поверить, были записаны на основании авторитетов, которые невозможно оспорить. Мужья видели, как на их глазах погибают жены, и не могли их спасти; родители вырывали еду из рта своих голодающих детей; голодные несчастные ползли к стенам и умоляли солдат убить их, а не получив этой последней милости, сотнями ложились на улицах и умирали. И последний ужас, который, однако, был слишком очевиден, свершился: матери убили и съели своих собственных кормящих детей! Количество непогребенных мертвецов вскоре породило мор и усугубило ужасы того времени. Была предпринята попытка похоронить трупы за государственный счет, но их количество стало невозможным, и они тысячами выбрасывались на стены на глазах у охваченных ужасом римлян.

Во время всех этих страшных сцен осада внутренней стены продолжалась. Неистовые последователи Симона и Иоанна продолжали с неослабевающим ожесточением сражаться со своими врагами снаружи и со своими соотечественниками внутри стены, не обращая внимания ни на страдания своих сограждан, ни на приближение мечей мщения осаждающих. Именно в это время произошло судебное убийство первосвященника Матфея. Это был неприметный старик, который ввел в город Симона, надеясь, что тот сдержит

насилие Иоанна. Теперь Симон обвинил его в предательской переписке с врагом.^[25] Он был предан смерти вместе со своими сыновьями и несколькими членами синедриона.

Тит построил новые стены, на которых можно было установить свои двигатели; но они были подорваны или уничтожены огнем, и он был вынужден окружить весь город обширной окружностью, а затем возвести новые платформы и башни, с которых можно было бы атаковать внутреннюю стену с Антонием и храмом. После нескольких отражений и тяжелых боев это было сделано. Высоты были подняты, Антония сравнялась с землей, а сам Храм был открыт для атаки. Пораженный ужасом перед осквернением места, посвященного служению Богу, которое должно было произойти, если бы вражда продолжалась, Тит предложил иудеям выйти навстречу ему на любом другом поле боя, обещая в этом случае сохранить Храм в неприкосновенности от посягательств врага. Он заявил, что ежедневные службы уже прекратились, а святая земля осквернена человеческой кровью. Он не желал участвовать в подобных нечестивых деяниях и, если бы мог, предотвратил бы их. Его предложения были с презрением отвергнуты. Иудеи сами подожгли западный монастырь и таким образом оголили пространство между остатками Антония и храмом.

Теперь был отдан приказ о новом штурме, и в течение восьми часов шла ожесточенная и кровопролитная борьба, не принесшая существенной выгоды ни одной из сторон. Это было 10 августа - годовщина разрушения Храма Соломона, всегда вызывавшая страх у евреев. Похоже, обе стороны предполагали, что этот день окажется роковым для второго Храма, как и для первого. Но это предположение оказалось ошибочным. Римляне уже удалились, и ночная стража была выставлена, как вдруг раздался крик, что Храм горит. Некоторые иудеи снова спровоцировали стычку. Римляне не только оттеснили их, но и прорвались во внутренний двор, и один из них бросил в святилище огненный меч, который тут же загорелся. Это противоречило прямому приказу Тита, и он в сопровождении своих офицеров немедленно поспешил вниз, чтобы погасить пламя. Дворы были полны вооруженных людей, участвующих в отчаянной схватке, и его команды не были услышаны или не услышаны. Пожирающий огонь охватил величественные колонны и проник под кедровые крыши. Прежде чем сопротивление немногих выживших прекратилось, Храм превратился в огромную пагоду ревущего пламени; а когда наступило утро, Святой Дом и избранный народ навсегда исчезли.

ССЫЛКИ:

^[17] Благодаря этому христиане в Иерусалиме смогли отступить в Пеллу, где они остались невредимыми во время последовавших ужасных страданий, исполнив тем самым обещание Господа, Св. Луки ххi. 20, 21.

^[18] Флавий Иосиф родился в 37 г. н. э. в Иерусалиме и по материнской линии был связан с семьей Асмонеев. Он получил свободное образование, а в возрасте 20 лет присоединился к секте фарисеев. Когда началась война с Римом, его назначили губернатором Галилеи, и он почти семь недель защищал Иотапату от Веспасиана. Когда город был взят, он попал в руки врага, который принял его благосклонно. Теперь он перешел на сторону римлян и присутствовал в лагере Тита во время осады Иерусалима. Он сопровождал завоевателей в Рим, где написал свои исторические труды. Он умер в конце I века. Его соотечественники обычно считали его предателем.

^[19] Падение Иотапаты - один из тех случаев, которые часто повторяются в истории евреев и ярко иллюстрируют их национальный характер. После отчаянной обороны, когда город был взят штурмом, остатки гарнизона укрылись в пещере; здесь, отвергнув предложения римлян,

они, по взаимному согласию, перебили друг друга, пока в живых не остались только Иосиф и один из его людей. Тогда эти двое сдались на милость Веспасиана.

[20] У Тита было четыре римских легиона и большое количество греческих и сирийских вспомогательных войск. Против цифры в 60 000 человек возражают, считая ее преувеличением, но, скорее всего, она скорее занижена, чем завышена.

[Иоанн, сын Левия, уроженец Гишалы, начал свою карьеру как разбойник и собрал отряд, как говорят, из 4 000 человек. В хитрости, смелости и беспощадной жестокости его никто не превзошел. Он защищал Гишалу, из которой бежал, когда ее захват был неизбежен. Он отправился в Иерусалим, где добился большого превосходства, и вместе с Елеазаром и Симоном защищал его до последнего. При его взятии он сдался римлянам и был приговорен к пожизненному заключению.

[22] Симон, сын Гиораса, был человеком столь же свирепым и беззаконным, хотя вряд ли таким же хитрым, как его соперник Иоанн. Он был родом из Герасы и впервые вошел в историю, когда напал на войска Цестия Галла при отступлении из Иерусалима. Изгнанный Ананом из Иудеи, он вместе со своими бандитами овладел Масадой и опустошил ее окрестности. Идумеи восстали против него и после нескольких сражений изгнали его из страны. Вскоре после этого они захватили его жену, которую увезли в Иерусалим. Симон отправился туда со своими последователями и, устранив горожан своими варварскими действиями, заставил их отдать ее ему. Весной следующего года, 69 года н. э., иерусалимская партия во главе с Матфием пригласила Симона войти в город. Затем началась междоусобная борьба между тремя фракциями, которая продолжалась до тех пор, пока римляне не окружили город, и даже до конца осады. Когда город был взят римлянами, он сдался в плен, был доставлен в Рим, участвовал в триумфальном шествии Веспасиана и Тита, а затем был предан смерти.

[23] См. Приложение I.

[24] Примерно в это время произошел необычный случай отчаянной храбрости, с которой сражались иудеи. Антиох, царь Коммагены, прибыл в лагерь Тита с отрядом юношей, вооруженных по македонскому образцу. Он выразил свое удивление тем, что Тит не взял город эскаладой. Тит предложил, чтобы он сам предпринял попытку со своими воинами. Он так и сделал, но, хотя его люди сражались с величайшей доблестью, все они были убиты или тяжело ранены.

[25] Возможно, у этого подозрения были некоторые основания. Значительному числу первосвященников (в том числе одному из сыновей того самого Матфея) удалось спастись, и они были любезно приняты Титом.

ГЛАВА III.

72-131 ГГ. Н.Э.

ИУДЕИ ПРИ ИМПЕРАТОРАХ ТРАЯНЕ И АДРИАНЕ.

Разрушение Храма, хотя и стало предсмертным звоном для иудейского народа, не сразу положило конец осаде. Верхний город, в который отступили Симон и Иоанн, все еще держался, и, судя по всему, был сильнее и труднее для штурма, чем уже захваченный. Но дух иудейских вождей, каким бы яростным он ни был, был сломлен неудачей их заветной

надежды - прямого вмешательства Небес в защиту Храма. Они потребовали переговоров, которые были им предоставлены, и Тит пощадил бы их жизни при условии абсолютной капитуляции. Но они потребовали условий, которые он отказался выполнить, и военные действия возобновились. После непрерывных трудов, занявших почти три недели, Тит поднял свои укрепления на достаточную высоту, чтобы можно было атаковать стены, которыми был защищен Верхний город, и был предпринят штурм. Он почти сразу же увенчался успехом. Решительное упрямство защитников скатилось в угрюмое отчаяние. Они сдались со всех сторон; их лидеры укрылись в подвалах под городом, а вскоре сдались на милость Тита; и весь город оказался в руках осаждающих.

Но и это не положило конец войне. Три сильные крепости, Иродион, Махер и Масада, гарнизонированные людьми столь же яростными и решительными, как и защитники самого Иерусалима, все еще оставались непокоренными. Первая из них, правда, сдалась, как только ее позвали, а вторую после нескольких ожесточенных столкновений с римлянами удалось склонить к тому же. Но третий, Масада, любимая крепость Ирода Великого, оказал долгое и отчаянное сопротивление. Она стояла на возвышенной скале, на юго-западной границе Мертвого моря, и добраться до нее можно было только по двум узким тропам с востока и запада, петляющим по высоким обрывам, где малейшее соскальзывание ноги означало неминуемую гибель. Когда эти тропы длиной в три или четыре мили были преодолены, показалась крепость Масада, стоявшая в центре широкого плато и окруженная стеной высотой в двадцать два фута, которую защищали массивные башни. Она была сильно гарнизонирована и снабжена провизией, достаточной для осады практически любой продолжительности. Сильва, как называли посланного против него римского полководца, блокировал это место, а затем возвел курган огромной высоты, на вершине которого установил свои тараны. Был проделан пролом, которому осажденные противопоставили внутреннюю деревянную стену. Но римляне подожгли ее и превратили в пепел; тогда осажденные, обнаружив, что дальнейшее сопротивление невозможно, и решив не сдаваться, приняли отчаянное решение погибнуть от собственного поступка. Сначала они убили своих жен и детей. Затем, назначив десять палачей для этой работы, все они предали мечу свою грудь: десять человек пали, каждый от руки своего соседа, и наконец оставшийся в живых вогнал оружие в собственное сердце! Эта ужасная катастрофа является достойным завершением длинного каталога ужасов, о которых повествуют иудейские войны.

Теперь, когда Иудея была полностью покорена, Титу оставалось определить, как следует поступить с побежденными. Вряд ли можно было требовать еще большей жестокости, даже если бы она была возможна. Число погибших очень различно. Приведенные Иосифом цифры, безусловно, можно считать преувеличенными, а оценки некоторых более поздних авторов явно не соответствуют действительности.^[26] Достаточно сказать, что вся Галилея и Иудея превратились в одно огромное руины: поля и виноградники были уничтожены, леса вырублены, города лежали в груде развалин, земля превратилась в кладбище. Сами солдаты изнемогали от работы по уничтожению людей. Но даже из жалкого остатка жителей Иерусалима были преданы смерти те, кто был стар и немощен, и поэтому не мог получить цену на аукционе. Из тех, кто остался, самых высоких и красивых оставили, чтобы они украсили триумф завоевателя в Риме. Остальных отправляли на работу в египетские шахты или партиями отправляли в дальние провинции, чтобы они работали рабами или выставлялись в амфитеатрах в качестве гладиаторов или бойцов с дикими зверями. Большая часть пленников, как говорят, умерла от голода.

Что касается вождей, то жизнь Иоанна была пощажена, хотя из всех людей, принимавших участие в обороне Иерусалима, он меньше всего заслуживал пощады. Симона отнесли в

Рим, и он шел в триумфальном шествии, которое Веспасиан и Тит возглавили на Капитолии. Говорят, что по великолепию она превосходила все предыдущие торжества. Среди выставленных трофеев были золотой стол, серебряные трубы, семиведерный подсвечник и книга Закона; эти единственные сохранившиеся памятники славы Последнего Дома до сих пор изваяны на антаблементе арки Тита, чтобы донести до потомков эту страшную историю преступлений и страданий.

С падением Иерусалима и разрушением Храма, как уже отмечалось, национальное существование евреев прекратилось. Отныне, хотя их можно было встретить в большом количестве почти во всех странах мира, они были пришельцами и скитальцами среди других народов, не являясь больше народом. Не следует, однако, полагать, хотя это и распространенная ошибка, что их рассеяние началось после завоевания Иудеи Титом. Они распространились по дальним странам задолго до этого времени и образовали большие и могущественные общины. Лишь часть иудеев вернулась из Вавилона после плена. Значительная часть осталась, занимая дома, которые они сами себе построили, и наслаждаясь процветанием и миром. В Египте и Кирииине они были почти так же многочисленны; в Риме и других великих городах Италии они составляли немалую часть жителей. Насколько широко они были рассеяны, можно понять из каталога, приведенного святым Лукой в его повествовании о событиях дня Пятидесятницы.

Настоящая перемена, которая теперь произошла, заключалась в разрушении их великого центра жизни и единства. Это было похоже на отключение главного фонтана в системе искусственного орошения. Воды еще оставались в сотне резервуаров, но самой системы больше не существовало. В случае с любой другой нацией в мире результатом этого в течение нескольких поколений стало бы исчезновение всех особенных и отличительных черт народа. Они слились бы с нациями, среди которых жили, и стали бы их частью, как это произошло с датчанами и саксонцами среди нас. Но хотя они уже две тысячи лет живут среди чужих народов, они всегда жили и живут отдельно от них. Они подчиняются законам и соблюдают обычаи той страны, в которой живут; они говорят на ее языке и соблюдают ее религиозные обряды. Но они придерживаются еврейских законов и обычаев, насколько это возможно для них. Иврит по-прежнему остается их национальным языком, а древнее поклонение Израиля - единственным, которое они будут исполнять. Подобно потоку Роны в Шалоне, который смешивается с потоком Саоны, но при этом сохраняет особенность своего цвета, они - жители среди многих народов, но в конце концов евреи, и только евреи.

Именно эта отличительная черта позволила им по прошествии многих лет восстановить ту организацию, которая, казалось бы, была разрушена тяжелым ударом, нанесенным им. Синедрион, который они всегда признавали главным органом власти в Палестине, спасся, как утверждалось, от общего крушения и в настоящее время восстановлен в Иамнии. Насколько это соответствовало действительности - спорный вопрос истории. Но несомненно, что в этом городе выросла богословская школа, пользовавшаяся широким и всеобщим уважением, а ее президенты оказывали значительное влияние на своих соотечественников. Восточные евреи находились под властью вождя, известного как "князь плена", в то время как те, что лежали западнее, признавали аналогичного правителя, который носил титул "патриарха Запада". Синагоги, которые в последующих поколениях были созданы в каждом еврейском городе, хотя и не могли заполнить пустоту, возникшую после разрушения Храма, тем не менее, являлись своего рода центром религиозного

единства. Таким образом, не прошло и двух поколений, как иудеи с удивительной жизненной силой, которая всегда отличала их, в значительной степени восстановили свою численность, свое богатство и свой непобедимый дух.

Во время правления Тита, Домициана и Нервы о них почти ничего не слышно. Говорят, что Веспасиан приказал разыскать родственников Иисуса, Сына Давидова, которых он намеревался предать смерти, как возможных претендентов на корону Иудеи; а Гегезипп утверждает, что два внука святого Иуды были приведены к Домициану по той же причине. Но мы узнаем, что они были сразу же отстранены как недостойные внимания. В течение всего царствования Нервы на них не возлагалось никакого бремени, кроме дидрахмы, наложенной Веспасианом. Но во время парфянских войн Траяна, которые потребовали отсутствия римских войск в гарнизонных городах Африки, евреи в Египте и Кириее подняли восстание, и началось страшное кровопролитие. Началось оно с резни всего еврейского населения Александрии греками, которые взяли в руки оружие, чтобы противостоять им. Обезумев от известия об этом бедствии, киренские евреи, как говорят, совершали неслыханные зверства: распиливали на части тела пленников, заставляли их сражаться в амфитеатрах и даже, как утверждают, пировали их плотью. Считается, что они уничтожили более 200 000, а некоторые утверждают, что 600 000 человек. Едва восстание достигло своего апогея, как за ним последовали два других: одно на Кипре, а другое в Месопотамии. Через некоторое время они были подавлены с ужасающей резней римлянами и, в частности, Луцием Квитом, одним из самых умелых генералов того времени. Гнев Траяна, по-видимому, сильно разгорелся из-за этой вспышки, для которой, как он считал, его мягкое и справедливое правительство не дало адекватного повода. Он потребовал полного изгнания иудеев из Месопотамии; вероятно, только его смерть в следующем году помешала осуществлению его цели.

Однако при его преемнике, Адриане, положение евреев было немногим лучше. Этот император был свидетелем зверств, совершенных евреями во время восстания на Кипре, и, вероятно, у него были причины предвидеть аналогичную демонстрацию в Палестине. Прошло не более пятидесяти лет с тех пор, как эта земля превратилась в пустыню. ²⁷ Но так неудержима была сила еврейской расы, что поля были рекультивированы, леса засажены, большинство городов отстроены и заселены многочисленным и процветающим населением. Было очевидно, что если Иерусалим восстанет из руин, а новый храм увенчает гору Мориа, то неизбежно последует повторение войны, стоившей Риму столько крови и сокровищ. Доподлинно неизвестно, в каком состоянии находился Иерусалим в это время. Когда город полностью перешел в руки Тита, он приказал разрушить его целиком, за исключением трех величественных башен Гиппика, Фазаила и Псефина, а также части западной стены, которая была оставлена в качестве укрытия для римского лагеря, где разместились около восьмисот легионеров в качестве гарнизона для поддержания порядка в соседней стране. Как долго они там оставались, точно неизвестно. Но, похоже, никто не препятствовал тем, кто решил вернуться на опустевшее место и возвести новые дома из развалин, разбросанных вокруг. Какое количество людей могло к этому времени собраться на месте Святого города, мы не знаем. Но Адриан решил положить конец фантазиям, которые, не исключено, действительно бытовали среди иудеев, основав на этом месте римскую колонию и построив на горе Мориа храм Юпитера^[28].

Вероятно, император не понимал - да и никто из язычников не мог понять - того ужаса и отчаяния, которые вызвала публикация этого замысла среди несчастных иудеев. В их глазах это было самым страшным нечестием, самой ужасной профанацией. Их единственная надежда заключалась в приходе давно обещанного Мессии, Который теперь уже наверняка, если вообще когда-либо, мог появиться на земле и искупить Свой народ из той глубины

деградации и несчастья, в которую он погрузился. В разгар этих чередований уныния и успокоения до них вдруг дошел слух, что долгожданный избавитель наконец-то явился и уже в пути, во главе вооруженных сил, чтобы овладеть руинами Иерусалима и предотвратить совершение задуманного нечестия. Его имя, как им сказали, было Вархохебас, "сын", то есть "звезды" - звезды, предсказанной Валаамом, "которая должна была выйти из Иакова, поразить углы Моава и уничтожить всех сынов Сифа".

Вполне вероятно, что к этому времени вера еврейского народа в появление обещанного Мессии сильно пошатнулась. Появилось столько самозванцев, заманивших тысячи людей на гибель, что даже глубоко укоренившаяся вера в его скорое пришествие была недостаточна, чтобы заставить их признать притязания любого нового претендента без тщательного расследования. Но в данном случае имелись два соображения, каждое из которых само по себе было достаточным, чтобы устранить все сомнения и колебания. Первое - это, как уже говорилось, грубое оскорбление, нанесенное Всемогущему Богу, которое, по мнению иудеев, должно было повлечь за собой немедленный суд над его авторами. Другим фактом было то, что Вархохебас был принят как истинный Мессия Акивой, величайшим из их раввинов и главой школы в Вифоре. Следует кое-что сказать об этих двух людях, сыгравших столь заметную роль в этом кризисе еврейской истории.

Примечание к главе III о числе убитых в иудейских войнах.

Число убитых в иудейских войнах, о которых сообщает Иосиф, выглядит следующим образом.

В Кесарии	20,000	На горе Геризим	11,600
" Скифополис	13,000	" Йотапата	40,000
" Александрия	50,000	" Гамала	15,000
" Дамаск	10,000	" Гадара	15,000
" Аскалон (3 резни)	20,000	" Иерусалим	1,100,000
"Джоппа	15,000		

В других местах цифры были меньше, в общей сложности они составляли до 100 000 человек, а общая сумма убитых была меньше полутора миллионов. Но, как указывается в другом месте (Приложение I.), к заявлениям Иосифа следует относиться с осторожностью. Большое население Палестины в царствование Адриана нелегко с ним примирить. Мнение Лайтфута кажется более вероятным. Несмотря на огромную резню, он говорит: "Tantum abfuit gens a totali et consummatâ deletionе, ut undique adhuc restaret innumera multitudo, quæ se pacate Romano nutui dedidisset, et pace sedibus suis quiete frueretur. Ita ut Templum et Metropolim quidem desiderares, verum terram habitatoribus repletam, compositum Synedrii, Synagogarum, Populi statum illico cernerес."-Lightfoot, vol. xi. 468.

ССЫЛКИ:

[26] Согласно рассказу Иосифа, 600 000 человек погибли от голода во время осады, а общее число погибших во время кампании составило не более полутора миллионов. Но то, что он преувеличивает, не вызывает сомнений. См. Приложение I.

[27] См. примечание в конце главы.

[28] Говорят, что в это же время он издал указ, запрещающий евреям обрезать своих детей.

ГЛАВА IV.

131-135 ГГ. Н.Э.

ВОССТАНИЕ БАРХОХЕБОВ.

Рабби Акива был прозелитом ханаанейского происхождения, пастухом у богатого человека по имени Калба-Сабуа. Дочь его хозяина влюбилась в него, и они поженились, хотя и без ведома отца. Узнав об этом, он изгнал их из своего дома, и Акиба в возрасте сорока лет начал изучать закон. Он приобрел в нем большую известность, став одним из главных авторитетов той раввинской школы толкования, которая отстаивает абсолютную целостность принятого текста и учит, что каждое слово, даже каждая буква в нем имеет свое особое и мистическое значение. После двенадцати лет обучения, когда он достиг значительной известности, он нанес визит Калба-Сабуа, за которым следовали 12 000 учеников, внимавших его учению. Старик продолжал оставаться непреклонным, и Акиба вернулся к своим занятиям еще на двенадцать лет, когда он снова появился в доме своего тестя, на этот раз в сопровождении 24 000 учеников. Это свидетельство почета, в котором находился его зять, преодолело негодование Калбы-Сабуа, и он одарил его значительной частью своих богатств. Во время восстания Адриана Акиве было около 120 лет[29]. Он недавно путешествовал по Северной Африке и Месопотамии, где наблюдал за рвением своих соотечественников к Надежде Израиля; и он был полон решимости не отставать от них в мужестве и преданности.

Его чувства должны были быть очень горячими, чтобы он мог принять Вархохебаса, как он себя называл, за истинного Мессию, который должен был прийти. Кто был Вархохебас на самом деле, всегда было проблемой для историков. Некоторые утверждают, что он был капитаном разбойников, печально известным своими грабежами и убийствами. Но это, не исключено, может быть клеветой. Возможно, он был предводителем одной из банд диких воинов, которые в те незаконные времена вели хищнический образ жизни, как и современные бедуины, но вряд ли их можно считать простыми разбойниками. Хотя он, несомненно, был самозванцем и сознавал свое самозванство,[30] тем не менее он был человеком мужественным и способным, который при более благоприятных обстоятельствах мог бы добиться успеха в установлении независимости своей страны.

Первым его шагом, как мы видели, был поход с теми силами, которые он смог собрать, в Иерусалим; там он остановил святотатственные работы, которые уже были начаты по приказу Адриана. Затем он направился в сильный город Битор, или Ветор, который находился на небольшом расстоянии от Иерусалима. Здесь Акива публично признал его Мессией, и множество евреев, причем не только из Иудеи, но и из других соседних стран, стекались под его знамена. Говорят, что под его командованием в одно время собралось до 200 000 человек; сила, с которой римские войска в Иудее были совершенно не в состоянии справиться. Вся страна оказалась под его властью, и на службе у него проявляли величайшее рвение и преданность. Единственными людьми во всей Палестине, которые держались в стороне, были христиане; они, зная, что Иисус Христос - истинный Избавитель еврейского народа, не могли признать таковым никого другого. Говорят, что Вархохебас карал их отступничество, как он считал, с самой дикой жестокостью, считая их мятежниками и предателями, более преступными, чем сами римляне.

Адриан, которого долгое время не могли убедить в том, что иудеи, после страшного урока, полученного их отцами о последствиях восстания против Рима, снова спровоцируют

смертельную ссору, отнесся к этой вспышке как к делу небольшой важности. Но дошедшие до него сведения о том, что у иудеев имеются большие военные запасы, которые они уже давно тайно собирают; что их соотечественники из Египта и с Востока толпятся под их знамена; и даже что к ним присоединяются толпы чуждых их вере и народу людей в надежде получить грабеж, побудили его, наконец, к решительным действиям. Он послал подкрепление войск Тицинию, или Тиннию, которого некоторые называли Турном Руфом,^[31] командовавшему в Иудее, и вызвал из Британии Юлия Севера, самого умелого офицера своего времени, чтобы подавить то, что - теперь это было невозможно скрыть - превратилось в опасное восстание.

По прибытии Северус обнаружил, что положение дел настолько неблагоприятно для римского оружия, что он не рискнул встретиться с Вархохебасом в поле. Последний владел пятьюдесятью укрепленными пунктами и почти тысячей деревень и городов. Руф только и делал, что применял жесточайшую расправу над всеми, даже над женщинами и детьми, которые попадали в его власть; таким образом, не уменьшая силы врагов, он в десять раз усиливал их отчаяние. Если бы он продолжал командовать, далеко не исключено, что иго Рима на какое-то время было бы сброшено. Но Северус научился военному искусству во время своих походов в Британию, и последствия смены командующего вскоре стали очевидны. Избегая, как уже говорилось, решительных столкновений, он изводил иудеев бесконечной чередой мелких конфликтов, почти во всех из которых они терпели поражение, загоняя их в свои крепости, которые затем осаждал и захватывал,^[32] пока почти все восставшие не были приведены к покорности.^[33] К концу третьего года войны мятежники были загнаны в сильный город Витор, или Бетор, положение которого точно не известно, но обычно считается, что он находился где-то по соседству с Вифороном. Здесь Вархохебас и Акива выдержали, как нам говорят, долгую и страшную осаду, "мятежники были доведены, - говорит Евсевий, - до последней крайности голодом". Но нет ни одного историка этой войны, который бы записал ее подробности с такой же подробностью и точностью, как Иосиф. Раввины, правда, сообщают много подробностей, но полагаться на их утверждения невозможно. Так, они рассказывают, что когда перспективы осажденных стали мрачными и угрожающими, один из самых ревностных из них, рабби Элиэзер, сын Хамадая, следуя примеру Моисея в Рефидиме, оставался на коленях в молитве все время, пока шли бои; и результатом его молитв стало то, что евреи сражались с большим успехом, повсюду оттесняя осаждающих. Чтобы предотвратить катастрофу, которая, казалось, могла привести к поражению римского оружия, коварный самаритянин сделал вид, что его обнаружили в передаче изменнических сообщений между раввином и римлянами. Вархохебас, не спрашивая, приказал убить раввина, и с этого момента, как говорят, мужество осажденных угасло. В конце концов Витор был взят штурмом. Вархохебас, по одним данным, был убит в бою, по другим - предан жестоким пыткам завоевателями. Последовавшее за этим побоище описывается как превосходящее все известные случаи. Потоки крови были настолько велики, что несли тяжелые камни по всему пути от города к морю, а земля на восемнадцать миль вокруг, как говорят, была покрыта трупами! Эти полеты раввинского воображения можно отбросить как бесполезные; но более трезвый историк Дион Кассий сообщает, что от меча погибло более полумиллиона человек, не считая огромного числа умерших от болезней и голода. Иудея снова превратилась в бесплодную пустошь. Города превратились в груды развалин, а на улицах поселились дикие звери. Жителей, спасшихся от меча, продавали в рабство и увозили в чужие земли.

Нельзя обойти вниманием и судьбу сурового старого рабби Акивы. Руфус, который, судя по всему, командовал при взятии города, обошелся с ним крайне варварски. Во время допроса перед римским трибуналом наступил час молитвы, и Акиба, совершенно не обращая

внимания на присутствие судьи и собственную смертельную опасность, упал на колени и спокойно предался своим обычным молитвам. В темнице ему дали лишь скудный глоток воды, но, хотя его мучила жажда, он использовал воду для обычных ритуальных омовений. Он был приговорен к смерти и казнен с самой варварской жестокостью: одни писатели утверждают, что его заживо истязали, а затем заклали, другие - что его разорвали на части железными гребнями[34].

Адриан осуществил свой замысел, начало которого послужило непосредственной причиной войны, и построил языческий город на месте древнего Иерусалима. Он назвал его Капитолиной (Ælia Capitolina) - Ælia в честь его собственного имени Ælius, а Capitolina - потому что он был посвящен Капитолийскому Юпитеру. Он был построен в стиле, распространенном среди римлян того времени, и обнесен стеной, которая включала в себя гору Голгофу и Гроб Господень, но не захватывала гору Сион. При осуществлении своего плана он старался как можно сильнее опозорить те места, которые иудеи, а также христиане почитали с благоговением. Храм Юпитера Капитолина был воздвигнут на месте самого храма; над воротами, выходящими в Вифлеем, город Давида, была установлена мраморная фигура свиньи; на горе Голгофа была поставлена статуя Венеры, самого мерзкого из языческих божеств; а в гроте Вифлеема, где родился Спаситель, было установлено поклонение Адонису. Почему Адриан так старательно осквернял эти последние места, которые, хотя и обладали особой святостью в глазах христиан, практически не имели ее в глазах иудеев, не ясно. Можно лишь предположить, что путаница между иудеями и христианами, которые на протяжении многих поколений считались всего лишь раскольничьей иудейской сектой, ввела римского императора в заблуждение даже в этот период, и он считал гору Голгофу и Гроб Господень местами, особо почитаемыми иудеями. Несомненно, что ни одна часть его гнева не была направлена против христиан. Он позволил им поселиться в своем новопостроенном городе и беспрепятственно совершать там богослужения. Вскоре после этого Илия стала резиденцией христианского епископства.

Но иудеям он не оказал такой милости. Он издал два эдикта, один из которых возобновлял постановление, запрещавшее обрезание их детей, а другой запрещал им под страхом немедленной смерти входить в новопостроенный город или даже приближаться к нему настолько, чтобы можно было различить глазами священные пределы. По-видимому, впоследствии этот запрет был ослаблен лишь на один день в году, а именно на годовщину взятия города в войне с Титом и в войне с Вархобеасом, ибо необычно, что эти два события произошли в один и тот же месяц и в один и тот же день.[35] При повторении этого дня страданий и отчаяния им было позволено пройти мимо римских часовых и снова взглянуть на руины прошлого. Иероним трогательно описал эту сцену, свидетелем которой, судя по всему, он сам стал спустя два столетия: толпа изгнанников, рыдания женщин, мучительное отчаяние мужчин, насмешки и издевательства прохожих, грубые требования римских солдат дать взятку деньгами - единственное условие, при котором им можно было позволить предаться своему горю[36].

ПЯТНАДЦАТЬ:

[29] Так, по крайней мере, говорят еврейские биографы. Но поскольку они стараются во всем уподобить его Моисею, не исключено, что они приспособили его возраст к своим теориям.

[30] Говорят, что он прибег к способу, который уже практиковали претенденты до него: набивал рот зажженной поленицей и таким образом создавал впечатление, что извергает пламя.

[31] Иудеи часто путают этого человека, который является объектом их особой вражды, с Терентием Руфом, которому Тит доверил окончательное разрушение Иерусалима, и который почти так же ненавистен им.

[32] Сомнительно, был ли Иерусалим одним из тех мест, которые были взяты. Наиболее вероятным представляется, что да; и что работа по разрушению, начатая Титом, была завершена Адрианом, и все следы старого Иерусалима были уничтожены.

[33] Однако есть свидетельства того, что эти успехи не были достигнуты без серьезных поражений. Язык Адриана в его посланиях сенату, в которых он опускает свое обычное заверение, что с армией все в порядке, свидетельствует об этом факте.

[34] Талмуд утверждает, что его жизнерадостное поведение, когда его подвергали самым мучительным пыткам, поражало его палачей, и что он сказал им, что, имея любовь Бога в своем сердце, он не мог не радоваться.

[35] 9 августа. Это был также день взятия Иерусалима Навуходоносором. Нельзя не заподозрить точность этих утверждений.

[36] Об их изгнании из Иерусалима упоминают многие писатели, более ранние, чем Иероним, - Иустин Мученик, Евсевий, Тертуллиан и другие.

ГЛАВА V.

135-323 ГГ. Н.Э.

ЕВРЕИ ПРИ РИМСКИХ ИМПЕРАТОРАХ ОТ АДРИАНА ДО КОНСТАНТИНА.

Как ни плачевно было положение иудеев после войны с Титом, оно оказалось еще хуже, когда их борьба за независимость завершилась падением Бетора. Опустошение их земель и разрушение их городов не могло быть хуже, чем в предыдущем случае. Но тогда завоеватели не запрещали им возвращаться в свои древние дома или совершать обряд посвящения в свою религию. По всей видимости, неизбежно должно было последовать полное исчезновение нации, поглощение ее разрозненных членов различными общинами, в которые они бежали в поисках убежища. Однако этого не произошло. Напротив, прошло почти двести лет, в течение которых они продолжали, не нарушаемые ни императорской суровостью, ни кишечными волнениями, пополнять свою численность и увеличивать свое богатство и влияние почти во всех частях Римской империи. В первую очередь это, по-видимому, благодаря благосклонности Антонина, который стал наследником императорского пурпура после смерти Адриана. Рассказывают историю о чудесном исцелении дочери императора евреем, [37] в благодарность за которое был отменен эдикт, запрещающий обрезание. Но эта история не опирается на достоверные сведения. Запрет был возобновлен Аврелием, когда восточные евреи оскорбили его, присоединившись к штандарту мятежника Авидия Кассия. Но вскоре он был отменен, если вообще действовал.

Однако очевидно, что, несмотря на терпимость к евреям, за ними пристально следили и мало доверяли их доброй воле. В Иамнии (город, согласно Евсевию, расположенный между Диосполем и Азотом), где после падения Иерусалима была основана большая раввинская школа, ревность римлян вызвала неосторожная речь знаменитого Симона (или Симеона) Иохайда, предполагаемого автора Книги Зоар и человека, благодаря которому (как читатель узнает из примечания), как говорят, была излечена дочь Антонина. По случаю какого-то

публичного обсуждения он осудил жадность и эгоизм языческих правителей. За это высказывание его приговорили к смерти, которой он избежал только бегством; а школа в Ямнии была подавлена. В другой раз периодические звуки трубы в месяце Тисри были приняты правителем города за сигнал к всеобщему восстанию.

В самом Риме - да и во всех крупных городах империи - во время правления императоров, сменивших Аврелия, вплоть до Константина, евреи почти не подвергались вмешательству. Отчасти это объясняется тем, что они долго жили в столице. Дата их первого поселения там неизвестна. Предполагается, что она совпадает с победами Помпея, которые, вероятно, привели в Рим большое количество еврейских рабов. Свидетельство Филона об этом факте и о всеобщей эмансипации рабов их покупателями кажется достаточно достоверным. Но несомненно, что до этого времени иудеи распространились далеко и широко среди всех народов, и поэтому маловероятно, чтобы они обошли своим вниманием такой крупный торговый центр, как Рим. Иосиф говорит, что 8 000 из них присутствовали при приеме Архелая Августом; и хотя Клавдий изгнал их, это было лишь временно. Очевидно, что их было очень много, когда святой Павел был заключен в тюрьму в Риме. Еще Ювенал говорит о полчищах блудников, осквернивших рошу Эгерии; о том же свидетельствуют Тацит и Марциал. К евреям относились с презрительной неприязнью, но преследовать их не собирались. Была и другая причина, по которой к ним относились со снисхождением. После времени Адриана внимание было обращено на христиан, как на исповедующих веру, отличную от иудаизма и чуждую ему. Отныне иудеи рассматривались в ином свете. По мере того как христианство росло и распространялось по империи, его новообращенных стали считать смертельными врагами государства, а иудеев, которым они были так же неприятны, как и язычникам, естественно, приветствовали как союзников в борьбе с общим врагом. В любом преследовании "нового суеверия" евреи всегда были готовы принять участие^[38]; их богатство, численность и рвение делали их помощь ценной. Языческие правители не испытывали особого желания разбираться в недостатках и проступках таких полезных партизан.

Здесь будет уместно сказать несколько слов о Синедрионе, который в этот период, а также ранее и позднее, пользовался определенным авторитетом. Происхождение этого национального совета является предметом споров. Некоторые утверждают, что он был впервые учрежден Моисеем (Числ. xi. 16) и идентичен "старейшинам" из Иисуса Навина xxi. 1 и Судей ii. 7. Но даже если это и так, в последующей еврейской истории на протяжении примерно 1200 лет нет никаких упоминаний о нем, а абсолютная власть, которой пользовались цари (например, 1 Царств ii. 27-46), совершенно несовместима с существованием в их времена какого-либо подобного судебного органа. Другие считают, что Большая синагога, которую Эзра основал после возвращения из плена, постепенно превратилась в Синедрион. Но авторы, чье мнение имеет вес, отрицают, что между Великой синагогой и Синедрионом существовала какая-либо связь. Ее истинное происхождение, по-видимому, относится ко времени Иуды Маккавея или, возможно, его брата Ионафана. Мы читаем, как последний написал письмо лакедемонянам от имени "первосвященника Ионафана, старейшин народа, священников и других людей иудейских". Вполне вероятно, что первосвященник и старейшины продолжали с того времени осуществлять верховную власть в судебных делах, в том числе в вопросах жизни и смерти, до тех пор, пока Иудея не стала римской провинцией, и не начались споры и ревность с римскими прокураторами по этому поводу.

Уже было отмечено, что Синедрион избежал уничтожения во время войны с Титом. Некоторые из его членов были убиты, но большей части было позволено, как утверждается,

покинуть Иерусалим и поселиться в Иамнии. Затем они удалились в Сепфорис, а после - в Тивериаду на Галилейском море, где председатель Синедриона стал называться "патриархом Тивериадским". Его власть признавали все евреи, проживавшие в пределах Римской империи.[39] Насколько подчинение ему было добровольным, а насколько - принудительным, определить нелегко. Римляне, по всей вероятности, были бы достаточно терпимы к осуществлению любой такой власти, которая не ущемляла бы их императорскую власть, и, возможно, передали бы ей все вопросы, касающиеся особых обычаев евреев, в том же духе, в котором Клавдий Лисий писал Феликсу, а Галлион отказывался слушать еврейских спорщиков. Народ, со своей стороны, охотно подчинился бы патриарху своего народа, хотя бы в знак протеста против ненавистного правления чужеземца. Поэтому на протяжении многих поколений Гамалиил и его преемники пользовались широким и неоспоримым авторитетом[40].

Синедрион состоял из семидесяти одного члена, которые выбирались исключительно по нравственному совершенству их характеров. В него не допускались ни молодые, ни неженатые мужчины, ни иноплеменники, ни те, кто занимался неблаговидным делом. За этими исключениями, членство было открыто для всех сословий и слоев населения.

К этой эпохе относится Иерусалимский Талмуд, но о нем, а также о Вавилонском Талмуде читатель найдет полное описание в Приложении II.

Продолжим наше повествование. При воцарении Септимия Севера, который получил императорский пурпур в конце борьбы, последовавшей за убийством Коммода, евреи, как говорят, подверглись суровому обращению с его стороны; это может вызвать у читателя удивление, поскольку они почти повсеместно присоединились к его штандарту, как сопернику их злейшего врага Нигера. Однако несомненно, что он вновь принял старые законы, запрещающие прозелитизм или вход в пределы Иерусалима; и, если верить Евсевию, он действительно вел войну с иудеями, и за успехи в кампании ему был уготован триумф[41]. Но даже если это правда, его гнев вскоре должен был утихнуть; ведь во время его правления они пользовались значительной долей его благосклонности, за что, как намекают авторы, им приходилось дорого платить. Снова окажется, что они процветали под властью его развращенного и варварского сына Каракаллы. 42] Этот император, как говорят, в ранней жизни был горячо привязан к еврейскому товарищу по играм, единственному человеку, к которому он, кажется, когда-либо испытывал какую-либо привязанность. Через несколько лет после этого у них появился еще более необычный и дискредитирующий покровитель в лице Гелиогабала, самого мерзкого, как можно с уверенностью утверждать, из всех римских императоров. Повинуясь странному капризу, который обычно руководил его действиями, он принял иудейские обычаи обрезания и воздержания от свиной плоти. Однако не похоже, чтобы он оказывал иудеям какие-либо особые знаки уважения в связи с тем, что проявлял склонность к их особым догматам. Их религия, по сути, была лишь одной из многих, из которых он заимствовал те или иные предписания; и если правда, что он был на грани того, чтобы провозгласить себя главным объектом религиозного поклонения, которое все должны оказывать ему под страхом смерти, то его убийство произошло как раз вовремя, чтобы спасти их от резкого преследования. Считается, что при его преемнике, Александре Севере, они испытали необычайную доброту,[43] потому что этот принц впитал от своей матери Маммеи (ученицы, как говорят, Оригена) большое предубеждение в их пользу. Он действительно проявил некоторое чувство такого рода, установив статую Авраама в своей личной часовне, как одного из тех, кто достоин Божественных почестей.

Однако следует помнить, что этот добродетельный принц был язычником и имел весьма смутные и несовершенные представления о религии. Он считал всех хороших людей одинаково достойными почестей, и его теология вряд ли простиралась дальше. В святилище, о котором уже шла речь, он поместил не только статую Авраама, но и Орфея, Аполлония Тианея[44] и Иисуса Христа! Нет нужды говорить, что человек, сделавший это, не мог быть прозелитом ни в иудаизме (пусть раввины говорят, что хотят), ни в христианстве.

Аналогичная защита была оказана иудеям во время правления Филиппа Аравийского - еще одного государя, о котором иудейские писатели строят подобные фантазии, причем, судя по всему, не более обоснованные, чем в других случаях. Христиане также испытали на себе такое же милосердное влияние. Но с воцарением Деция, 249 г. н. э., гонения на христиан, которые затихли, лишь с небольшими и частичными возобновлениями, со времен Аврелия, вспыхнули с большей силой, чем когда-либо, и продолжали бушевать, с редкими перерывами, в течение правления следующих императоров, вплоть до воцарения Константина. О евреях в этот период почти ничего не известно, если не считать войны, которую вел один из самых могущественных представителей императорского престола Аврелиан с Зенобией, царицей Пальмиры, имевшей некоторое отношение к еврейским делам. Говорят, что эта принцесса была потомком семьи Асмонеев или, во всяком случае, еврейского происхождения[45] и была воспитана в иудейской вере. Некоторые утверждают, что она была ревностным ее преподавателем. 46) Несомненно, что она построила великолепные синагоги для иудеев и продвигала их на самые высокие посты. Считается, что знаменитый Павел Самосатский[47], пользовавшийся ее особым расположением, пытался примирить христианство и иудаизм, настаивая на необходимости обряда обрезания и уча, что Иисус, хотя и был человеком, но в нем обитал Божественный Λόγος. Считается, что это могло быть одобрено ею. Если таков был его замысел, то, как и следовало ожидать, он потерпел полное фиаско: обе стороны в равной степени отвергли его учение. После падения Зенобии он был лишен своего поста и исчез в неизвестности.

Но в любом случае ее историю правильнее отнести к истории восточных евреев, той многочисленной части еврейской расы, которая распространилась далеко на восток от великой реки и жила под властью патриарха, известного под титулом "князь плена". Теперь будет уместно перейти к их делам.

ССЫЛКИ:

[37] По мнению других, это была дочь Аврелия, которая получила исцеление. Депутация была послана, чтобы выразить протест против суровых указов Веруса. Посланником был знаменитый мистик Симон бен Иохай, который изгнал злого духа из дочери императора. Раввины также утверждают, что Антонин принял обрезание. Но на их свидетельства в этом, как и во многих других подобных вопросах, нельзя полагаться.

[38] Так, упоминается, что иудеи более охотно, чем язычники, приносили охапки хвороста для сожжения христианского мученика Поликарпа - "по их обычаю", говорит историк (Polyc. Martyr. xiii.).

[39] Ориген утверждает, что власть патриархов была чуть меньше царской (Orig., Epist. ad Afric.).

[40] Председатели Синедриона, как говорят, были.

списку, должен был дожить до царствования Дария Кодомана, то есть 200 лет.

2. Симон Праведный (отождествляемый некоторые отождествляют его с Иаддудей, который принял Александра Македонского).

3. Антигон из Соко.

4. Иосиф из Зереды.

5. Иисус Навин, изгнанный Гирканом.

6. Иуда, современник А. Янном.

7. Шемаия.

8. Гиллель, знаменитый еврейский врач.

9. Симеон, сын Гиллеля, предположительно по мнению некоторых, тот самый, который взял Иисуса на руки (св. Лука ii. 25).

11. Симеон, сын Гамалиила, убит во время осады Иерусалима.

12. Иоханан.

13. Гамалиил II, сын Симеона, первый патриарх Иерусалима.

14. Симеон, прозванный Праведным.

15. Иуда II, прозванный Хаккадош.

16. Гамалиил III, во времена которого Синедрион, как говорят, прекратил свое существование.

17. Иуда II.

18. Гиллель II, составивший постоянный еврейский календарь.

19. Иуда III.

20. Гиллель III.

21. Гамалиил IV., при котором закончилось патриаршество Тивериадское, 429 г. Н.Э.

[41] Возможно, Северус вел войну не против иудеев, а против самаритян, и он временно спутал их с иудеями. Римляне постоянно совершали подобные ошибки.

[42] Некоторые раввины утверждают, что Каракалла принял обрезание, но доказательств в пользу их утверждения не больше, чем в случае с Антонином. Однако в воспитании Каракаллы было нечто необычное. Тертуллиан говорит, что он получил христианское образование "lacte Christiano educatus" (Tertull. ad Scop.). Если это так, то он извлек из этого мало пользы.

[43] Похоже, он был печально известен, о чем свидетельствует прозвище "Правитель синагоги", данное ему тогдашними умниками.

[44] Этот необычный человек родился в Тиане, в Каппадокии, за год или два до нашего Господа. Иерокл, 300 г. н. э., написал сравнение между ним и Иисусом Христом, в котором основными пунктами сходства являются его (предполагаемое) чудесное рождение и способность творить чудеса, его попытка реформировать религию мира и голос с небес, который, как говорят, призвал его с земли. Его история, написанная Филостратом, изобилует преувеличениями и баснями, но его следует рассматривать скорее как энтузиаста и мистика, чем как самозванца. Его слава достигла своего зенита во времена Александра Севера.

[45] Theodoret, de Hær. Fab. Athanas, de solit. vit.

[46] Зенобия утверждается как сторонница христианства, если не обращенная в него. Вероятно, она была эклектиком, не имевшим определенной веры. Отсюда ее покровительство Павлу.

[47] Этот печально известный ересиарх был родом из Самосаты в Сирии. Он был поставлен епископом Антиохии в 260 г. н.э., но это возвышение, похоже, вскружило ему голову. Отныне он стремился к большому состоянию и великолепию. Воодушевленный благосклонностью Зенобии, он узурпировал большую власть в Церкви. Говорят, чтобы добиться ее расположения, он попытался якобы найти компромисс между иудаизмом и христианством. В 265 году н. э. состоялся собор для рассмотрения его мнений, на котором председательствовал Фирмилиан, и на котором он был осужден. Он отказался подчиниться постановлению, но после этого был созван второй собор, на котором он был низложен, а его приговор подтвердил Аврелиан.

ГЛАВА VI.

323-363 ГГ. Н.Э.

КНЯЗЬЯ ПЛЕНА - МАНЕС - ЕВРЕИ ПРИ РИМСКИХ ИМПЕРАТОРАХ ОТ КОНСТАНТИНА ДО ЮЛИАНА.

Вероятно, власть, которой пользовались патриархи Востока[48], выросла после того, как Адриан отказался от завоеваний своего предшественника за Евфратом. Власть парфянских царей была сломлена победами Траяна, а в отдаленных частях своих владений они пользовались лишь слабым авторитетом. Поэтому правлению иудейского патриарха мало кто мог противостоять, тем более что уважение и послушание, оказываемое ему, ни в коей мере не нарушало преданности гражданскому правителю.

Его власть, казалось, была прочно установлена повсюду; однако в следующем поколении она подверглась нападению и в значительной степени была вытеснена вмешательством его западного соперника, патриарха Тивериадского. Симеон, сын Гамалиила II, прозванный "Праведным", был человеком амбициозным и беспокойным. Считая, что Иерусалим является истинным центром еврейского единства, а его патриаршество - в действительности Иерусалимским патриаршеством, он утверждал, что должен безраздельно властвовать над всей еврейской общиной, и считал своего брата из Вавилона узурпатором. Он послал к нему делегата, которому было велено подойти к нему со всем возможным почтением, но как только тот займет достойное положение, сбросить маску и потребовать подчинения. Его план возымел действие: делегат был любезно принят и вошел в доверие к своим собеседникам, как вдруг изменил тон и, резко осудив некоторые действия принца, потребовал от имени патриарха Иерусалимского отменить их. Последовала сцена гневного сопротивления. Но имя Иерусалима слишком крепко держалось в сердце каждого иудея, чтобы можно было успешно противостоять ему. Вавилонский властитель был вынужден уступить, и до тех пор, пока Тивериадский патриархат не прекратил свое существование, он продолжал занимать подчиненное положение по отношению к своему сопернику.

Но в следующем столетии князь Плена вернул себе всю, и даже больше, чем всю, власть, которой пользовались его предшественники. Рассказывают о его величии и великолепии, которым трудно верить, тем более что они, похоже, не уменьшились после воцарения персидских царей,[49] которые, как можно предположить, ревностно относились к таким подданным. Патриарха принято было вводить в должность с величайшей пышностью. Его несли в великолепной процессии, в сопровождении раввинов и под звуки труб, в синагогу, где он был официально введен в должность, среди молитв и благословений народа. Затем он вернулся в свой дворец, где устроил роскошный банкет для своих начальников. Он жил в

уединении, обычном для восточных правителей. Но всякий раз, когда он выезжал за границу или входил в дом, его встречали со всеми знаками уважения. Иногда, как нам рассказывают, он наносил визит царю; тогда ему присылали одну из царских колесниц, от которой он, однако, отказывался, помня, что он, в конце концов, чужеземец и пленник. Но это изумительное смирение не было заметно ни в чем другом. Он был облачен в самые великолепные одеяния, и перед ним стояла стража из пятидесяти воинов. Дорога перед ним была расчищена, и все встречные приветствовали его с глубочайшим почтением. У дверей дворца его встретили королевские офицеры, которые проводили его в присутствии короля, где после оказания первого почтения он был посажен по левую руку от трона, чтобы посоветоваться с государем о делах государства.

Похоже, что общение с персами, которые были огнепоклонниками[50] и по меньшей мере такими же фанатичными в своих религиозных взглядах, как и евреи, не привело к вражде и преследованиям. Тем не менее многие еврейские обычаи, должно быть, были для них крайне оскорбительны. Так, евреи всегда погребали своих мертвых, а эта практика в глазах гебиров является отвратительной. Кроме того, в определенных случаях запрещалось зажигать огни только в храмах огня,[51] и евреи, как следствие, были вынуждены тушить свои домашние очаги. Естественно, мы должны были ожидать, что некоторые евреи откажутся подчиниться этому требованию и тем самым вступят в конфликт с законом. Но мы не слышим ни о каких спорах такого рода[52] до времен Сапора, который в начале своего царствования оказывал евреям большую благосклонность. Но однажды, вступив в спор с раввинами по вопросу о погребении умерших, он потребовал от них привести какой-нибудь отрывок из Писания, в котором предписывается погребение в земле. Врачи, не сумев этого сделать, дали какой-то уклончивый ответ, который так его разгневал, что он начал яростное преследование. Сапор, однако, умер в 272 году н. э., и мы не слышим, чтобы гонения продолжались.

Это также эпоха печально известного Мани, или Манеса, который основал секту, вызвавшую столь широкие раздоры и раскол в христианской церкви. Некоторые утверждают, что во время правления Сапора он провел множество конференций с иудейскими врачами и убеждал их в том, что деяния, приписываемые их Богу в Ветхом Завете, такие как истребление народов Ханаана, несовместимы с Божественным атрибутом милосердия. По сути, согласно учению Мани, он был Богом Тьмы, от которого они должны были отвернуться и поклоняться Богу Света. Нет нужды говорить, что иудеи полностью отвергли его учение. Благодаря их влиянию он потерял расположение Сапора и был изгнан из его владений[53].

Снова обращаясь к Западу, мы приходим к эпохе Константина, когда языческое идолопоклонство было отменено законом, а религия Христа публично признана. Очевидно, что этот вопрос серьезно затронул иудеев не меньше, чем язычников. Они были настроены против новоявленной веры так же, как и язычники, - более того, потому что они глубоко верили в свое вероучение и искренне стремились к его соблюдению, чего совершенно не было у язычников. Похоже, что римский император намеревался сделать религию Христа религией всего мира; в таком случае он должен был настаивать на ее принятии евреями, а также всеми остальными подданными Римской империи. Была ли вообще идея принудительного обращения в христианство, остается под вопросом. Но совершенно ясно, что Константин надеялся, если не предвидел, на принятие ими его собственной веры. В его присутствии проводились конференции с иудейскими врачами, на которых спорящие с обеих сторон не только отстаивали свою правоту с помощью аргументов, но и пытались доказать ее истинность, прибегая к чудесам. Если Константин и надеялся на что-то от подобных испытаний,[54] в которых все, что казалось сверхъестественным, утверждалось с одной стороны как совершенное перстом Божиим, а с другой - как вызванное действием

сатаны, то он, конечно, был разочарован; и этой неудаче, возможно, можно приписать суровые законы против иудеев, некоторые из которых он, конечно, издал. Так, он издал указ, согласно которому любой иудей, посягнувший на жизнь христианина, должен быть сожжен заживо; он запретил иудеям прозелитизм под страхом самых суровых наказаний; он запретил иудеям иметь рабов-христиан. В одном из своих Деяний он называет евреев "самыми ненавистными из всех людей". С другой стороны, его несправедливо обвиняют в актах откровенной жестокости по отношению к ним, которые запятнали бы блеск его имени, если бы были совершены на самом деле. Например, говорят, что, узнав о том, что их собралось много для восстановления Иерусалима, он приказал отрезать им уши, а себя изгнать,[55] и еще, что он требовал от них принять крещение, хотя бы они того или нет, и есть свиную плоть в день Пасхи.[56] Но эти обвинения опровергают сами себя. Иерусалим в его время был большим и знатным городом, и нелепо говорить о том, что евреи хотели его отстроить. Среди всех его указов, сохранившихся в Феодосиевом кодексе, нет ни слова об отрезании ушей или обязательном употреблении свинины.

Во время этого правления иудеев в Персии обвиняют в том, что они разжигали кровавые гонения на христиан. Последние уже давно пробирались во владения Сапора, к большому огорчению иудеев. Но когда им наконец удалось обратить в свою веру Устазадеса, одного из главных офицеров Сапора, раздражение иудеев достигло такой высоты, что они убедили Сапора пресечь растущее зло самыми суровыми мерами. Последовали долгие и кровавые гонения, в ходе которых Симеон, епископ Ктесифона, принял мученическую смерть, новопостроенные церкви были разрушены, а все следы христианства уничтожены.

Констанций, сын Константина, вступивший на престол в 353 году н. э., не ослабил суровости, наложенной на иудеев его отцом, и пошел на еще большие меры против них.

Спровоцированный восстанием, которое они подняли в Иудее, он вновь ввел в действие законы Адриана и его отца, добавив к ним, что любой еврей, который женится на христианке, сделает обрезание или даже будет содержать раба-христианина, должен быть предан смерти. Он также значительно увеличил тяжелые налоги, которыми они уже были обложены.

Неудивительно, что воцарение Юлиана, который сразу же после принятия пурпура публично заявил о своем отречении от христианства, иудеи, как и язычники, приветствовали как зарю нового дня свободы и процветания для них. Они поспешили вручить ему обращение, в котором, помимо прочего, выражали недовольство тем, что их отлучили от Иерусалима, места древней славы их рода, никогда не забытого дома их предков, хотя язычникам было позволено жить там без всяких посягательств. В то время как самые священные места были скрыты христианскими церквями и , посвященными христианскому богослужению, место, где когда-то стоял их любимый Храм, лежало в запустении, и им не разрешалось даже приближаться и смотреть на его руины. Юлиан ответил даже более благосклонно, чем они могли надеяться. Он обратился к иудейскому патриарху как к "своему брату"; он разглагольствовал о незаслуженной суровости, с которой с ними обращались; он отменил поборы, на которые они жаловались; отменил указ, запрещающий им въезд в Иерусалим; и, наконец, дал им разрешение восстановить Храм на горе Мориа, пообещав им всяческую помощь в выполнении этой работы и назначив одного из своих любимых офицеров, Алипия, руководить ею.

Мотивы этого необычного шага нетрудно предположить. Он не имел ни малейшей склонности к иудаизму, будучи преданным последователем древнего вероучения Греции и Рима, которого придерживались мудрецы, которых он изучал. Но он хотел, во-первых, исправить несправедливость прошлых лет; во-вторых, примирить иудеев, чья помощь могла бы оказать ему величайшую услугу в его персидской экспедиции; и, в-третьих, опровергнуть

и утвердить ложность христианства. Было хорошо известно, что христиане повсеместно верили, что голос пророчества провозгласил, что иудейский храм никогда не будет восстановлен;[57] во всяком случае, никогда, пока еврейский народ не примет Иисуса Христа как своего Бога. Если он смог доказать, что их вера не соответствует действительности по одному пункту, то почему она не может быть ложной по всем?

Нет нужды говорить, что эта неожиданная милость наполнила весь еврейский мир удивлением и восторгом. Средства на необходимые материалы поступали в изобилии; тысячи людей предлагали себя в качестве рабочих; мужчины самого высокого положения и достатка, даже нежно воспитанные дамы, были замечены вскапывающими землю кирками из золота и серебра, или уносящими землю в шелковых платочках. Работа продвигалась с большой скоростью, пока внезапно не была прервана вырывающимся из-под земли пламенем, сопровождаемым землетрясениями, которые неоднократно ранили или уничтожали рабочих, занятых в этом деле, и в конце концов вынудили их отказаться от него.[58] Говорят, что этому событию сопутствовали и другие странные обстоятельства. Огненные кресты наполняли воздух и были видны на платьях беглецов, когда они спасались из опасного места. Некоторые из них, бежавшие в убежище соседней церкви, обнаружили, что двери закрыты против них какой-то невидимой силой.

Несомненно, многое из того, что было рассказано, следует считать досужими рассказами, результатом паники или преувеличения. Но предположить, что все произошедшее объясняется только естественными причинами, невозможно. Однако это вопрос, требующий тщательного и детального изучения. Читатель найдет полное исследование этого вопроса в Приложении IV.

Вскоре после этого (26 июня 363 года) смерть Юлиана в битве с персами положила конец не только возобновлению этого конкретного начинания, но и надеждам, которым предавались иудеи, на особую благосклонность императора. Так закончилась последняя зафиксированная попытка восстановить иудейский храм.

Примечание к главе VI. о религии волхвов.

Происхождение этого религиозного верования теряется во мраке древности. Волхвы существовали, высоко почитаемые, задолго до времени Зердушта или Зороастра, жившего до 589 года до нашей эры. Он, по-видимому, переработал и сформулировал древнюю доктрину. Согласно его учению, существуют две независимые правящие силы, Ормузд и Ахриман, принципы добра и зла, символизируемые светом и тьмой.[59] Ормузд создал человека добрым и счастливым. Ахриман омрачил его счастье, привнес в него зло. Борьба между ними должна продолжаться, пока Ормузд не одержит окончательную победу.

Их религиозные обряды очень просты. Изначально у них не было ни храмов, ни алтарей, ни статуй, хотя позже были построены храмы огня. Они поклонялись огню, свету и солнцу, как символам чистоты и благодетеля. Но на первых порах они не считали их самостоятельными божествами, хотя впоследствии, следуя правилу всех ложных религий, они стали поклоняться самим символам, а не символизируемым ими принципам. Они выставляли своих мертвецов на съедение стервятникам, считая мерзостью хоронить их в земле. Они до сих пор существуют, многочисленный народ, в Индии под именем парсов - название, происходящее от Парса, который, как говорят, был древним названием Персии. Некоторые утверждают, что Зороастр поддерживал существование третьего божества, превосходящего два других.

ССЫЛКИ:

[48] Иосиф, писавший еще в правление Траяна, очевидно, ничего о них не знает.

[49] Парфянское царство после долгого упадка, можно сказать, угасло в 230 г. н.э.

[50] См. примечание в конце главы.

[51] Так утверждает Иост (ii. 141). Он добавляет, что евреи подчинились эдикту, но очень неохотно.

[52] То есть не более чем недовольному ропоту. Рассказывают, что когда Абба бар Хуна лежал больной в Пумбедите, а рабби Иегуда присматривал за ним, в комнату вошел магиец и унес светильник, после чего рабби взмолился, чтобы народ снова перешел под власть римлян, а не терпел такое бесчестье.

[53] Дата рождения Мани кажется неопределенной. Время, когда он привлек к себе внимание, - около 272 года. Он вернулся к персидскому двору около 278 г., когда Ормисдас, или, по некоторым данным, Варанес, заставил его быть заживо сожженным за неспособность вылечить царского сына; но Бособр дискредитирует эту историю.

[54] Приведем один пример. Между раввинами и христианами состоялся диспут, возглавляемый папой Сильвестром. Иудеи привели вола, и один из их чудотворцев прошептал ему на ухо имя Бога, после чего он мгновенно упал замертво. Но Сильвестр, ничуть не смутившись, приказал волу во имя Иисуса Христа вернуться к жизни. После чего, как нам рассказывают, он встал и начал питаться!

[55] Chrysost. Or. in Jud. Похоже, он путает Константина с Адрианом.

[56] Eutych. vol. i. 466.

[57] Вероятно, основано на Данииле ix. 26, 27. Но это пророчество неясно и может быть истолковано по-разному. Даже если бы Храм был восстановлен, все пророчества нашего Господа все равно бы исполнились. (См. Приложение iv.)

[58] Кирилл, следует заметить, ничего не говорит об этих чудесах, о которых сообщают Сократ, Созомен и Феодорит.

[59] Comp. Иса. xlv. 6, 7, где эта идея прямо опровергается.

ГЛАВА VII.

363-429 ГГ. Н.Э.

ИОВИАН - ГОНОРИЙ - ВЗАИМНАЯ РЕВНОСТЬ И БЕСЧИНСТВА - ПОДАВЛЕНИЕ ТИВЕРИАДСКОГО ПАТРИАРХАТА.

Иовиан, ярый враг иудеев, занял трон, освобожденный Юлианом, но, к счастью для них, царствовал всего несколько месяцев. Последовавшие за ним Валенс и Валентиниан восстановили евреев в их древних правах, но отменили освобождение от занятия государственных должностей, которым они пользовались до сих пор. При их правлении, как и при правлении всех последующих императоров до времен Юстиниана, главное, на что обращает внимание читатель, - это взаимная ревность иудеев и христиан, постоянно

переходящая в акты незаконного насилия, вина за которые не лежит полностью на одной стороне. Похоже, христиане, даже их епископы (чьё обучение и должность должны были бы научить их лучше), считали, что евреи как раса - личные враги Христа,^[60] и, как таковые, объекты отвращения и ужаса. Это стало плодотворным источником обид, притеснений и жестокости, которыми так глубоко запятнаны страницы их последующей истории. Императоры старались, насколько это было в их силах, поддерживать равновесие справедливости между враждующими сторонами, но часто это оказывалось невозможным. Так, в Риме (387 г. н. э.) христиане сожгли синагогу, и Максим Узурпатор, который в то время владел столицей, приказал восстановить ее силами тех, кто ее разрушил. За этот праведный поступок он был осужден Амвросием,^[61] епископом Милана, который приписал его последующее падение и разорение этому поступку и побудил Феодосия отменить указ. Аналогичное возмущение было совершено в Осрхоене, городе в Месопотамии (395 г. н. э.), и тот же указ был издан самим Феодосием. Но Амвросий снова вмешался и направил императору возмущенное письмо. Не обращая внимания на совершенное христианами зло, он утверждал, что несправедливо требовать от них участия в строительстве иудейской синагоги, которая, по его словам, является "домом вероломства, местом обитания нечестия". Зонара также утверждает, что он публично проповедовал о том же в Милане; но доказательств этому нет. Феодосий, питавший глубочайшее уважение к Амвросию, был потрясен и отозвал свой эдикт.^[62] Но о том, что его убежденность в справедливости дела осталась неизменной, можно судить по закону, который Феодосий издал в последний год своей жизни и который обеспечивал защиту иудеям в отправлении их религии и предписывал наказание всем, кто на них нападал.^[63]

С другой стороны, иудеи не преминули проявить буйный и злобный нрав. При каждом удобном случае, а их было не мало, они делали все возможное, чтобы притеснить и унижить христиан. Арианские споры, которые так сильно и надолго отвлекли Восток, не могли их волновать. Однако они всегда были готовы поддержать арианских лидеров своим влиянием и объединиться с арианскими толпами для нападения на церкви православных. Это были не единственные злодеяния, которые они совершали. На некоторых праздниках, когда они, "разгоряченные дерзостью и вином", выходили из пиршественного зала, они были склонны оскорблять и нападать на всех христиан, которых могли встретить. Особенно часто подобные проявления происходили на празднике Пурим. По этому случаю они сооружали виселицу, к которой прикрепляли фигуру Хамана, и всякий раз, когда его имя встречалось в службе на этот день, они разражались яростными проклятиями в его адрес. Во время одного из празднований этого праздника в Инместаре, городе Халкиса, расположенном недалеко от Антиохии, их дерзость была доведена до шокирующей высоты. Выбежав на улицу, некоторые из пьяных иудеев схватили встреченного ими христианского мальчика и, затащив его в дом, привязали к уключине, с которой была снята фигура Хамана и которая, несомненно в насмешку над распятием, была сделана в форме креста^[64] Затем они принялись бичевать мальчика так жестоко, что он, как говорят, умер от их рук. Христиане пришли в ярость от этого убийства, и завязалась кровавая драка, в которой погибло много людей. Это произошло в 412 году н.э.

О происшествиях начала пятого века рассказывают несколько странных историй, которые иллюстрируют нравы того времени. В основном они связаны с обращением в христианство, для достижения которого, несомненно, проявлялось большое рвение, но оно не часто бывает таким, которым мы можем восхищаться или одобрять. Те, кто стремился заполучить новообращенных, предлагали им мирские преимущества того или иного рода; и никто не удивится, узнав, что многие в результате признали себя готовыми принять крещение. Эти новообращенные, однако, не были склонны довольствоваться тем, что им удалось лишь

однажды воспользоваться столь легким способом получения жизненных благ. Они представляли себя в качестве кандидатов на крещение в церквях всех сект Константинополя. Эта практика была обнаружена. По преданию, когда одного из таких псевдообращенных подводили к купели, вода вытекала из священного сосуда, так что служитель не мог исполнить свой долг. Удивленный столь странным происшествием, он начал строгое расследование и выяснил, что этот человек уже был крещен в церквях, принадлежащих всем сектам города, кроме той, в которой произошел этот инцидент. К сожалению, эта церковь принадлежала не православным, а новатианам. О том, до какой степени дошел скандал, свидетельствует принятый закон, запрещающий крестить любого еврея, пока не будет проведено строгое расследование его характера и мотивов, а также не будет пройден определенный послушник.

Нередко обращения носили так называемый массовый характер: большие группы людей одновременно предлагали себя для принятия в Церковь; и происходило это по странной, на взгляд большинства людей, моде. Так, на острове Минорка (418 г. н. э.) епископ Северус был сильно огорчен присутствием иудейской синагоги под руководством раввина по имени Теодор и прилагал все усилия, чтобы добиться их обращения. Он слышал, что Теодорус был человеком необычайной образованности и способностей, а также высочайшего характера и привыкшим к спорам - грозным противником, которому, как следовало опасаться, сам епископ был не по зубам. Тем не менее, укрепленный владением мощами святого Стефана, которые, судя по всему, были оставлены на острове, он вызвал Теодоруса на диспут, который предложил провести в церкви в Магоне. Иудеи отказались, сославшись на то, что это день их субботы, в который они не могут входить в нечистое место. Тогда епископ предложил провести собрание в иудейской синагоге, а когда они в большом количестве пришли к его дому, чтобы отклонить и это предложение, он решил проблему, отправившись со всеми своими последователями в синагогу. На улице начались беспорядки, и христиане преследовали своих противников до места их поклонения, которое они разграбили, а затем сожгли. Не сумев обратить иудеев в свою веру, Теодорус устроил диспут, на котором произнес столь ученую и сильную речь, что епископ Северус не смог ему ответить. Однако, к счастью, в этом не было необходимости. Когда он закончил, все христиане, желая заполучить столь достойного прозелита, разразились общим криком: "Феодор, веруй во Христа". Иудеи приняли эти слова за "Феодор *верует* во Христа" и тут же, пораженные до глубины души этим ужасным отступничеством, скрылись в лесу, оставив Феодора в руках христиан. Епископ не преминул указать ему на то, что в происшедшем явно прослеживается рука Неба; и Феодор, озадаченный положением, в котором оказался, возмущенный тем, что его покинули соотечественники, и, возможно, под влиянием надежд на мирскую выгоду, принял крещение; его примеру последовали и прихожане. Епископ возвеселился своей победой и призвал своих собратьев повсюду применять тот же метод по отношению к иудеям. Сжигая синагоги, как замечает Милман, они были готовы последовать его совету.

Еще одно всеобщее обращение произошло на Крите (432 г. н.э.), где обстоятельства, хотя и не совсем похожие, были столь же странными. Самозванец, принявший имя Моисея, приобрел такое влияние на евреев этого острова, которые, как нам говорят, были многочисленны и богаты, что убедил их в том, что он может открыть им путь в Святую землю через воды Средиземного моря, как в свое время его тезка сделал это через воды Красного моря. Заблуждение распространилось так далеко, что евреи оставили свои дома и земли и все свое личное имущество, кроме того, что могли унести с собой, и, будучи приведены своим проводником на вершину высокой скалы, по его приказу бросились в море. Сам он

после этого исчез,^[65] вероятно, получив все, что мог надеяться получить в результате этой операции. Огромное количество людей утонуло, и еще большее число, вероятно, разделило бы их участь, если бы случайно у берега не оказалось несколько рыбацких лодок, которые пришли к ним на помощь. Обитатели этих лодок были христианами, и это обстоятельство, а также тот факт, что самозванец был иудеем, побудило большое количество людей принять христианство.

Обратившись к Египту, всегда занимавшему важное место в еврейской истории, мы узнаем, что примерно в середине правления императора Феодосия II там произошли сильные волнения, вызванные главным образом непрекращающейся враждой между христианами и евреями. Последние всегда выделялись не столько своим богатством и численностью, сколько буйным духом. Однако этот дух в значительной степени был приведен в действие вступлением Кирилла на епископский престол Александрии, освобожденный Феофилом в 412 году н.э. Кирилл был человеком с сильным характером, но тщеславным, поспешным и властным. Вскоре он приобрел в городе огромное влияние, чему префект Орест, естественно, позавидовал. Желая наказать за дерзость последователей Кирилла, он приказал публично бичевать одного из них, Иеракса, школьного учителя, который совершил какое-то нарушение мира. Кирилл послал за иудеями, которые выдали Иеракса Оресту, и пригрозил им своим гневом, если они не будут придерживаться иного курса в отношениях с христианами. Предвидя, что за этой угрозой вскоре последует открытое нападение на них, иудеи решили быть с ним начеку. Надев кольца из коры, чтобы можно было различать друг друга в темноте, они в полночь подняли крик, что одна из главных церквей горит. Христиане в большом количестве бросились тушить пламя, а иудеи, набросившись на них, устроили большую резню. Утром Кирилл вооружил своих последователей и, напав на иудеев, перебил их множество, разграбил и сжег их дома, а оставшихся в живых изгнал из города. Орест вступился за них, но сам подвергся нападению и был ранен камнем в голову. Обе стороны обратились к Феодосию, который в то время был четырнадцатилетним мальчиком. Было ли дело в том, что константинопольский двор был слишком занят государственными делами, чтобы заниматься проблемами Египта, или же частное влияние Кирилла взяло верх, мы не знаем; но не похоже, чтобы кто-либо из преступников, даже убийцы Гипатии,^[66] когда-либо был наказан, или же иудеи, изгнанные из Александрии, были восстановлены в своих домах.

Через несколько лет после этого (429 г. н. э.) иудеям был нанесен сильный удар, когда был ликвидирован Тивериадский патриархат, который существовал около трехсот лет, но теперь прекратил свое существование в лице Гамалиила IV, девятого патриарха, который занимал этот пост. Доходы, за счет которых содержались патриархи, складывались из определенных пошлин, взимаемых с иудеев, проживавших во всех частях империи; для этой цели патриаршие сборщики рассылались повсюду. Вероятно, узы, соединявшие иудеев с древним центром их веры, долгое время постепенно ослабевали, по мере того как расширялся сам разрыв; периодические визиты в Иерусалим, поддерживавшие узы привязанности, давно перестали соблюдаться. Говорят, что императорам были поданы петиции с просьбой отменить налог. Однако, как бы то ни было, Гонорий издал эдикт, запрещающий взимание пошлины в Риме и, скорее всего, в любой части Западной империи. Судя по всему, собранные на Востоке средства поступали непосредственно в императорскую казну. Этот шаг не отменил формально патриарший сан, но стал для него смертельным ударом. Гамалиил сохранял это имя и некоторую видимость власти до конца своей жизни, но после его смерти не было назначено преемника.

СНОСКИ:

[60] В другом месте я уже указывал на то, как страшно ошибочно такое мнение. Если допустить, что иудеи, распявшие нашего Господа, должны считаться Его врагами и, как таковые, вызывать наше отвращение, то их подлинные потомки, те, кто должен унаследовать это отвращение, - это не их дети по плоти, а те (Св. Иоанн viii. 41, 44), кто подражает их поступкам. Это их подлинные дети. Они "распинают Сына Божьего заново". Если мы должны отвращаться от кого-либо как от врага Христа, то давайте отвращаться от этих".

[61] Амвросий, Epist. xxix.

[62] Подобный случай произошел в Антиохии при Феодосии II. (423 г. н. э.), где духовенству было приказано возместить убытки иудеям, чью синагогу они выпотрошили и разграбили. В этот случай вмешался знаменитый Симеон Стилитес, которому удалось, как и Амвросию, отменить императорский приказ.

[63] Cod. Theod. viii. 16.

[64] Не исключено, что предание об этом событии послужило основанием для столь часто выдвигаемого и кажущегося столь необъяснимым обвинения против иудеев в последующие века в том, что они распинали мальчиков в насмешку над страстями Спасителя, хотя никаких доказательств такого акта никогда не было представлено.

[65] Историк Сократ убежден, что самозванец был демоном, принявшим человеческий облик, чтобы обмануть иудеев. Но, видя, что обман привел к многочисленному обращению в христианскую веру, странно, что у него возникло такое предположение.

[66] Гипатия была молодой женщиной из Александрии, исповедовавшей язычество, отличавшейся редкими достижениями, большой красотой и незапятнанным характером. Говорят, что Кирилл завидовал ее влиянию в городе, и, надеясь угодить ему, свирепая толпа христиан сорвала ее с колесницы и изрезала на куски устричными раковинами. Это варварское и отвратительное убийство - самое страшное деяние тех жестоких и незаконных времен.

ГЛАВА VIII.

429-622 ГГ. Н.Э.

ХОНОРИЙ - ГЕРАКЛИЙ - ЕВРЕЙСКИЕ РАБОВЛАДЕЛЬЦЫ - ЮСТИНИАН - ХОСРОЙС.

Большие перемены в состоянии Европы, первые симптомы которых появились за поколение или два до этой эпохи, теперь стали ощущаться повсеместно. Нашествие варварских племен с севера, которое поначалу напоминало несколько капель приближающегося ливня, с течением столетия превратилось в сильнейший ливень. С каждым годом они все дальше продвигались в Европу, огромными и неодолимыми ордами, дезорганизуя, а в некоторых случаях и полностью меняя облик общества. В правительственных кабинетах появились новые правители, на улицах городов заговорили на новых языках. Армии носили странные штандарты и владели оружием, доселе неизвестным в европейской войне. Даже у плуга и у домашнего очага можно было увидеть формы и лица доселе неизвестного типа. Во многих местах древние жители были изгнаны, во многих - преданы мечу, во многих - трусливо

прятались от глаз своих новых хозяев. Должно быть, ужасные и длительные страдания выпали на долю и высоких, и низких.

Но был один класс, на который эти страдания обрушились безболезненно, и это был класс иудеев. Горько, когда человека изгоняют из дома и лишают прав гражданства. Но у еврея не было дома, который он мог бы потерять, не было права гражданства, которое он мог бы утратить. Его национальность была давно уничтожена, и отнять ее у него было невозможно. Он был подобен Ладурладу из поэмы Саути, которого не мог поглотить потоп или уничтожить морское чудовище, потому что проклятие Кехамы обезопасило его от всех мелких бед. Если стране, в которой жил еврей, угрожало приближение орды захватчиков, он просто уезжал в другое место и забирал с собой свои деньги. Более того, поход варварских армий, наводивший ужас и разрушение на других, становился для него источником прибыли. Когда какое-нибудь кровавое поражение на поле боя или страшное разграбление многолюдного города повергало целый народ в несчастье и запустение, еврей вел процветающую торговлю с невежественными завоевателями, покупая у них трофеи, полученные при разграблении дворцов и церквей, за двадцатую часть их стоимости, и перевозя их в земли, еще не подвергшиеся вторжению; там они снова продавали их с огромной выгодой. Их поселения во всех великих городах известного мира и крепкие узы братства, существовавшие между ними, облегчали им ведение подобных торговых операций; и быстрота, с которой они приобретали богатство - и которую в народе приписывали их союзу с Лукавым, - не может вызывать у нас удивления. Даже в те времена, когда принципы, по которым ведется торговля, стали общепонятными и действенными, евреи всегда имели преимущество перед своими соседями-христианами, благодаря своей проницательности и настойчивости. Но в те времена, когда только они понимали эти принципы, даже в самой грубой форме, было бы удивительно, если бы они не смогли собрать богатство, почти так же легко, как ребенок собирает камешки на берегу.

Одна очень прибыльная, но несколько одиозная отрасль торговли, похоже, почти полностью перешла в их руки. После одной из великих побед готов или гуннов, когда большое количество пленников становилось собственностью варваров-завоевателей, их природная свирепость часто побуждала их предавать мечу побежденных врагов; и, возможно, они всегда поступали бы так, если бы не алчность, стимулируемая предложением денег в обмен на них, которая оказалась более сильной страстью из двух. Еврей знал, сколько стоит трудоспособный раб на рынках Александрии или Константинополя, и был готов заплатить, может быть, шестую часть этой цены готу или гунну за пленника, который был в его распоряжении. Никто, кроме евреев, как уже было замечено, не занимался этим видом торговли; в результате большое количество христианских рабов переходило во владение еврейских хозяев, которые в каждом городе публично выставляли их на продажу. Было бы не по-человечески, если бы евреи, презираемые и отвергаемые своими согражданами-христианами, не испытывали чувства триумфа, оказавшись таким образом бесспорными владельцами и хозяевами тех, кто долгое время относился к ним с презрением. Еще менее удивительно, что это зрелище вызвало сильнейшее негодование среди самих христиан.

По древнему закону иудей должен был держать в рабстве христианина, что считалось незаконным, более того, смертным преступлением. Но либо этот закон с самого начала считался недействительным, либо был отменен одним из преемников Константина; ведь эдикт Гонория, запрещая евреям прозелитизировать своих рабов-христиан, допускает полное право собственности на них. Теперь, однако, иудеи стали хозяевами не нескольких христианских рабов, а большого их числа, многие из которых принадлежали к высшему сословию и были доведены до нынешнего состояния деградации тем, что были побеждены в

битве с варварами. Это выглядело нестерпимым скандалом; и не исключено, что старый закон Константина был бы принят вновь, если бы не тот вполне определенный факт, что в этом случае все пленные, взятые в бою, впредь подлежали массовому уничтожению. Поэтому, несмотря на многочисленные попытки, особенно со стороны церкви, смягчить это зло, так и не было предложено запретить покупку рабов еврейскими хозяевами. Маконский собор 582 г. н. э. четко определяет, что "условия, на которых христианин - будь то пленник на войне или купленный - становится рабом иудея, должны соблюдаться". Все, что предусмотрено этим или любым другим из многочисленных Соборов, рассматривающих этот вопрос, это то, что рабы должны иметь право купить себе свободу или чтобы другие могли купить ее для них. Кроме того, Соборы постоянно призывают духовенство, да и всех христиан, давать приют рабам, которые могут укрыться у них от тирании своих хозяев, и даже платить цену, которая выкупит их из плена.

Нет нужды добавлять, что эти предписания не возымели должного эффекта. Ни духовенство, ни миряне ни в одну эпоху, кроме апостольской, не были так готовы расстаться со своими деньгами в пользу любого несчастного страдальца, который мог бы к ним обратиться. Григорий Великий, занявший папскую кафедру в 590 году, был очень серьезен в своих усилиях по пресечению торговли, которую он считал отвратительной. Его письма, адресованные королям, епископам и другим представителям власти, свидетельствуют о горячем рвении и благородстве его натуры; но они также показывают, что все усилия, предпринимавшиеся до этого времени для искоренения зла, оказались безрезультатными.

Положение итальянских евреев в этот период, по-видимому, было необычайно благополучным. Они находились под защитой Теодориха, который несколько раз - в Риме, в Милане, в Генуе - наказывал тех, кто разрушал и грабил еврейские синагоги, и предписывал возместить ущерб. Римские епископы на протяжении всего столетия, и особенно Григорий к его концу, относились к ним со справедливостью и милосердием и, хотя и были полны искреннего желания обратить их в свою веру, подавляли всякое насилие или неосмотрительное рвение.

Но в других частях мира в это время все было иначе. Попытки прозелитизма, которые до сих пор сводились к мирским соблазнам, чтобы подкупить людей для принятия Евангелия, теперь были заменены на еще более худший метод насильственного принуждения. Чилперик, младший сын Клотаря I, чудовище похоти и жестокости, кажется, был первым, кто применил этот метод. Полагая, вероятно, что его собственные злодеяния могут быть искуплены тем, что он считал рвением в деле Христа, он насильно заставил всех евреев в своих владениях принять крещение под страхом мгновенной смерти. Они, похоже, подчинились - от них не требовалось ничего, кроме простого исполнения обряда, - но продолжали поклоняться своей собственной форме культа точно так же, как и раньше.

Обращаясь теперь к Восточной империи, мы обнаруживаем, что в пятом веке христианства о евреях почти ничего не упоминается. Но какие бы изменения ни произошли в их положении, мы можем с полным основанием предположить, что это были изменения к худшему. Несмотря на религиозные смуты времен правления евтихианца Анастасия, Церковь продолжала расти в течение всего этого столетия, и несколько римских императоров, Феодосий II, Маркиан и Лев, были ее преданными приверженцами. Мы не удивляемся, узнав, что в правление Юстина I, 518 г. н. э., который был, по крайней мере, таким же ортодоксальным, как и все его предшественники, евреи были исключены по закону из всех государственных должностей, а также отстранены от службы в армии. Сменивший его племянник Юстиниан не только подтвердил эти законы, но и проявил такую суровость к иудеям и самаритянам, что спровоцировал вспышку восстания среди последних. Некий

Юлиан, который (как и многие до и после него) исповедовал себя Мессией, поднял восстание и был подавлен и убит только после кровавой битвы. Многие из самаритян, как нам говорят, обратились в Евангелие, но есть серьезные основания подозревать, что их мотивом было желание избежать таким образом последствий своего восстания.

Ободренный этим успехом, Юстиниан перешел к еще более жестким мерам против иудеев. Он больше не позволял им свидетельствовать против христиан. Он существенно ограничил их право составлять завещания и распоряжаться своим имуществом. Он постановил, что в случае брака между иудеем и христианином, что он категорически не одобрял, контроль над детьми должен принадлежать родителю-христианину. Наконец, он запретил использовать еврейскую Мишну, как произведение, полное абсурда и лжи, и призвал евреев использовать греческий язык вместо древнееврейского. Вряд ли стоит добавлять, что эти жесткие меры не возымели должного эффекта. Использование Талмуда не было прекращено, а империя ощутимо потеряла в силе из-за отчуждения богатого и могущественного тела, каким были тогда евреи.[67] Через несколько лет после этого новый императорский указ несколько изменил строгость этих постановлений. Самаритянам было разрешено составлять завещания, но в случае завещания, если кто-либо из их детей принимал христианскую веру, они наследовали имущество отца, исключая остальных; если же завещание было составлено, неверующие могли наследовать только шестую часть имущества, находящегося в нем. Примерно через двадцать пять лет после этого иудеи и самаритяне в Кесарии подняли восстание, которое с трудом удалось подавить.

Дальше на восток, во времена правления персидских государей, начиная с Артаксеркса (преемника Сапора, 384 г. н.э.), магиане, получившие верх в царских советах, с одинаковой жестокостью преследовали иудеев и христиан. Даже соблюдение субботы первыми, как говорят, было подавлено. Тем не менее, нам говорят, что князь плена сохранил свой пост и даже богатство и достоинство. О вражде между ним и Ханиной, учителем еврейских школ, подробно рассказывают историки тех времен, но они перемежаются с дикими и причудливыми историями, которым невозможно придать какое-либо значение. Именно в этот мрачный период впервые увидел свет Вавилонский Талмуд, о котором говорилось в одной из предыдущих глав. В основном это была работа рабби Асы, или Аше, главы школы в Соре. Но он умер, не успев завершить работу, и последние штрихи внесли его ученики. Дата ее появления вызывает много споров, но есть вероятность, что она была впервые опубликована в этот период. (См. Приложение II.)

Вскоре после ее появления - в начале шестого века - Кавадес, или Кобад, один из персидских царей, начал ожесточенные гонения, желая обязать всех неверующих в магианство принять его догматы. В его время раввинский самозванец по имени Меир, который, вероятно, выдавал себя за Мессию, поднял восстание, продолжавшееся семь лет. Было ли восстание вызвано гонениями или гонения - восстанием, неясно. Самозванец, как и почти все его прототипы, притворялся, что творит чудеса и, в частности, поднимает огненный столб, который всегда сопровождает его поход, как это было с его отцами в пустыне. Он потерпел поражение и был убит Кобадом, а князь плена был вовлечен в его судьбу[68].

Не лучше обстояли дела у евреев и при Хосросе, или Нуширване, называемом "Великим", [69] который закрыл их школы и запретил распространять их веру. Но, несмотря на эту суровость, суровость Юстиниана показалась западным евреям настолько невыносимой, что они отправили к Хосрою депутацию, подстрекая его к войне с империей. Они разбудили его

хитрость, рассказав ему о богатствах, которые можно было найти в Иерусалиме, и предложили помощь в 50 000 человек. Хосрой прислушался к их уговорам и дважды готовился к войне. Но в первый раз Юстиниан купил мир крупной взяткой, а во второй раз превосходство полководца Белисария заставило его отступить.

После почти пятидесятилетнего правления Хосроя сменил Ормисдас, слабый и порочный правитель, который, тем не менее, разрешил евреям вновь открыть свои школы, и новая серия их президентов, называемых геонимами, или прославленными, взяла на себя власть. После одиннадцатилетнего правления Хормисдас был убит, и трон занял узурпатор по имени Бехрам (или Варанес, как его еще называют), получивший значительную поддержку со стороны евреев. С помощью греческого императора Маврикия сыну Хормисдаса, Хосрою II, удалось сокрушить Бехрама, одновременно жестоко наказав поддерживавших его евреев. Среди прочих были преданы смерти или обращены в рабство евреи Антиохии.

В 602 г. н. э. Маврикий был убит Фокой, который узурпировал трон; Хосрой, желая отомстить за своего старого союзника, объявил войну убийце и пошел на Константинополь. Тем временем евреи в Палестине, не дождавшись прибытия Карузия, полководца Хосроя, восстали против Фоки, пытавшегося насильно обратить их в свою веру, и осадили Иерусалим. Его защищал епископ Захария, который первым делом захватил всех евреев в городе. Осаждающие овладели пригородами и начали сжигать христианские церкви. Осажденные в ответ обезглавливали по 100 еврейских пленников за каждую разрушенную церковь. Ни одна из сторон не уступала в варварстве. Двадцать церквей были разрушены, а головы 2000 евреев сброшены за городскую стену! Не в силах сдержать натиск, евреи отступили в Карузию, под чьим штандартом они и вошли в Иерусалим. Им предстояло отомстить за оскорбления и обиды, нанесенные в течение пяти столетий, и они не щадили себя, а их персидские союзники позволяли им делать все, что им заблагорассудится. Все христианские церкви были разрушены, а все христианское население, до 90 000 человек, истреблено.

Но ни они, ни Хосрус не извлекли особой выгоды из этого успеха. Война с Фокой продолжалась с переменным успехом до 610 года, когда Ираклий,^[70] сын экзарха Африки, напал на Константинополь, сверг Фоку и был провозглашен императором вместо него. После нескольких лет бездействия он воспрянул духом, чтобы противостоять врагам империи. В ходе кампании, длившейся несколько лет, проведенной с удивительной энергией и умением, он вернул себе все провинции, захваченные Хосроем, который вскоре после этого был свергнут и убит. Палестина была в числе отвоеванных стран; нам рассказывают, что в 629 году Ираклий отправился в качестве паломника в Иерусалим, где крест был установлен на свое древнее место, христианский епископ восстановлен на своем патриаршем престоле, а иудеи подверглись суровому возмездию. Среди прочих строгостей был возрожден закон Адриана, запрещавший иудеям приближаться к Иерусалиму ближе, чем на три мили.

Но теперь на сцене появляется новое действующее лицо, которому суждено оказать самое значительное влияние на судьбу евреев в течение многих последующих поколений. Мы должны обратить на него наше внимание.

ССЫЛКИ:

^[67] То, какой вред они способны нанести своим угнетателям, было достаточно наглядно видно при осаде Неаполя Белисарием. Убедившись, что не получают пощады от его рук, евреи убедили горожан отказаться от предложений о капитуляции, которые они обдумывали, пообещав им поставки провизии и оружия. В результате осада значительно затянулась, а

когда штурм состоялся, евреи защищали один квартал с отчаянием, которое привело к большим жертвам.

[68] Он был повешен вместе с председателем Совета. Преемник ему назначен не был. Его сын, Зутия II, бежал в Иудею и стал там председателем сената. Однако впоследствии эта должность была возрождена и просуществовала до XI века. Следует отметить, что Реш Глута, или экзиларх, как называли князя плена, был отличным от геона человеком. Последний занимался исключительно религиозными вопросами, первый - политикой.

[69] Об этом царе рассказывают много басен. Монашеский летописец рассказывает, что он осадил крепость, которую защищали злые духи. Не сумев взять ее штурмом, он созвал служителей всех религиозных организаций в своих владениях и приказал им использовать свои сверхчеловеческие силы для ее захвата. Волхвы, маги и иудеи, каждый по очереди, пытались выполнить эту задачу, но безуспешно. Но, как добавляют, когда христианские священники применили крестное знамение, место было немедленно захвачено.

[70] Ираклий - один из самых необычных персонажей в истории. Некоторые из его подвигов столь же величественны, как и все, совершенные самыми знаменитыми из его предшественников, в то время как иногда его поведение было непостижимо слабым и презренным. Он начал с восстановления древней славы Римской империи, но в итоге оставил ее слабее, чем нашел. Первые несколько лет его правления - последние в истории римской славы.

ГЛАВА IX.

622-651 ГГ. Н.Э.

МАГОМЕТ - ЗАВОЕВАНИЕ АРАВИИ, ПЕРСИИ, СИРИИ И ЕГИПТА.

Магомет родился в Мекке в апреле 569 года. Его отец Абдаллах и мать Амина принадлежали к прославленному племени корейшитов, и опека над Каабой, [71] великим центром арабского поклонения, была наследственной в его семье. Воспитанный в семье священника, человек его интеллигентного ума, естественно, должен был изучать принятые традиции и обряды национальной веры; и, учитывая, насколько развращенными и деградировавшими они стали в его время, мы можем понять, как искреннее желание реформировать и очистить их могло прийти ему в голову. Нельзя отрицать, что Магомет в определенном смысле был самозванцем, хотя его нельзя справедливо считать таковым в самом начале его карьеры. Но его искреннее желание спасти религию от грубости идолопоклонства и восторженная вера в святость своей миссии постепенно ослабевали под влиянием мирской политики, которая всегда является главной опасностью для реформаторов. Тогда прибегли к благочестивым махинациям, чтобы обеспечить успех, которого не смогли добиться усердие и честность. Когда и это не помогло, в ход пошло простое самозванство - хотя, насколько мы можем судить, его вера в свой божественный сан оставалась непоколебимой до последнего. Такова история многих религиозных фанатиков до и после него, хотя никто из них не осмеливался выдвигать столь смелые требования и не добивался столь масштабных и долговременных результатов.

Всевозможные предзнаменования связаны с его рождением. Божественный свет озарил Мекку и ее окрестности; дворец персидских царей рухнул до основания; священный огонь волхвов погас в храмах Гебера; новорожденный младенец поднял глаза к небу и воскликнул:

"Бог велик". Но, несмотря на эти и многие другие божественные знамения миссии, которую ему предстояло выполнить, он продолжал вести жизнь обычного араба, пока в возрасте двадцати пяти лет брак с богатой вдовой по имени Кадиджа не вознес его на видное место среди своих соотечественников.

Примерно через пятнадцать лет после этого развращенное состояние национальной религии[72], которое, вероятно, всегда в большей или меньшей степени занимало его мысли, похоже, полностью поглотило их. Он удалился от общества, проводя дни и ночи в горных пещерах, посещаемых постоянными снами и видениями. Его сознанием овладела мысль о том, что Божество послало в мир череду пророков, каждый из которых должен был восстановить в первозданной чистоте веру, которая постепенно приходила в упадок после ухода его предшественника. Ной, Авраам, Моисей, Иисус Христос - все они сменяли друг друга. Теперь пришло время явиться другому - самому себе. Это было откровение, которое ему было дано; это было послание[73], которое он должен был передать людям.

Он вернулся домой и начал пытаться обратить прозелитов в эту веру; но его успехи были медленными, а противодействие, которое он вызывал, ожесточенным и смертоносным. Ему шел пятьдесят третий год, когда наступил кризис в его карьере, и он был вынужден, рискуя жизнью, бежать из Мекки в Медину. Ученики ислама считают это событие первым открытым провозглашением своей веры. В Медине он оказался во главе вооруженной силы, с которой решил приступить к своей миссии по обращению мира. В то же время он решил, что инструментом, с помощью которого это будет сделано, станет меч.

Попытка казалась дикой. Однако следует отметить, что состояние мира в тот период было необычайно благоприятным для нее. Тогда существовали лишь две могущественные державы - Восточная империя, управляемая Ираклием, и персидское царство Хосроя, а затем Ездегирда. Два последних были людьми весьма заурядными, и то ли праздность, то ли давление внешних обстоятельств заставляли Ираклия бездействовать. Они также не могли прибегнуть услугам великих воинов, таких как Аэций, Нарсес или Белисарий, чей военный гений мог бы помочь в отражении нашествия варварских и фанатичных орд. Кроме того, они были сильно ослаблены долгими и опустошительными войнами. Но как бы ни благоприятствовал этому случай, очевидно, что Магомет, каковы бы ни были его конечные взгляды, не мог в тот момент предпринимать враждебные меры против них. Его первой задачей должно было стать приведение к повиновению жителей самой Аравии, а самыми грозными из них были различные еврейские общины, которыми в то время была усеяна эта земля.

За много веков до этого, не менее семи или восьми, иудейское царство было основано в том районе Йемена, который назывался Гомерит. В течение долгих веков, когда их собратья в Святой Земле и других местах испытывали самые ужасные страдания, евреи Гомерита, похоже, жили в непрерывном мире и процветании в прекрасных и плодородных долинах Аравии Феликс. Через некоторое время в страну пришли ариане, и с ними, как всегда, евреи жили в дружеских отношениях. Но когда христиане-католики также получили в стране прописку под защитой соседнего царя Эфиопии, Дунаана, гомеровский царь, предпринял попытку истребить их. Он напал на их главный город, Нагру, с большим войском, заставил его капитулировать, а затем, нарушив веру, убил и бросил в тюрьму главных людей из числа христиан. В следующем году за них отомстил царь Эфиопии, который выступил против Дунаана со 120 000 человек, покорил, сверг и убил его. Вместе с ним исчезло и гомеровское царство, а подданные Дунаана образовали несколько независимых племен, которые, вероятно, было труднее подчинить, чем какую-либо единую общину. Магомет, по-видимому, сначала надеялся склонить их к своим взглядам. Как уже отмечалось, их вера была почти

такой же, как и та, которую провозглашал он сам, за исключением одной статьи его собственных сверхъестественных притязаний. Но факт его происхождения от Измаила, а не от Исаака, был непреодолимым препятствием для любого признания его ими; и он был вынужден прибегнуть к методу обращения, который он сам провозгласил. Племена Каинока и Надира, жители Кораиды, Фадая и Хайбара подвергались поочередному нападению, и в каждом случае их побеждали и почти истребляли. К побежденным была проявлена самая беспощадная суровость. Семьсот кораидцев, сдавшихся на его милость, были притащены в город Медину и хладнокровно зарезаны в присутствии Пророка, который сам повелевал и одобрял это деяние.

В том же духе после взятия цитадели Хайбара Кенана, галантного иудейского принца, завоеватели подвергли жесточайшим пыткам, чтобы заставить его признаться, где он спрятал свои сокровища; а когда они не достигли своей цели, ему отрубили голову саблей. Но в это время Магомету удалось спастись от мести иудеев благодаря поступку женщины. По прибытии в цитадель он потребовал, чтобы ему подали еду, и перед ним и его последователями поставили баранью лопатку. Но первый же глоток вызвал у него сильную внутреннюю боль; и хотя его тут же вырвало съеденным, его организм впитал столько яда, который содержался в мясе, что до конца его жизни он испытывал постоянные пароксизмы страдания. Иудейка, отравившая ягненка, спокойно призналась в содеянном и оправдала его. ^{74]} Ее судьба неизвестна.

Став независимым правителем, Магомет направил письма Ираклию, Хосрою и правителю Египта, предлагая им принять его веру. Хосрус принял их с презрением и гневом, а два других, как нам сообщают, с вежливостью и притворным уважением. Тем не менее, были получены сообщения, что Ираклий собирает армию для его сокрушения; и, вероятно, Магомет последовал бы сейчас тому, что давно было его настойчивой целью, и приступил бы к насильственному обращению соседних народов, если бы не чувствовал приближающегося упадка жизненных сил. Он собрал армию и двинулся через всю страну к Табуку, но весть о том, что сирийцы собрали большое войско, и опыт битвы при Муте, в которой они показали себя грозными врагами, побудили его отступить в Медину.

Но после его смерти Абу Бекер, первый халиф, приготовился без промедления выполнить программу своего предшественника. В Ирак, древнюю Халдею и Вавилонию, была отправлена армия под командованием Халеда, прозванного "Мечом Божиим" и одного из самых способных мусульманских вождей, с приказом захватить и покорить Хиру, Куфу и Айлу, все эти даннические царства, находившиеся под сюзеренитетом Персии. ^[75] Халед выполнил свою задачу с поразительной быстротой и полнотой; и когда он был отозван, чтобы принять командование в Сирии, его преемники, следуя за его победами, с редкими поражениями, вошли в самое сердце Персии, выиграли великие сражения, захватили Модайн, Хамадан и Истакан (древние Ктесифон, Экбатана и Персеполь), и, наконец, выследили и убили незадачливого Йездегирда. Вместе с ним закончилась династия Сасанидов, и вся Персия в 651 году н.э. подчинилась власти халифов.

С таким же поразительным успехом воины ислама продвигались в Сирии и Египте. В первой стране, несмотря на то, что им противостояли дисциплинированные войска, сохранившие традиции древнеримской войны, их пламенная доблесть повсюду одерживала победу. Легкие арабские всадники, правда, отступали перед стройными рядами греческой фаланги, но только для того, чтобы снова и снова возвращаться к схватке, пока их обученные антагонисты не были обескуражены или измотаны. Сражались ли они за валами укрепленного города или на открытой равнине - все было одинаково. Босра, Дамаск, Баальбек, Эмеса после длительной осады были вынуждены открыть свои ворота перед

завоевателями. В Айжадине и на берегах Ермука военное мастерство и численное превосходство не смогли сдержать натиск завоевателей.

Дав себе короткую передышку, победоносные сарацины двинулись на осаду Иерусалима, города, к которому они относились с почти таким же глубоким почтением, как и сами евреи. [76] Читателю уже рассказывали, как природа и искусство объединились, чтобы сделать этот город почти неприступным для штурма. В данном случае его укрепления были тщательно отремонтированы и укреплены в расчете на осаду; он был хорошо снабжен продовольствием, а его гарнизон состоял из большого и дисциплинированного войска. Против такого неопытного в военном искусстве врага, как сарацины, он вполне мог бы выдержать даже самую упорную блокаду. Однако прошло всего четыре месяца, прежде чем было сделано и принято предложение о капитуляции, и халиф Омар [77] прибыл для обсуждения условий. Они заключались в том, что жизнь и имущество жителей должны быть сохранены, а свободное исповедание религии разрешено; но на условиях, на которые ничто, кроме страха перед скорой и неизбежной смертью, не могло побудить христиан подчиниться. Они должны были не строить новых церквей, не устанавливать новых крестов, не принимать прозелитов в свою веру и не препятствовать христианам исповедовать исламизм. Они должны были носить особую одежду, не носить оружия, не иметь рабов-мусульман и приветствовать каждого мусульманина как начальника! На месте иудейского храма, который так долго стоял заброшенным, была возведена магометанская мечеть, в которой с того дня и по сей день, с небольшими перерывами, совершается исламское богослужение.

Если рассказы о завоеваниях Персии и Сирии кажутся нам удивительными, то рассказы о завоеваниях Египта должны восприниматься с еще большим удивлением. Империя фараонов действительно сильно поредела по сравнению с ее древним состоянием и силой, но это все еще было могущественное государство, способное вывести на поле боя многочисленную армию. Тем не менее Амру, которому было поручено командование экспедицией по ее захвату и покорению, выделил для этой цели всего пять тысяч человек. С ними он вступил в Фарвах, или Пелузий, и, захватив этот город благодаря вероломству губернатора, двинулся к Александрии. Она также была сдана после четырнадцатимесячной осады, после чего последовала покорность всего Египта.

При описании этой необычной завоевательной карьеры нас, конечно, интересует, как она отразилась на евреях; и везде можно обнаружить, что, как и в случае с вторжением северных народов, то, что было разорением и несчастьем для других, не повредило, а даже пошло им на пользу. В Персии Ездегирд подверг их жесточайшим гонениям, закрыл их синагоги и школы, истребил многих, кто отказался принять магианство. В Палестине они подвергались суровым законам, незаслуженному презрению и изгнанию из своей древней столицы. В Африке они также подвергались насилию со стороны вандалов-ариан и христиан-католиков. Теперь всему этому пришел конец. Новые хозяева предоставили им равные права на проживание и гражданство, свободное исповедание религии, надежное владение собственностью, равенство в импорте с соседями-христианами. У кого бы еще ни были причины сетовать на перемены, произошедшие на лице мира, у них, по крайней мере, их не было.

ССЫЛКИ:

[71] Кааба, как говорят, была построена Измаилом при содействии его отца Авраама в подражание святилищу, которое, согласно легенде, существовало в Раю и в котором поклонялся Адам. В одном из углов его стоит священный камень, который арабы считают

Ангелом-хранителем Адама и Евы, превратившимся в такую форму в наказание за пренебрежение, допустившее их грехопадение. Изначально он был ослепительно белого цвета, но поцелуи грешных людей придали ему нынешнюю черноту. К этой святыне арабы совершают паломничество, совершая семь кругов вокруг нее, в память о семи кругах, которые имели обыкновение совершать ангелы в раю.

[72] Идолопоклонство арабов в это время было самым грубым. В Каабе было установлено не менее 360 идолов - многие из них были богами соседних народов или умерших царей и патриархов.

[73] Коран утверждает, что он не является сочинением Магомета, а представляет собой божественное откровение, которое он должен был передать с мельчайшей точностью. Он утверждает, что переиздает то, что уже было передано Аврааму, Моисею и Христу, а теперь еще яснее - Магомету. Она учит: I. Единству Бога. II. Служение ангелов и пророков. III. Абсолютное предопределение, или фатализм. IV. Воскресение и будущий суд. Она отвергает Троицу и Божество нашего Господа и настаивает на божественной миссии Магомета. В этом последнем пункте, а также в уважении, проявляемом к Христу, он отличается от иудаизма.

[74] "Если он Мессия, - говорила она, - то яд не сможет причинить ему вреда; если же нет, то он самозванец и заслуживает смерти".

[75] Когда Хосрой получил письмо Магомета, приглашавшее его принять ислам, он с презрением разорвал его на куски. Услышав об этом, Магомет воскликнул: "Так же будет разорвано и его царство". Несомненно, Абу Бекер имел это в виду, когда отправлял экспедицию.

[76] В утро штурма Иерусалима обращение Моисея к израильтянам в Коране: "Войдите, о люди, в Святую землю, которую Бог предназначил для вас", было прокричано вслух после утренней молитвы всей осаждающей армией.

[77] Омар сменил Абу Бекера в 633 году н. э., менее чем через два года после смерти Пророка. Он был халифом, который сжег Александрийскую библиотеку, и первым из Оммиадов.

ГЛАВА X.

622-740 ГГ. Н.Э.

ЕВРЕИ В ВОСТОЧНОЙ ИМПЕРИИ; В ИСПАНИИ, ВО ФРАНЦИИ.

Возвращаясь теперь к евреям под властью восточных императоров, мы не можем не поразиться разнице в поведении последних по отношению к ним с тем, что было записано о мусульманских завоевателях. Магомет, правда, допускал существование только одной веры в Аравии; но за пределами этой священной земли все, кто признавал власть халифа, были защищены от оскорблений или несправедливости. Но христианские императоры Константинополя - то есть те из них, кто чувствовал себя достаточно сильным, чтобы посягнуть на права любой части своих подданных, - считали делом совести пытаться требовать принятия христианства иудеями, хотя в этот период они не прибегали к наказаниям в случае отказа. Даже Фока, чье рвение к вере не могло быть очень острым, послал префекта Георгия в Иерусалим, требуя, чтобы главные иудеи там, в знак своей верности, приняли крещение. Ираклий попытался сделать то же самое, используя, как

говорят, насильственные и жестокие меры для достижения своей цели, но с очень частичным успехом. У этого императора было две особые причины неприязни к ним, одна из которых апеллировала к более благородным, а другая - к слабым сторонам его характера. Первая - воспоминания о варварстве, которое они учинили при взятии Иерусалима персидскими войсками; вторая - предсказание, сделанное ему прорицателем, которому он доверял, что Римская империя будет свергнута обрезанным народом.[78] Совершенно не зная о буре, которая собиралась в горах Аравии, он, естественно, предположил, что речь идет об иудеях, и поэтому попытался предотвратить зло, обратив их в Евангелие. Говорят, что под влиянием своей тревоги он отправил письма королям Испании и Франции, призывая их объединиться с ним в деле истребления опасной расы.

Проводил ли такую же политику кто-либо из многочисленных слабых преемников Пурпура, оказавшихся между ним и Львом Исавром, нам не известно. Но маловероятно, чтобы они пытались это сделать. Существование обрезанной и воинственной расы, отличной от иудеев, в их время стало бы предметом дурной славы; и тревога была бы направлена на другой квартал. Нападать на евреев было бы небезопасно и неapolитично. Их богатство и интеллект делали их полезным инструментом в проведении имперской политики, а их численность и буйный дух не позволяли вмешиваться в их дела. В многочисленные беспорядки, происходившие между ортодоксальными христианами и их противниками, евреи обычно вмешивались и давали перевес последним.[79] Если бы они не спровоцировали вмешательство властей фактической смутой, то, скорее всего, были бы предоставлены сами себе.

Но когда в 716 г. н. э. за скипетр вновь схватился могущественный правитель в лице Льва, ситуация изменилась. Говорили, правда, что этому императору обещали пурпур при условии, что он воспользуется данной ему властью для уничтожения изображений в христианских церквях; но эта история не опирается на достоверные свидетельства и опровергается его действиями в самом начале его правления; ведь едва он сел на свой трон, как потребовал, чтобы все его иудейские и монтанистские подданные приняли крещение. Иудеи, похоже, согласились на эту церемонию, хотя продолжали исповедовать свою собственную веру без изменений. Какое участие они принимали в последующем уничтожении изображений[80] и разрушении христианских церквей, можно легко предположить из того, что уже было рассказано.

Перейдя в Испанию, мы видим, что в течение этого столетия евреи занимали иное положение и подвергались гораздо более суровым наказаниям. В этой стране они поселились давно, еще до христианской эры, и, судя по всему, жили в мире и безопасности. До Эльвирского собора не было зафиксировано ни одного закона, ограничивающего их свободу. Но тогда было постановлено, что христиане и иудеи не должны заключать браки и садиться за стол вместе. Это была первая нота, так сказать, фанатизма и нетерпимости, которые впоследствии с таким ужасающим раздором прозвучали по всей Испании. На некоторое время вспышка была остановлена вторжением вестготов, которые, хотя и были христианами, исповедовали арианство. С ними, как уже отмечалось, евреи всегда жили в дружеских отношениях. Но в конце шестого века Реккаред отрекся от арианства, приняв католическую веру, и вскоре наступило новое положение вещей.[81] По постановлению Толедского собора, состоявшегося на четвертом году его правления, евреям не разрешалось иметь рабов-христиан, занимать государственные должности, жениться на женах-христианках и петь псалмы, когда они несли своих мертвых в могилу.

За этими указами вскоре последовали гораздо более суровые меры. Предполагается, что Сисебут, унаследовавший готское королевство в 612 году, получил от императора Ираклия, как уже говорилось, настоятельную просьбу уничтожить иудаизм во всех его владениях. Независимо от того, правдиво это сообщение или нет, он определенно действовал так, как будто это было его намерением. Он приказал всем евреям принять крещение, многих заключил в тюрьму, а многих, кто не подчинился его приказу, предал смерти. Многие из них бросили все свои владения и переселились в различные части Галлии. Однако испанские историки утверждают, что до 90 000 человек приняли крещение не из-за изменения своих убеждений, а из-за страха перед последствиями отказа. После смерти Сисебута, похоже, наступило короткое затишье в буре гонений, и многие из псевдообращенных после этого вернулись к исповеданию своей древней веры.

Четвертый Толедский собор, состоявшийся в 633 году н. э. под председательством Исидора Севильского, постановил, что "людей нельзя принуждать к вере, но они должны верить по своей воле". Но хотя Исидор, которому, по всей вероятности, и следует приписать этот единственный луч света среди окружающей тьмы, смог таким образом выразить язык милосердия и истины, он не был достаточно мудр, а возможно, и достаточно влиятелен, чтобы быть последовательным; Ибо сразу после этого декрета добавляется, что все, кто принял крещение - вольно или невольно - должны быть вынуждены соблюдать его, "потому что иначе Святое Имя Божье будет хулиться, и вера будет опозорена"; как будто в ложном исповедании нет худшего богохульства и более глубокого позора, чем в честном отречении!

Тот же Собор добавляет постановления, против которых, должно быть, восставала большая и милосердная натура Исидора. 60-й канон требует, чтобы "сыновья и дочери иудеев были отделены от своих родителей, чтобы не быть вовлеченными в их заблуждения"; 63-й - чтобы "иудеи, имеющие жен-христианок, если они хотят жить с ними, должны стать христианами; если же они отказываются повиноваться, то должны быть отделены"; 64-й - чтобы "иудеи, бывшие ранее христианами, не допускались в свидетели"; 65-й - чтобы "иудеи и их потомки не занимали государственных должностей, и всякий, кто получит такую должность, должен быть публично бичеван". Еще более чудовищный указ гласит, что любой новообращенный христианин, который хотя бы заговорит с евреем, станет рабом, а еврей, с которым он говорил, будет подвергнут публичному бичеванию!

Двенадцатый Толедский собор в 681 году повторяет эти безжалостные строгости, которые (что неудивительно) не могли быть приведены в действие иначе, как прямым вмешательством государства, и добавляет другие подобные меры. "Евреи, - предписывается, - должны предлагать себя, своих детей и своих слуг для крещения"; они "не должны праздновать Пасху или делать обрезание"; они "не должны осмеливаться соблюдать субботу или любой еврейский праздник"; они "не должны осмеливаться защищать свою религию в унижение христианской веры"; и "они не должны читать книги, отвратительные для христианской веры". Наказанием за нарушение этих и подобных им постановлений до сих пор была смерть. Но крайняя суровость такого приговора, как утверждается, препятствовала его исполнению. Поэтому были изданы новые приказы, в которых строгость наказаний была смягчена. Отныне, если еврей осквернял имя Христа или Святой Троицы, или отвергал таинства, или соблюдал иудейские праздники, или работал в воскресенье, он должен был получить *только* сто ударов плетью по голому телу, после чего его заковывали в цепи и изгоняли из страны, а все его имущество конфисковывали в пользу государства! Если мужчина обрезал своего ребенка, он должен был подвергнуться увечьям, а если это делала женщина, то она должна была лишиться носа. Если еврей осмеливался занять государственную должность при знатном человеке, он должен был лишиться половины

своего имущества и подвергнуться бичеванию; если же он вступал в доверительные отношения с церковным начальником, то должен был потерять все свое имущество или быть сожженным заживо! Читатель, читая эти постановления, наверняка вспомнит изречение Соломона о "нежной милости к нечестивым".

Но мститель был уже близко. Уже несколько лет поток сарацинских завоеваний катился вдоль северного побережья Африки, пока не достиг королевства Марокко; тогда он должен был повернуть на юг, в бесплодные пустоши Сахары, или на север, в густонаселенные и плодородные земли Испании. Можно было не сомневаться, что из двух вариантов они предпочтут; и Вамба, один из самых мудрых и умелых готских государей Испании, предвидя такую катастрофу, собрал флот, с которым столкнулся с сарацинами в 675 году н. э., и нанес им катастрофическое поражение, отсрочившее вторжение в Испанию почти на сорок лет. Но в правление Эгики, а затем и его преемника Витизы, надвигающаяся опасность для испанской монархии стала настолько очевидной, а страх, что евреи будут сотрудничать и ускорят вторжение мусульман, настолько тревожным, что для его предотвращения были приняты меры, свидетельствующие одновременно об ужасе, спешке и самообвинении.

Сначала были предприняты попытки запугать евреев. Эгика заявил, что ему стало известно из их открытых заявлений, что евреи вместе с врагами за морем замышляют гибель христианства. Поэтому, чтобы противодействовать их усилиям, все еврейские дети старше семи лет должны быть отобраны у родителей, мужчины женаты на христианских девушках, а девушки - на христианских мужчинах, и дети во всех случаях должны быть воспитаны в христианской вере, чтобы в следующем поколении евреи могли полностью прекратить свое существование как отдельный народ. Это, похоже, не имело другого эффекта, кроме как вызвать всеобщее бегство евреев из Испании, что среди всего прочего могло привести к беде, которой опасались. Витиза попытался исправить ошибку. Он издал прокламацию, разрешающую всем евреям вернуться в Испанию и пользоваться там всеми правами свободы и гражданства. Но этот шаг был сделан слишком поздно. Если евреи договорились с Музой о вторжении в Испанию, как утверждали их враги, то их козни не могли быть отменены. В 711 году, через два года после восшествия на престол нового государя Родерика[82], мавры переправились в Испанию; на берегах Гваделета состоялась решающая битва, в которой мусульмане одержали победу, и готское королевство Испания прекратило свое существование.

И снова страдания от огня и меча, опустошившие весь Испанский полуостров, не причинили страданий евреям, проживавшим в его пределах. Есть ли хоть какая-то доля правды в обвинениях, с которыми на них обрушились христиане, - в сговоре с мусульманами, предоставлении им секретной информации, открытии перед ними ворот осажденных городов и т. п., - сказать трудно. В некоторых случаях обвинения явно ложны, в других - весьма сомнительны. Но даже если допустить, что они правдивы, нельзя удивляться тому, что люди, столь упорно обижаемые и оклеветанные, ополчились на своих угнетателей, когда им представилась такая возможность. За переселением мавров в Испанию последовал долгий период процветания и мира, во время которого евреи прославились на всю Европу своим богатством, умом и образованностью. В Кордове была основана знаменитая школа иврита, в которую, как говорят, приезжали ученики со всех концов Европы.

Во Франции в течение этого века, по-видимому, царил тот же дух, что и у католических королей Испании. Чилперик, как уже было сказано, в конце предыдущего века настаивал на обязательном крещении своих еврейских подданных.

В начале седьмого века Хлотарь II издал указ, запрещающий евреям занимать любые военные или гражданские должности. Дагоберт, правивший с 628 по 638 год, издал еще более суровый указ, согласно которому все его еврейские подданные должны были отказаться от своей веры или покинуть его владения. Говорят, что он тоже действовал под влиянием императора Ираклия.^[83] Но доказательств этому нет, и утверждается, что королевский приказ, если он и был издан, мало соблюдался, поскольку евреи, по крайней мере в южных частях его королевства, оставались многочисленными и богатыми на протяжении всего его царствования. Однако Вамба, готский король Лангедока, несомненно, предпринял указанный шаг и изгнал их из своего королевства.

СНОСКИ:

[78] Можно было бы заподозрить подлинность этой истории, но историки принимают ее, по-видимому, без сомнений.

[79] Воспользовавшись народной вспышкой против Мартина и Гераклеона, иудеи осквернили церковь Святой Софии со всевозможными безобразиями и, по-видимому, безнаказанно.

[80] Вне всякого сомнения, их обвиняли в подстрекательстве к этому.

[Я не хочу сказать, что согласие между арианами и иудеями, в отличие от разногласий между католиками и иудеями, является основанием для похвалы или порицания одних и других. Можно небезосновательно утверждать, что именно безразличие ариан к чести Господа нашего и ревность католиков к ее поддержанию являются причиной как согласия, так и раздоров. Я лишь констатирую факт.

[Общепринятая история о том, что граф Юлиан уговорил Музу вторгнуться в Испанию, чтобы отомстить за оскорбление его дочери Флоринды, по всей вероятности, является вымыслом. О ней не упоминает ни один историк на протяжении почти 500 лет после смерти Родерика, и то лишь в качестве легенды. Учитывая нравы того времени и неограниченную свободу готских королей, маловероятно, что подобное деяние, если бы оно было совершено, вызвало бы столь яростное возмущение: вторжение в Испанию можно объяснить более простым способом - осуществлением плана Магомета по постепенному завоеванию.

[83] Rabbi Joseph, i. p. 2.

ГЛАВА XI.

740-980 ГГ. Н.Э.

ЕВРЕИ ПРИ ХАЛИФАХ НА ВОСТОКЕ.

Период, наступивший после завоевания Персии и Сирии на Востоке и Испании на Западе, Мильман называет "золотым веком иудаизма"; но это название не очень подходит к обстоятельствам дела. Это не был, как представляют Золотой век легенды, мирным и счастливым началом, которое преступления людей постепенно омрачили и испортили. Он скорее напоминал череду прохладных ливней в палящий летний день, когда яростный утренний зной утихает в полуденные часы, но лишь для того, чтобы с наступлением полудня разразиться еще более невыносимым гнетом. Контраст, который представляет собой это затишье в буре несправедливости и жестокости с дикой яростью предшествующих, а также

последующих времен, поистине поразителен. Повсюду пламя гонений утихало, а то, что было всепожирающим огнем, тлело, лишь слабо мерцая то тут, то там, чтобы показать, что оно не совсем угасло.

О состоянии и действиях евреев в Византийской империи в этот период нам известно крайне мало. Императоры, занимавшие трон, в большинстве своем были людьми весьма заурядными. Среди их подданных также не было людей более выдающихся. "На троне, в лагере и в школах, - говорит историк Гиббон, - мы ищем, возможно, с бесплодным усердием, имена и характеры, которые заслуживают того, чтобы быть спасенными от забвения". Это само по себе может объяснить, почему о евреях так мало слышно. Мы знаем, что они не могли занимать высокие посты в церкви или государстве или открыто вмешиваться в управление государственными делами; а то частное влияние, которое они могли бы оказывать на них, тщательно хранилось бы в тайне. Что касается нападения на них, то мы уже видели, что их численность, редкий ум и постоянно растущее богатство делали их опасными для любого, кроме могущественного правителя; и, несомненно, слабые и некомпетентные обитатели императорского трона в ту эпоху были бы мало склонны к такому эксперименту. То немногое, что дошло до нас, доказывает, что императоры стремились к их примирению. Никифор, получивший пурпур в 793 году, как говорят, проявлял к ним особую благосклонность, вероятно, из-за их согласия с его иконоборческими взглядами; а Михаила Затворника, чье правление датируется 821 годом, враги поносили за то, что он был наполовину евреем.^[84] Если вспомнить, как в этот период Константинополь был охвачен одновременно гражданскими и религиозными фракциями, и что евреи, как бы мало они ни были лично заинтересованы в вопросе, всегда были готовы бросить свой вес то на одну, то на другую чашу весов, то мы перестанем удивляться тому, что они оставались совершенно незащищенными.

Во владениях новоявленных халифов их не только оставляли в покое, но и относились к ним с особым почтением. Победившие арабы были грубым и нецивилизованным народом, и помощь евреев в обучении их искусствам и удовольствиям изысканного общества была в равной степени полезна и желанна. Их образованность, интеллект, обширные знания о чужих землях делали их особенно пригодными для этой цели. Рассказывают, что Омар, второй халиф, сразу после своего вступления на престол доверил чеканку монет одному еврею. Как и следовало ожидать, он не был знаком с этой темой, и среди его главных офицеров не было никого, кто бы знал больше по этому вопросу. Точно так же, если нужно было направить посольство к иностранному государю или договориться о субсидии, выбранный для этого человек, по всей вероятности, был евреем. Когда Абу Гиафар наложил на христиан большой штраф, сбор пошлин был поручен еврейским чиновникам; и даже между такими могущественными государями, как Карл Великий и халиф Харун Альрашид, посланник, которому поручались письма и подарки, был евреем.

На войне они были не менее необходимы, чем в мире. Суммы, необходимые для оснащения флота или снабжения армии продовольствием, поступали из еврейской казны. Этим не ограничивались и их занятия. Евреи сопровождали походы мусульманских армий и, как это делали их отцы во времена готских и гуннских нашествий, скупали у невежественных солдат награбленное ими добро по цене, приносившей им огромную прибыль,^[86] или же это мог быть пленник, которого семья или друзья впоследствии выкупали по цене, в десять раз превышающей ту, что они дали. Мы узнаем, что в это время они почти полностью отказались от сельского хозяйства; отчасти из-за тяжелого налога на неверующих, а отчасти потому, что торговля стала для них гораздо выгоднее. Они также культивировали астрологию и медицину и повсеместно стали самыми успешными профессорами обеих наук. Во многих, если не в

большинстве королевских дворов главными врачами и астрологами были евреи. Не менее успешны они были и в литературе. И на Востоке, и на Западе их школы были переполнены учениками, а имена ученых этой эпохи почитаются и по сей день.

Именно в это время мы впервые слышим о секте под названием караимы.^[87] Они претендуют на гораздо большую древность, настаивая на своем происхождении от десяти колен, уведенных в плен Шалманезером, и приводя каталог своих врачей, регулярно сменявших друг друга со времен Ездры. Но считается, что их первым основателем был некий Ананус, вавилонский еврей из рода Давида, который вместе со своим сыном Саулом в 750 г. н. э. публично выступил против того, насколько традиция испортила письменное слово, и настаивал на том, чтобы это последнее было единственным правилом веры. В Евангелиях мы находим свидетельства того, до какой степени традиция дошла даже во времена нашего Господа, и как Он заявил, что фарисеи "сделали Слово Божие недействительным" через нее. Но после этого времени каббалисты и масоретские раввины, которые были преемниками фарисеев, как никогда подчеркивали важность традиции; а завершение Вавилонского Талмуда в шестом веке стало как бы краеугольным камнем их работы. Мы не можем удивляться тому, что здравомыслящие и благоговейные люди были шокированы дикими баснями и нелепыми выдумками талмудистов. Судя по всему, в тайне широко распространялось сильное чувство по этому поводу; но первое его проявление было связано с неудачей Анана получить сан князя плена, на который он был кандидатом. Раздосадованный избранием на этот пост более молодого человека, Ананий собрал остатки старой саддукейской партии, или так называемой партии, и побудил их выдвинуть его в качестве соперника своего успешного оппонента. Ананус был брошен в тюрьму, но заручился доверием халифа и добился своего освобождения. Затем он вместе со своими последователями удалился в окрестности Иерусалима, где обосновался как отдельная секта. Они до сих пор существуют, в основном в восточных странах и в некоторых частях Европы, особенно в Крыму^[88].

Несмотря на общее процветание, в котором пребывали евреи в этот период, были и некоторые неудачи. Говорят, что Гиафир, прозванный Великим, издал указ, предписывающий и христианам, и евреям принять исламизм. Аль-Ватек, преемник Мамуна, одного из аббасидских халифов, живший в Куфе, наложил на них большие штрафы, отчасти за то, что они совершали махинации при управлении вверенными им финансами, а отчасти за то, что они отказались от религии Магомета. Но количество причиненных страданий не могло быть большим ни в том, ни в другом случае. Однако Мотакавель, его брат и преемник, был еще более суров в обращении с ними. Он заставил их носить кожаный пояс, чтобы отличать их от верных. Он запретил им использовать стремени при верховой езде, а впоследствии и вовсе запретил ездить на лошадях. Сводка различных знаков отличия и знаков деградации, наложенных на евреев европейскими и азиатскими государями, составила бы любопытное исследование.

К этому периоду относится и странная история царства Хозар, которую некоторые историки считают полной искажений и преувеличений, а некоторые - просто выдумкой. Хозар принадлежал к туркоманам, языческому народу; сообщается, что где-то в середине восьмого века Булар, его король, благочестивый и вдумчивый принц, получил откровение во сне, или, согласно другой версии, через наставления ангела, - которое показало пустоту религии, которую он исповедовал. После этого он начал искать более чистую веру и, пообщавшись с учеными людьми, исповедующими христианство, исламизм и иудаизм, сделал выбор в пользу последнего вероучения. Согласно одной из версий истории, он пришел к этому решению несколько необычным образом. Разговаривая с одним христианином, он спросил

его, не считает ли он иудаизм предпочтительнее магометанства, и получил ответ, что считает. Затем, ведя аналогичную беседу с магометанином, он поинтересовался, не считает ли *тот* иудаизм более предпочтительным, чем христианство. Получив и здесь утвердительный ответ, он решил отдать предпочтение первой названной вере, так как оказалось, что она занимает первое место в оценке иудея и второе - в оценке каждого из двух других. Сам приняв обрезание, он послал за учеными иудеями из соседних стран, которые со временем привели весь его народ к вере Израиля. Была возведена скиния, подобная той, что была установлена Моисеем в пустыне, и регулярно совершались иудейские богослужения.

Подлинность этой истории оспаривалась примерно два с половиной века спустя, но рабби Хосдай, ученый человек, которому покровительствовал Абдерраман, кордовский халиф, решил выяснить истину, и с большим трудом добыл письмо Иосифа, царствующего государя Хозара. В нем царь повторил историю обращения своего предка, причем в том виде, в каком она была изложена народной молвой. Письмо Хоздая сохранилось, как и ответ на него, и, похоже, нет причин сомневаться в подлинности первого, во всяком случае.

Баснаге и другие отвергают всю эту историю как басню. Утверждается, что это царство Хозара, если его поискать, можно найти не больше, чем Эльдорадо испанцев или владения Престера Джона; даже знаменитый путешественник времен Хосдая, Вениамин Тудельский, хотя и стремился, ради чести своего покровителя, обнаружить его, полностью провалился. Однако современные исследования доказали, что такое королевство действительно существовало, и самые рассудительные историки, в том числе и Йост, склоняются к тому, что в этой истории есть доля правды.

В Испании в этот период все, кажется, шло благополучно, за исключением того, что самозванец по имени Серенус, который, как и многие до и после него, исповедовал себя Мессией, воспользовавшись неурегулированным положением дел между Францией и Испанией, убедил большое количество своих соотечественников последовать за ним в Палестину, где он предлагал основать свое королевство. Похоже, ему не удалось достичь Святой земли, и большая часть его последователей погибла во время этой попытки. Те, кто выжил, вернулись в свои дома, но обнаружили, что их имущество конфисковано в пользу государства.

В 750 году в Дамаске произошла революция, в ходе которой почти вся династия Оммиадов (так называли потомков халифа Омара) была прервана, а халифат перешел к Абул Аббасу. Юсеф, мусульманский эмир в Испании, встал на сторону узурпаторской семьи; но мавританские вожди в целом желали утвердить свою независимость и, найдя в Абдерахмане бен Моасии еще уцелевшего представителя рода Оммиадов, посадили его на трон под титулом халифа Кордовы. Его правление было мудрым и могущественным, и при нем евреи достигли зенита своего процветания.

Теперь мы собираемся перенести наше внимание на страны Западной Европы, где произошли почти все важные события, к которым причастны евреи на протяжении нескольких последующих веков. Но прежде следует рассказать о том, что известно о еврейских общинах, живших в тех странах далекого Востока, которые не признавали ни скипетра Рима, ни Персии. Сведения о них весьма скудны и опираются на весьма сомнительные авторитеты, но это не является достаточной причиной для того, чтобы не сохранить все, что можно почерпнуть о них из различных источников.

ССЫЛКИ:

[84] Аналогично и по той же причине Константин Копроним был прозван "евреем".

[85] Халиф Альмамун, большой покровитель знаний, приказал перевести многие раввинские книги на арабский язык и поместить их в королевскую библиотеку в Багдаде.

[86] После взятия Родоса один еврей из Эдессы купил останки знаменитого Колосса, который лежал на земле с тех пор, как его свергло землетрясение. Его высота составляла семьдесят локтей, а построен он был из латуни. Говорят, что на его фрагменты можно было погрузить девятьсот верблюдов. Вероятно, деньги на покупку были смехотворно малы, а прибыль огромна.

[87] Текстуалисты, то есть. Оно было прикреплено к ним в первую очередь как термин упрека.

[88] Считается, что догматы караимов были следующими:

1. Сотворение мира в противоположность его вечному существованию.
2. Что Бог не имеет начала, не имеет формы и что Его единство абсолютно.
3. Что Он послал Моисея и передал ему Закон.
4. Что каждый верующий должен черпать свою веру из простого толкования Священного Писания, не обращая внимания на традиции.
5. Что Бог воскрешает мертвых и судит людей в будущем.
6. Что Он не отверг Свой избранный народ.

Записывая эти мнения, следует отметить, что вполне возможно (более того, вероятно), что среди евреев задолго до времени Анана существовала партия, которая придерживалась понятий, идентичных или очень похожих на них, и называлась караимами, *то есть* "текстовиками"; но они не выделялись в отдельную общину под именем караимов до 780 г. н.э.

ГЛАВА XII. ЕВРЕИ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА.

Насколько далеко простирались границы власти, которой обладал князь плена, всегда остается неясным. Существуют записи о том, что происходило в Римской империи вплоть до ее падения, на которые можно положиться с достаточной степенью уверенности. Царство Персии также имеет своих историков, которые проливают свет на то, что происходило в этой стране в течение веков, с которыми мы имеем дело. Но о том, что происходило дальше на восток, у нас нет достоверных сведений. В Аравии, как мы уже видели, существовали многочисленные и процветающие еврейские общины - более того, там на протяжении многих веков существовало еврейское царство, способное держаться наравне с соседними государствами. Кроме того, несомненно, что евреи были не только в Парфии и Мидии, в Эламе (или Персии), Месопотамии, Каппадокии, Понте, Фригии, Памфилии и Ионии, [89] как отмечается во второй главе Деяний; но есть основания полагать, что они распространялись гораздо дальше на восток.

Предания ранней Церкви утверждают, что Евангелие было проповедано несколькими апостолами - в частности, Фомой, Симоном Зелотом и Матфием - в Азиатской Эфиопии, или Земле Куша; границы этой страны совершенно неясны, но она простиралась на большое

расстояние к востоку от двух великих рек. Утверждается, что они столкнулись с противодействием со стороны евреев тех регионов.^[91] Бенъямин Тудельский также утверждает, что власть Реша Глута "простиралась на восток до Железных ворот и вплоть до Индии". Это утверждение следует считать сомнительным, но оно, безусловно, доказывает, что в названных им районах существовали еврейские общины. Нет ничего более вероятного, чем то, что евреи мигрировали на Восток, когда Хосрой выпустил против них безжалостный гнев восточного деспота. На западе лежала Римская империя, где действовали суровые законы против их народа: на юге новый арабский самозванец преследовал их соотечественников: на севере все было бесплодно и неблагоприятно. Но на востоке находились богатые и приятные регионы, где, хотя они и могли столкнуться с враждебностью соседних племен, они были достаточно сильны, чтобы поддерживать мир и безопасность. Но хотя вероятность того, что им это удалось, велика, уверенности в этом нет. Мы должны согласиться с мнением Милмана, что "история восточных евреев в этот ранний период настолько туманна, настолько полностью или почти полностью сказочна, что ее можно с полным основанием отбросить".

Но хотя достоверная история не фиксирует иммиграцию евреев в эти страны, случайных свидетельств этого факта не мало. Возьмем, к примеру, сборник восточных сказок под названием "Арабские ночи". Их датировка не может быть позже восьмого века, а они, вероятно, гораздо старше. В различных странах, к которым они относятся, - Персии, Туркестане, Индии, Китае и т. д., - присутствие евреев как неотъемлемой части населения предполагается как само собой разумеющееся. В Балсоре, в Кашгаре и других городах есть еврейский купец, еврейский врач, еврейский банкир - не чужаки, конечно, но признанные граждане. В сказке "Царь Черных островов", которая описывается как часть Индии, лежащая к востоку от Персии, жители страны представлены как превращенные с помощью волшебства в четыре разных вида рыб: магометан, евреев, христиан и парсеев. Ни один писатель не стал бы вводить это в свой рассказ, если бы евреи не составляли значительную и признанную часть населения.

Магометанский историк девятого века приводит факт, свидетельствующий о том, что даже на востоке, в Китае, евреев можно было встретить в большом количестве. Он утверждает, что когда мятежник Баечу захватил Кантон, он уничтожил 120 000 магометан, евреев, христиан и парсеев.

Наиболее интересные свидетельства по этому вопросу содержатся в рассказах иезуита Риччи в XVI в.^[92] Следует помнить, как за 150 лет до этого Франциск Ксаверий потерпел неудачу в своих искренних попытках получить доступ в Поднебесную. Когда Риччи добился успеха и обосновался в Кантоне, вскоре после прибытия его посетил незнакомец, который выразил удовлетворение по поводу присутствия людей одной с ним веры. Риччи провел гостя в часовню, где тот благоговейно поклонился алтарной части, изображающей Деву Марию, и изображениям четырех евангелистов, которых он принял за "некоторых из Двенадцати". Но в ходе дальнейшей беседы выяснилось, что этот человек был евреем и принял изображение Мадонны за портрет Ребекки с Иаковом и Исавом, а портреты евангелистов - за двенадцать патриархов.

Публикация рассказа Риччи вызвала большое любопытство в Европе, но дальнейшие поиски были приостановлены его смертью в 1610 году. Его преемники в том же веке, отцы Гозани, Доменже и Гаубиль, передали много интересной информации своим друзьям в Европе, хотя им сильно мешало незнание иврита. Ближе к концу века прибыли другие миссионеры, знакомые с еврейским языком, и, возможно, их знания были бы очень полными, если бы не

тот факт, что в 1723 году иезуиты были изгнаны из Китая, и страна оставалась закрытой для христианских миссионеров почти 100 лет.

Тем не менее, было получено много ценной и интересной информации. Прежде всего выяснилось, что китайские евреи не знают о существовании Господа и не понимают значения распятия. Когда их спросили, слышали ли они об Иисусе, они ответили, что есть такой святой человек, которого называют сыном Сираха, но ни о каком другом человеке они не знают. Они также никогда не слышали о Септуагинте или самаритянской версии, а их ивритский текст не содержит гласных[93]. Кроме того, они называют себя не евреями, а израильтянами. Они строго соблюдают субботу, никогда не разжигают огонь и не готовят пищу в этот день. Они практикуют обрезание и вступают в брак только со своим собственным народом. Они соблюдают Пасху, праздники Недели и Кущей, а также великий День искупления. Они верят в воскресение, в чистилище и ад, в рай и небеса, в ангелов и духов, а также в окончательный суд.

Их место поклонения больше напоминает древний еврейский Храм, чем синагогу более поздних времен. В нем есть Святое место и Святая Святых, в которой хранятся Книги Закона и в которую входит только первосвященник. Последний, однако, не носит одеяний Аарона, его единственным отличительным знаком является платок из красного шелка. Они все еще ожидают прихода Мессии, но их вера в этот вопрос весьма туманна.

На основании некоторых сведений о них однажды возникла мысль, что они являются потомками не остатков плена, а десяти колен. Однако это очевидная ошибка, поскольку они владеют не только Книгой Ездры, к которой питают глубокое уважение, но и Книгами Эсфири и Маккавеев.

Наибольшую сложность представляет определение времени их первого прибытия в Китай. По мнению некоторых авторитетов, иммиграция началась за несколько веков до рождения Христа. По мнению других, она совпала с гонениями Антиоха Епифана, иудейскими войнами Помпея или осадой Иерусалима при Тите. Другие относят его к периоду попыток насильственного прозелитизма, предпринятых Хосроем; несомненно, что в их языке присутствует смесь персидских слов, что придает этому мнению определенную вероятность.

Наиболее разумное мнение, к которому мы можем прийти, заключается в том, что, хотя в очень ранние времена, возможно, существовали какие-то торговые связи - даже во времена Давида и Соломона, - не было ничего похожего на поселение до III или IV века, предшествовавшего рождению Христа. Тогда кажется вероятным, что некоторые евреи, которые, возможно, в первую очередь покинули Палестину под страхом преследований Хамана, обосновались в Китае. Возможно, между этим временем и разрушением Иерусалима Титом были и другие иммиграции. Но в этот период произошел второй и более значительный приток. От евреев, прибывших тогда в Китай, происходит большая часть современных китайских евреев. Третий значительный приток в страну мог произойти во времена правления Хосроя, на вероятность чего уже указывалось. Если предположить, что эти различные тела поселились в разных районах, значительно удаленных друг от друга, то странные различия в их заявлениях относительно их происхождения и даты поселения[94] в Китае будут объяснены. Эту теорию в некоторой степени поддерживает тот факт, что многие китайские евреи утверждают, что произошли от семи племен, каждое из которых называлось по имени одного из императоров Китая. Небезосновательно утверждать, что каждое из этих племен было названо по имени императора, во время правления которого оно появилось в стране.

Но какова бы ни была истинная продолжительность их проживания, несомненно, что тау-кин-кеаон (разделители сухожилий, Быт. xxxii. 32), как называют их китайцы, сохранили в тех далеких землях и в той крайней изоляции свои привычки, чувства и религиозные особенности так же твердо, как это всегда делали их соотечественники в других странах.

В летописях евреев Малабара их прибытие в эту страну датируется 70 годом н.э., временем разрушения Иерусалима Титом. Другие же относят это событие к пятому веку христианства, когда в Персии произошло одно из гонений, вызвавшее многочисленный исход евреев. Титул, который, как говорят, носил еврейский лидер беженцев, - Раббана; и эта вариация титула Рабби, как говорят, относится к той особой эпохе. Чертами лица и цветом кожи эти индийские евреи очень похожи на других жителей страны, но их религиозные обычаи, молитвы и почитание Талмуда достаточно четко отличают их от всех остальных.

Евреи китайского Кочина также претендуют на очень большую древность. Во второй половине XVII века в синагогу португальских евреев в Амстердаме было отправлено письмо, в котором они утверждали, что их отцы эмигрировали в Индию, когда римляне завоевали Святую землю; что они основали независимое королевство, которое просуществовало тысячу лет, за это время семьдесят два короля сменили друг друга. Но после гражданской войны, разразившейся из-за соперничества двух братьев, их покорил соседний государь. С тех пор они находились в подчинении у него, но, тем не менее, с ними хорошо обращались и терпели их религию. Насколько все это соответствует действительности, сказать трудно, но то, что евреи этой страны давно пользуются большим процветанием и населяют крупные и значительные города, не вызывает сомнений.

Упоминается также другая раса евреев, живущих по соседству с махраттами. Они называют себя Бени-Израэль и не признают своего родства с евреями Малабара, Китая или Кочин-Китая; но нам говорят, что их еврейские физиономии не позволяют сомневаться в их происхождении; они также не имеют никакого сходства со своими соседями-индусами или магометанами. Есть и другие различия между ними и другими восточными евреями. Хотя они похожи на них в обращении к Верховному Богу, в соблюдении обрезания на восьмой день, в соблюдении праздников и постов, и особенно великого Дня искупления, они не празднуют Пурим и Посвящение, не имеют пророческих писаний, не помнят о разрушении второго Храма Титом - словом, не знакомы с историей своего народа со времен вавилонского плена. Если бы это не было темой, которой прошлый опыт предупреждает каждого благоразумного человека избегать, можно было бы задаться вопросом, не найдется ли здесь подлинных следов потерянных колен Израилевых.

Те или иные писатели выдвигали и другие фантазии, намекающие на широкое рассеяние еврейской расы, которые можно упомянуть как любопытные исторические загадки, но не более того. Среди них - рассказ о еврейской надписи, найденной на могиле на острове Святого Михаила, одном из Азорских островов, которая, похоже, намекает на то, что там когда-то поселились евреи, которые, должно быть, впоследствии вымерли. Кроме того, испанцы, завоевавшие Перу, утверждали, что нашли в этой стране большое и величественное здание, построенное по образцу и с использованием инструментов, неизвестных перуанцам. Традиция утверждала, что это дело рук "бородатых мужчин" в очень древние времена. Оно было посвящено единому Создателю мира и имело все признаки еврейской синагоги!

ССЫЛКИ:

[89] "Азия" в Деяниях ii. 9, несомненно, означает римскую провинцию, которой управлял проконсул. В нее входили Иония и Мисия, а столицей был Ефес. Он также упоминается в Деяниях xvi. 6.

[90] Говорят, что Матфей был замучен иудеями в Севастополе, в зависимости от того, какой из городов с таким названием имеется в виду.

[91] См. далее о том, что говорится об иудеях Малабара.

[92] Очень полный рассказ о евреях в Китае см. в примечании Бротье в третьем томе его издания Тацита.

[93] Когда их спросили об отсутствии этих гласных, они, как говорят, ответили, что Бог передал слова Моисею с такой быстротой, что у него не было времени вставить гласные.

[94] Так, отец Альварес, португальский иезуит, написавший историю Китая, утверждает, что евреи не селились там более 600 лет.

ГЛАВА XIII.

740-980 ГГ. Н.Э.

ЕВРЕИ ПРИ КАРЛЕ ВЕЛИКОМ.

Магометанские захватчики Испании, совершив завоевание этой страны, вновь направили свои войска на север и перешли Пиренеи, но лишь для того, чтобы на равнинах Тура потерпеть решающее и катастрофическое поражение.[95] Мы узнаем, что евреи подозревались в том, что они пригласили или, по крайней мере, поощрили эту попытку. Повторим замечание, сделанное в предыдущей главе: если вспомнить, как с ними обращались некоторые франкские короли, и сопоставить это с терпимостью, проявленной мусульманскими завоевателями Испании, такое обвинение не кажется нам невероятным, хотя никаких определенных доказательств этому нет. Точно так же, спустя шестьдесят лет после этого,[96] когда мавры снова ворвались в Аквитанию и были отбиты графом Тулузы, евреев обвиняют в том, что они предали этот город в руки захватчиков. Говорят, что после отступления врага и взятия города император решил сурово наказать вероломство еврейских заговорщиков, но его уговорили ограничиться возмездием их предводителям. Баснаж вообще оспаривает точность этого утверждения. Но какая-то доля правды в этой истории должна быть. Неоспоримым фактом является то, что в течение значительного периода после нашествия сарацинов - вплоть до XII века - в Тулузе существовал обычай, согласно которому еврей, выступавший в качестве представителя всех своих единоверцев в городе, три раза в год являлся к воротам одной из тулузских церквей и получал там коробку (или, как сообщают некоторые, три коробки) на ухо[97] и в то же время выплачивал штраф в виде тринадцати фунтов воска. Трудно понять, что могло послужить причиной возникновения подобного обычая, который напоминает нам о наказании, наложенном на жителей Оксфорда за их предполагаемое участие в кровопролитии в день святой Схоластики, и который взимался вплоть до начала нынешнего века, - если только это не история их предательства города, о которой говорилось выше.

Но если Карлу Великому было известно о недовольстве своих еврейских подданных, он предпринял самый мудрый и, как показало дальнейшее, самый эффективный способ излечения от этого зла. Изучение жизни этого великого человека убедит нас в том, что он рассматривал свой суверенитет не просто как доверие, оказанное ему Божественным Правителем Вселенной - так поступали многие государи, - но как доверие от имени Католической Церкви Христа, которая, по его мнению, была тождественна государству.^[98] Отсюда следовало, что в его глазах любой, кто отказывался повиноваться Церкви, был мятежником против государства; а евреи, согласно этому взгляду на дело, должны быть самыми заядлыми мятежниками. Поэтому заслуга его состоит в том, что он не только воздерживался от религиозных преследований, но и был максимально справедлив к своим еврейским подданным. Он требовал от них не более чем простого повиновения законам страны в вопросах, не сковывающих совесть. Так, в случае с брачными контрактами он не позволял им вступать в брак в той степени, которая запрещена другим его подданным, и не распоряжался их имуществом вопреки его законам. Но это требования, соблюдения которых можно было ожидать от граждан любой страны. Так и эдикты, запрещавшие им держать рабов-христиан, покупать или отдавать в залог священнические облачения или священные сосуды, используемые в церквях, были приняты, очевидно, не в ущерб евреям, а на благо христианской общины. Если бы такая практика действительно была разрешена, она не могла бы иметь иного эффекта, кроме как возбудить предубеждение и отвращение к евреям. Но на их торговлю не налагалось никаких ограничений, на их имущество не налагалось никаких особых штрафов. Они жили в простоте и роскоши, в домах, настолько красивых и хорошо обставленных, насколько позволяли их склонности и кошельки. Самым роскошным кварталом в богатом городе Лионе был тот, в котором жили евреи. В Нарбонне из двух префектов города один всегда был евреем.

Такое же положение вещей сохранялось и во время правления сына и преемника Карла Великого, Людовика де Боннэра. При его дворе, как нам рассказывают, евреи обладали таким влиянием, что вельможи и посланники иностранных принцев оказывали им знаки внимания и предлагали взятки, чтобы заручиться их благосклонностью. В окрестностях дворца жил офицер, известный как "хозяин евреев", в чьи обязанности входила особая забота об их интересах. Им разрешалось пользоваться не только всеми правами, которыми обладали их собратья-христиане, но и даже большими. День, в который обычно проводились рынки, если он приходился на субботу, иногда изменялся для их удобства. До сих пор сохранились хартии, в которых евреям предоставлялись особые привилегии, такие как освобождение от пошлин и налогов или разрешение нанимать рабов-христиан. В уголовных и гражданских делах их права соблюдались в той же степени, а их доказательства считались такими же вескими, как и у других граждан страны. Их жизнь была защищена тяжелым наказанием, налагаемым на любого, кто их убьет. Они были освобождены от испытаний огнем или водой. Их рабы не могли быть крещены без их согласия. Они были вольны строить свои синагоги там, где им заблагорассудится, и проводить в них свои особые обряды.

Подобное положение вещей не могло не вызвать рано или поздно гнев и ревность духовенства. Агобард, епископ Лиона, с негодованием наблюдал за ростом их богатства и значимости. Дело было не только в том, что порты были переполнены их торговыми судами, набережные завалены их тюками, улицы заполнены их рабами; в то время как христиане ходили пешком, одетые в убогую одежду, и жили в скромных домиках, иудеи восседали на своих колесницах в великолепных нарядах или пировали в роскошных дворцах. Это можно было бы вынести. Но их синагоги по великолепию не уступали самым статным христианским церквям, а их проповедники завлекали толпы людей, которым следовало бы поклоняться у католических алтарей. Поговаривали даже, что они продавали христиан в рабство маврам.

Агобард приложил все свои епископские усилия, чтобы исправить положение, насколько это было в его силах. Он запретил своей пастве под страхом духовного порицания продавать рабов-христиан иудеям^[99], работать на них по воскресеньям или праздникам, покупать у них вино или вообще иметь с ними дело во время Великого поста.

Знамением времени стало то, что евреи осмелились обратиться к королю с жалобой на такое применение власти епископа. Людовик послал в Лион трех комиссаров для расследования этого вопроса, которые приняли решение против епископа. Огорченный и пораженный, он выдвинул новые обвинения против евреев, а когда и они не возымели действия, сам отправился в Париж и потребовал личной беседы с императором; все было напрасно. Ему отказали в аудиенции, сообщили, что император отклонил его апелляцию, и приказали вернуться в свою епархию! Мы с трудом можем поверить, что это произошло в стране, где за два века до этого евреев насильно тащили к купели для крещения, а три века спустя они были свидетелями насильственного изгнания из страны не за что иное, как за нарушение их национального существования.

При преемнике Людовика, Карле Лысом, евреи по-прежнему пользовались иммунитетом от преследований, но не было никаких признаков того, что такое положение вещей сохранялось недолго. Ремегий, епископ Лиона, с еще большим успехом продолжил усилия Агобарда и добился - мы не знаем, какими средствами - крещения стольких еврейских мальчиков и девочек, что родители были вынуждены отправлять своих детей на обучение в Арль и другие города. Пользуясь своим преимуществом, Ремегий подал императору прошение, чтобы епископу Арля было рекомендовано придерживаться того же курса, что и он сам. Судя по всему, Карл удовлетворил эту просьбу, поскольку нам сообщают, что теперь крестилось огромное количество еврейских детей. Вскоре после этого он, как говорят, был отравлен своим еврейским врачом Седекией, которого, как полагают, подстрекали к убийству его соотечественники. Правда это или нет - вопрос сомнительный. Но если это действительно было так, то это была не только гибельная, но и порочная политика. Смерть Карла привела к разрушению существующей власти во Франции. Сильная рука, поддерживавшая закон, была отнята. Наступили беспорядок и анархия, от которых никто не пострадал так сильно, как евреи. Народная молва обвиняла их в тайном пособничестве вторжениям норманнов, от которых страна теперь начала серьезно страдать. Утверждалось, что когда захватчики захватывали районы и грабили города, только евреи избегали повреждений. Возможно, это объясняется теми же причинами, которые избавили их от страданий во время нашествий готов, гуннов и других северных народов и о которых говорилось в предыдущей главе. Однако, как бы то ни было, считалось, что они тайно состоят в союзе с северянами, и в результате повсюду они становились объектами народного презрения и нападок. В Безье, в Лангедоке, каждый год, начиная с Вербного воскресенья и заканчивая вторником на Пасхальной неделе, было принято избивать их каменными залпами. Во время слабых правлений Людовика II, III и IV, Лотаря, Карла II и III о них почти не упоминается. Но и то немногое, что рассказывается, доказывает, что их положение постоянно ухудшалось. По мере того как власть королей уменьшалась, уменьшалась и защита, которую они могли оказывать евреям. Великие феодалы поступали с ними по своему усмотрению, пренебрегая королевской властью или используя ее для угнетения евреев. Во время правления Карла III, прозванного Простым, архиепископ Нарбонны потребовал (897 г. н. э.) и получил от короля пожалование всех земельных владений, находившихся во владении евреев на территории его епархии. Было ли это следствием закона, запрещавшего евреям владеть земельной собственностью, или просто незаконным грабежом, не имеет особого значения. Точно так же в 889 году архиепископ

Сенса, без объяснения причин и без ссылки на королевскую власть, изгоняет всех евреев из пределов своей епархии.

В Испании, однако, период мира и доброй воли длился гораздо дольше тех времен, о которых мы сейчас пишем. С момента основания мавританского королевства Кордова Абдерахманом I, 755 г. н. э., и до конца X века все цивилизованное и образованное, что еще существовало в Европе, нашло свой самый благоприятный дом в его владениях. При нем и его преемниках евреи, похоже, пользовались не только беспристрастной защитой законов, но и свободным участием во всех государственных должностях и отличиях. Они были известны как государственные министры, послы и финансисты. При нем и его преемниках школы в Толедо, Гранаде и Кордове стали знамениты на весь мир, и говорили, что во всей Испании не найти еврея, который не читал бы Библию.

До сих пор великие центры образования находились на Востоке, и самые перспективные ученые, даже из самой Испании, устремлялись туда. Но в Персидском халифате уже столетие или два происходило постепенное, но полное изменение. Государи изнемогали от легкости и роскоши, узурпаторы отнимали у них значительные части владений, а великие эмиры становились все более независимыми и в конце концов захватили почти всю власть короны. Вероятно, именно эти новые правители начали преследование своих еврейских подданных. Как бы ни был равнодушен сам Омар к высокой репутации, которой достигли восточные академии, они закрыли еврейские колледжи, сослали их ученых докторов, а в конце концов, в 980 году, изгнали евреев из Вавилона. Четверо из самых известных раввинов были захвачены во время их путешествия одним из корсаров, принадлежавших кордовскому халифу, которого он послал в плавание по греческому архипелагу. Это были рабби Шемария, рабби Хошиэль, рабби Моисей и его сын, рабби Ханох. Судьба этих четверых была удивительной. Совершенно не зная, как высоко ценят пленников культурные и утонченные люди, корсар продал Шемарию в Александрии, и этот раб стал главным человеком среди александрийских евреев. Рабби Хошиэля он таким же образом продал покупателю на побережье Африки; затем Хошиэля перевезли в Алкихоран, где он достиг звания главного раввина. Рабби Моше и его сына он перевез в Кордову. Случилось так, что жена первого была красивой женщиной, и жестокий корсар, плененный ее прелестями, набросился на нее со своими просьбами. Оказавшись в полной его власти, она поинтересовалась у мужа, отдаст ли море в Судный день своих мертвецов. Он ответил ей из 68-го псалма: "Сказал Господь: "Своих Я приведу из Васана, своих Я приведу из глубины морской""; получив этот ответ, не видя другого способа избежать насилия, она бросилась в море и утонула. Похожая история рассказывается об Эстер Коэн в шестнадцатом веке.

По прибытии пленников в Кордову оба раввина были выкуплены своими соотечественниками, хотя те ничего не знали об их способностях и образованности. Их положение было настолько жалким, что у них не было никакой одежды, а только лохмотья мешковины, чтобы прикрыть наготу. В таком жалком обличье они пришли в школы, где председательствовал рабби Натан. Дискуссия велась на тему Дня искупления. Рабби Моисей принял в ней участие и изложил ее с такой ученостью и ясностью, что рабби Натан поднялся со своего места и сказал: "Незнакомец в накидке - мой учитель, а я - его ученик. Назначьте его судьей Кордовской общины". Все присутствующие согласились. Богатство и почести сразу же стали его уделом, и он связал себя с одной из самых богатых семей Кордовы. Капитан судна, узнав о стоимости пленника, за которого он просил не больше, чем за обычного раба, пожелал отменить продажу; но когда вопрос был передан халифу, тот не позволил этого сделать. Один из учеников Моисея, рабби Иосиф, перевел Талмуд на арабский язык, что принесло переводчику большую известность, хотя впоследствии он был

опозорен и отправлен в изгнание. Рабби Ханох, четвертый из пленников, унаследовал должность своего отца после его смерти. При нем слава Кордовского колледжа достигла наивысшего расцвета.

Упадок вавилонских школ продолжался на протяжении всего десятого века, и, как читатель уже слышал, знания и способности переходили в процветающее раввинское заведение в Кордове. Ссоры между Давидом бен Заккаем, князем плена, и прославленным Саади бен Иосифом, Геоном, во многом способствовали этому. Временное объединение произошло, когда должность геона занимал знаменитый Шерира, а после него - его не менее выдающийся сын Хай. Но первый был свергнут и предан смерти халифом Ахмедом Кадером; и хотя Хай спасся и передал свой пост Хискии, правнуку Давида Закхаю, передышка длилась всего два года. По истечении этого срока халиф Абдалла сместил Хискию и окончательно закрыл школы. С Хискией, 1038 г. н.э., линия Реш Глута, как принято считать, угасла.

ССЫЛКИ:

[95] От рук Карла Мартела, 732 г. н.э.

[96] 793 Г. Н.Э. Вероятно, евреи Безье были обвинены в аналогичном преступлении в то же время или, возможно, несколькими годами позже. (См. с. 27.)

[97] Халлам ("Средние века", т. ii. стр. 225) приводит слова французского историка о том, что в Тулузе в это время было принято бить *каждого* еврея по лицу в день Пасхи, и что это было заменено штрафом где-то в XII веке. Это, по сути, та же история с некоторыми изменениями.

[98] Теократия Ветхого Завета, где религиозный и гражданский правитель были одним и тем же, и которая, вероятно, была первобытной формой правления (Быт. xiv. 18), была моделью, которой, по мнению Карла Великого, должны были следовать все правители.

[99] Отсюда следует, что закон, распространенный в прошлое царствование, запрещавший евреям держать рабов-христиан, был смягчен.

ГЛАВА XIV.

980-1100 ГГ. Н.Э.

ЕВРЕИ В ИСПАНИИ, В АНГЛИИ, В КРЕСТОВЫХ ПОХОДАХ.

С падением династии Карловингов начался семивековой период, в течение которого евреи претерпели самые ужасные несчастья и страдания почти во всех европейских странах. В одних странах гонения проявились раньше, в других - позже; в одних они достигли большего размаха, в других продолжались дольше. Но прошло несколько поколений, прежде чем оно проявилось во всем своем ужасном уродстве. В рассматриваемый нами период с 980 по 1100 год н. э., хотя время от времени совершались акты несправедливости и жестокости и проявлялся свирепый дух нетерпимости, который, что было совершенно очевидно, стоило только вызвать народные волнения, чтобы он достиг самых страшных высот, не было разыграно ни одной из тех ужасных трагедий, которыми были опозорены последующие поколения.

Несколько странно, что первая резня произошла среди народа, который до этого отличался не только терпимостью к евреям, но и добротой и вниманием к ним. Но в 1068 году в Гранаде

вспыхнуло восстание, в ходе которого было вырезано 1500 семей. Причиной восстания стала гордыня рабби Иосифа, главного министра мавританского короля. Его отец, рабби Самуэль, завоевал расположение короля своими знаниями и способностями, а после его смерти тот же высокий пост перешел к его сыну. Но тот отличался по характеру от своего отца, который всегда проявлял смирение и терпение. Спесь и непримиримый нрав сына нажили ему врагов среди вельмож, которые постоянно выискивали повод для его падения. Примерно в то же время один фанатичный фанатик спровоцировал восстание, попытавшись обратить мавританский народ Гранады в иудейскую веру. Это действие запрещено законами всех мусульманских государств под страхом смертной казни. Неосмотрительностью воспользовались враги Иосифа. Мятежники убили его, проповедника повесили, а толпа, не удовлетворившись этой местью и, несомненно, не желая лишать богатства евреев, напала на их дома и разграбила их, истребив, как читатель уже слышал, вероятно, семь или восемь тысяч человек.

Как ни чудовищна и варварская эта вспышка, следует признать, что она была спровоцирована в основном самими евреями; но в том, что последовало через несколько лет после нее при дворе Фердинанда Первого, прозванного Великим, агрессия была совершенно неспровоцированной. Этот монарх, объединивший под своей властью короны Леона и Кастилии, решил начать религиозную войну за уничтожение мусульманской власти в Испании. Но прежде чем приступить к ней, его королева донна Санча посоветовала ему, что самым верным способом призвать благословение Небес на свое предприятие будет истребление всех евреев в его владениях! Исккупительным моментом в печальной истории того времени является то, что испанские епископы вмешались и запретили резню под страхом духовных наказаний, а правящий Папа Александр II поддержал их в их действиях. Преемник Фердинанда, Альфонсо VI, проводил совершенно иную политику. Ему было так тяжело из-за действий мавров в Африке, что помощь евреев стала для него насущной необходимостью. [100] В результате он не только избежал всех преследований, но и предоставил им столько льгот и привилегий, что преемник папы Александра сурово порицал его за его политику, которую он объявил "подчинением Церкви синагоге сатаны".

В этот период мы должны упомянуть, как мы не делали этого ранее, о положении евреев в Англии. Популярно заблуждение, что они впервые появились там в обозе Вильгельма Нормандского. Многие евреи, несомненно, поселились в Англии в то время; но другие жили там, хотя, вероятно, в незначительном количестве, и до этой даты. Канон Эгберта Йоркского (740 г. н.э.) запрещает христианам принимать участие в иудейских праздниках. Через сто лет о них упоминается в хартии, выданной монахам Кройланда. Законы Эдуарда Исповедника (1041 г. н.э.) объявляют их собственностью государя, как это было в то время во Франции. Но только в правление Вильгельма Руфуса они стали играть какую-либо роль в английской истории. Тогда мы узнаем, что этот король, который мало заботился о религии в любом ее проявлении и питал острую неприязнь к духовенству, публично разрешил евреям отстаивать свою религию так, как им заблагорассудится. Более того, он провозгласил официальный диспут между сторонниками соперничающих религий в Лондоне и поклялся, что если раввины одержат верх над епископами, "клянусь святым Лукой, он сам станет евреем!". Говорят, что евреи одержали победу, хотя мы не слышали, чтобы король сдержал свою клятву. Впоследствии в Руане он принял жалобу некоторых евреев на то, что их детей соблазнили исповедовать христианство, предложив в то же время заплатить хорошую сумму, если дети вернутся к своей древней вере. Король взял деньги и приказал

новообращенным отречься от своей новой веры. Не добившись этого в одном или двух случаях, он, как нам говорят, очень неохотно вернул уплаченные деньги.

Эти инциденты, как бы скандальны они ни были, тем не менее показывают, что евреи в это время пользовались иммунитетом от преследований; если, конечно, не считать актами преследования тяжелые и незаконные поборы, наложенные на них самими нормандскими королями. Имущество евреев ни в коем случае не было защищено от *них*, но оно было защищено от всех других расхитителей. Нам рассказывают, что в Лондоне и Йорке они жили в великолепных особняках, напоминавших замки баронов; а в Оксфорде у них было три зала для обучения молодежи - Ломбард-холл, Мозес-холл и Джейкоб-холл; и, похоже, их присутствие не вызывало возражений.^[101] У них было кладбище в церкви Святого Джайлса, Крипплгейт.

Но теперь будет уместно перейти к рассмотрению причин, которые привели к возобновлению народного ожесточения против еврейской расы во всех странах Европы. В первую очередь следует отметить преобладание феодальной системы. Этот необычный институт был, надо признать, в теории всеобъемлющим и последовательным. Положение и обязанности каждого человека были определены, права каждого человека были обеспечены и защищены. Крепостной обрабатывал земли своего феодала, свободный сражался в его битвах. Оба получали взамен содержание и защиту, а от феодального барона исходило обращение к государю. Но в то же время мы должны допустить, что при нем царила крайняя степень беззакония, что каждый феодальный замок был практически оплотом произвольного и безответственного деспота, чьи солдаты исполняли его волю, какой бы незаконной или варварской она ни была, без колебаний и угрызений совести. Тем не менее, все классы номинально стояли на страже своих прав и интересов, за единственным исключением - евреев. Последние не могли быть феодалами. Закон земли и предрассудки народа не позволили бы им этого; они также не могли быть крепостными или вассалами. Они никогда не занимались сельским хозяйством, а благородная профессия оружейника была бы опозорена их допуском к ней. Следовательно, им не было места в обществе, не было и тех, к кому они могли бы обратиться за справедливостью или защитой, за исключением тех случаев, когда они находились в прямой зависимости от самого государя. Но даже в этом случае любая попытка добиться справедливости была опасной и рискованной. Если один из разбойничьих баронов захватывал еврея, путешествовавшего по его владениям, и подвергал его мучительным пыткам, пока тот не добивался освобождения, заплатив крупную сумму денег, - средства защиты практически не было. Попытка получить ее, скорее всего, закончилась бы для него двойными потерями и страданиями. Любое сочувствие, проявленное к нему со стороны крестьян или горожан, по всей вероятности, повлекло бы за собой месть агрессора. Если бы они хоть как-то проявили заботу о страдальце, то, скорее всего, последовали бы примеру своих начальников и стали бы жестоко обращаться с ним и грабить его. Таким образом, евреи становились изгоями общества; и все классы людей охотно перенимали невежественную и злобную нетерпимость тогдашнего духовенства, которое (за некоторыми благородными исключениями) разглагольствовало о них как о врагах Христа, находя в навлеченной на них злобе оправдание для собственной незаконной жестокости и насилия.

Другой причиной всеобщей неприязни к ним было их богатство и способ, которым оно было накоплено. Они были, как уже говорилось, единственными банкирами, почти единственными торговцами в то время. Для многих слоев населения они стали жизненной необходимостью. Если государь желал заключить брак или вступить в иностранную войну, требовалась крупная сумма денег, которую могли предоставить только евреи. То же самое

происходило с дворянами и землевладельцами более низкого ранга; и даже христианский купец иногда мог спасти свой кредит только своевременной ссудой, которую можно было получить не иначе как из еврейской казны. Утверждалось, что ростовщичество, взимаемое за эти займы, было непомерным; что евреи пользовались возможностью накопить огромные прибыли, что приводило к полному разорению их должников. Процентная ставка, которую требовали, как правило, была непомерной. Однако следует помнить, что чудовищная несправедливость, которую часто проявляли к ним, когда они - под любым предлогом или вообще без предлога - лишались своих денег, если и не делала установление этих условий необходимым для обеспечения заимодавцу в конечном счете его справедливой прибыли, то создавала сильный соблазн для вымогательства и давала ему готовое оправдание для предложения заемщику только самых жестких условий.^[102] Однако, какой бы ценностью ни обладал этот аргумент, он был полностью проигнорирован врагами евреев в те времена, которые принимали во внимание только два факта: во-первых, то, что евреи требовали огромного ростовщичества, которое приносило им огромное богатство, а во-вторых, то, что его выплата доводила их до нищеты.

Эти факторы действовали в течение долгого времени, вызывая все более неприязненное отношение к евреям. Но можно сомневаться, что они когда-нибудь вырвались бы наружу в том яростном вулкане преследований, свидетелем которого стало следующее поколение, если бы к уже действующим не добавился элемент религиозного фанатизма. Крик о том, что Христос был обесчещен осквернением сцен Его рождения и распятия недозволенными обрядами неверных и что непреложный долг всех верных христиан - вырвать святыне места из их рук, теперь раздавался по всему христианству и вызывал такой энтузиазм, какого мир еще никогда не видел.

Нас может удивить не то, что это чувство пробудилось, а то, что оно не пробудилось *раньше*. С момента завоевания Иерусалима сарацинами прошло триста пятьдесят лет, и с тех пор он находился в оккупации неверующих. Почему в одном поколении владение ими Святым городом вызывало большее возмущение чувств христиан, чем в другом? Или мы должны предположить, что в одиннадцатом веке люди были более ревностны к Божьей чести, чем в седьмом? Нет, не так. Причины, спровоцировавшие крестовые походы, были иными, и они важны для нас, поскольку проливают свет на чувство, которое одновременно возникло и против евреев.

В течение первых двух столетий после захвата Святого города сарацинами им управляли халифы Оммиады или Аббасиды - люди, которые в большинстве своем управляли справедливо, были вежливы и терпимы в общении с чужеземцами. Число паломников, посещавших Палестину, было невелико, и их неизменно принимали дружелюбно. Но в X веке, когда в Западной Европе распространилась идея о том, что конец света близок, а все, кто умрет в Святой земле, непременно будут спасены, число путешественников значительно возросло. Те, кто возвращался, привозили с собой рассказы о бесчинствах и неспровоцированных оскорблениях, которые повсюду вызывали негодование. Иерусалим перешел в руки турок, свирепой и некультурной расы, принявшей исламизм в его самом фанатичном духе. Убийство мужчин и оскорбления женщин были в их глазах добрыми делами; а если они воздерживались от этой крайности насилия, то только для того, чтобы проявить свою ненависть и презрение в другой форме. Негодование, вызванное этими несправедливостями, охватило все европейские страны. Воздух повсюду был как бы наполнен горячим паром, и нужен был только факел, который зажжет Петр Отшельник, чтобы он вспыхнул одним всепоглощающим пламенем. Смерть неверным. Такова воля Божья!" - раздался клич по всей Европе. Все люди поспешили подчиниться этому призыву. От короля

на троне до подмастерья в мастерской, они возложили крест на свои плечи и отправились спасать Святую землю от осквернителей-неверных.

Это возраст пяти знаменитых талмудистов, называемых "пятью Исааками", все они носят это имя. Это Исаак из Кордовы, из Лусены, из Барселоны, из Пумбедиты и из Феса. Ближе к концу этого периода родился испанский поэт Халеви. С середины одиннадцатого века Испания на протяжении четырехсот лет была главным центром раввинской учености. Великие школы находились в Барселоне, Гранаде и Толедо.

К этой эпохе относится и знаменитый Соломон Габриол, поэт и философ, автор книги "Фонтан жизни". Он родился в Малаге в 1021 году и умер в 1070 году н.э.

СНОСКИ:

[100] Именно этот Альфонсо написал необычное письмо Юсефу, королю Альморавидов, приглашая его сразиться в понедельник, "потому что, - сказал он, - пятница не подходит для магометан в его армии, суббота - для евреев, а воскресенье - для христиан".

[101] В то время, похоже, действительно существовала такая степень веротерпимости, которая может нас удивить. Некий Мосси, еврей из Уоллингфорда, имел обыкновение, как нам рассказывают, открыто высмеивать чудеса святого Фридесвида. Он сгибал пальцы, как будто их парализовало, и тут же выпрямлял их, или хромал, как калека, а потом вдруг вскакивал или танцевал, восклицая "Чудо!". Это было такое затишье на краю бури, какого редко можно было увидеть! - "Взлет, падение и будущее восстановление евреев", гл. iii.

[102] Бернард Клервоский недвусмысленно намекает, что существовали христиане (вероятно, он имел в виду лангобардских купцов), которые требовали более непомерного ростовщичества, чем сами евреи.

ГЛАВА XV.

1100-1200 ГГ. Н.Э.

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ - ЕВРЕИ ВО ФРАНЦИИ, ИСПАНИИ, ГЕРМАНИИ И ВЕНГРИИ.

Смерть неверным. Такова воля Божья! Таков был клич, пронесшийся по Европе: "Смерть мусульманам, чья нечестивая святыня заслоняет святое место, в котором поклонялся Сам Спаситель, чьи богохульства пробуждают те же отголоски, которые когда-то вызывала Его Божественная проповедь!" Да. Но разве только в этих святилищах совершалось ложное поклонение? Разве только в Иерусалиме хулили Господа? Если убийство неверного турка было угодно Всевышнему, то почему бы не убить неверного еврея? Странно, что этой опасности не боялись евреи, живущие в тех землях, которые охватила мания, вызванная Петром Отшельником. Но, похоже, этого не произошло: они не сделали ни одной попытки убежать от приближающейся опасности. Они даже продолжали заниматься своими обычными делами, извлекая из нужды крестоносцев те же огромные выгоды, что и из любого другого политического движения на протяжении многих поколений. Великий барон, поклявшийся вести свои сотни, а может быть, и тысячи вооруженных последователей на спасение Гроба Господня, закладывал свои земли, драгоценности, а может быть, и продавал их евреям на таких условиях, что трудно поверить, что один мог просить, а другой

соглашаться на это. Более бедные люди расставались со всем своим на таких же условиях. Но если бы среди христиан остались проникательные люди, которых не унесла волна народного возбуждения, все богатство общины перешло бы в руки иудеев. Нет нужды добавлять, что горькие чувства к этой изолированной расе, которая вечно жирела на нуждах и страданиях других, были сильно обострены этими действиями, и прошло совсем немного времени, прежде чем они разгорелись в пламя.

В это время евреи были многочисленны по всей Северной Франции и Германии, но в нынешней рейнской Пруссии и на берегах Мозеля их можно было встретить в величайшем изобилии. Именно возле города Тревеса собралась первая огромная толпа недисциплинированных фанатиков под предводительством Вальтера фон Хабенихта и Петра Отшельника. Когда они под предводительством козы и гуся отправились в путь к Святой земле, внезапно раздался крик, несомненно, со стороны какого-то врага евреев, что, отправляясь уничтожать врагов Господа Иисуса в Палестине, они оставляют дома без защиты тех, кто был не только Его врагами, но и Его убийцами - евреев! Клич был мгновенно подхвачен, неистовая толпа ринулась в Тревес и начала повальное разграбление домов евреев и резню их обитателей. Власти, застигнутые врасплох, не стали вмешиваться; более того, никакое вмешательство, которое они могли бы предложить, не принесло бы ни малейшей пользы. Несчастные евреи, столь же неподготовленные, не смогли ни сопротивляться, ни спастись. Последовали сцены, слишком шокирующие, чтобы их можно было описать. Женщины привязывали на шею тяжелые грузы и бросались в реки, чтобы избежать последнего позора. Мужчины убивали собственных детей, чтобы спасти их от пыток, которым они должны были подвергнуться; свои собственные жизни они отдавали в отчаянном молчании. Некоторые бежали в цитадель, надеясь на защиту от насилия нападавших; но епископ Тревеса принял их с угрозами и упреками, отказавшись вмешаться в их дела, если они не примут крещения. Такие же сцены происходили в Кельне, Вормсе, Шпире и Майенсе. Везде единственной надеждой на спасение от пыток и смерти было крещение; за исключением тех случаев, когда за епископскую защиту давалась большая взятка или когда, как в Шпире, евреи вооружались и дорого продавали свою жизнь. Прилив убийств прокатился по берегам Мэна и Дуная, и везде повторялись одни и те же сцены. В Баварии, как утверждают, было убито до 12 000 евреев. Император Генрих IV, похоже, был единственным правителем, которого эти зверства поразили своим ужасом. Он издал указ, исправляющий, насколько это было возможно, причиненные злодеяния и запрещающий их впредь. Но в большинстве своем историки тех времен рассказывают о происходивших ужасах с *хладнокровием*, которое говорит о том, в каком свете их воспринимали те, кто был их свидетелем.

Но три могучих отряда, возглавляемые Петром и двумя его коллегами, прошли дальше и погибли, и наступило истощение, которое неизбежно должно было вызвать такое истощение населения. Только когда прошла половина двенадцатого века, крестоносная мания вновь разгорелась. Тогда фанатичный монах по имени Родольф начал миссию по немецким городам, призывая всех людей под лозунгом "Нер, Нер" (инициалы слов Hierosolyma est perdita) помогать убивать и сокрушать врагов Божьих. Иудеи слишком хорошо знали по прошлому опыту, что они подпадают под это последнее понятие, и многие своевременно отступили. Тем не менее в Страсбурге, Майенсе и других рейнских городах произошла страшная резня, поощряемая, к несчастью, слишком многими представителями духовенства. Как яркий солнечный луч в темный ноябрьский день, читаешь протест святого Бернарда Клервоского, обращенный к его братьям-клирикам, против слепого и дикого духа, которым был одержим Родольф[103].

"Евреев, - пишет он, - не следует преследовать; их не следует предавать смерти, их не следует изгонять в изгнание. Что говорит Писание? "Не убивайте их, чтобы не забыл народ Мой". Иудеи - это живые памятники, напоминающие нам о страданиях Господа. Поэтому они рассеяны..... Поэтому они терпят тяжелое рабство под властью христианских князей; но на закате мира они будут обращены, и Он вспомнит о них". Обращаясь к самому Родольфу, он говорит: "Ты иного мнения, чем Тот, Кто сказал: "Вложи меч твой в ножны, ибо взявший меч погибнет от меча". Разве Церковь не торжествует над иудеями с большей славой, когда она опровергает и обращает их, чем если бы она убила их острием меча?" Приятно узнать, что папа Евгений III придерживался того же мнения, и что Родольф был возвращен в свой монастырь, хотя и не раньше, чем он стал причиной самых ужасных преступлений и страданий.

Но с наступлением века положение евреев становилось не лучше, а скорее хуже. Клевета - будь то возрождение древнего обвинения против евреев или вновь придуманное в этот период - о распятии мальчиков на Пасху в насмешку над страстями Спасителя, получила широкое распространение и доверие. Сообщалось, что около 1180 года н. э., во времена молодости Филиппа Августа, они убили таким образом некоего Ричарда, юношу из Понтуаза; в подтверждение правдивости этой истории тело, когда его доставили в Париж, сотворило множество чудес. Не успел Филипп взойти на свой трон, как издал эдикт 1182 года, согласно которому все долги, причитающиеся евреям, аннулировались, а все залоги, которыми они владели, должны были быть возвращены первоначальным владельцам. Не удовлетворившись этим проявлением дешевого великодушия, он издал второй указ, конфисковав все их имущество, которое не подлежало вывозу, и приказав им продать все остальное, принадлежащее им, и покинуть его владения. Напрасно они взывали к милосердию. Король, вельможи и епископы затыкали им уши. Двойное преступление - еретические взгляды и закладные на поместья - не могло быть прощено. Легко поверить, что на принудительной распродаже их товаров были назначены самые низкие цены. Несчастные евреи были вынуждены покинуть дома, в которых прошла вся их жизнь, под улюлюканье народа, взяв с собой лишь жен и детей. Мало того, что их по жесточайшей несправедливости лишили имущества, им не позволили остаться в стране, где было совершено зло, и тем самым напомнить исполнителям об их преступлении!

Никого не удивит тот факт, что их изгнание не увеличило богатство и не облегчило общественное бремя нации. Выяснилось, что изгнание евреев было, как сказал Фуше об убийстве герцога д'Энгиена, "больше чем преступлением, ибо это была ошибка". Через двадцать лет Филипп счел необходимым издать новый эдикт, разрешающий им вернуться. Но нас удивляет, что евреи согласились на этот шаг. Это говорит о глубине несчастья, до которого они были доведены, о том, что их можно было убедить вновь довериться справедливости и милосердию короля, который так вопиюще доказал свое пренебрежение ими.^[104] Вскоре после их возвращения, как нам сообщают, они провели собрание с разрешения королевы-матери в замке на Сене. Здесь против них вновь выдвинули старое обвинение в бичевании, распятии и увенчании терновым венцом юноши, которого они схватили. Филипп лично прибыл на место, где приговорил восемьдесят обвиняемых к сожжению заживо^[105].

В Испании в течение этого столетия с евреями по-прежнему обращались справедливо, хотя и наблюдались признаки изменения отношения к ним, которое постепенно овладевало общественным сознанием. Этому можно приписать две причины. Во-первых, власть магометан, которые всегда были покровителями евреев, быстро ослабевала, и христианские государи больше не боялись вражды евреев, которые в предыдущих поколениях могли быть

опасными союзниками их соперников. Во-вторых, падение халифов Оммиадов, которые были неизменно справедливы и великодушны в отношениях с евреями, оказалось для них самым губительным. Альмохады, сменившие их в 1150 году, были свирепыми и кровавыми фанатиками, склонными навязывать веру в ислам всем, с кем они вступали в контакт. Один из первых эдиктов Абдель-Мумена, основателя династии, требовал, чтобы все его подданные, какого бы вероисповедания они ни были, исповедовали магометанство. Последовали обычные последствия. Многие евреи отправились в добровольное изгнание; еще большее число внешне исповедовало вероучение своих гонителей, но втайне сохраняло свое собственное. Счастливые дни испанских евреев закончились. Мавританскому владычеству был положен конец.

В христианском королевстве, однако, по-прежнему царили справедливость и право. Королевская власть неизменно использовалась для защиты мирных и незлобивых людей. Но бывали случаи, когда этой власти оказывалось недостаточно, чтобы сдерживать насилие народа, который, вероятно, научился у своих соседей относиться к евреям с неприязнью. Так, в Толедо в 1108 году н. э. произошел бунт, подстрекаемый, по всей вероятности, крестоносцами, которые как раз собирались отправиться в Палестину. Население, под обычным предлогом истребления врагов Христа, напало на дома иудеев, сожгло их, разгромило синагоги, расстреляв раввинов на их собственных алтарях, и устроило всеобщую резню простого народа. Альфонсо тщетно пытался сначала подавить, а затем наказать обидчиков.

Но это событие, как бы оно ни было шокирующе, было лишь временной вспышкой народного гнева. Оно не повторилось даже в правление его потомка, Альфонса VIII, в 1171 году, когда, как ни в какие другие времена, можно было ожидать еврейской резни. Этот король сильно увлекся красивой еврейкой по имени Рахиль Фермоза. Ради ее общества он пренебрег своей королевой и удалился от государственных дел. Последовали тяжелые несчастья: его войска были разбиты при Аларкосе, а королевству угрожала враждебность соседних государств. Народ считал, что эти беды вызваны не плохим управлением государственными делами, а гневом Небес на недозволенную привязанность короля к неверующей. Их ревность также была вызвана благосклонностью, проявленной к ее соотечественникам. Вспыхнул мятеж, бунтовщики ворвались в королевский дворец и убили Фермозу на глазах ее возлюбленного. Но они удовлетворились ее смертью и не стали беспокоить еврейских фаворитов, которым она покровительствовала.

Альфонсо IX. проявил к евреям еще большую благосклонность, чем оказывали им его предшественники. Иннокентий III повторил при нем обвинение, которое Григорий VII выдвинул против его предка, - "возвышение синагоги за счет церкви". Он освободил евреев и мавров от уплаты десятины и разрешил им владеть земельной собственностью - редкая привилегия в те времена. Один из его законов, позволявший еврею в случае обращения одного из его рабов в христианство требовать от того, кто его обратил, любую компенсацию, которую он сочтет нужной, кажется таким же несправедливым по отношению к христианам, каким обычно было законодательство тех времен по отношению к евреям.

В Венгрии, Германии и Богемии их положение в рассматриваемый нами период было благополучным. Ладислас, король Венгрии, созвал, как нам сообщают, Синод в 1092 году, на котором были приняты различные постановления, касающиеся евреев. Было предписано, что если еврей купит христианского раба любого пола, то раб должен быть отпущен на свободу, а уплаченная за него цена конфискована в пользу епископа. Его сын Коломан вновь ввел запрет на использование христианских рабов, но разрешил евреям покупать и обрабатывать земли при условии использования еврейской или языческой рабочей силы и

селиться только в тех местах, которые находились под юрисдикцией епископа. Эти законы доказывают, что евреи должны были составлять многочисленную и состоятельную часть населения.

В Германии и Богемии у них было много величественных синагог, особенно в крупных городах, и правительство не вмешивалось в их жизнь. Тем не менее, они не избежали преследований. Фанатичный священник по имени Готезель подстрекал банду беззаконников, насчитывавшую до пятнадцати тысяч человек, к нападению на евреев; его поддерживали, как полагают, втайне, высокопоставленные лица. Он разграбил имущество евреев, издевался над их женщинами и истреблял мужчин по всей Франконии. Затем он вошел в Венгрию и начал творить такие же зверства, когда на него напали и убили вместе с большей частью его последователей. Вскоре после этого ландграф Лейнингенский объявил религиозную войну против евреев и, собрав войско, учинил среди них великое опустошение, преследуя их, как и его предшественник, до Венгрии, где, как и его предшественник, был разбит и убит[106].

В России, в начале двенадцатого века (1113 г. н.э.), в городе Киф произошла дикая вспышка насилия против евреев. Похоже, был поднят тот же крик, который так часто слышали в других странах, - о накоплении ими богатств за счет, как предполагалось, их соседей. Наследовавший престол милосердный Владимир попытался защитить их, но смог сделать это, лишь согласившись на их изгнание из России. Это было их первое и самое длительное изгнание из любой европейской страны. Им не разрешалось возвращаться в течение 600 лет.

В этот период жил Соломон, которого называли Раши, или, как его чаще пишут, Ярхи. Он был самым известным из многочисленных комментаторов Талмуда. Говорят, что с его времен не появилось ни одного издания этого труда, к которому бы не прилагался его комментарий. Он родился в 1040 г. н.э., а умер в 1105 г. н.э.

ССЫЛКИ:

[103] Арнольд, архиепископ Кельнский, также делал все возможное, чтобы умерить пыл гонителей. Он предоставил им в качестве убежища крепость Волькенштайн, и они успешно оборонялись там.

[104] Их не приняли без принятия нескольких законов, которые существенно повлияли на их дальнейшее положение. Среди прочего, они были обязаны носить отличительный знак, а лица, которым они могли давать деньги в долг, предметы, которые они могли получать в залог, и размер процентов, которые они могли требовать, были определены в законе.

[105] См. полное обсуждение этого обвинения и его возможного происхождения. Приложение V.

[106] Рабби Йосеф дал нам (т. I. 30, 35) длинную и ужасную картину варварских жестокостей, которым подвергались в этот период его соотечественники за их отказ "покориться гордым водам или войти в дом заблуждения" (*т. е. принять крещение или быть принятыми в Церковь*). Сравните. Псалом cxiv. 4.

ГЛАВА XVI.

1100-1200 гг. н.э. (продолжение).

ЕВРЕИ В АНГЛИИ - ЕВРЕЙСКИЕ САМОЗВАНЦЫ.

В предыдущей главе было отмечено, что вплоть до конца правления Вильгельма Руфа главные трудности, постигшие евреев в Англии, заключались в том, что нормандские короли вымогали у них большие суммы, частично в качестве займов, о выплате которых, возможно, вряд ли задумывалась одна из сторон, а частично - в качестве платы за предоставляемую им защиту. Такое же положение вещей сохранялось во время правления Генриха I, Стефана и Генриха II. На протяжении всего этого долгого периода - не менее ста лет - евреи продолжали без помех собирать богатства, которые оказались губительными для них самих в последующих поколениях, хотя в то время они мало предвидели такой результат.^[107] Однако не обошлось без признаков, которые могли бы указать на приближающуюся опасность. Во время правления Стефана, 1145 г. н. э., против евреев было выдвинуто обвинение - впервые в Англии, если не в Европе, - в том, что они похитили и распяли мальчика в Норвиче, презрительно пародируя страсти Спасителя. Дело было доведено до сведения короля, и обвиняемые были приговорены к выплате штрафа в пользу короны - весьма подозрительное завершение расследования. Однако новых вспышек не произошло, и во время длительного правления его преемника, Генриха II, сохранялось то же положение вещей. Этот способный и могущественный монарх, какими бы ни были его трудности с духовенством, сильной рукой пресекал все открытые акты насилия против особого народа, который искал у него защиты^[108], но он не мог предотвратить их растущую непопулярность. Общество в значительной степени находилось под влиянием крестоносного духа. Потеря Иерусалима, вырванного с такими большими затратами крови и сокровищ из рук неверных, вызвала повсюду более горькое чувство, чем когда-либо, против врагов Христа. Именно благодаря крестовым походам евреи приобрели свои богатства; и зрелище неверующих, живущих в легкости и роскоши за счет верных слуг Христа, чьи кости белели на равнинах Палестины или которые вернулись в Англию, чтобы тосковать в нищете, до крайности возмущало народ. Поезд уже был заложен для яростного натиска на них. Нужна была лишь искра, чтобы произошел взрыв.

Кризис наступил почти сразу после смерти Генриха. Желая сразу же продемонстрировать свою лояльность и заручиться защитой нового государя, евреи отправили депутацию, состоящую из людей с самой высокой репутацией, чтобы присутствовать на коронации короля Ричарда и преподнести ему богатые дары, подобающие случаю. Их присутствие было расценено как осквернение церемонии, и им был послан приказ держаться подальше. Они повиновались, но несколько человек из их числа, полагая, что их никто не знает или что их не заметят, отважились войти в аббатство. Их обнаружили и силой вытащили наружу. Народная ярость разгорелась. Дома евреев повсеместно вскрывались, грабились и поджигались. Король пытался остановить беспорядки, но тщетно. Грабежи и убийства продолжались всю ночь. На следующий день порядок был восстановлен, многие из бунтовщиков были арестованы, и было проведено строгое расследование. Трое были повешены, но любопытной иллюстрацией к состоянию общественного чувства того времени является тот факт, что ни один из них не был наказан за нанесение ущерба евреям. Двое из них ограбили христианина, выдав себя за еврея, а третий поджег дом еврея, но, к несчастью для преступника, вместе с ним сгорел и дом христианина. Казалось бы, при таком состоянии общественных чувств правительство не смело наказывать никого за простое оскорбление еврея!

Весть о вспышке погрома пронеслась по стране, как дикий пожар, и повсюду сброд был поднят на такую же жестокость. В Норвиче, Стэмфорде и других крупных городах на евреев нападали, потрошили их дома, издевались над ними и убивали. В Линкольне гуманный правитель замка вовремя предупредил их. Они укрылись со своими ценностями в его убежище и были спасены. В Йорке особым объектом народного гнева стал еврей по имени Бенедикт, который, чтобы спасти свою жизнь, объявил себя обращенным в христианство, а затем отказался от своих слов. Он умер от истощения и ужаса еще до начала *эмейта*; но толпа, не обращая внимания на это обстоятельство, напала на его дом, сожгла его дотла и убила его жену и детей. Остальные евреи - то есть те, кто вовремя узнал о грозящей им опасности, - укрылись в стенах Йоркского замка, думая, вероятно, спастись, как это сделали их собратья в Линкольне. Оставшиеся были безжалостно истреблены: мужчины, женщины и дети, за исключением нескольких человек, которые согласились принять крещение.

Евреи, находившиеся в замке, судя по всему, были благосклонно приняты губернатором. Но они подозревали его в предательстве. К несчастью, их братья-христиане дали им слишком веские основания для подозрительности. Среди них распространился слух, что он намеревается открыть ворота бунтовщикам, но в качестве вознаграждения за свое вероломство получит большую часть награбленного. Однажды, когда он вышел в город, они решились на отчаянный шаг: закрыли перед ним ворота и, заняв стены, заявили, что будут защищаться от всех, кто может на них напасть. Губернатор был до крайности возмущен такой неблагодарностью. Случилось так, что в Йорке находился шериф графства с вооруженным отрядом. Губернатор обратился к нему с просьбой отвоевать крепость у захвативших ее предателей. Шериф согласился и при поддержке толпы предпринял штурм замка. Осажденные стойко защищались и долгое время сдерживали врагов. Наконец стало очевидно, что сопротивляться дальше невозможно. Тогда к ним обратился их раввин, человек образованный и высокопоставленный, и предупредил, что перед ними стоит только смерть - быстрая и почетная смерть от собственных рук или смерть, сопровождаемая всеми возможными оскорблениями и варварством от рук врагов. Конечно, лучше было выбрать первое.

С этим предложением согласились почти все присутствующие. Они собрали свои ценности. То, что было горючим, сожгли, остальное закопали. Затем они подожгли замок в нескольких местах, убили, прежде всего, своих жен и детей, а затем друг друга. Раввин умер последним. Он заколол последнего оставшегося в живых из своей паствы, а затем вогнал меч в собственное сердце. Страшная сцена, произошедшая за тысячу лет до этого в замке Масада, повторилась, почти без изменений, вызванных разницей во времени и месте. Если бы потребовалось какое-либо доказательство решительного и неизменного характера еврейского народа, этой истории было бы вполне достаточно.

Утром был предпринят повторный штурм, а затем пришло страшное открытие того, что произошло. Поведение победителей полностью оправдало предчувствия рабби; тех немногих, кто уклонился от смерти от рук своих соотечественников, вытащили из укрытий и зарезали. Затем началась работа по разграблению. Золото и драгоценности тщательно охранялись, но бумаги, которых было великое множество, были сожжены. Это стало несчастной ошибкой для бунтовщиков. Бумаги были в основном облигациями и долговыми расписками, возврат которых по закону становился собственностью короны. Следовательно, в результате этого акта были конфискованы крупные суммы, которые могли бы обогатить королевскую казну. Читатель не удивится, узнав, что в Йорк сразу же была направлена комиссия по расследованию. Но бумаги были безнадежно уничтожены, а зачинщики злодеяния бежали в Шотландию. Главные горожане взяли на себя обязательства по

соблюдению порядка, но, похоже, никто из виновных в этом ужасном убийстве 500, а по некоторым данным, 1500 невинных людей так и не понес никакого законного наказания.

Однако когда Ричард вернулся из плена, он решил привести дела евреев в более удовлетворительное состояние. Он обнаружил, что во время его отсутствия царило полнейшее беззаконие. Нормандский барон имел обыкновение схватить любого богатого еврея, доставить его в свой замок и подвергнуть любым пыткам, пока тот не заплатит требуемую сумму.^[109] Он запретил это, объявив евреев имуществом короны, вмешиваться в которое было бы изменой. Для управления еврейскими финансами был создан специальный суд в королевском казначействе. Количество имущества, принадлежащего каждому еврею, было должным образом зарегистрировано и оценено. Это, несомненно, было произволом и вымогательством, но все же это было лучше, чем незаконный грабеж, и, вероятно, не помешало евреям продолжать накапливать большие состояния. В оставшееся время его короткого правления они больше не подвергались гонениям.

Ричард умер в последний год века, и на престол вступил Иоанн, самый жестокий и отвратительный из английских королей. Но некоторое время его обращение с евреями было более мягким, чем у любого из его предшественников. Он издал хартию, восстанавливающую для них все привилегии, которыми они обладали во времена чистокровных нормандских королей. Они могли жить там, где им заблагорассудится; могли владеть землями и податями; их показания должны были иметь равную ценность с показаниями христиан; а в случае обвинения в преступлении они могли быть судимы только в королевском суде. По каким мотивам это было сделано, сказать нелегко. Возможно, Иоанн просто хотел примирить их добрую волю и таким образом побудить их быть как можно более либеральными по отношению к нему. Но подозрение, что он хотел дать им время и возможность накопить огромные богатства, а затем завладеть ими самому, имеет много оснований. Не исключено также, что лик, который он им показывал, делал их более чем когда-либо одиозными для его подданных; и когда это стало очевидным, он не был склонен терпеть непопулярность за их счет.^[110] Так или иначе, примерно через десять лет после его воцарения в его отношении к ним произошла внезапная и полная перемена. Без объяснения причин все евреи были арестованы, брошены в тюрьму, а их имущество конфисковано в пользу короны. Подозревая, что они раскрыли властям лишь часть своего богатства, а большие тайные запасы все еще существуют, он подверг их жесточайшим пыткам, чтобы заставить выдать и их. Известная история о евреях из Бристоля, у которых потребовали 10 000 марок серебра^[111] и которого за отказ приговорили к потере зуба каждый день, пока он не выплатит их, прекрасно подтверждена. Он позволил, как рассказывают, выбить семь зубов из своей головы, а затем, чтобы спасти оставшиеся, согласился на выплату. Говорят, что за счет этого грабежа своих подданных король получил до 60 000 марок. На этом жестокость и несправедливость не закончились. Мятежные бароны, считая евреев собственностью короны, захватили их сокровища и разрушили их дома, чтобы заделать проломы в стенах Лондона.

Прежде чем завершить историю двенадцатого века, будет уместно дать краткий отчет о различных самозванцах, претендовавших на роль ожидаемого Мессии, которые появлялись во время его продолжения, а также рассказать о великих врачах и ученых мужах, украшавших рассматриваемый период.

Что касается первой из этих тем, то авантюристы, выдававшие себя за пророческого Мессию, выдвигали свои претензии на протяжении всей еврейской истории, начиная со времен Иуды Галилеянина и заканчивая теми, о которых мы сейчас пишем; но никогда их не было в таком количестве, как в эту эпоху. Первый из них появился во Франции в 1137 году. Он

был предан смерти, многие синагоги были разрушены, а их прихожане жестоко наказаны из-за него. Другой, через несколько лет после этого, последовал в Испании, где он получил поддержку ученого раввина в Кордове. Несмотря на это, у него, по-видимому, было мало учеников, и вскоре его деятельность сошла на нет. Третий, в Моравии, привлек больше внимания. Он утверждал, что обладает способностью делать себя невидимым, и несколько раз - как предполагается, с помощью какого-то жонглерского трюка - ему удавалось скрыться от своих преследователей. В конце концов его последователи, опасаясь гнева короля, выдали его, и он был повешен.

Еще несколько человек появились на Востоке, в основном в Аравии и Персии. Один из них, исцеленный, как он считал, чудом, от проказы, привлек за собой огромные толпы людей. Его притязания были разоблачены еврейскими врачами, но, несмотря на это, большое количество евреев было убито из-за вызванных им беспорядков. Другой, арабиец, примечателен прежде всего тем, как изобретательно он избежал пыток. Он сказал королю, что если ему отрубить голову, то он воскреснет из мертвых. Король тут же обезглавил его своим скимитаром, но только для того, чтобы обнаружить, что самозванец таким образом обманул своих мучителей.

Но самым знаменитым из всех был Эльдавид, на странной истории которого Дизраэли построил свою "Чудесную повесть об Алрое"[112]. Он родился примерно в середине двенадцатого века в Амарии, городе, подвластном персидскому государю. Он был знаком с талмудической ученостью и, как говорили, узнал некоторые странные кабалистические тайны. Он поднял восстание среди своих соотечественников, которых ввел в заблуждение несколькими очевидными чудесами. После нескольких безуспешных попыток заполучить его в свою власть персы подкупили его тестя, пообещав десять тысяч крон, чтобы он предал его. Тесть пригласил его на пир и там убил.

СНОСКИ:

[107] На заседании парламента в Нортгемптоне, когда было предложено собрать налог для экспедиции в Святую землю, евреи были оценены в 60 000 фунтов стерлингов, а все остальное население страны - только в 70 000 фунтов.

[108] Два таких случая, аналогичных вспышке во времена Стефана, произошли в 1160 и 1181 годах. Было пронизательно замечено, что евреев всегда обвиняли в этом преступлении именно в те времена, когда королям нужны были деньги.

[Читатели сэра Вальтера Скотта помнят наглядную сцену в "Айвенго", где Фронт де Беф угрожает заживо зажарить Исаака Йоркского, если тот не заплатит его требование.

[110] Говорят, что, обманутые, вероятно, долгой неприкосновенностью, евреи начали выставлять свои богатства напоказ, чем сильно оскорбили жителей Лондона, которые в результате обращались с ними со многими оскорблениями. Это дошло до слуха короля, и он написал им письмо по этому поводу.

[111] От шести до семи тысяч фунтов английскими деньгами.

[112] Его история подробно описана знаменитым Бенджамином Тудельским.

ГЛАВА XVII.

ВЕЛИКИЕ ЕВРЕЙСКИЕ ВРАЧИ - АБЕН ЭЗРА, МАЙМОНИД, БЕНДЖАМИН ИЗ ТУДЕЛЫ.

В рамках данной работы было бы невозможно дать даже общее представление о великих школах иудейской учености, которые берут свое начало в эпоху, предшествующую пришествию Христа, и сохранились вплоть до наших дней. Одно лишь перечисление имен знаменитых раввинов, каждый из которых был автором глубоких тезисов или научного комментария, заняло бы целый том. В самые мрачные века христианства, когда светильник познания почти погас даже в монастыре, где он мерцал в одиночестве, евреи имели свет в своих жилищах, подобно своим древним предкам, жившим в Гошене, в то время как мир вокруг был окутан египетской тьмой. Как правило, они мало известны обычным читателям, и одна из причин этого, несомненно, заключается в том, что они занимаются в основном темами, которые очень близко затрагивают их собственный народ и находят применение их своеобразному образу мышления, но которые не удовлетворяют фантазию и не пробуждают интерес у других рас. Их трактаты о Талмуде и Каббале, о космогонии и судебной астрологии, даже их комментарии к Пятикнижию и еврейским пророкам, читаются с глубоким вниманием их собственным народом; но их образованность и способности теряются для других читателей. Тем не менее, среди их литературных знаменитостей есть несколько великих имен, которые знакомы всем студентам, и с которыми должны быть знакомы все, кто хочет знать хоть что-то из их истории. В частности, есть три имени, относящиеся почти к той эпохе, с которой мы сейчас имеем дело, и их нельзя обойти вниманием. Это Абен Эзра, Моисей, сын Маймона, известный как Маймонид, и Бенъямин из Туделы.

Абен Эзра родился около 1092 года н. э. в Толедо, в семье, уже отличавшейся образованностью и литературными способностями. Он был выдающимся комментатором и каббалистом, автором грамматики, философии, математики и астрономии, а также врачом и поэтом. Его комментарии включают в себя почти весь Ветхий Завет, причем ранние пророки - единственные, о которых он не писал. Будучи человеком состоятельным, он мог удовлетворять свое пристрастие к путешествиям, что было редким вкусом в те времена, но которым обладали и некоторые другие его собратья. Места, в которых были написаны его различные труды, могут служить иллюстрацией масштабов его странствий. Так, один из его трактатов датируется Мантуей, другой - Римом, третий - Лондоном, четвертый - каким-то греческим городом и т. д. Он посетил Африку, а также Палестину и пообщался с учеными мужами своей расы в Тиберии, где когда-то поселился патриарх Запада. Он умер по возвращении из этого паломничества, на семьдесят пятом году жизни, в 1174 году нашей эры. Потомство присвоило ему титул "Хахахам, или Мудрый", а ученые мужи всех рас и эпох отдали должное его гению и образованности^[113].

Еще более известным благодаря обширности и разнообразию своих знаний был Моисей Маймонид. Он родился 30 марта 1135 года в Кордове. Его отец, Маймон, занимал должность судьи евреев в своем родном городе, которая на протяжении многих поколений была почти наследственной в его семье. О его ранней юности рассказывают две разные истории: в одной говорится, что он с первых дней проявил необычайные способности, и отец почти с колыбели начал обучать его элементам науки; в другой - что в семье к нему относились с презрением, поскольку его мать была женщиной низкого происхождения, а отец - с суровостью, из-за его интеллектуальной тупости. Согласно последнему утверждению, он был отослан из дома под начало другого учителя, но вернулся домой настолько

усовершенствованным в учебе и манерах, что мнение родственников о нем полностью изменилось. Он изучал астрономию и медицину под руководством знаменитого Аверроэса. Именно в последней из названных наук он особенно преуспел и как практик, и как писатель. От Аверроэса он также познакомился с трудами Аристотеля, которые к тому времени были неизвестны в Западной Европе.

Интриги среди евреев Кордовы вынудили Маймона бежать со своей семьей из Испании и укрыться в Марокко; но после недолгого пребывания в этой стране он перебрался в Египет и поселился в Каире. Вскоре после этого Маймон умер, и два его сына некоторое время содержали себя за счет торговли драгоценностями; но в Египте произошла революция, вызванная завоеванием страны турками, и Маймонид присоединился к Абдебрахиму, одному из турецких генералов, которому он служил в двойном качестве - советника и врача. Хотя мы не слышим о том, что он ранее занимался медициной, вполне вероятно, что он это делал, поскольку его знания в этой области, по-видимому, всегда были значительными. Благодаря связи со своим турецким работодателем он вскоре после этого попал в поле зрения знаменитого Саладина, ныне Солдата Египта, который взял его к себе на службу в качестве лекаря. Этот пост он сохранял при дворе не только Саладина, но и его преемника вплоть до его смерти в 1204 году. Однако в этот период в его жизни произошел очень неприятный эпизод, когда его обвинили в попытке отравить султана, после чего он был с позором отослан от двора. Говорят, что все время своего изгнания он провел в пещере, где непрерывно учился, заполнив многие тома плодами своих исследований. Впоследствии он был отозван и вновь занял свой прежний пост. Во время так называемого Третьего крестового похода, как нам рассказывают, его пригласили присутствовать при болезни английского короля Ричарда Кер де Льва, но он отказался.

В своих знаниях Маймонид намного превзошел своих современников. Изучая философию Аристотеля и будучи набожным учеником Платона, его ум освободился от оков иудейского раввинизма и стремился основывать религию на философии, а не на откровении. Известно, что в какой-то период своей жизни под сильным внешним давлением он внешне исповедовал магометанство или, по крайней мере, подчинялся его ритуалам. Возможно, знакомство с его жестким стереотипным вероучением, из-за которого Гиббон одарил его столь странными похвалами, сделало его менее терпимым к оковам раввинской традиции. Несомненно, что он ввел в свое учение новый свет и странные формы мышления, что встревожило и раздражило его братьев-раввинов. Его мнения подвергались нападкам со стороны способных и ученых людей; их предполагаемые ошибки разоблачались и осуждались. Во Франции, особенно во Франции, чувство против них стало настолько сильным, что его работы были публично сожжены как еретические. За его труды велась ожесточенная борьба, которая продолжалась много лет, но в конце концов закончилась полным восстановлением его уважения и восхищения соотечественников. В 1232 году к его могиле в Хевроне была направлена депутация с просьбой о помиловании его праха. Если бы в этой жизни свершилось строгое правосудие, сколько бы величайших людей не просили о таком же прощении! В случае Маймонида, во всяком случае, мольба была искренней. Сейчас евреи признают его величайшим человеком, появившимся среди них со времен великого Законодателя, который вывел их из Египта. Они часто говорят о нем: "От Моисея до Моисея не было такого Моисея! Его труды состоят из комментариев и толкований, частично Писания, частично Талмуда, трактатов по логике, метафизике, медицине, астрологии, естественной истории и другим предметам в таком количестве, что они сами по себе составили бы обширную библиотеку.

Здесь также следует упомянуть некоторых других главных писателей того золотого века еврейской литературы - трех Кимхи, Моисея, Иосифа и Давида, родившихся в 1160, 1190 и 1192 годах; все они были евреями испанского происхождения, но уроженцами Нарбонны, и славились своими способностями и образованностью. Давид, самый выдающийся из троих, был автором грамматики и словаря иврита такого высокого уровня, что получил титул "принца грамматиков". В великой борьбе тех дней между сторонниками и противниками науки он встал на сторону первых и отправился в Испанию, чтобы попытаться создать лигу тех, кто придерживался его взглядов; и хотя нам говорят, что он не преуспел в своей миссии, мы не можем сомневаться, что его защита оказала свое влияние на окончательное решение вопроса.

Нельзя обойти вниманием и знаменитого Моше бен Нахмана, известного под именем Нахманид, хотя он принадлежит к поколению более позднему, чем вышеперечисленные. Он примечателен прежде всего тем, что принял участие в публичном диспуте, состоявшемся в Барселоне в 1263 году по приказу короля Испании между евреями и христианами. Пабло, как говорят, обращенный еврей, выступал на стороне христиан, а Нахманид - на стороне своего народа. Спор длился четыре дня, и читатель уже был проинформирован о том, что обе стороны претендовали на победу. Впоследствии Нахманид эмигрировал в Палестину, где и умер.

Но писатель этого периода, к которому мы имеем самое непосредственное отношение, - не божество и не философ, а путешественник, известный Бенъямин из Туделы. Он является одним из самых ранних, если не самым ранним, из средневековых путешественников - за два века до Маундевиля и Марко Поло. Как и первый из этих авторов, он стремится записать все, что видел или слышал, о странных и неизведанных в его время регионах Востока. Он не может сравниться с сэром Джоном Маундевилем по части чудовищных и экстравагантных вымыслов, но очень большой процент его утверждений следует принимать с сомнением и осторожностью. Особенно это касается тех случаев, когда речь идет о репутации его собственного народа.

Он родился в Туделе, городе в Наварре, где-то в начале двенадцатого века. Он покинул Испанию в 1260 году и провел около пятнадцати лет, посещая различные еврейские колонии на Востоке и Западе. Он рассказывает, что в Персии и прилегающих странах он обнаружил многочисленные общины своих соотечественников, которые в основном жили в свое удовольствие и свободно исповедовали свою религию. Так, в Бассоре, городе, расположенном на острове в Тигре, он обнаружил колонию из четырех тысяч евреев; в Альмозале, городе, построенном на месте древней Ниневии *из обломков* ее руин, их было до семи тысяч, и управлял ими Закхей, принц, претендовавший на происхождение от Давида. Направляясь затем в Багдад, он миновал Рехобот, где нашел две тысячи человек, а в Эльнабаре, древней Пумбедите, прославленной в старину как центр раввинской учености, но ныне утратившей свое высокое положение и превратившейся в нечто большее, чем деревня, все еще оставалось несколько врачей и студентов и две тысячи жителей.

Достигнув Багдада, находившегося в то время под властью Мостангеда, князя, покровительствовавшего евреям, он обнаружил там двадцать восемь синагог и десять судов, в каждом из которых председательствовал один из главных людей нации. Эти десять назывались "десятью праздными людьми" и подчинялись чиновнику, которого он называет по древнему титулу "князь плена". Он утверждает, что власть этого сановника распространялась на всех евреев, находившихся под властью багдадского халифа, от Сирии на восток до Индии. Он уверяет, что его рассматривали в свете властителя, которому даже магометане были обязаны оказывать почтение, вставая, когда он входил в их присутствие, и

склоняя головы, когда он проходил мимо; и его сопровождала сотня солдат, куда бы он ни шел. Трудно примирить эти утверждения с тем, что нам рассказывают о полном подавлении князей Плена почти за два столетия до этого.

Покинув Багдад, он посетил Ресен, Хелу, Куфу и Тему, в каждом из которых нашел большое и процветающее еврейское население, а затем проследовал в Египет. Здесь он нашел своих соотечественников еще более многочисленными. Он упоминает город, который он посетил, под названием Чус, где их было до тридцати тысяч. Но ни один город с таким названием не известен географам; и из ошибок, которыми наполнена эта часть его повествования, ясно, что он либо собирал информацию из вторых рук, не расспрашивая, либо был крайне поспешен и поверхностен в своих исследованиях.

Далее он исследовал Святую землю, которая, если верить его рассказу, к этому времени была почти опустошена от еврейских жителей, а те, кто еще жил там, доведены до состояния нищеты и убогости. В Аскалоне он нашел всего сто пятьдесят евреев; в Тивериаде, древнем центре западного раввинизма, их было всего пятьдесят; в самом Иерусалиме - едва ли двести. В Тире и Шунеме их было больше: пятьсот в первом и триста в другом. Но, как правило, в городах Палестины едва ли можно было насчитать десять евреев из каждой тысячи жителей. Исчезновение еврейских жителей, вероятно, произошло из-за истребительных мечей крестоносцев.

Покинув Палестину, Бенъямин проехал через Грецию, Константинополь, Италию и Германию, и во всех этих городах еврейское население было значительно меньше, чем можно было ожидать, - в значительной степени из-за жестокого и пожирающего меча преследований, который с роковым эффектом действовал на протяжении нескольких поколений.

ССЫЛКИ:

[113] Среди прочих его достижений, как нам говорят, он был искусным игроком в шахматы. Евреи славились своей страстью и мастерством в этой игре. Среди сочинений Абен Эзры была поэма о шахматах, которая была переведена на латынь и опубликована в Оксфорде в 1694 году.

ГЛАВА XVIII.

1200-1300 ГГ. Н.Э.

ЕВРЕИ ВО ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ.

Во Франции в первой четверти XIII века не зафиксировано никаких гонений на евреев. На юге страны их положение, судя по всему, было благополучным. Их защищал Раймонд, еретик, но могущественный граф Тулузы. Одним из самых жестоких обвинений, выдвинутых против него Иннокентием III, было то, что он использовал евреев и благоволил к ним; и когда после своего подчинения он должен был подписать условия, на которых его преступления будут отменены, одним из них было то, что он больше не должен нанимать еврейских офицеров.

В 1223 году Филипп Август умер, и его сменил Людовик VIII, прозванный, надо полагать, в насмешку, Людовиком Львом. Во время его короткого трехлетнего правления мы слышим, что он принял указ, аннулирующий все будущие проценты по долгам, сделанным евреям, и

предписывающий выплачивать капитал тремя отдельными частями, каждая из которых выплачивалась с интервалом в один год.

В 1226 году Людовик VIII умер, и на престол вступил его сын, знаменитый Людовик IX, известный в истории как Святой Людовик. В то время он был несовершеннолетним, и Франция почти десять лет находилась под регентством Бланш Кастильской. Первым делом Людовика было аннулирование одной трети всех долгов, причитающихся евреям, и предоставление иммунитета от ареста или конфискации для двух оставшихся частей. Он также созвал совет в Мелуне на Сене, который запретил христианам в будущем занимать деньги у евреев на любых условиях. Говорят, что он издал этот приказ "для блага своей души". Как это могло произойти, не совсем понятно. Возможно, он так сильно чувствовал силу и желание евреев использовать свои денежные кредиты в угнетающих целях, что стремился таким образом предотвратить их пагубное влияние. Или же он считал, что запреты Писания, адресованные иудеям и запрещающие давать свои деньги в долг *своим соотечественникам*, относятся ко всем ростовщическим займам, хотя Писание прямо утверждает обратное (Втор. ххiii. 20). То, что это было именно так, следует из того факта, что постановление Людовика было направлено как против ростовщиков-ломбардцев и каорсини^[114], так и против евреев. По-видимому, Людовик хотел побудить их отказаться от ростовщичества ради сельского хозяйства или ремесла, как это делал и его современник Эдуард I Английский. Но оба монарха потерпели неудачу в этой попытке.

В том состоянии, до которого дошло дело, было бы почти невозможно ослабить неприязнь народа к ним, чтобы побудить его разрешить евреям заниматься ремесленным или крестьянским трудом. Ненависть населения ничуть не ослабла из-за спокойствия последних сорока лет. В 1239 году в Париже, Орлеане и других крупных городах произошли беспорядки по старому обвинению в распятии мальчиков на Пасху, в ходе которых было уничтожено имущество и совершены массовые убийства. В Плоермеле, в Бретани, герцог этой страны созвал собрание дворян и епископов, на котором было объявлено, что сельское хозяйство разрушено чудовищными поборами евреев; и был принят ряд законов, которые по несправедливости и жестокости превосходят все, когда-либо принятые в любой стране. Было постановлено, что все долги евреев должны быть аннулированы; что все евреи должны быть изгнаны из страны; что ни один человек, убивший еврея, не должен подвергаться судебному преследованию за это; и что ни один судья или магистрат не должен принимать к рассмотрению любое подобное преступление. Далее была направлена петиция королю Франции с просьбой провести те же постановления на всей территории его владений. Лионский собор, состоявшийся в следующем году, обязал всех христианских князей под страхом отлучения от церкви заставить евреев на своих территориях вернуть крестоносцам суммы, которые они с них потребовали. Евреям было запрещено взыскивать какие-либо долги с семьи крестоносца, пока он сам не вернется из Палестины или пока не будут представлены удовлетворительные доказательства его смерти. Другой совет запретил им заниматься врачебной практикой, "потому что, находясь в прямом союзе с сатаной, если они и вылечат кого-нибудь, то, скорее всего, с помощью своего хозяина!". Предполагалось, что все зло, с которым сталкивались люди и которое они не могли объяснить никакими особыми причинами, объяснялось тайными чарами и дьявольским влиянием евреев, подобно тому как в следующем поколении те же злодеяния были приписаны колдовству. Главным источником и средоточием их злых знаний считался таинственный и ужасный Талмуд. Были изданы эдикты о его уничтожении, и, как нам рассказывают, его сжигали на улицах Парижа целыми телегами.

По-видимому, после этих мер последовал значительный исход; этим воспользовался король, который конфисковал товары тех, кто бежал, и таким образом собрал деньги для крестового похода, в который он собирался отправиться. В то же время он приказал им носить особый знак отличия, называемый *rouelle* - кусок синей ткани, который надевался как спереди, так и сзади еврейского габардина.

Несмотря на все эти строгости, очевидно, что Людовик руководствовался скорее желанием обратить евреев к Христу, чем выплеснуть свой ужас и ненависть к ним. Мы читаем о торжественной конференции, состоявшейся в 1254 году между раввином Иехиэлем и новообращенным иудеем по имени Николя перед Бланш, которая исполняла обязанности регента во время отсутствия своего сына. Обе стороны претендовали на победу; ни одна из них, следовательно, не прошла гиюр. Вероятно, именно разочарование таким результатом побудило Людовика отправить домой приказ об их изгнании из королевства, который, как нам сообщают, королева-мать исполнила в точности.

Во время отсутствия Людовика произошло и первое "восстание пастухов", как его называют. Его возглавил венгерский монах-отступник, который изначально был мусульманом. Его целью было спасение короля Людовика от рук его врагов. Они совершали грабежи и убийства везде, куда бы ни пришли, но особым объектом их насилия были евреи. Вероятно, если бы они ограничились только ими, им удалось бы избежать наказания. Но резня христиан не могла остаться незамеченной, особенно священников и монахов; венгр и его сторонники были побеждены и убиты.

Филипп Суровый вступил на престол в 1270 году, и одним из первых его действий стало возвращение евреев во Францию, поскольку выяснилось, что, как бы ни жаловались люди на их скупость и поборы, без них им живется гораздо хуже. Говорят, что во время его правления, которое длилось двадцать пять лет, они оставались бесконтрольными и снова собрали большие богатства. Однако в 1288 году Эдуард I изгнал их из Гаскони, что, как можно предположить, стало предварительной мерой к изгнанию их из своих английских владений. Уолсингем рассказывает историю о том, что он решился на этот шаг благодаря чудесному спасению от поражения молнией, которая прошла прямо над его кроватью и убила двух его камергеров, стоявших рядом. В знак благодарности за это избавление он, как говорят, изгнал евреев. Эдуард был человеком, опередившим свое время, и трудно поверить, что он мог подумать, что безжалостное изгнание евреев станет достойной расплатой за проявленное к нему милосердие. Подробнее о его мотивах мы узнаем в одной из последующих глав. Но уместно заметить, что в наш век, очевидно, больше, чем в любой другой, распространены самые экстравагантные представления о сатанинской ненависти евреев к христианским таинствам. Их постоянно обвиняют в попытках завладеть священной облаткой, а затем в нанесении ей грубейших оскорблений, причем их святотатство так же часто разоблачается и наказывается каким-то особым чудом. Еврей уговаривает женщину передать ему освященную облатку, которую тот протыкает в нескольких местах, после чего она обильно кровоточит; вошедшие клиенты-христиане видят это и обвиняют его в преступлении; или он кладет облатку в кошелек, в котором лежит несколько серебряных монет, и они превращаются в семь облаток, похожих на ту, которую он положил среди них. Ошеломленный чудом, он становится новообращенным в Евангелие. Подобные истории можно встретить постоянно. То, что народ в массе своей верил им, не вызывает сомнений; но придавали ли более умные представители духовенства реальную веру таким историям или просто использовали их как средство для достижения собственных целей, возбуждая народную ярость против евреев, определить очень сложно.

В 1285 году Филипп IV, прозванный Справедливым, бесстыдный убийца рыцарей-тамплиеров, стал преемником своего отца. Его первые действия были крайне враждебными по отношению к Церкви, но он не проявлял снисхождения к евреям. Через шесть лет после своего воцарения он повторил поступок нескольких своих предшественников и изгнал их из королевства. Не похоже, что изгнание было жестким, так как через несколько лет после этого произошло второе изгнание. На самом деле эти повторяющиеся приговоры об изгнании и последующем отзыве выглядят так, словно это просто очередные этапы предписанной системы опустошения. После того как евреи проживали в стране достаточно долго, чтобы накопить достаточное богатство, которое стоило захватить, обнаруживалось, что они совершили какое-то ужасное злодеяние, из-за которого христианский государь не мог терпеть их в своих владениях. Возможно, они схватили какого-то христианского мальчика и, потакая своей естественной ненависти к Спасителю и Его поклонникам, предали его смерти на кресте. То, что они это сделали, стало очевидным благодаря какому-то удивительному чуду, сделавшему свидетельства людей ненужными. Непосредственные исполнители этого деяния были казнены, их имущество конфисковано в пользу короны, а их соотечественники приговорены к конфискации всего, кроме движимого имущества, и вместе с ним к выходу из королевства. Иногда обвинение менялось, и выяснялось, что они отравили колодцы, вступили в союз с иноземными врагами или (как мы уже видели) осквернили или оскорбили Хозяина. Но результат всегда был один и тот же. Евреев изгоняли из страны, пока они не были в состоянии заплатить большую сумму за возвращение; и тогда король, в порыве своего справедливого гнева, вспоминал о милосердии и позволял им вернуться и богатеть, пока их новое богатство не приводило к новым злодеяниям.

В Германии, хотя злобность духовенства и народа, похоже, была почти такого же характера, как во Франции, государи этой страны явно были расположены распространить щит своей защиты на эту несчастную и гонимую расу. Фридрих II, монарх, чей характер представляет собой любопытное и интересное исследование, обращался с ними в манере, которая странно контрастирует с поведением современных правителей по отношению к ним. В Хагенау, в Нижней Эльзати, в доме еврея были найдены мертвыми трое детей. Не было никаких доказательств того, что еврей убил их, но эта история была немедленно передана императору с требованием отомстить. "Трое детей найдены мертвыми! Пусть их похоронят", - был его ответ. В продолжение этого новаторского способа решения вопроса он назначил судебное расследование, чтобы выяснить, является ли обычным еврейским обычаем приносить в жертву христианских детей на празднике Пасхи. Разумеется, ни один юридический трибунал не мог вынести иного решения, кроме того, что не существует никаких доказательств подобной практики^[115].

На Венском соборе, состоявшемся в 1267 году, были предложены и предписаны ограничения, неслыханные даже в самые суровые времена. Евреям запрещалось вести с христианами даже самые обычные повседневные сношения. Им не разрешалось пользоваться общественными банями, размещаться в общественных трактирах, принимать любые государственные контракты или нанимать слуг-христиан. К уже предъявляемым к ним требованиям добавилось ношение шапки с высоким козырьком, которая сразу и неизбежно заявляла об их национальности. Прежде чем купить мясо у еврея, необходимо было приобрести разрешение.

В Мюнхене в 1287 году одна старуха призналась, что продала евреям ребенка, кровь которого они намеревались использовать для каких-то нечестивых целей, и без лишних расспросов этот сброд зарезал всех евреев, на которых мог наложить руки. Городская стража, не в силах подавить беспорядки, посоветовала евреям укрыться в своей синагоге,

которая, будучи зданием из прочного камня, должна была быть надежно защищена от насилия. Но народ напал и разрушил ее и все, что в ней находилось, несмотря на усилия самого герцога защитить их.

Завершает ужасы этого века еще одна страшная резня евреев в Нюрнбурге в 1292 году. Один фанатичный крестьянин по имени Раинд Фламандский во время войны между Нассау и Австрией заявил, что он послан Всемогущим Богом, чтобы истребить весь род Израиля. Люди, поверив ему, напали на евреев в Нюрнбурге и других баварских городах и сожгли все, что попало им в руки. Остальные, предпочитая погибнуть от собственного поступка, а не от мечей врагов, поджигали собственные дома и погибали в пламени вместе с женами и детьми.

ССЫЛКИ:

[114] Каорсини, итальянские ростовщики, промышлявшие ростовщичеством.

[115] В качестве примера беспредельного доверия народа к любым обвинениям, выдвигаемым против евреев, приводилось утверждение, что они заключили союз с монгольскими татарами, чтобы войти в Германию и захватить ее. Они нагрузили несколько повозок оружием для их нужд и притворились, что в бочках, в которых перевозили оружие, было отравленное вино, которое монголы, ничего не подозревая, выпьют и таким образом погибнут. В эту историю, как правило, верили.

ГЛАВА XIX.

1200-1300 гг. н.э. - продолжение.

ЕВРЕИ В ИСПАНИИ.

Переходя к Испании, мы видим, что в течение этого столетия евреи продолжали пользоваться если не всей полнотой правосудия, на которое они имели право, то все же его объемом, который выгодно отличается от обращения, которому они подвергались в других странах. Мудрость, справедливость и милосердие, проявленные испанскими королями во многих случаях, настолько не похожи на дух, проявленный в последующих поколениях, что нам трудно поверить, что мы пишем о той же Испании, которая одобрила варварство Торквемады или ужасы еврейского исхода.

Яков (или Хайм) I Арагонский, который начал свое долгое правление в начале этого века, как говорят, оказывал особую благосклонность евреям, несмотря на то, что в случае с альбигойцами он проявил очень гонительский дух. Он часто обращался за наставлениями к еврейским раввинам и использовал их молитвенные книги в своих личных беседах, и даже, как говорят, не позволил ввести в свои владения испанский перевод Ветхого Завета, потому что он ценил тот, который сделал Давид Кимхи. Его духовник Раймонд, как полагают, в значительной степени был причиной его добрых чувств к евреям, будучи достаточно мудрым, чтобы понять, что если евреи должны быть обращены, то лучший шанс достичь этого - проявление мягкости и милосердия.[116] В начале века были приняты правила[117] с целью предотвращения чрезмерного ростовщичества, которое евреи требовали с христиан; но они не такого рода, чтобы сильно жаловаться на них. Евреи не должны давать в долг под более высокий процент, чем 20 процентов, они не должны взимать сложные проценты, и проценты никогда не должны превышать сумму, взятую в долг. Прежде чем дать ссуду, еврей

должен поклясться в общественном суде на законе Моисея и Декалоге, что он будет соблюдать закон. Еврей, давший в долг на незаконных условиях, должен потерять сумму займа. Однако указ, принятый кортесами в Барселоне в 1228 году, наносит евреям более серьезный удар. Он устанавливает, что если нет документального подтверждения долга, то клятва еврея не может считаться достаточной для его установления. Мы можем не одобрять эти постановления, но их нельзя считать сильно угнетающими.

Возможно, именно благодаря влиянию Якова на Фердинанда Кастильского попытка возбудить народные чувства против евреев в Сарагоссе в 1248 году оказалась неудачной. Было распространено сообщение, что хорист по имени Доминик, принадлежавший собору, был украден евреями и распят. Преступление было раскрыто благодаря появлению чудесного света над могилой хориста. Тело было выкопано и перенесено в собор, где к нему отнеслись как к мученику и святому. Как обычно, это вызвало недоброжелательство и оскорбления в адрес евреев, но власти не предприняли никаких шагов и не допустили никаких эксцессов.

В 1263 году Иаков, который в последние годы жизни, как говорят, находился под сильным влиянием доминиканцев, приказал провести в Барселоне публичный диспут о сравнительных достоинствах иудаизма и христианства. Адвокатом со стороны христиан был некто Пабло, новообращенный еврей; со стороны евреев - знаменитый раввин Нахманид. Последовал неизбежный результат - обе стороны претендовали на победу. Во всяком случае, он был настолько благоприятен для евреев, что вызвал тревогу папы Климента IV, который призвал Якова изгнать евреев из своего королевства, как опасных для веры христиан. Но король не пошел дальше, чем обложил их налогом, чтобы покрыть расходы христианского адвоката Пабло, который был отправлен в своеобразное турне по великим испанским городам с полномочиями проводить конференции с евреями везде, где ему заблагорассудится. Нахманид, еврейский защитник, возможно, опасаясь враждебности Климента, вскоре после этого переселился из Испании в Святую землю.

У евреев было еще два покровителя - Фердинанд III Кастильский (уже упоминавшийся), известный как Святой Фердинанд, и его сын Альфонсо, прозванный в истории "Мудрым". Фердинанд, правивший с 1217 по 1252 год, неизменно относился к евреям со справедливостью и снисхождением. Когда его сын захватил Севилью у мавров в 1248 году, он, несомненно, по указанию отца, выделил три прихода (Санта-Мария, Сан-Бартоломей и Санта-Крус) для проживания евреев, а также три магометанские мечети, которые они могли бы превратить в синагоги. При этих принцах знаменитый колледж в Кордове был переведен в Толедо, который отныне стал главной школой еврейского образования в Испании.

Альфонсо был автором свода законов, известного как Las Siete Partidas, который, хотя и содержит многое, что последующий век должен осудить как несправедливое,^[118] имеет также много мудрых и справедливых постановлений, таких, которые мы вряд ли могли ожидать в законодательстве той эпохи. Так, он предписывает, "чтобы для обращения евреев в христианство не применялась никакая сила, а только хороший пример, доброта и правила Священного Писания". И еще: "Синагоги - это здания, где прославляется имя Бога, поэтому христиане не должны осмеливаться разрушать или грабить их". "Ни один христианин не должен причинять беспокойства евреям во время молитвы". И снова: "Суббота - это день, когда евреи соблюдают субботу. Поскольку они обязаны соблюдать этот день в соответствии со своей религией, никто не должен вызывать их или привлекать к суду в этот день. Если в этот день над ними будет вынесен какой-либо приговор, он будет недействительным".

Несомненно, в том же кодексе, как уже отмечалось, есть много деспотичных и необоснованных законов, например, запрещающих евреям занимать какие-либо государственные должности, есть и пить, участвовать в веселье с христианами, пользоваться одними и теми же банями, принимать от них лекарства, опасаясь, что они могут быть отравлены, и тому подобное. Но все это - в духе и нравах того времени, и нас удивляет лишь то, что один и тот же фонтан должен таким образом источать как сладкую, так и горькую воду.

Через несколько лет после этого (1255 г. н. э.) была предпринята не менее злобная попытка уничтожить евреев. Трое жителей Осуны в Андалусии подбросили труп в дом еврея, а затем, притворившись, что нашли его там случайно, выдвинули против хозяина дома обычное обвинение в убийстве. Эта история быстро распространилась по городу и привела население в ярость. Многие евреи были убиты на улицах, многие укрылись в домах друзей-христиан. Это был сезон Пасхи, во время которого евреи отказываются есть только пресный хлеб; не найдя его в домах своих друзей-христиан, многие оказались под угрозой голодной смерти. В Пальме распространилась та же история, вызвавшая аналогичную вспышку. Евреи посоветовались и решили, что единственная надежда предотвратить дальнейшее распространение беды - послать к королю Альфонсу депутацию с просьбой разобраться в этом деле. Но весть об этом намерении распространилась; депутатов стали преследовать враги, и им едва удалось избежать убийства по дороге. Они ускользнули от преследователей, но для этого были вынуждены сойти с большой дороги и укрыться в лесу. В результате, добравшись до столицы, они обнаружили, что их враги уже прибыли и выдвинули против них свои обвинения. Однако в лице короля Альфонсо они нашли не только справедливого, но и чрезвычайно проницательного судью, а их дело было настолько весомым, что для успеха едва ли требовалось умелое заступничество их делегата, рабби Йосефа. Выяснилось, что некий Хуан де Вера задолжал деньги хозяину дома, в котором был найден труп, и что он очень хотел избавиться от долга, не сталкиваясь с неприятной необходимостью платить деньги. Его сообщники признались, что по его наущению они вскрыли гробницу, из которой извлекли труп, найденный в доме еврея. По приказу короля могилу снова вскрыли и обнаружили, что она пуста. Последовало оправдание еврея, и король дружелюбно отослал депутатов, но не без рекомендации им уменьшить ростовщичество и сократить дороговизну и показность их образа жизни, так как все это вызывало вражду христиан к ним.

Эта история примечательна тем, что она контрастирует с многочисленными подобными случаями, о которых повествует история этого и последующих веков. Спокойное судебное разбирательство, в ходе которого свидетельства обеих сторон были внимательно выслушаны и беспристрастно проанализированы, резко выделяется на фоне бессвязных и противоречивых обвинений, отказа выслушать объяснения или аргументы и непобедимого предубеждения, проявленного в других случаях. Но можно усомниться, что самым примечательным фактом является не характер самого короля Альфонсо. Удивительно, что человек, столь просвещенный, каким он показал себя по многим вопросам^[119], мог принять тот чудовищный фанатизм, который он провозглашал по другим. Полагаю, мы должны заключить, что, подобно философу из "Друга" Кольриджа, он считал, что лучше погрязнуть в трясине общих предрассудков своих собратьев, чем оставаться изолированным от них в одинокой чистоте.

В этот период можно найти интересные свидетельства о численности и богатстве евреев. В 1286 году Санчо, сын Альфонсо X., через два года после своего воцарения, провел оценку евреев в трех королевствах. Оказалось, что в Леоне, Кастилии и Мурсии насчитывалось 700 000 евреев мужского пола старше шестнадцати лет. Таким образом, их общее число,

включая женщин и детей, должно было превышать два миллиона. Ежегодные пошлины, выплачиваемые ими, составляли 2 310 021 мараведи, почти сто тысяч фунтов наших денег. Учитывая огромную разницу в стоимости драгоценных металлов в те времена и в наши, это доказывает, что богатство евреев было необычайно велико. Следует, однако, добавить, что и количество евреев, и сумма выплат у других авторов несколько различаются.

В этом столетии появились два еврейских самозванца, которые приобрели большое влияние на своих соотечественников, хотя ложь, которую они выдавали за правду, отличалась от той, которую обычно выдвигали авантюристы их класса. Первый из них, некто Захария, , не утверждал, что сам является Мессией, но открыл новый способ толкования пророчеств, который неопровержимо доказывал, что Он уже близко. Среди иудеев преобладало убеждение, что если кто-либо сможет правильно произнести предположительно невыразимое имя Бога, то тем самым обретет все знания и всю власть. Захария утверждал, что сделал это, и на этом основании претендовал на то, чтобы точно объявить день явления Мессии. Иудеи - то есть большая их часть - поверили его притязаниям и в назначенный день отправились в свою синагогу, облачившись в белые одежды, чтобы принять своего Избавителя.[120] Что стало с самозванцем, похоже, не сохранилось.

Второй самозванец утверждал, что получил полную копию книги "Зоар", [121] из которой, как известно, существовали только фрагменты. Это был раввин по имени Моисей де Леон, который, будучи не в состоянии содержать себя и свою семью за счет доходов своей синагоги, придумал такой способ сбора денег. Прошло немало времени, прежде чем выяснилось, что недостающие фрагменты книги были созданы его собственным воображением. Легковерие евреев, в целом столь проницательных, в этом и подобных вопросах весьма удивительно.

В 1291 году н. э. на Арагонский престол вступил Яков II. Он, как и его предшественник, стремился к обращению евреев и издал несколько указов с этой целью. Он приказал, чтобы евреи посещали лекции доминиканских монахов о различиях между иудейской и христианской верой, а также должны были отвечать, если смогут, на аргументы своих наставников. Если они отказывались посещать лекции; возможно - хотя это не зафиксировано - также, если они отказывались вступать в спор, успех в котором был бы для них более опасен, чем поражение, они должны были подвергнуться телесному наказанию, которое должны были назначить монахи.

Однако это было все, что было назначено. Молодой король отказался отменить праведные и милосердные законы своего прадеда и деда, и строгая справедливость по отношению к евреям оставалась правилом в Испании до конца тринадцатого века.

СНОСКИ:

[116] Многие считают, что Раймонд был автором знаменитого *"Pugio Fidei"*, сурового нападения на евреев. Но эта книга появилась только через три столетия после его времени и, вероятно, была написана доминиканцем с тем же именем.

[117] В Таррагоне, 1233 и 1234 гг. н.э.

[118] Можно не сомневаться, что Альфонсо знал, как далеко он может зайти в своих попытках отстаивать разум и справедливость, и где он должен уступить глубоко укоренившимся предрассудкам своего народа. Если бы он попытался сделать больше, то, скорее всего, ничего бы не добился.

[119] На суде в Осуне на него давили, чтобы он подверг обвиняемых евреев пыткам, дабы получить показания, которые бы удовлетворительно доказали, совершили они это деяние или нет. Альфонсо отказался. Он сказал, что за два года до этого позволил подвергнуть двух евреев пыткам, чтобы выяснить, не украли ли они два золотых кубка. Под пытками они признались в краже и были казнены за это. Вскоре после этого кубки были найдены у одного из слуг. "Поэтому, - сказал король, - я больше не буду допрашивать их под пытками". Очевидно, что признания, полученные с их помощью, ничего не стоят". Никакой вывод не мог быть более обоснованным. Но перед другим судьей можно было бы утверждать и верить, что иудеи или их союзник Сатана спрятали кубки в сундуке слуги, чтобы христианина несправедливо обвинить в преступлении иудея.

[120] Поскольку в те времена без чуда не обходилось ни одно происшествие, далее было объявлено, что евреи, войдя в синагогу, увидели, что их белые платья покрыты красными крестами. Однако это лишь утверждение монаха, перешедшего из иудаизма, который писал двести лет спустя.

[Некоторые считают, что он даже подделал всю книгу в том виде, в каком она существует сейчас.

ГЛАВА XX.

1200-1300 гг. н.э. - продолжение.

ЕВРЕИ В АНГЛИИ.

Генрих III был еще несовершеннолетним, когда смерть его отца в 1216 году возвела его на трон. Пемброк и его коллеги, управлявшие Англией от его имени, начали с более мягкого обращения с евреями. Они были освобождены из тюрем; двадцать четыре главных человека в каждом городе, где они проживали[122], были назначены защитниками их лиц и имущества. Они объявлялись освобожденными от духовной власти и собственностью только государя; отлучения, произнесенные их раввинами, должны были исполняться по закону. Однако им было приказано носить наложенный ранее знак отличия - две полосы белой ткани,[123] пришитые к заметной части их одежды, что, как замечает Милман, возможно, должно было обозначить их как королевскую собственность и таким образом уберечь их от посягательств; но, тем не менее, это было гораздо более вероятно, чтобы сделать их объектами народного презрения.

На самом деле, хотя короли могли делать вид, что обижаются на оскорбления и обиды, нанесенные им, они, и все люди знали это, были не в состоянии обеспечить им реальную защиту, даже если бы очень хотели это сделать. С течением времени все классы людей все решительнее настраивались против них. Бароны, чьи поместья они заложили; купцы, обнаружившие, что торговля страны, несмотря на все их усилия, переходит в руки евреев; простые люди, возмущенные богатством евреев, контрастировавшим с их собственной нищетой; духовенство, к чьим предупреждениям и угрозам они не прислушивались, - все они затаили на них горькую обиду, которая становилась все более горькой в каждом последующем поколении. Стивен Лэнгтон, архиепископ Кентерберийский, вместе с некоторыми своими сторонниками издал указ 1222 г., запрещавший всем христианам под страхом отлучения продавать евреям предметы первой необходимости. [124] Затем корона издала эдикт, повелевавший всем людям, как верным подданным короля, отказаться от повиновения этому приказу; ненужная демонстрация, поскольку привести его в исполнение было бы невозможно. Но защита короля была лишь номинальной. Когда в 1230 году войны во

Франции привлекли внимание общественности, Генрих потребовал внести в свою казну третью часть их движимого имущества. Через два года после этого он потребовал от них 18 000 марок, а еще через четыре года - 10 000 марок. Один еврей уверял Матвея Парижского, что только с него король потребовал 30 000 марок серебром и 200 золотом. У других евреев дела обстояли не лучше. Против них постоянно выдвигались обвинения. В одном случае их обвиняли в чеканке фальшивых денег, в другом - в мошенничестве с королевской печатью на документах, и т. п. Евреи редко брали на себя труд защищаться. Как и аристократы во Франции во времена террора, они знали, что уже осуждены, когда предстали перед судом. Все, что они могли сделать, - это подкупить судей или самого короля, в зависимости от обстоятельств, чтобы он помиловал их мнимые прегрешения.

В 1225 году вновь было выдвинуто старое обвинение в краже детей, чтобы распять их на последующей Пасхе. В этом случае ребенок был найден до того, как произошел акт распятия, и за это было назначено какое-то наказание - мы не знаем, какое. Через несколько лет после этого, в 1243 году, евреи в Лондоне были обвинены в том же преступлении. Хотя в данном случае ребенок был не украден, а продан, родители утверждали, что было совершено убийство, а труп (как обычно) был обнаружен чудом. В поисках предполагаемых убийц подняли шум и крик, но найти их не удалось.

В 1256 году было представлено новое зрелище - еврейский парламент, который, надо полагать, доставил немало удовольствия всем, кроме самих несчастных членов. Шерифы регулярно выдавали предписания, обязывающие евреев во всех крупных городах избрать шесть представителей - особо оговаривалось, что это должны быть самые богатые люди в местечке, - и двух в тех городах, где их было меньше. Речь, произнесенная с трона при открытии собрания, имела то достоинство, которое не всегда обеспечивается в наше время, - она была непосредственно направлена на достижение цели. Не было потрачено время на пустые ораторские речи или личные объяснения. Им кратко сообщили, что король требует от них определенную сумму, которую они должны согласиться заплатить, после чего их сразу же пророчат и отправят домой за ней. Если же она не будет получена очень быстро, их уверяли, что их товары будут конфискованы, а сами они будут заключены в тюрьму. Во всей этой процедуре есть прекрасная простота, о которой приятно читать в наши искусственные дни.

Однако это был не очень политичный шаг. Народ начал подумывать о том, не следует ли потребовать, чтобы евреи облагались налогом в пользу не государя, а всего народа. Если есть все эти деньги, почему бы им не пойти на облегчение общественного бремени, которое так тяжело давило на народ, а не в карманы только короля? В последующие годы было потребовано 8 000 марок, причем налоги взимались не только с мужчин-евреев, но и с женщин и детей. За три последующих года было потребовано 60 000 марок,^[125] причем королю помогали в его хитрости некоторые предательские евреи, особенно Авраам из Уоллингфорда.

Но эти поборы истощили силы даже евреев. Пожилой раввин по имени Элиас был отправлен к графу Корнуоллу (которому король передал евреев на сумму в 5000 марок) и сообщил ему, что они не в силах выполнить дальнейшие требования, а если таковые будут предъявлены, то они скорее покинут страну, чем подчинятся им. Граф принял их любезно, принял очень небольшую сумму и отпустил их. Вероятно, он был уверен, что они действительно не в состоянии заплатить больше. Но в следующем году король Генрих возобновил свои просьбы, ссылаясь на огромную сумму своих долгов как на причину, по которой он должен упорствовать.

Вероятно, состоянием его финансов объясняется чрезмерная суровость его отношений с евреями, которых в это время обвиняли в прежних преступлениях, но с дополнительными ужасающими обстоятельствами.^[126] В Линкольне, как говорили, ребенка заманили в дом еврея по имени Копин, где его десять дней держали на хлебе и молоке, а затем распяли в присутствии всех евреев Англии, созванных для этой цели в Линкольн! По всей видимости, была проведена репетиция распятия нашего Господа, а в роли Пилата выступал еврей. Тело было похоронено, но земля не захотела скрывать столь ужасное преступление и завалила останки. Иудеи были вынуждены бросить их в колодец, где их нашла мать ребенка^[127].

Такова была эта история. Копин, когда его привели к лорду Лексингтону, полностью признался во всем, что ему вменялось в вину, добавив, что это обычная практика евреев - так праздновать Пасху, когда им удавалось найти необходимые жертвы. Когда об этом стало известно, поднялся такой шум, что король отменил помилование, данное лордом Лексингтоном, и Копин был повешен в цепях. Но это далеко не удовлетворило народную жажду мести. Все евреи в стране были объявлены виновными в соучастии в убийстве. Девяносто один человек был отдан под суд, из которых восемнадцать были повешены, а еще двадцать заключены в Тауэр для ожидания той же участи, хотя, судя по всему, приговор не был приведен в исполнение. Хью, как называли ребенка, был канонизирован; паломники со всех концов света посещали его гробницу, где творились чудеса, а церковь в Линкольне, в которую были перенесены его останки, стала богатой и знаменитой на долгие века. Повесть о настоятельнице, написанная Чосером через сто лет после этого, показывает, что и в его время эта история все еще хранила память английского народа.

В начале правления Генриха предпринимались попытки обратить евреев в христианство, и в Чансери-Лейн был открыт дом, названный *Domus Conversorum*, для приема новообращенных. Но, судя по всему, таких попыток было немного. Конечно, условие, приложенное к прозелитизму, - что прозелит должен лишиться всего своего имущества^[128], - кажется, не очень хорошо рассчитано на то, чтобы добиться таких перемен. Однако через несколько лет даже эти усилия, похоже, были оставлены. К евреям применялись все более жесткие меры. Им было запрещено брать христианских няnek для своих детей; им не разрешалось покупать и есть мясо во время Великого поста; они не могли вести никаких религиозных диспутов; сами молитвы в синагоге должны были произноситься на низком тоне, из опасения, что они осквернят слух христиан! Но при всей своей суровости они считались излишне благосклонными к королю. Когда началась война баронов, пятьсот самых богатых евреев в Лондоне были захвачены, чтобы вымогать у них субсидии; остальные были безжалостно убиты. Подобные сцены происходили и в других крупных городах. После битвы при Льюсе их положение несколько изменилось, но до конца правления Генриха продолжалась та же система безжалостного грабежа и жестокости, не ослабевавшая.

В 1268 году в Оксфорде произошел случай, который мог вызвать столь же яростный взрыв народных чувств, как и предполагаемое возмущение в Линкольне. Когда ректор и другие служащие университета направлялись к святыне святого Фридесвида, к ним подбежал еврей, схватил крест, который несли впереди процессии, и растоптал его ногами. Он сбежал, прежде чем его успели схватить. Удивительно, что этот поступок не спровоцировал резню. Возможно, ее предотвратило присутствие принца Эдуарда, который случайно оказался в Оксфорде. Он приказал, чтобы евреи в наказание за проступок своего соотечественника воздвигли крест из белого мрамора с изображениями Богородицы и Младенца на том месте, где сейчас стоит Мертон-колледж.

Смерть Генриха последовала через несколько лет после этого. Можно было ожидать, что Эдуард, один из величайших и гуманнейших наших королей, отменит незаконную политику

своего отца в отношении евреев. Но он этого не сделал. Он принял закон, запрещающий евреям давать деньги в долг под ростовщичеством под любым предлогом. Его желание, похоже, было таким же, как и у Людовика IX Французского, - обязать их посвятить себя ручному труду. Но они, судя по всему, нашли себе другое занятие - обреза́ли и подде́лывали текущую монету королевства. Было ли это обвинение правдой или нет, невозможно определить с полной уверенностью. Но есть вероятность того, что оно было правдоподобным. Притесняемые поборами, не имея возможности заниматься своим ремеслом или работать по другой специальности, некоторые из них вполне могли пойти на такой способ добывания средств к существованию. С другой стороны, многие, кто был совершенно невиновен, без сомнения, обвинялись и осуждались. Король был очень обеспокоен таким развитием событий. Он не мог по совести ни осуждать, ни защищать иудеев. Вероятно, он принял окончательное решение полностью изгнать их из своих владений, как наиболее очевидное решение огромной и постоянно растущей проблемы. Приняв решение по этому вопросу, он был достаточно решителен в способе его осуществления. Он конфисковал все их имущество, за исключением того, что они могли вывезти, и приказал им покинуть Англию под страхом смерти.

Можно было бы подумать, что, учитывая, в каком положении евреи находились в Англии последние пятьдесят лет, перспектива навсегда покинуть место своих страданий была бы скорее желанной, чем иной.^[129] Но было не так. В конце концов, дом человека - это его дом; а последствия лишений и испытаний часто приводят к тому, что места их возникновения становятся еще более близкими для страдальцев. Нам рассказывают, что последние несколько дней перед отъездом евреев были свидетелями сцен самого печального характера; они цеплялись за свои старые места с томительной привязанностью, которая, надо думать, должна была вызвать сострадание у всех, кто ее видел, какими бы глубокими ни были предрассудки расы и вероисповедания.^[130] Но суровый указ не был отменен. Праздник Всех Святых - этот день, священный более всех других для взаимной доброй воли всех детей великого Отца свыше, - стал свидетелем завершения злодеяний еврейского народа. Они ушли в нищету и изгнание с берегов Англии и почти четыреста лет больше не возвращались.

ССЫЛКИ:

^[122] Некоторые города, например Саутгемптон и Ньюкасл, подали прошение о том, чтобы евреям не разрешалось проживать среди них. Просьба была удовлетворена, хотя это не принесло никакой пользы данным городам.

^[123] Эдуард I изменил это решение на желтое.

^[124] На том же синоде он приказал повесить дьякона церкви, который стал евреем из-за любви к еврейке.

^[125] Нам кажется, что ни один торговец, каким бы прибыльным ни было его дело, не смог бы вынести таких больших и постоянных поборов. Огромные проценты, взимаемые евреями, достигавшие 50 процентов и выше, далеко не всегда объясняют это.

^[126] Уже говорилось о том, что эти сборы всегда производились в те моменты, когда английские короли особенно нуждались в деньгах. Насколько мне известно, нет никаких доказательств того, что нынешнее обвинение было вызвано именно этой причиной. Но отбросить подозрения невозможно. Крайняя суровость Генриха, во всяком случае, была, вероятно, как-то связана с его острой нуждой в деньгах".

[127] Милман гениально предполагает в связи с этими постоянно повторяющимися обвинениями в похищении и распятии детей, что евреи могли размышлять над приписываемыми им ужасами, пока не заболели настолько, что на самом деле исполнили те действия, которые им так настойчиво вменялись. Это гениальное предположение, но не более того. Признания, вырванные под пытками у несчастных евреев, внешне несут отпечаток вымысла и напоминают признания в колдовстве, полученные аналогичным способом.

[128] Этот необычный закон, действовавший и во Франции, объясняется тем, что, став христианином, еврей больше не подлежал поборам со стороны государя. И утверждалось, что неразумно, чтобы его обращение происходило за счет короля.

[129] Незадолго до их изгнания он заключил в тюрьму всех евреев, имевших какое-либо состояние, пока они не выплатили ему субсидию в размере 12 000 фунтов стерлингов.

[130] Примечательно, что, хотя историки тех времен описывают самые душераздирающие страдания, выпавшие на долю евреев, в их рассказах нет ни одного выражения жалости или ужаса.

ЧАСТЬ II.

ОТ НАЧАЛА ЧЕТЫРНАДЦАТОГО
ВЕКА ДО НАШИХ ДНЕЙ.

ГЛАВА XXI. 1300-1400 ГГ. Н.Э. ЕВРЕИ ВО ФРАНЦИИ.

История евреев во Франции в XIII веке может считаться законченной со времени их второго изгнания из страны Филиппом Справедливым. Этот король умер в 1314 году, и его сменил Людовик X., которого в истории называют Хутином, или Мутином (Буйным). Одним из первых действий нового короля был отзыв евреев, которые не только согласились вернуться в страну, где на протяжении многих поколений они не испытывали ничего, кроме сурового и презрительного обращения, но даже заплатили за эту привилегию высокую цену. Ничто не дает нам более четкого представления о полной беспомощности и беззащитности еврейского народа в этот период, чем та готовность, с которой он соглашался на любые условия, обещавшие ему защиту на время от насильственных или незаконных действий. В самом деле, им было продемонстрировано подобие справедливости: их синагоги были восстановлены, а богослужение снова разрешено; они вернули себе привилегию хоронить своих мертвых на древних кладбищах. Кроме того, те долги, которые еще оставались за ними - большая часть уже была выплачена королю, который соблаговолил сделать себя их доверенным лицом, - им было разрешено требовать в государственных судах, при условии, что они всегда будут вносить две трети в королевскую казну.[131] В правление Филиппа Долгого, через несколько лет после этого, к ним было проявлено нечто похожее на

справедливость и даже милосердие, возможно, в качестве компенсации за то, что король взыскал с них 150 000 ливров. Им было разрешено давать ростовщические ссуды определенным лицам и на определенных условиях; они могли приобретать собственность в виде домов и земли; от них не требовалось носить свой отличительный знак при поездках из одного города в другой.

Примерно в это время (1319 г. н. э.) против них было выдвинуто новое обвинение, которое можно было бы счесть хотя бы основанным на фактах, если бы не казалось невозможным, что евреи тех времен могли быть виновны в такой самоубийственной опрометчивости. В Люнеле их обвинили в пародии на страсти Спасителя - не в том, что они распяли христианского мальчика, а в том, что они несли распятие в общественной процессии, понося его на ходу, протаскивая через трясины и грязь и осыпая его упреками.^[132] За это преступление их судили, осудили и наказали.

Но в 1321 году их постигло куда более серьезное несчастье. Известно, что во время пленения Людовика IX на Востоке собралась толпа крестьян, объявивших себя уполномоченными свыше спасти своего любимого государя от рабства, и они доказали свое рвение в деле Неба актами варварства по отношению к евреям. Теперь не было царя, которого нужно было спасать; но сама Святая земля находилась в рабстве, и среди них ходили смутные пророчества о том, что ее могут отвоевать только низкие и ничтожные люди. Их возглавляли деградировавшие священники и монахи, которые отличались особой святостью жизни и утверждали, что творят чудеса в доказательство своей священной миссии. За ними последовали огромные толпы, которые опустошали южные провинции Франции, особенно Лангедок, повсюду вскрывая тюрьмы и пополняя свои ряды за счет преступников, которых они выпускали на свободу. Они щадили своих христианских сограждан, как могли, но проявляли самое безжалостное варварство по отношению к евреям, которых они повсюду грабили, оскорбляли и убивали. Евреи обратились к Папе Римскому и к королю. Первый издал анафему против мятежников, но она была полностью проигнорирована; второй послал им на помощь несколько всадников, которые, однако, были совершенно бессильны помочь им. В отчаянии они бежали в любые укрепленные места, которые отказывались принимать пастухов. Пятьсот человек нашли убежище в замке Верден на реке Гаронна, который губернатор разрешил им занять. Враги последовали за ними и осадили их. После упорной и отчаянной обороны, оказавшись не в силах больше держаться, они перебросили часть своих детей через стены, а затем (как в Масаде и Йорке) перебили всех до единого человека. Когда осаждающие ворвались внутрь, они не нашли ни одного живого врага!

По всему Лангедоку, в Ангулеме и Бордо происходили страшные массовые убийства евреев. Оправданием им служило то, что грабеж евреев был необходим "армии Господа", чтобы должным образом снарядить ее для восстановления Палестины. Но как ни страшны были их страдания от насилия фанатиков, то, что последовало за этим, было еще более ужасным. Как и следовало ожидать, за этой вспышкой последовала эпидемия моровой язвы - естественный результат нехватки полезной пищи и разложения такого количества человеческих трупов. Но люди, одержимые худшей формой религиозной мании, были легко убеждены своими лидерами, что болезнь была вызвана отравлением колодцев и рек, что опять же было делом рук евреев. Сьер де Партене написал королю, что "один большой прокаженный, захваченный на его земле, признался ему, что получил от богатого еврея партию лекарств, которые должны были быть заключены в мешки и брошены в колодцы"^[133]. Король в тревоге вернулся из Пуату, где он гостил, и приказал арестовать всех прокаженных и подвергнуть их допросу, то есть допросить под пыткой. Этот способ дознания привел к обычным результатам. Несчастные страдалцы в агонии признавались во всем, в

чем их подозревали, какими бы чудовищными и невероятными они ни были. Оказалось, что между неверными королями Туниса и Гранады, евреями и прокаженными существовал заговор, на котором председательствовал сам сатана. Горе и страдания должны были обрушиться на христиан из-за отравления воды, которую они пили. Прокаженных сразу же приказали сжечь, пощадив только беременных женщин, да и то лишь до момента родов. В случае с евреями, похоже, не было проявлено даже этого милосердия: их сжигали без разбора. В Шиньоне была вырыта большая траншея, в ней разожгли костры и сожгли заживо 160 евреев - мужчин и женщин вместе. Многие женщины с детьми на руках добровольно бросались в пламя, чтобы избежать крещения. В королевской тюрьме в Витри сорок евреев, убежденные, что пощады им не будет, решили умереть от своих рук, а не от рук необрезанных. Поэтому они обратились к одному из своих соплеменников, пожилому человеку, которого очень почитали и любили, и попросили его стать их палачом. Он согласился взять на себя эту обязанность с помощью юноши, которого он выбрал для этой цели. Когда все, кроме этих двоих, были убиты, старик приказал юноше убить и его. Его послушались, но юноша, не решившись покончить с собой, попытался бежать из темницы, но был схвачен и признался в содеянном.

В разгар этих ужасов Филипп V умер (1322 г. н. э.), и его преемник, Карл IV, был рад помиловать несчастных, оставшихся в живых после этого кровавого преследования, правда, при условии выплаты большой субсидии. После получения этой субсидии евреям было разрешено покинуть свои тюрьмы, собрать все, что они могли, и покинуть королевство. Однако очевидно, что все еврейское население не могло покинуть страну; а если и покинуло, то вскоре незаметно вернулось в нее, так как в 1348 году, когда второй приступ той же ужасной болезни вновь опустошил землю, мы видим, что старая клевета была возобновлена, и с тем же беспощадным результатом: меч закона был выпущен на свободу, чтобы убить тех, кого пощадила моровая язва. В самом деле, очевидно, что, несмотря на многочисленные страдания и обиды, евреи все еще стремились получить разрешение своих гонителей жить среди них, так как в 1360 году они торговались с королем Иоанном (который был побежден и захвачен Черным принцем) о предоставлении ему средств для уплаты причитающегося выкупа при условии, что им будет разрешено жить во Франции без притеснений в течение двадцати лет. Сделку от имени евреев вел еврей по имени Манассия (или Менесье, как его называли). Плата за возвращение во Францию была установлена в размере четырнадцати флоринов за каждого взрослого; за детей и слуг - один флорин. Аналогично, ежегодная плата за дальнейшее проживание составляла семь флоринов и один флорин. Они должны были быть освобождены от всех налогов, кроме земельного. Им разрешалось владеть земельной собственностью, строить синагоги и владеть кладбищами, а также они освобождались от юрисдикции баронства, переходя под непосредственное подчинение самого короля. Они также освобождались от того, что всегда считалось них тяжелым бременем - необходимости слушать противоречивые проповеди, произносимые в надежде обратить их в свою веру.

Не без труда регент, впоследствии Карл V., прозванный Мудрым, следил за соблюдением этих условий, как кажется, из лучших побуждений. Вскоре после его воцарения духовенство Лангедока опубликовало приговор об отлучении от церкви всех, кто поставлял евреям огонь или воду, хлеб или вино. Но, получив апелляцию на эту строгость, король издал указ, отменяющий это постановление как несправедливое по отношению к евреям и бесчестное по отношению к Церкви. Он дважды продлевал договор с евреями, один раз на шесть, другой - на десять лет, получая за продление 3000 золотых ливров. Очевидно, что за этот период затишья богатства ненавистной расы снова накопились. В 1378 году они одолжили Карлу 20 000 ливров и обязались еженедельно выдавать ему еще 200. Но последовал обычный результат: народ стал протестовать против тяжких повинностей, которые, по его

мнению, были наложены только для того, чтобы удовлетворить жадность и роскошь ростовщиков. В сентябре 1380 года Карл V. умер, и ему наследовал его сын, несовершеннолетний двенадцати лет от роду. Вскоре после этого начались волнения, вызванные тем, что регент, герцог Анжуйский, подтвердил привилегии, предоставленные евреям покойным королем. К нему присоединились представители всех сословий. Дворяне, которые, как обычно, были в большом долгу перед еврейскими ростовщиками, требовали их изгнания из страны, как наиболее быстрого способа освободиться от обязательств; народ, подстрекаемый, вероятно, ими, грабил и разрушал конторы, где хранились реестры долгов, и еще более усиливал свою вражду к ненавистной расе, грабя их дома, отбирая все ценности, какие могли достать, и вырывая из них детей и неся их в церкви, где священники всегда были готовы их окрестить. Регент попытался подавить беспорядки; он издал прокламацию, требующую от всех людей под страхом смерти вернуть добычу, которой они завладели. Но нам говорят, что очень немногие подчинились этому приказу.

Однако регент продолжал придерживаться принятой им политики, и в первые годы правления Карла VI государство относилось к евреям справедливо и милосердно. Но зло было слишком глубоким, и никакие законы не могли его исправить. Бедственное положение страны усиливалось, а вместе с ним и трудности с получением денег. Деньги можно было получить только у одного сословия - у евреев, и они неразумно злоупотребляли властью, переданной им в руки. Не обращая внимания на разжигаемые ими страсти, они продолжали устанавливать разорительные ростовщические ставки примерно до четырнадцати лет после воцарения Карла VI. Затем на них внезапно обрушилась буря, и им вновь было приказано покинуть страну. Этот шаг был предпринят в связи с состоянием, в которое погрузился несчастный молодой монарх. Его меланхоличное безумие делало его особенно подверженным влиянию духовенства, которое постоянно представляло ему вину за то, что он стоит между проклятым народом и местью Бога, которого он оскорбил. Королеву склонили на сторону гонителей. Духовенство, дворяне и народ уже принадлежали к ней. Долгое время между иудеями и приговором к изгнанию не стояло ничего, кроме справедливости царя. Теперь эта преграда была устранена, и удар обрушился тяжело и внезапно. Им позволили уйти на более мягких условиях, чем в предыдущих случаях. Им было разрешено вернуть все причитающиеся им долги и выгодно продать свое имущество. Но им был отпущен всего один месяц на то, чтобы привести в порядок свои дела, после чего они в последний раз пересекли границы Франции[134].

ПЯТНАДЦАТЬ:

[131] Примечательно, что эта весьма скудная и сомнительная мера справедливости признается рабби Джошуа в выражениях великой благодарности. Он позволил евреям, - говорит Иисус Навин, - жить в своем царстве, потому что они нашли благоволение в его глазах; и он принял их лица".

[132] Можно усомниться, не было ли это простой попыткой отметить праздник *Пурим* - праздник, от которого они получали особое удовольствие. Возможно, предполагаемое распятие было фигурой Хамана на виселице. См. Приложение V.

[133] Предполагаемый состав препаратов, о которых идет речь, свидетельствует о невежестве, грубости мышления и непочтительности, с которыми трудно было бы сравниться во всей истории: "Fiebant de sanguine humano et urinâ cum tribus herbis. Ponebatur etiam Corpus Christi, et cum essent omnia desiccata usque ad pulverem terebantur.

[134] Впоследствии не было принято никакого официального указа об их восстановлении, но, по крайней мере, сомнительно, что исключение строго соблюдалось даже в эпоху,

непосредственно следующую за указом об изгнании. В некоторых местах - например, в Меце - на них, похоже, не обращали внимания.

ГЛАВА XXII.

1300-1400 ГГ. Н.Э.

ЕВРЕИ В ИТАЛИИ.

Внимательный читатель не может не заметить, как скудно упоминается на этих страницах положение евреев в Италии. О них мало что известно, кроме того, что под властью лангобардских королей с ними обращались гуманно и справедливо и что некоторые папы издавали декреты, советуя принимать для их обращения суровые меры, которые в наше время мы должны были бы рассматривать как суровые, в то время как другие запрещали применять подобные строгости. Но молчание истории в их отношении само по себе показательное: никакие социальные потрясения не нарушали порядка их повседневной жизни, никакие вопиющие злодеяния и жестокости не требовали упоминания. Это, по крайней мере, на первый взгляд, удивительно. Учитывая, что духовенство на протяжении всего так называемого Средневековья было постоянным противником евреев, а Италия была центром и источником, откуда духовенство черпало свое вдохновение, мы, конечно, должны были бы ожидать, что евреи этой страны испытают на себе самые крайние проявления нетерпимости и жестокости. Тот факт, что к ним относились мягче, чем к их соседям, объясняется целым рядом причин, на которых можно вкратце остановиться.

Прежде всего, состояние Италии в те времена отличалось от состояния других европейских стран. Феодальная система, которая, как мы видели, была источником многих бед и несчастий евреев, никогда не была так прочно установлена там, как в других европейских странах, и угасла гораздо раньше. Великие вольные города пользовались собственной властью, независимой от феодального начальства, и в них права евреев отстаивались почти так же непреклонно, как и права христиан. Непрекращающиеся распри между папой и императором, гвельфами и гибеллинами так сильно занимали внимание итальянского народа, что у него было мало досуга заниматься делами людей, которые довольствовались мирной жизнью, и чья помощь часто оказывалась крайне полезной для господствующей партии. Несомненно также, каковы бы ни были причины, что фанатичный дух, который с такой легкостью пробуждался и достигал таких фатальных размеров во Франции и Германии, ослабел и вскоре угас по итальянскую сторону Альп. Крики о том, что Гроб Господень снова перешел во владение неверных, находили лишь слабое эхо на улицах Неаполя, Рима и Флоренции; не похоже, чтобы люди утверждали, как это было во Франции и Германии, и даже иногда в Испании, что злодеяния, возложенные на магометан Палестины, должны быть искуплены евреями Европы.

Кроме того, как правило, хотя, несомненно, со многими исключениями, папы были более милосердны к ним, чем государи любой другой христианской страны. Некоторые понтифики, например, Григорий I, Иннокентий II и IV, Александр IV, Николай III и V, Мартин V и другие, проявляли к ним заметную благосклонность; другие же, если и не проявляли пристрастия, то, по крайней мере, препятствовали преследованиям, игнорировали пустые обвинения и не допускали насилия. Некоторые, несомненно, издавали суровые указы и урезали привилегии, предоставленные их предшественниками, но такого притеснения, какое проявляли Иоанн Английский, Филипп Август и Филипп Красивый Французский в отношениях со своими

еврейскими подданными, можно с уверенностью сказать, что среди них не было. В большинстве случаев это объяснялось тем, что папы, как бы ни был низок моральный уровень многих из них, были, как правило, людьми культурными и умными, в чьих ушах популярные обвинения против евреев должны были звучать как пустая клевета.^[136] Многие из них также были достаточно мудры - если это была только житейская мудрость - чтобы знать, что обращение силой во много раз хуже, чем необращенное упрямство, и на этом основании запрещали попытки такого обращения.^[137]

Но была и другая, более весомая причина иммунитета евреев от преследований: они не были единственными - по правде говоря, даже не главными - ростовщиками и заимодавцами в Италии. Каорсини, как называли итальянских банкиров (предположительно из-за того, что они впервые занялись своим делом в Каоре), были людьми, которых папы нанимали для сбора своих доходов, и почти везде эта работа была возложена на евреев. Каорсини занимались бизнесом, хотя и в незначительной, сравнительно, степени, в других странах, в частности, во Франции и Англии. Генрих III изгнал бы их из Англии, если бы они не искали защиты у святого отца. Возможно, именно их имеет в виду Бернард Клервоский, когда говорит о ростовщиках, более непомерных в своих требованиях, чем сами евреи. Если действительно верно, что их практика заключалась в требовании пяти процентов в месяц (после первого месяца^[138]) за свои займы, то это обвинение вполне оправдано. Эти итальянские ростовщики вели у себя на родине торговлю, которая если и не монополизировала бизнес страны, то, во всяком случае, отбрасывала в тень всякую конкуренцию. Они обрабатывали дань и всевозможные налоги, взимаемые римскими папами с христианских королевств Европы. Они предоставляли субсидии коронованным главам, выдавали закладные дворянам, ссуды купцам и мелким торговцам и, по общему мнению, были худшими евреями, чем сами евреи. В крупных итальянских городах, несомненно, было много еврейских купцов, причем богатых, которые занимались обширным и прибыльным бизнесом в сфере денежного кредитования. Но они не были, как в соседних странах, всеобщими кредиторами, а потому избежали всеобщего презрения, которое испытывали к своим собратьям в других странах.

В самом деле, тот факт, что внук Петра Леониса, обращенный еврей, не только был допущен к общению с самыми знатными семьями Рима, но и фактически возведен на папскую кафедру (1130 г. н. э.) под титулом Анаклет II, в достаточной степени показывает, насколько по-разному относились к евреям в Италии и других европейских странах. Несомненно, его еврейское происхождение постоянно бросали ему в зубы его противники. Но его избрание на понтификат - факт неоспоримый^[139].

Мы можем также отметить, что в Неаполе (1260 г. н. э.) итальянские правители придерживались иного курса, чем обычно в подобных случаях в других странах. В Трани, на неаполитанской территории, евреи пользовались покровительством и благосклонностью Фридриха II, которому они оказали много полезных услуг. На смертном одре он передал их под защиту государства, которое, однако, придерживалось распространенного в те времена мнения, что самая большая услуга, которую они могли бы оказать евреям, - это заставить их обратиться в христианство. Чтобы избежать преследований, которые были неминуемы, они согласились изменить свою веру при условии, что им будет позволено вступать в брак с самыми знатными семьями королевства. Это разрешение вызвало бурное негодование, которое усилилось после нескольких рецидивов. Чтобы наказать их, монах из Трани закопал крест в земляном холме, а затем обвинил в святотатстве еврея, принадлежащего городу. В результате начались беспорядки, в ходе которых был убит не только предполагаемый

преступник, но и все его соотечественники в городе. Вспышка распространилась на Неаполь, и, если бы не вмешательство властей, последовали бы аналогичные сцены кровопролития. Александр IV, правящий папа, издал прокламацию, требующую от бунтовщиков прекратить беспорядки; король и дворяне поддержали его, и *эмейт* был подавлен до того, как пролилось много крови.

В четырнадцатом веке, который мы сейчас рассматриваем более подробно, первое, что мы должны отметить, это предложение папы Климента V., который в 1308 году, через три года после своего вступления в должность, перенес резиденцию папского правительства в Авиньон, где папы продолжали осуществлять неоспоримую власть в течение семидесяти лет. Климент V - правитель, который не вызывает ни восхищения, ни уважения. Тем не менее его предложение - если оно не было равносильно приказу - учредить в каждом европейском университете кафедру иврита, чтобы Церковь могла получить полное знание еврейского языка и литературы и тем самым эффективнее содействовать обращению евреев, заслуживает нашего внимания и уважения. Эти слова могли исходить из уст беззакония и лжи, но, тем не менее, это слова праведности и истины".

Преемник Климента, Иоанн XXII (1316 г. н. э.), занял иную политику в отношении иудеев, к чему его, как говорят, подтолкнула сестра, обвинившая их в оскорблении креста, который несли в процессии, в которой участвовала она сама в сопровождении нескольких епископов. Он сразу же опубликовал эдикт, изгоняющий всех евреев с территории Церкви; но вскоре эдикт был отменен, поскольку Роберт Иерусалимский заступился за них, а сестре папы была дана взятка в сто тысяч флоринов.

Климент VI. (1342 г. н. э.) запечатлен в истории роскошью и расточительностью, которую вряд ли превзойдут самые мерзкие из обитателей папской кафедры; но его единственная положительная черта - доброта сердца - проявилась в его усилиях по подавлению гонений на евреев и дружеском приюте, который он предоставил тем представителям несчастной расы, которые искали убежища в его владениях.

Отсутствие пап в Риме в течение семидесяти лет, прошедших с момента поселения Климента V в Авиньоне до назначения в 1378 году антипапы в лице Урбана VI, делает историю евреев в течение этого столетия необычайно скудной. Но, судя по всему, они жили в различных итальянских городах без всякого беспокойства. Они, должно быть, были в хороших отношениях с папским легатом в Болонье, где подарили ему копию Писания Ветхого Завета, написанную, как говорят, самим Эзрой. По нашим сведениям, он до сих пор хранится в библиотеке доминиканцев в этом городе. Им также покровительствовало венецианское правительство, которое позволило им обосноваться в своем городе в качестве банкиров. Однако они тщательно следили за ними и в 1385 году обязали их жить в пределах гетто, как обычно называют еврейский квартал в итальянском городе.

В этом веке в Италии среди евреев процветало обучение. Недавно основанные университеты были заполнены еврейскими студентами, и классическая литература изучалась особенно тщательно. Среди них было несколько ученых с большой репутацией. Среди них особенно выделяются Иммануил бен Соломон и Моисей Риети. Первый из них, которого евреи считают величайшим из своих поэтов и который, как говорят, был другом Данте, написал работу о рае и аде, которая является подражанием "Божественной комедии" великого итальянца. Он также написал религиозную поэзию и несколько комментариев к Писанию Ветхого Завета.

ССЫЛКИ:

[135] В нормандском королевстве Неаполь, где феодальная система была более прочной, чем в любой другой части Италии, с евреями обращались более сурово; но даже там, как мы увидим, гонения были быстро и решительно пресечены.

[136] Абсурдные обвинения, выдвигаемые против евреев, не ограничивались распятием христианских мальчиков, отравлением рек и оскорблениями освященной облатки. В понтификат Иннокентия III их обвиняли в том, что они продают молоко своих женщин как обычное молоко, чтобы христианские дети могли воспитываться на нем и таким образом (как предполагается) впитывать иудейские взгляды. Говорили, что они топчут виноград в виноградниках в льняных чулках, отбирая лучшее вино для себя и оставляя отходы христианам, в надежде, что они будут использовать его при совершении Святой Евхаристии!

[137] Любопытно, что иногда евреи подвергались самому суровому обращению со стороны понтификов, чьи характеры отличались справедливостью и милосердием, а иногда справедливо и снисходительно обращались с ними те, от чьего характера в целом нельзя было ожидать ничего, кроме нетерпимости и суровости. Иннокентий III. (1198 г. н. э.) был одним из величайших и лучших из тех, кто занимал папскую кафедру, - мудрым и дальновидным, справедливым и милосердным. Однако его высказывания в отношении евреев в высшей степени суровы и нетерпимы. Он повторяет привычное обвинение в том, что они виновны в крови Исккупителя и как таковые заклеены проклятием Каина. Он осуждает их использование государством даже в качестве сборщиков податей и грозит самыми суровыми наказаниями тем, кто оказывает им какую-либо услугу. С другой стороны, Иннокентий IV. (1243 г. н. э.), который сменил папу через пятьдесят лет после этого, будучи непреклонным и надменным фанатиком, издал буллу в пользу евреев, которая поражает своей гуманностью и справедливостью. Он осуждает жестокость и незаконное насилие, с которыми с ними обращались. Он с заслуженным презрением относится к чудовищным обвинениям в принесении в жертву христианских мальчиков, чтобы использовать их кровь в пасхальных обрядах, и запрещает принимать подобные обвинения. Более того, он добавляет, что если обвинитель не может подтвердить свое обвинение свидетельствами трех христиан и трех иудеев, то он сам должен понести наказание, причитающееся убийце. Иногда понтифик и его эдикты совпадают. Действия Мартина V. (1417 г. н. э.) по отношению к евреям несут на себе печать его великодушного характера. Он приказывает защищать все синагоги, разрешать иудейские богослужения, сохранять все привилегии, обычаи и институты, если только что-либо из этого не будет признано подрывающим общественную мораль или оскорбляющим католическую веру. Ни один еврей не должен быть принужден к крещению. Никто не должен беспокоить их во время празднования их праздников. Он отменяет приказ доминиканцев, обязывающий их слушать противоречивые проповеди. Он дает им полную лицензию на торговлю. Девятнадцатый век в самых просвещенных странах сделал для них немного больше.

[138] Они не взымали проценты за первый месяц, думая таким образом избежать одиозного ростовщичества.

[139] Бернард Клервоский, ревностный приверженец папы-соперника Иннокентия V., подробно останавливается на том, как возмущает Христа занятие места святого Петра "иудейскими соболями" - Bern. Epist. 134.

ГЛАВА XXIII.

1300-1400 ГГ. Н.Э.

ЕВРЕИ В ГЕРМАНИИ, НИЗКИХ СТРАНАХ И Т. Д.

История евреев в Германии на протяжении четырнадцатого века представляет собой длинный ряд злодеяний и варварства. Почти сразу после ее начала в Нюрнберге вновь вспыхнули волнения, подавленные герцогом Альбертом за десять или двенадцать лет до этого. Во время них толпа, схватив Мордехая, раввина, отличавшегося образованностью и высокой репутацией, публично повесила его. В следующем поколении человек по имени Армледер, мытарь по профессии, спровоцировал вспышку среди крестьян Эльзатии, которая имела столь фатальные последствия, что было убито более 1500 евреев. В Швабии также было убито большое количество людей, а в Декендорфе, как нам сообщают, все еврейские жители города были истреблены, а их имущество разграблено или уничтожено. По всей видимости, для этих злодеяний не было особых оснований. Вся атмосфера была как бы заряжена смертоносными парами, и малейшей искры недовольства было достаточно, чтобы произошел катастрофический взрыв. Власти в некоторых случаях вставали на сторону бунтовщиков, в других - держались в стороне и позволяли им творить свои удовольствия, а в некоторых - вмешивались, чтобы, если удавалось, остановить беспорядки, но, как правило, без особого успеха. Большой вред евреям по всей Германии нанесло и порицание, вынесенное им папой Климентом V за чрезмерное ростовщичество. Против них было возбуждено множество судебных процессов, в которых оспаривалось их право на возврат денег, взятых в долг под проценты. Через несколько лет после этого все еврейское население Венгрии было изгнано из страны Людовиком I, который проявил свое неистовое рвение не только этим актом, но и попытками, в сотрудничестве с Казимиром Польским, принудить литовцев к принятию христианства.

Но все эти беды, какими бы тяжелыми они ни были для несчастных евреев, не шли ни в какое сравнение с ужасными страданиями, которые пришлось пережить этому народу в результате вспышки страшного мора, известного в истории под названием "Черная смерть". Она появилась в Германии в 1348 году и была настолько смертоносной, что страна почти обезлюдела от нее. Она была внезапной и стремительной по своим последствиям. Опухоли, в основном черного цвета, появлялись в паху и подмышечных впадинах, сопровождаясь отхаркиванием крови. Кризис наступал максимум через три дня, и мало кто выживал после него. Наука того времени не могла объяснить его происхождение, как не могла и вылечить или даже смягчить его вирулентность. В отсутствие какого-либо разумного объяснения причин вспышки, перепуганная толпа хваталась за все, что ей предлагали. Сначала это объяснялось негодованием Небес на возмутительную порочность эпохи; большие группы людей объединялись, чтобы искупить вину постом и покаянной дисциплиной. Они объединялись в компании, мужчины и женщины, всех рангов и возрастов, обнажались до пояса и помечались красным крестом; и в таком виде шествовали по главным городам, бичуя себя на ходу и призывая всех следовать за ними.

Но вскоре была выдвинута новая и гораздо более приятная теория, согласно которой в моровой язве, уносившей тысячи и десятки тысяч жизней, были повинны евреи. Говорят, что первыми это предложили флагелланты, но оснований для такого предположения мало. Первая мысль, возникающая в умах необразованных людей, когда на них нападает недуг, с которым они ранее не сталкивались, - это то, что их отравили или околдовали; следующая - свалить вину на того, кому было дано лекарство или наложено заклятие. Теперь,

утверждалось, если это злодеяние было придумано кем-то, то, должно быть, каким-то заядлым врагом христиан; а кто же был таким заядлым врагом христиан, как иудеи? По правде говоря, они, и только они, были способны на столь тонкую и смертоносную злобу! Кроме того, было очевидно, что эти операции проводились в массовом порядке. Преступники, должно быть, заразили воздух или отравили воду. Идея, однажды зародившись, распространилась как лесной пожар. Никаких расследований не проводилось, никаких доказательств не требовалось. Да и зачем они нужны? Было ясно как день, что евреи отравили колодцы и фонтаны! Предполагаемых убийц повсюду преследовали с самым безжалостным варварством. Некоторых тащили в трибуналы, где над ними проводили своеобразный суд. Некоторых убивали толпы без всякого расследования. Не имело значения, какой путь был выбран. Результат был неизменно один и тот же.

Преследования, по-видимому, начались осенью 1348 года в Шильоне, в Женеве, где против них было возбуждено уголовное дело по конкретному обвинению в отравлении колодцев. Такие же расследования проводились и в других городах, таких как Берн и Фрайбург. В колодце в Цоффингене было найдено немного яда, но кто его ввел, установить не удалось. Но к обычному для тех времен способу получения доказательств прибегли, и с обычным результатом. Балавигнус, еврейский врач, проживавший в Тононе, будучи посажен на дыбу, признался, что раввин Якоб из Толедо прислал ему через еврейского мальчика яд в мумии яйца. Яд состоял из порошка, зашитого в тонкий кожаный мешочек, и к нему прилагалось письмо, повелевавшее ему под страхом отлучения от церкви бросить порошок в главные колодцы Тонона, чтобы уничтожить живших там людей. Повинуясь этому предписанию, он разложил яд в разных местах и, в частности, бросил его в источник на берегу близ Тонона. Он поклялся Законом и пятью книгами Моисея, что это признание было правдой, а также привлек в качестве соучастников нескольких других евреев. Другой еврей из Нойштадта, по имени Бандитона, также был подвергнут пытке и признался, что бросил пакет с ядом, подаренный ему одним из его братьев, в колодец в Каруле, и обличил других евреев, которых он называл, в том, что они сделали то же самое. Еще восемь человек подверглись той же процедуре и сделали признания, почти похожие на те, что были приведены выше, с той лишь разницей, что некоторые из них признались, что весь еврейский народ, за исключением детей младше семи лет, был посвящен в заговор и участвовал в нем. Удивительно, что они не привлекли к этому младенцев на руках!

Преследования вскоре распространились на соседние земли. В Базеле жители заставили своих магистратов дать клятву, что они сожгут всех евреев в городе и запретят кому-либо из своих соотечественников селиться в их стране в течение двухсот лет. В соответствии с приказом все евреи были закрыты в деревянном здании и сожжены заживо. В Беннефельде, в Эльзасе, состоялся совет, на котором был принят аналогичный указ. В Шпире евреи, доведенные до отчаяния, закрылись вместе с женами и детьми в своих домах, которые затем подожгли, и все погибли в пламени. В Менце и Эслингене разыгрались похожие трагедии. В первом из названных городов, когда флагелланты вошли в город, евреи начали отражать насилие, которое им предлагали; но, поняв, что невозможно оказать эффективное сопротивление, они тоже подожгли свои жилища и уничтожили себя и все, что им принадлежало. В Эслингене была уничтожена синагога со всем еврейским населением города; рассказывают, что матери бросали своих детей в горящую кучу, чтобы предотвратить их обязательное крещение. В Страсбурге две тысячи евреев были сожжены на эшафоте, воздвигнутом на месте их собственных захоронений. В течение нескольких месяцев такие же жестокости творились вдоль Рейна и в прилегающих городах. История этих времен - одно сплошное повторение ужасов, от описания которых устает перо и болит сердце. Повсюду одни и те же необоснованные и чудовищные обвинения, одна и та же слепая и фанатичная

ярость, одна и та же безжалостная и истребительная ненависть. И, что самое страшное, эти злодеяния совершаются во имя Христа и Его Евангелия! Если представить себе, что врата ада распахнулись и его обитатели заполонили землю, то от них можно было бы ожидать именно тех поступков, которые на самом деле совершало отребье этих немецких городов. Однако им не удалось полностью избежать последствий своей незаконной жестокости. Во многих местах евреи, не дождавшись смерти, обратили мечи против своих преследователей и жестоко отомстили им; во Франкфорте их отчаянная ярость привела к разрушению ратуши, собора и значительной части города.

Было бы несправедливо опустить тот факт, что несколько европейских государей осудили эти действия и сделали все возможное, чтобы их остановить. Климент VI, человек самовлюбленный и покладистый, чье правление было постоянной сценой распущенности и сладострастия, тем не менее был побужден чудовищностью злодеяний, которые, по его мнению, совершались над беспомощными евреями, и приложил все свои силы, чтобы остановить народное неистовство и наказать виновных. Карл Моравский, а также герцог Альберт Австрийский и другие желали бы спасти их, если бы могли. Но ярость народа было не сдержать, и Альберт был вынужден обречь пятьсот из них на костер. Только в Литве они получили передышку. Здесь их защитил Казимир III, король Польши, известный в истории как Великий. Он подтвердил привилегии, предоставленные им его предшественником Болеславом, и одарил их дополнительными милостями. Популярно мнение, что проявить такое внимание его побудила привязанность к прекрасной еврейке по имени Эстерка.^[140] По крайней мере, несомненно, что на протяжении всего его правления евреи в Польше избегали преследований, и большое количество евреев переселилось в эту страну.

История евреев в Нидерландах в XIV веке очень похожа на историю их немецких собратьев. Задолго до этого они обосновались в Низких странах, где торговля почти полностью перешла в их руки. Их численность пополнилась за счет беглецов из Англии и Франции, откуда, как мы видели, они были изгнаны насильно. С ними обращались то по-доброму, то сурово, в зависимости от капризов правителей и народа. В 1370 году они были изгнаны из герцогства Брабант из-за обвинения в святотатстве, которое очень часто выдвигалось в средневековые времена. Утверждалось, что они украли и затем проткнули святую облатку в Брюсселе, которая обильно кровоточила. В качестве главного преступника был обвинен банкир из Энгiena по имени Джонатан, по свидетельству женщины, которая призналась, что была сообщницей. Всех подозреваемых евреев подвергли пыткам, после чего их разорвали раскаленными щипцами, а затем сожгли^[141].

Тем евреям, которые нашли убежище в Богемии, похоже, жилось не лучше, чем их собратьям в других европейских странах. Император Вацлав, сын Карла IV, расточительный и скупой государь, желая вернуть расположение своих подданных, которых он оттолкнул своими излишествами, издал указ, освобождающий всех его вельмож от любых обязательств, которые они могли бы взять на себя перед евреями. После этого народ, который боялся вмешиваться в дела евреев, поскольку считал их живущими под королевской защитой, посчитав, что теперь он потерял благосклонность императора, поднял бунт в Готе, где перебил большое их количество. Вскоре к ним присоединились крестьяне, и восстание перекинулось на другие города. В Шпиресе все еврейские жители, за исключением нескольких маленьких детей, которых оставили для купели, были преданы мечу.

Вскоре после этого снова поднялся крик, что источники и реки отравлены, и евреи подверглись второму преследованию по всей Германии, а также в некоторых частях Италии и Франции. Нам сообщают, что император был полностью убежден в ложности этого обвинения, в которое, действительно, трудно поверить, чтобы хоть один здравомыслящий и

образованный человек мог поверить. Но попытки образумить народ были тщетны, и, отчаявшись добиться мира и спокойствия в своем королевстве, пока евреям будет позволено проживать в нем, он издал указ, требующий от них либо принять христианство, либо покинуть пределы империи. Это замечание, уже сделанное на примере других стран, естественно, возвращается к нам, когда мы читаем его приговор. Каким наказанием для них может быть уход из страны, где им так настойчиво и безжалостно причиняли зло? Тем не менее, очевидно, что это было наказание, и наказание суровое. К их чести, немногие из них приняли предложенную им альтернативу, но отправились в изгнание со всеми его горестями и лишениями, вместо того чтобы отказаться от своей древней веры.

Читатель не удивится, что в эпоху столь беспримерных страданий немногие немецкие евреи отличились литературными успехами. Исаак из Дюрена, Александр Коэн из Кельна, Халеви из Менца, Иссерлейн из Марбурга и Липман из Мюлуза были одними из самых знаменитых писателей этих несчастных времен.

ПЯТНАДЦАТЬ:

[140] *т. е.* маленькая Эстер. Некоторые историки сомневаются в этой истории. Они указывают на то, что поведение Казимира по отношению к евреям было схоже с его поведением по отношению к низшим слоям подданных в целом. Он проявлял такое уважение к правам презираемых крепостных, что его называли "крестьянским королем". Опять же, можно с уверенностью сказать, что эдикт Казимира датирован 1343 годом, а его связь с Эстеркой началась не ранее 1350 года. С другой стороны, единственной слабостью Казимира была страсть к женщинам, и польские историки однозначно говорят, что Эстерка получила от него большие привилегии для своего народа. Вероятно, оба объяснения верны. Эдикт 1343 года он издал из чувства справедливости, а монополии евреев - в более поздний период своего правления, по просьбе Эстерки.

[141] В 1820 году в Святой Гудуле состоялось празднование этого чуда, когда для церкви было написано восемнадцать картин, описывающих все действие этой истории, с подробным изображением мучений евреев.

ГЛАВА XXIV.

1300-1400 ГГ. Н.Э.

ЕВРЕИ В ИСПАНИИ.

До этого времени, как уже отмечалось, испанские евреи пользовались свободой от преследований, которая представляет собой выгодный контраст с теми чудовищными несправедливостями и жестокостями, которым они подвергались в других странах. Четырнадцатый век стал свидетелем сбора бури, которая в последующем должна была разразиться с такой смертоносной яростью над преданной расой; даже теперь они не были избавлены от случайных предчувствий ее визита. В самом начале Фердинанд IV, известный в испанской истории как "Призванный", [142] в то время еще несовершеннолетний юноша, занял трон, но управление делами находилось в руках его матери, королевы-регентши. Следует отметить, что, хотя евреи все еще сохраняли права и привилегии, предоставленные им предыдущими поколениями, они быстро становились одиозными в глазах всех классов. *Высшая знать* ревниво относилась к придворной благосклонности, которой евреи так долго пользовались, и искала случая изгнать их оттуда; мелкие дворяне были глубоко в долгу перед

ними и рассчитывали на народное восстание как на самый быстрый способ избавиться от обременения; священство, как правило, хотя и за некоторыми благородными исключениями, было их злейшими врагами, постоянно обличая их в народе как причину всех национальных несчастий, постигших их. Отчасти это объяснялось религиозным фанатизмом, отчасти завистью к большому богатству и превосходному медицинскому мастерству евреев, что не позволяло им приобретать деньги и влияние на народ, которые обеспечило бы успешное занятие этой профессией. Что касается народа, то он в значительной степени находился под влиянием духовенства и охотно верил историям, которые вливали в его уши. Кроме того, зрелище богатства и роскоши, в которых жили евреи, вызывало у них одновременно и негодование, и жадность. Поезд был уже заложен, и для того, чтобы его зажечь, нужно было лишь поднести искру.

Любимым министром Фердинанда был еврей по имени Самуил, человек с большими способностями и, как говорят, надменным, властным нравом. Его смерть была загадочной. Убийца, которого так и не нашли, вошел в его дом в Севилье в 1305 году н. э. и ударил его ножом в сердце. Нетрудно было догадаться о мотивах или подстрекателях этого поступка, но ничего не удалось выяснить. Его преемник, похоже, тоже был евреем, так как против него образовалась лига среди вельмож. Они подали петицию в Кортес, собравшийся в Медина-дель-Кампо, с просьбой принять меры, чтобы сдержать дерзость евреев. Был принят приказ, согласно которому они не должны впредь быть сборщиками налогов.

Вскоре за этим последовали другие подобные нападения. В 1313 году Родриго, епископ Сант-Яго, провел провинциальный совет в Саморе, на котором были представлены манифесты, слишком наглядно показывающие, как быстро зреет враждебность к евреям. Несколько конституций совета дышат тем же духом. Было постановлено, что отныне евреи не должны занимать никаких должностей или санов; а те, кто их занимает, должны сложить с себя эти полномочия в течение тридцати дней. Они не могут быть допущены в качестве свидетелей против христиан и не претендуют, как до сих пор, на преимущества законов. Ни одна христианская женщина не должна быть кормилицей еврейских детей. Евреи не должны обращаться к христианам как к врачам. Им запрещено приглашать христиан на свои пиры. Они не должны общаться с христианами, чтобы не научить их своим заблуждениям.

Некоторые из этих постановлений были повторно приняты на Соборах Бургоса и Саламанки в 1315 и 1322 годах, где также было предписано отлучать от церкви всех христиан, присутствующих на еврейских браках; а евреи, называющие себя христианскими именами, должны быть наказаны как еретики!

В 1325 году Альфонсо XI, сын Фердинанда IV, был объявлен совершеннолетним. Его первые действия показали, что, каковы бы ни были настроения знати, духовенства или народа, он был полон решимости поддержать евреев. Он выбрал министром финансов Иосифа Экийского, еврея с большими административными способностями; одним из первых его действий было признание недействительными различных булл и прелатских грамот, полученных лицами, задолжавшими евреям, и аннулирование этих долгов. Он также разрешил евреям приобретать земельные владения, хотя и ограничил их количество. Но он не смог преодолеть враждебность народа к ним. Вскоре дона Жозефа обвинили в том, что он в сговоре с графом Альваром Осорио околдовал короля, дав ему магические зелья. Осорио был принесен в жертву этим махинациям, а дон Жозеф, хотя и спасся в тот раз, вскоре после этого был обвинен в ведении подложных счетов и отстранен от должности. Вероятно, однако, король лишил его должности как единственного способа спасти от злобы врагов, поскольку мы видим, что он не отказался от своей дружбы с ним.^[143]

В 1348 году короля побудили подписать приказ об изгнании всех евреев из его владений за оскорбление, которое они нанесли Хозяину, когда его несли в процессии по улицам. Однако приказ был отменен, так как выяснилось, что предполагаемое оскорбление было случайностью, а человек, который, как считалось, его нанес, был христианином. Отмена приказа вызвала беспорядки, которые с трудом удалось подавить благодаря решительным действиям королевской власти.

Едва эти беспорядки были подавлены, как вспыхнули еще более яростные, вызванные распространением чумы, зародившейся в Германии, на испанском полуострове. И тут поднялся крик, что евреи отравили воды Тежу - преступление, которое невозможно совершить! Тем не менее, по этому обвинению в нескольких городах, особенно в Толедо, были совершены массовые убийства, в результате которых, по некоторым данным, было убито 15 000 евреев.

Во время правления Педро, прозванного Жестокий, который сменил его в 1350 г. н. э., евреи восстановили свое прежнее превосходство. Несмотря на запрет закона, королевским казначеем стал еврей Самуэль Леви. Именно он построил знаменитую синагогу в Толедо, которая по своему своеобразному стилю не имеет конкурентов. Он был человеком редких способностей, и его административный гений вскоре наполнил казну короля Педро; но, к несчастью для него самого, он наполнил и его собственную. Против него было выдвинуто обвинение в злоупотреблении доходами; и, хотя, судя по всему, оно не было доказано, вскрылось другое, гораздо более тяжкое преступление - слишком большое богатство. Его отправили в тюрьму, где подвергли пыткам, чтобы заставить раскрыть все его богатство, и он скончался под пытками.

Но хотя царь принес своего любимого министра в жертву собственной алчности, он не отстранился от иудеев. Внешне они продолжали процветать, но общественная ненависть к ним постоянно росла, и все ближе и ближе приближалось время, когда придется расплачиваться. Лопес де Айала, канцлер графа Трастамара, впоследствии короля под титулом Генриха II, выражает общее настроение испанского народа по отношению к ним. Он описывает их как "кровососов страдающего народа, как людей, которые вымогают пятьдесят процентов, восемьдесят, сто -..... Через них, - пишет он, - земля опустела; ... слезы и стоны не действуют на их черствые сердца; их уши глухи к просьбам об отсрочке". Непопулярность Педро во многом объяснялась тем, что он был благосклонен к этому народу. Сам он был заклеен как еврей. Утверждали, что он был ребенком еврейской матери, которую подменили истинным Младенцем Испании. Евреи храбро стояли на его стороне, но в результате сильно пострадали. Многие были убиты за его поддержку в Толедо, еще больше - в Нехаре; а в Монтейле, где произошла финальная схватка между Педро и Генрихом, евреи были убиты в огромных количествах.

Но Генрих, воссев на трон (1369 г. н.э.), был слишком политичным правителем, чтобы отторгать от себя таких полезных слуг короны, какими оказались евреи. Он проводил по отношению к ним традиционную политику, ставя щит своей защиты между ними и враждебным народом. На адресованные ему кортесами протесты против того, чтобы они занимали достойные и важные посты или обладали теми же правами и преимуществами, которыми пользуются христиане, он просто отвечал, что считает правильным сохранение их древнего статуса.

Генрих умер в 1379 году, и его сменил Иоанн I, который продолжал политику своего отца и деда в отношении евреев, отказываясь слушать гневные напоминания, постоянно направляемые ему кортесами по их поводу. В начале его правления произошел странный, но

успешный заговор евреев против их соотечественника, Жозефа Пишона, человека богатого и влиятельного, занимавшего пост казначея короны. Они, очевидно, завидовали его благосклонности к королю и решили подстроить его смерть. В связи с этим они обратились к Иоанну за ордером на наказание осужденного неверующего,^[144] правда, не раскрывая его имени. Король недоверчиво подписал его, они подкупили палача, чтобы тот немедленно привел приговор в исполнение, и Пишон был схвачен и обезглавлен, причем ему даже не сообщили, за какое преступление он был обвинен. Король, узнав, что его обманули, был крайне возмущен. Он наказал непосредственных виновников преступления смертью, а евреев лишил права самим решать свои дела.

Влияние царя в некоторой степени удалось сдержать народную ненависть к евреям. Но когда он умер в 1390 году, и его сменил сын Генрих III, одиннадцатилетний юноша, произошла новая вспышка народной ненависти. Фердинанд Мартинес, архидиакон Эчихи, во время правления Иоанна постоянно поносил евреев и подстрекал народ к нападкам на них. Покойный король попустительствовал его действиям; но едва его сместили, как Мартинес отбросил всякую сдержанность и своими речами разжег тлеющую ненависть к евреям, которая давно владела народом, в яростное и разрушительное пламя. На квартал евреев было совершено нападение. Последовали грабежи, убийства, насилия; четыре тысячи человек были убиты, причем архидиакон возглавлял толпу и побуждал ее к еще большим злодеяниям. Не было предпринято никаких мер для наказания виновных в этом насилии. Зараза вскоре распространилась и на другие города. В Кордове, в Валенсии, в Бургосе, в Толедо, в Барселоне, в Пампелуне и других городах Арагона и Наварры происходили подобные расправы. Говорят, что до двухсот тысяч евреев были принуждены принять крещение. Тех, кому удалось спастись, лишили всего имущества, а их дома разграбили и сожгли.

Король Генрих III, который, как и многие другие государи, в значительной степени зависел от евреев в плане поддержания своих доходов, оказался в тяжелом положении, чтобы поддерживать свои домашние расходы. О нем рассказывают анекдот, который, если он правдив, любопытно иллюстрирует историю тех времен. Говорят, что однажды он обнаружил, что его казна настолько опустела, что ему пришлось заложить свой плащ, чтобы заплатить за ужин. Ему сообщили, что во дворце архиепископа идет увеселительный прием, на котором в изобилии подаются всевозможные деликатесы. Замаскировавшись, он отправился туда и узнал, что богатство пирующих не только правдиво описано, но и нажито обманом и мошенничеством. На следующий день он послал за придворными вельможами, среди которых был и архиепископ, и спросил его: "Сколько королей ты знал в Испании? Архиепископ ответил: "Трех - твоего деда, твоего отца и тебя самого". "Нет, - возразил Генрих, - я молод, но могу вспомнить не менее двадцати, хотя должен был быть только один. Но настало время, когда я отброшу своих соперников и буду править один". В тот же миг в апартаменты вошел отряд солдат в сопровождении палача с веревками и уключинами. Вельможи бросились к его ногам и стали просить о милости. Он пощадил их жизни, но потребовал от них строгого отчета в управлении его делами, обязав их вернуть крупные суммы, которые они присвоили.

Многие испанские евреи были выдающимися литераторами в течение этого века. Рабби Абнер, врач, известный как еврейский писатель до своего обращения, написал впоследствии искусное опровержение работы Кимхи против христианства. Соломон Левий, также обратившийся в Евангелие, известен в истории как епископ Бургоса, ученый и успешный писатель. Это также возраст дон Санто де Каньона, знаменитого трубадура, который, как и двое вышеупомянутых, отрекся от иудаизма ради христианства.

СНОСКИ:

[142] Фердинанд приговорил к смерти двух кавалеров по имени Карвахаль по обвинению в убийстве, отказавшись выслушать их защиту. Непосредственно перед казнью они призвали Фердинанда к ответу за свой несправедливый приговор перед трибуналом Божьим в течение месяца. Он умер ровно через месяц после этого.

[143] О судьбе Иосифа рассказывают странную, почти невероятную историю. Гонсалес, хозяин Калатравы, предложил внести в казну короля 800 фунтов серебра при условии, что тот передаст ему восемь главных евреев королевства, с которыми он поступит по своему усмотрению. Король согласился. Гонсалес схватил Иосифа и Самуила, лекаря короля, и подверг их пыткам, чтобы заставить выдать все свое богатство. Они умерли под пытками, но он получил от них и других пленников огромные суммы. Гонсалес был вознесен до великой чести и стал епископом Алькантары. После этого он лишился благосклонности короля, был арестован как предатель и обезглавлен.

[144] Вероятное объяснение состоит в том, что они знали, что Пишон замышляет сменить религию, скандал с которой они стремились предотвратить.

ГЛАВА XXV.

1400-1500 ГГ. Н.Э.

ЕВРЕИ В ГЕРМАНИИ И ИТАЛИИ.

Сведения о евреях в Центральной Европе в этом столетии необычайно скудны. Они были - во всяком случае, номинально - изгнаны из разных ее частей; и, хотя вполне вероятно, что им было позволено, из презрения или сострадания, оставаться в своих старых домах, они старались, насколько это возможно, избегать внимания. Только в Польше они, похоже, процветали в процветании и мире и принимали большое количество членов из менее доброжелательно настроенных стран.

Но, тем не менее, мы кое-что о них слышим. В Гельдерланде они были многочисленны и жили под надежной защитой его правителей, особенно в городах Зутфен, Досборг и Арнхейм. В последнем из названных городов еврей был даже назначен городским врачом; были изданы указы, запрещающие под страхом сурового наказания любое жестокое обращение с евреями в общественных или частных местах. С другой стороны, в этом столетии произошел необычный факт, который, кажется, свидетельствует о совершенно противоположном состоянии чувств. Одна знатная дама из Гельдерланда, вышедшая замуж за еврея, была признана прелюбодейкой и за это преступление сожжена заживо в Кельне. Евреи были изгнаны из соседнего города Утрехта в 1444 году; им было позволено вернуться в Голландию только после революции 1795 года. Вероятно, причиной изгнания стала торговая ревность.

В 1453 году в разных частях Силезии, в частности в Бреслау, произошли еврейские беспорядки, в ходе которых было сожжено более сорока евреев. В следующем году Ладислав, король Венгрии, позволил своим подданным изгнать евреев из своих владений, захватить их дома и земли и списать все причитающиеся им долги. Единственным условием, которого он требовал от них в обмен на это разрешение, было возвращение ему дани, которую платили евреи. Эти вспышки, по-видимому, были вызваны (как это часто случалось в предыдущих и последующих поколениях) влиянием монахов-фанатиков, которые

совершали турне по Центральной Европе, обличая евреев как врагов Бога и человека и призывая всех христиан отвратить недовольство Небес, убивая и изгоняя их. Проповедник по имени Капистран подобным образом поднял волнения в Силезии, а в Южной Германии Бернард произвел такие же катастрофические последствия. В конце века в Штирии народ обратился к Максимилиану с просьбой разрешить ему изгнать евреев, как это сделали их венгерские соседи в предыдущем поколении. Они выдвинули старое обвинение в похищении и убийстве детей и предложили ему 30 000 флоринов в качестве компенсации за потерю еврейской дани. Мы читаем, что они были изгнаны в 1496 году. Подобные изгнания произошли в Менце, Нюрнберге и Тренте. В последнем случае причиной изгнания стала случайная смерть ребенка, которую, как обычно, приписали евреям. Но мания изгнания евреев из всех стран Европы - то ли потому, что их присутствие считалось подобным пиявкам, прикрепляющимся к человеку и высасывающим его жизненную кровь, то ли потому, что боялись, что месть Небес настигнет всех, кто предоставил кров или доброту его врагам, - похоже, теперь заняла место жажды их крови, которая отличала века, непосредственно предшествовавшие этому. Идея была столь же неразумной и несправедливой, но ничуть не менее ужасной и отвратительной.

В Италии, как и в предыдущих поколениях, к евреям, если они и не получали всех прав человечества, то, по крайней мере, относились терпимо и даже с некоторой долей доброты. Поведение пап по отношению к ним, как и прежде, было очень капризным - фактически, менялось в зависимости от религиозных убеждений или государственной политики каждого последующего понтифика. В 1417 году, когда раскол двойного папства завершился единогласным избранием Мартина V., евреи, согласно древнему обычаю, шли в папской процессии с зажженными факелами, распевая еврейские псалмы и преподнося новоиспеченному папе копию Пятикнижия. Мартин V. принял его с благословением и молитвой о снятии пелены с глаз, чтобы они могли правильно понять Закон. Затем он издал прокламацию, в которой поступил с ними милостиво и справедливо. Их синагоги, их форма поклонения, их привилегии, обычаи и институты должны были уважаться, но только так, чтобы они не оскорбляли христианскую веру. Не должно было предприниматься никаких насильственных попыток крестить их детей, и никто не должен был прерывать их праздников. При папе Евгении IV, сменившем его в 1431 году, положение вещей изменилось. Суровый и непреклонный характер, столь ярко проявившийся в его отношениях с Базельским собором и Восточной церковью, проявился и в его обращении с евреями. Буллой, изданной в 1442 году, он лишил их большинства привилегий, которыми их наделил его предшественник. Он исключил их почти из всех профессий, запретил им есть и пить вместе с христианами или оказывать им медицинскую помощь в болезнях, заставил их носить свой отличительный знак и объявил недействительными любые завещания, которые христиане могли им сделать. Его преемник, благодетельный Николай V., который был избран в 1447 году, придерживался более мудрого курса. Он опубликовал декрет, запрещающий обязательное крещение, и предупредил всех воздерживаться от оскорблений и обид в адрес евреев. Во время правления остальных пап этого столетия, Каликста III, Пия II, Павла II, Сикста IV, Иннокентия VIII и Александра VI, на евреев, похоже, мало обращали внимания. Каким бы отвратительным ни был характер последнего из названных пап, в его заслугу следует поставить то, что он предоставил убежище несчастным изгнанникам, которых жестокость Фердинанда и инквизиция изгнали из Испании, о чем мы сейчас расскажем.

В главных городах Италии к евреям также относились в целом хорошо. Венецианцы, как мы уже видели, разрешили им открыть банк в своем городе; и, похоже, они были первыми, кто это сделал. Но можно усомниться в том, что за это им полагалась большая благодарность. Совершенно очевидно, что каорсины, лангобарды и флорентийцы (так называли местных

ростовщиков), которые до сих пор занимались торговлей, получали такие огромные прибыли, что переход к евреям должен был обязательно принести коммерческую выгоду. Несомненно, именно по этой причине за их учреждением в Венеции быстро последовал их приход в Геную, Флоренцию, Мантую, Верону и Ливорно - фактически во все ведущие итальянские города, а их центральным местом деятельности стал Рим.

Но если сумма процентов, которую они требовали, не была столь непомерной, как у Каорсини, она все равно была достаточной, чтобы стать тяжелым бременем для всех классов.^[145] К концу века знаменитый Бернардино ди Фельтре в Пьяченце выступил с публичной проповедью против их требований и условий, на которых христиане с ними сотрудничали. Любопытно читать его язык, который представляет собой странную смесь самых истинно христианских и самых совершенно нехристианских чувств. Он рассматривает евреев просто как злых людей, по отношению к которым следует проявлять христианское милосердие, но которых все христиане обязаны сторониться и осуждать. Ни один христианин, говорит он, не должен нанимать еврейского врача; ни один христианин не должен быть гостем на еврейском пиру - слишком велик риск морального заражения! "И все же, - добавляет он, - вопреки этим препятствиям, которые закон, не менее чем долг, предписывает, христиане недавно толпами приходили на еврейский брачный пир, который длился восемь дней; и было известно, что всякий раз, когда на христиан нападала болезнь, они прибегали к услугам еврейского врача! Толпа, как и следовало ожидать, мало что поняла из его утонченных рассуждений. Они истолковали его слова как призыв к нападению на евреев. Они поднялись, повесили и разорвали на куски всех, кого встретили^[146].

Однако он использовал более разумные средства для спасения своих соотечественников из лап еврейского ростовщика, чем эти. Он основал банки, в которых требовался более низкий процент, чем у евреев, но в то же время достаточно выгодный при условии добросовестного выполнения взятых долгов. Эти банки он назвал Монте делла Пьета. Сначала они пользовались успехом в главных городах Италии, особенно в Мантуе, Брешии и Падуе. В последнем из названных городов они настолько захватили бизнес по выдаче денег, что евреи были вынуждены закрыть свой собственный банк. Нет никаких сомнений в том, что эта схема была и коммерчески, и филантропически мудрой. Тем не менее, в конце концов, она не принесла успеха. Возможно, публичность сделок с банками Бернардино была неприемлема для заемщиков, которые хотели бы сохранить в тайне факт того, что их обязали взять кредит. Возможно, те, кто хотел бы стать клиентами, были слишком глубоко погрязли в долгах перед евреями, чтобы вырваться из них. Возможно, это было следствием многолетней привычки, от которой люди не желают отступать. Но какова бы ни была причина, после короткого периода успеха эта схема начала чахнуть, а в некоторых местах и вовсе провалилась.

В конце века ее возродил знаменитый Джироламо Савонарола, который провозгласил своей целью то же, что и Бернардино, - спасение своих соотечественников, особенно бедняков, от разорительных поборов евреев-ростовщиков, которых он в самых безмерных выражениях осуждает как "злейший народ, врагов Божьих". Не довольствуясь этими резкими высказываниями, он добился государственного декрета, предписывающего им покинуть Флоренцию в течение года.

Возможно, на данном этапе истории будет нелишним поинтересоваться, насколько обоснованны или оправданны суровые выражения и грубое обращение, с которыми даже очень хорошие люди среди христиан Средневековья были склонны нападать на евреев. Как мы видели, были люди, для которых предрассудки их братьев-христиан не имели почти никакого значения; они были способны считать евреев детьми своего Отца Небесного и своими братьями, хотя, несомненно, заблуждающимися братьями. В глазах таких людей они

по праву могли быть предметом мольбы, предупреждения, возможно, наказания, но никак не ненависти или презрения. Но тех, кто возвышался над убеждениями своей эпохи, было очень мало. Были и другие - люди высочайшего характера, чья преданность служению Богу и любовь к ближним не подлежат сомнению: Людовик IX Французский, Петр Ключинский, Савонарола, Мартин Лютер, кардинал Борромео, - которые относились к евреям с ужасом и отвращением, как к людям, находящимся за гранью милосердия, которые должны быть просто раздавлены и растоптаны.[147] Как же нам объяснить, почему такие люди так относились к ним? Был ли характер евреев в Средние века таким, чтобы заслужить столь безоговорочное осуждение? Правдив ли портрет еврея, данный нашим великим драматургом[148]? Шейлок изображен подлым, мстительным, лишенным милосердия и естественных привязанностей. Кто он - подлинный еврей XVI века или просто воплощение слепых и закоренелых предрассудков?

Что отвечают путешественники на вопрос, является ли почва Святой земли пустой и бесплодной, не способной прокормить даже ее немногочисленное население? Они скажут нам, что она от природы богата и плодородна, но стала непродуктивной из-за долгого пренебрежения и злоупотребления.[149] Как это было с землей евреев, так это было и с ними самими. Их истинный национальный характер - один из самых благородных, если не самый благородный, какой только видел мир. Какими бы великими качествами ни обладало человечество, именно люди этой расы проявили их в своем наивысшем развитии. Если мы спросим, из какой нации произошел самый талантливый законодатель, самый дальновидный государственный деятель, самый мудрый философ, самый рыцарский воин, самый великий монарх, самый вдохновленный Небом поэт, то в каждом случае мы должны ответить: из нации евреев. Это относится не только к отдельным людям. Какая борьба за национальную независимость была более доблестной, чем борьба Маккавеев? Какой из всех бесчисленных народов, низвергнутых военным гением Рима, так долго или с таким фатальным эффектом сопротивлялся ее непобедимой силе, как защитники Иерусалима? Но, несомненно, столетия угнетения привели к ухудшению благородных и развитию низменных черт еврейского характера, пока, наконец, евреи не стали почти - хотя и не совсем - теми, кем их считали их гонители.[Они были отстранены от всех благородных занятий, им была запрещена карьера государственного деятеля, солдата, художника, писателя или врача, за исключением узких рамок их собственной презираемой расы, они были вынуждены заниматься одним жалким ремеслом - добычей денег, и даже в нем они были вынуждены практиковать крайние меры взыскания и строгости, иначе, подвергаясь постоянному незаконному грабежу, они не смогли бы жить. Если они и проявляли милосердие, то никто не верил, что это не что иное, как хитроумный план по достижению какой-то мирской цели. Если с ними систематически обращались как с изгоями человечества, то что удивляться, если они часто действительно становились таковыми?

ПЯТНАДЦАТЬ:

[145] Утверждается, что еврейские ростовщики требовали тридцать два с половиной процента на свои займы, вместе со сложными процентами!

[146] Евреи были фактически изгнаны из Равенны в 1484 году, в результате агитации, которую он поднял против них.

[Петр Ключинский писал: "Если сарацины вызывают справедливое отвращение, то евреи должны вызывать еще большее презрение и ненависть! Людовик IX обвинил их в том, что они находятся в союзе со злыми духами, чтобы причинять вред и уничтожать людей. Утверждается, что Лютер относился к евреям снисходительно и терпимо. Но если он и

проявлял к ним такое отношение, то только в самом начале своей карьеры. В дальнейшем его тон по отношению к ним был суровым и безжалостным. Сожгите их синагоги и школы, - говорил он, - врывайтесь в их дома и разрушайте их. Запретите их раввинам под страхом смерти учить" и т. д.

[148] Следует отметить, что Шейлок, независимо от того, правдиво он изображает евреев времен Шекспира или нет, по крайней мере, является подлинным персонажем - реальным человеком. Но Варавва из "Мальтийского еврея" Марлоу и Фейгин из "Оливера Твиста" Диккенса - это просто грубые и грубые карикатуры, потворствующие вульгарному вкусу того времени.

[149] Палестина - это земля, "богатая своей почвой, безграничная в своих производственных возможностях, сияющая под солнцем почти вечного лета - эта очаровательная земля действительно была (как ее описывал патриарх) полем, которое Господь благословил..... Но магометанская лень и деспотизм превратили ее в пустую скалу и пустыню, за исключением нескольких мест, которые остались, чтобы подтвердить правдивость прежних рассказов о ней."-Bannister's Holy Land, pp. 37, 38.

[150] Каждый читатель помнит благородный отрывок из "Айвенго", где Буа Гильберт насмехается над Ребеккой, говоря о деградации ее соотечественников, а она отвечает ему, взывая к их былому величию. "Ты говоришь о евреях, - говорит она, - что его сделали гонения на таких, как ты. Прочти древнюю историю народа Божьего и скажи мне, были ли те, благодаря кому Иегова творил такие чудеса среди народов, в то время народом скряг и ростовщиков!" - Айвенго, гл. xvi.

ГЛАВА XXVI.

1400-1500 ГГ. Н.Э.

ЕВРЕИ В ИСПАНИИ.

Сцены насилия и кровопролития, спровоцированные фанатичным рвением архидиакона из Эчихи, были предвестием страшной трагедии, которая должна была разыгаться в Испании в следующем столетии. Но вряд ли можно сказать, что он стал ее причиной. Зло давно копилось, и рано или поздно оно должно было вырваться наружу в Испании. Возможно, он ускорил его, но не более того.

Главной причиной бедствия, несомненно, была нечистоплотность и отсутствие стабильной промышленности в народе. Во всех деловых операциях они постоянно обращались к евреям, не имея возможности, как казалось, покупать или продавать, сеять или жать, не прибегая к их услугам. В результате все классы общества, кроме евреев, продолжали нищенствовать и накапливать огромные богатства. [151] Люди не хотели верить, что это результат их собственной нечистоплотности и что исправить это можно только упорным трудом и благоразумием. Они неоднократно жаловались на то, что их обобрали и обманули; но когда дела рассматривались в суде, оказывалось, что против предполагаемых преступников ничего нельзя доказать. Это только разжигало растущее недовольство. Для всех вдумчивых наблюдателей было очевидно, что народные волнения не за горами.

Генрих III умер в 1406 году, и ему наследовал его сын Иоанн II, которому не исполнилось и двух лет. В начале его правления Винцентий Феррер, доминиканец, выступил в качестве странствующего проповедника в Кастилии и Арагоне, призывая евреев отказаться от своей древней веры и принять веру Христа. Он был человеком самого пылкого рвения, неутомимой

энергии и жгучего красноречия, а суровый аскетизм его жизни привел к тому, что он был причислен к лику святых. Его яростные инвективы против нечестивости и упрямства евреев приводили народ в ярость, и очень скоро стало очевидно, что для них есть только две альтернативы - обращение или уничтожение. Винсент ходил из города в город, неся в одной руке распятие, а в другой - копию Моисеева закона, и везде его сопровождал вооруженный сброд, который жестоко обращался и убивал всех, кто отказывался его слушаться. Многие евреи приняли христианство или сделали вид, что приняли его. Многие бросили все свои мирские владения и бежали в Барбарию; некоторые также в Португалию^[152] и другие христианские государства. Некоторые не смогли ни отречься от своей веры, ни бежать, и их потомки испытали на себе ужасные последствия постоянства их родителей. Считается, что Феррер обратил 35 000 или, по другим данным, 50 000 евреев. Даже еврейские авторитеты называют цифру в 20 000. Сколько из этих новообращенных были настоящими верующими в Христа, мы будем иметь возможность узнать впоследствии.

В 1406 году старое обвинение в оскорблении Хозяина было возрождено, хотя и с некоторыми изменениями в обстоятельствах. Некоторых евреев обвинили в том, что они купили освященную облатку у ризничего собора в Сеговии. Они бросили ее в котел с кипящей водой, и она поднялась на поверхность. Встревоженные этим зрелищем, они завернули ее в ткань и отдали монаху-доминиканцу, который сообщил о случившемся епископу. Епископ приказал арестовать евреев и подвергнуть их пыткам. Среди них был дон Меир, королевский врач. Пытки позволили добиться признания не только в конкретном преступлении, в котором обвиняли страдальцев, но и в убийстве покойного короля с помощью яда. Дон Меир и остальные были схвачены и четвертованы в Сеговии; вскоре после этого выяснилось, что все обвинение было сфабриковано.

Другая похожая история связана с тем же временем. Один дворянин, питавший острую неприязнь к епископу, подкупил его повара, чтобы тот отравил его. Заговор был раскрыт, и повара посадили на дыбу, но он не признался в имени своего пособника. По совету последнего, в следующий раз, когда его сажали на дыбу, он заявил, что его подкупили евреи. Этому тут же поверили, и, поскольку он не назвал конкретных лиц в качестве своих сообщников, множество евреев было предано смерти по подозрению.

В 1412 году королева-регентша Екатерина обнародовала ряд указов против евреев, по строгости превосходивших все, что было издано ранее. Они не должны были быть врачами или хирургами; не должны были продавать хлеб, вино или любые другие продукты; не должны были держать слуг-христиан; не должны были есть и пить с христианами, присутствовать на христианских браках или похоронах; должны были жить только в еврейских кварталах или гетто, которые должны были быть окружены высокой стеной и иметь только одни входные ворота; должны были носить тщательно предписанную одежду из самого обычного материала; любой еврей или еврейка, рискнувшие надеть дорогой наряд, должны были быть лишены всего этого. Им не разрешалось менять место жительства, и им не разрешалось ни брить бороды, ни стричь волосы! Ни одна христианка не должна была входить в иудейский квартал под страхом крупного штрафа, если ее характер был приличным, или быть выпоротой из него, если это было не так! Наконец, они не должны были быть кузнецами, плотниками, портными, сапожниками, кузнецами, суконщиками или продавать какие-либо товары, изготовленные ими, кроме как евреям.

В 1413 году антипапа Бенедикт XIII созвал собрание в Тортосе, чтобы председательствовать на диспуте между избранными сторонниками иудаизма, с одной стороны, и христианства - с

другой; предметом обсуждения было то, пришел ли уже Мессия и какова ценность еврейского Талмуда. Учитывая, кто будет судьей, неудивительно, что иудеи хотели отказаться от дискуссии. Но им не дали этого сделать. Христианскими защитниками были Иероним из Санта-Фе, Бельтран, епископ Барселоны, и Гарсия Альварес - все они были способными людьми и обращенными из иудаизма. За иудеев выступали шестнадцать ученых талмудистов. Было проведено 69 заседаний, и почти нет необходимости добавлять, что обе стороны заявили о своей победе. Папа издал буллу, предписывающую сжечь Талмуд и налагающую новые наказания на тех евреев, которые остались необращенными. Однако, судя по всему, многие из них приняли крещение.

В 1420 году молодой король принял на себя королевскую власть и удерживал ее до 1454 года. Во время его правления евреи, судя по всему, оставались, сравнительно говоря, в безопасности; и, как это всегда бывало в подобных обстоятельствах, восстановили свое богатство и политическое влияние. В 1435 году евреи Пальмы были обвинены в старом преступлении - распятии детей, хотя на этот раз жертвой стал мавр. Они признались, как обычно, под пытками, и, согласившись принять крещение, были помилованы. В Толедо в 1441 году инфанту Генриху, восставшему против своего отца и сильно нуждавшемуся в деньгах для оплаты войск, посоветовали грабить дома евреев - как тех, кто придерживался своей старой веры, так и тех, кто был недавно обращен, - как самый надежный и популярный способ сбора средств. Он очень одобрил этот совет и сразу же последовал ему, несмотря на противодействие главных горожан и духовенства. Народ, как нам говорят, последовал его примеру. В 1445 году евреев того же города обвинили в том, что они подрыли улицы, по которым должна была пройти процессия Хозяев; и произошла бы одна из обычных резней, если бы власти не провели расследование и не убедились, что обвинение совершенно беспочвенно. В Таворе после одного из праздников несколько молодых людей вышли на улицу и убили нескольких встречных евреев, оправдываясь тем, что думали, будто евреи собираются напасть на *них*. История, похожая на ту, что распространялась в Пальме, была также сфабрикована в Вальядолиде о некоторых евреях в Савоне. Но ни в одном случае не произошло ни одной из тех массовых резнь, которыми были опозорены испанские города как в прежние, так и в последующие времена.

В 1454 году Генрих IV сменил своего отца. Его поступок в Толедо за тринадцать лет до этого, когда он разграбил евреев, вызвал предположение, что он будет неблагоприятен для них; но его поведение, когда он взошел на трон, не подтвердило это предположение. В 1461 году в Медине-дель-Кампо произошел бунт, вызванный проповедью монаха-энтузиаста; несколько евреев были убиты, а их имущество разграблено, Генрих подавил вспышку и свершил должное правосудие над бунтовщиками. Он также назначил еврея, по имени Гаон, своим министром финансов и отправил его взимать налоги в баскских провинциях. Но баски расценили это как посягательство на свои конституционные права. Еврей был убит на улицах Толосы; когда король послал требовать выдачи убийц, он получил дерзкий отказ и не решился принять против них никаких мер.

Было очевидно, что чувства против евреев разрастаются до той фатальной высоты, которой они достигли в других странах. В 1468 году евреи Сепульведы, городка близ Сеговии, как утверждалось, схватили христианского младенца, отнесли его в укромное место и там, после варварских издевательств, распяли. Их раввин Соломон Пичо был объявлен зачинщиком этого преступления. Епископ Авилы подверг обвиняемых, числом шестнадцать, пыткам и, добившись обычного признания, велел сжечь одних и повесить других. Но эти жестокие меры не удовлетворили жителей Сепульведы, которые требовали уничтожения евреев. Они

подняли восстание и расправились со всеми, кто не спасся бегством. Подобные восстания произошли в Кордове, Хаэне, Толедо, Сеговии и других городах.

Вызванный таким образом дух на время утих - возможно, потому, что Генрих не только не оказал ему помощи, но и в душе был благосклонен к евреям. Депутация, состоявшая из новообращенных в христианство и тех, кто все еще исповедовал свою древнюю веру, проживавшая в Вальядолиде, явилась к нему, чтобы попросить защиты от притеснений и несправедливости партизан его сестры донны Изабеллы, и была любезно принята. Хотя им не было дано удовлетворения за причиненные обиды, несправедливость на будущее была сдержана. Когда на кортесе, состоявшемся в 1469 году, ему было представлено прошение с просьбой запретить евреям впредь заниматься земледелием и собирать десятину, он не обратил на него внимания. Но дух преследования удалось остановить лишь на время. В 1473 году он вспыхнул вновь и залил кровью всю Андалузию. Теперь проявилась новая черта, которая могла привести к самым серьезным последствиям. До сих пор шквал гонений обрушивался только на тех, кто упорно отказывался принять христианскую веру. Но теперь в нее попали люди, недавно обращенные в Церковь и известные под названием "новые христиане". Их верность новой вере вызвала большие подозрения, и, нельзя отрицать, с большим основанием. Кроме того, эти новые христиане, в конце концов, были виновны в самом тяжком из всех иудейских преступлений - приобретении богатства за счет старых христиан. Толпы в андалузских городах одинаково нападали и на старых, и на новых евреев. В Хаэне констебль города, по имени Франса, который вмешался, чтобы защитить их, был убит во время служения мессы в самом соборе, и грабежи и убийства продолжались бесконтрольно. Вскоре этому примеру последовали в Кастилии. В Сеговии в 1474 году дон Хуан де Пачехо, желая спровоцировать восстание для осуществления политической интриги, счел наиболее вероятным способом добиться успеха вооруженное нападение на обращенных евреев, так как тогда легко было бы отвлечь сброд на свои цели. Восстание было подавлено королевскими войсками, но не раньше, чем было убито большое количество евреев.

Генрих умер в том же 1474 году, и ему наследовала его сестра Изабелла. Ее право на корону было сомнительным, так как существовала дочь второй королевы Генриха по имени Хуана, которая, если она была законной, являлась законной наследницей. Но весь народ, казалось, единодушно отверг притязания Хуаны; и хотя ее дело принял король Португалии, которому она отдала свою руку, его полное поражение при Торо навсегда погасило ее надежды. Через пять лет после этого Фердинанд унаследовал корону Арагона, и его союз с Изабеллой, можно сказать, заново создал давно угасшую монархию Испании.

В следующем году в Толедо состоялся кортес, на котором было принято множество законов для управления теперь уже объединенными королевствами. Среди них был указ, согласно которому евреи должны были не только проживать в пределах своего еврейства или гетто, но и любой еврей, который осмелится жить в другом месте, должен лишиться всего своего имущества, а его личность должна быть отдана в распоряжение короля. В остальном принятые постановления не были ни деспотичными, ни необоснованными. В пределах гетто им были предоставлены все привилегии, которыми они пользовались в последние годы. Но вскоре после вступления Фердинанда на объединенный трон Кастилии и Арагона он ввел в своих владениях новый механизм угнетения евреев - печально известную инквизицию, деятельность которой привела к более значительным и ужасным последствиям, чем он сам, по всей вероятности, предвидел; кульминацией же стали не только несчастья и разорение евреев, но и упадок и деградация самой Испании.

Это была эпоха знаменитого Исаака Абарбанеля, любимого министра Альфонса V, Фердинанда и Изабеллы испанских, а также Фердинанда, короля Неаполя. Он отличился не только как государственный деятель, но и как писатель. Он написал ценные комментарии к Пятикнижию и Пророкам, а также множество других работ. К этому же веку относится Яков Мантену, врач Павла III и переводчик Маймонида на латынь.

ССЫЛКИ:

[151] Подобное положение вещей существует сегодня в Южной России.

[152] Услышав, возможно, об этом, Феррер попросил у короля Португалии разрешения въехать в его владения в качестве посланника Небес. Король ответил, что он может приехать, но сначала должен доказать свою миссию, надев корону из раскаленного железа! Феррер отказался воспользоваться этим предложением!

ГЛАВА XXVII.

1400-1500 ГГ. Н.Э.

ЕВРЕИ В ИСПАНИИ - продолжение.

Инквизиция, введенная в Испании Фердинандом с согласия Изабеллы,[153] не была новым институтом. Она была учреждена во Франции в начале XIII века с целью принудить альбигойцев вернуться к ортодоксальной вере. Она принесла ужасное горе этому несчастному народу; но через двести пятьдесят лет после этого ересь так почти угасла, что инквизиция умерла бы вместе с ней, если бы не возмущение по поводу "новых христиан", как их называли, то есть недавно обращенных в христианство, что еще раз привело в действие ненавистный механизм. Высота, на которую поднялись гонения на евреев в пятнадцатом веке, не оставляла им иного выбора, кроме отступничества или смерти. Неудивительно, что большое количество евреев предпочло первое. Говорят, что только проповеди Винсента Феррера побудили принять крещение не менее тридцати пяти тысяч человек. Некоторое время духовенство было переполнено радостью по поводу этого знаменательного триумфа, но через некоторое время стали возникать серьезные подозрения относительно искренности этих новообращенных. Внешне, несомненно, они соответствовали требованиям Церкви, но было подозрение, что они все еще продолжали тайно соблюдать иудейский ритуал.

Были назначены три инквизитора - Торквемада, Жуглар и д'Авила; первым их действием стало издание эдикта, в котором они объявили обязанностью всех верующих христиан, не обращая внимания на ранг или состояние, обвинять перед трибуналом всех, кто, по их мнению, является открытыми исповедниками, но тайными врагами Христа. Тот, кто этого не делал, сам подлежал суду за свое преступное молчание. Для облегчения таких обвинений был издан манифест, в котором приводились различные доказательства, по которым можно было обнаружить "тайного еврея". Из него мы узнаем, что человек может быть признан скрытым евреем, если, помимо многих других подобных доказательств, он...

1. Надел чистую одежду, или имел чистую скатерть в субботу, или обошелся без огня в пятницу вечером.
2. Если он смыл кровь с мяса или осмотрел нож, прежде чем зарезать животное.

3. Если в День искупления он просил прощения у тех, кого обидел, или возлагал руки на головы своих детей, чтобы благословить их, не совершая крестного знамения.
4. Если он дал своим детям еврейские имена[154].
5. Если он ел то же мясо, что и евреи, или садился с ними за стол. Если, умирая, он повернулся лицом к стене или позволил кому-либо другому повернуть его. Если он омыл труп теплой водой. Если он одобрительно отзывался об умершем (такой человек был иудеем), или оплакивал его, или заставлял похоронить тело в девственной земле и т. д.

Если бы не то, что за этими постановлениями последовали самые варварские и ненасытные жестокости, трудно было бы читать этот необыкновенный каталог преступлений без улыбки. Но всякая склонность к веселью исчезает, когда мы вспоминаем, что за этим последовало. Нам рассказывают, что было произведено огромное количество арестов - практика держать имя обвинителя в глубоком секрете позволяла легко потакать злодеяниям без риска разоблачения. Обвиняемые, не имея точных сведений о характере и деталях выдвинутых против них обвинений, не могли их опровергнуть; не имея свидетелей, не могли разоблачить их лживость. И свидетели, и обвиняемые часто подвергались жесточайшим пыткам, под давлением которых они делали признания, от которых им не разрешалось отказываться. Короче говоря, никому не удавалось избежать осуждения, если инквизиторы желали или были заинтересованы в том, чтобы осудить его; неудивительно, что список их жертв достиг столь страшной длины.

Его действительно страшно читать. За восемнадцать лет инквизиторства Торквемады более десяти тысяч человек были сожжены заживо; более шести тысяч трупов людей, признанных виновными после смерти, были извлечены из могил и привязаны к кольям вместе с живыми жертвами; около ста тысяч были лишены всего имущества и приговорены к пожизненному заключению[155].

Все слои населения были потрясены и встревожены этими ужасными сценами. Кортесы обратились к Папе Римскому, который предпринял слабую попытку вмешаться, но вскоре отступил; в то время как в Сарагоссе был организован заговор, и Арбуэс д'Авила, один из трех инквизиторов, был убит в соборе. Но это не пошло на пользу несчастным евреям. Независимо от того, виновны они были или нет, все люди считали их таковыми и оставляли их на произвол судьбы, которую они считали справедливым наказанием за их преступление.

До сих пор гонения были направлены исключительно на *conversos*, или новых христиан. Те из иудеев, кто отказался оставить свою веру, остались невредимыми; маловероятно, что они считали это справедливой наградой за свое постоянство. Но теперь настал их черед. Фердинанд и Изабелла, которым наконец-то удалось подчинить себе всю Испанию, решили, что отныне никто не должен дышать воздухом этой земли, отрицая христианскую веру. В 1492 году они издали памятный указ, повелевающий всем евреям отречься от своего вероисповедания или покинуть Испанию. Он был датирован 30 марта и давал им четыре месяца на подготовку к отъезду. Любой еврей, который осмелится остаться в стране по истечении этого срока или вернуться в нее в будущем, должен был быть подвергнут смертной казни и конфискации всего своего имущества. Лица, публично или частным образом укрывавшие или защищавшие кого-либо из запрещенной расы после 31 июля, подлежали наказанию в виде конфискации всего их имущества.

Этот удар обрушился на несчастный народ как удар грома. Уже не раз отмечалось, что, учитывая непримиримую вражду, которую они испытывали по отношению к себе, и постоянные обиды, которые они терпели, изгнание из земель, где не было никого, кроме

злейших и беспощадных врагов, не могло быть большим испытанием. Но те, кто так рассуждает, не понимают человеческой природы. Человек подобен ползучему растению, которое распускает свои усики, чтобы ухватиться за ближайшие к нему предметы; и хотя это может быть грубая кора или бесплодная скала, его нельзя оторвать от них без сопротивления и боли. И если это относится к евреям во всех странах, то в отношении Испании это было особенно верно. Там они веками жили в мире, процветании и счастье. В то время как их собратья в других странах подвергались жестокому оскорблению и несправедливости, они были защищены от насилия мудрыми и справедливыми правителями. Лишь недавно на них была поднята рука насилия, и они могли надеяться, что вскоре она будет отведена, когда более спокойный разум снова возобладает над ними.

Была предпринята попытка склонить короля к отказу от своей цели. Прославленный Исаак Абарбанель[156] в то время пользовался его доверием и благосклонностью. Он бросился к ногам Фердинанда и предложил от имени своего народа не менее 30 000 дукатов в качестве цены за его пребывание в Испании. Столь крупная сумма соблазнила Фердинанда, который всегда был скуп, а в тот момент очень нуждался в деньгах. Он заколебался и, возможно, отменил бы свой эдикт, если бы Торквемада, узнавший о предложении, не ворвался в палату присутствия с распятием в руках. Вот, - воскликнул он, - Тот, Кого Иуда продал за тридцать сребреников! Продайте Его снова, если хотите, и дайте отчет в сделке перед Богом! Изабелла также приняла участие в борьбе с иудеями. Вполне возможно, что мысль о том, что ее подкупили, чтобы она отказалась от своего долга, вызвала у нее негодование, которого она в противном случае не испытала бы. Так или иначе, предложение было отвергнуто, и несчастным евреям пришлось сделать все возможное, чтобы обеспечить себя всем необходимым для приближения дня изгнания. Им разрешили продать свои земельные владения и дома, но, разумеется, с огромными потерями. Бернальдес утверждает, что видел, как евреи отдавали дом в обмен на осла, а виноградник - за небольшой тюк ткани. Покупатели постоянно откладывали сделку, которую, как они знали, в конце концов должны были заключить на своих условиях. Им запрещалось брать с собой золото или серебро, но нам рассказывают, что они ухитрялись прятать его в седлах и поводьях своих лошадей в больших количествах. Некоторые даже проглатывали его, и, как говорят, в некоторых случаях на сумму в тридцать дукатов! Богатые евреи оплачивали расходы своих более бедных собратьев,[157] проявляя друг к другу величайшую благотворительность.

В начале июля они отправились в свое скорбное путешествие к морским портам, старые и молодые, богатые и бедные, - длинный и меланхоличный *кортеж*. Раввины, как нам рассказывали, подбадривали их, нанимали музыкантов, заставляли мальчиков и девочек петь, чтобы поддержать дух путешественников. Но веселье, должно быть, было вынужденным и пустым. Их отцы не могли петь песнь Господню, будучи вынужденными жить в чужой земле, как же они должны петь ее, когда им приходится покидать свою собственную?

Историки значительно расходятся в оценках количества людей, отправившихся в изгнание. Мариана считает, что их было 800 000. Другие называют гораздо меньшую цифру, но по самым скромным подсчетам она должна была достигать нескольких сотен тысяч. Огромное количество людей собралось в Барселоне, Валенсии, Картахене, Порт-Мари и Гибралтаре. Во всех этих портах были предоставлены суда, откуда их перевозили в Италию или различные места на побережье Африки. Страдания, перенесенные во время плавания и после высадки на берег, превосходят все возможные описания. Некоторые суда загорелись, другие были настолько перегружены, что затонули. Многие потерпели крушение в бесплодных местах вдоль африканского берега и погибли от холода и голода. Некоторые

капитаны намеренно затягивали плавание, чтобы провизия закончилась, а пассажиры были вынуждены покупать у них воду и еду по любой цене. На борту одного судна разразилась эпидемия. Капитан высадил всех эмигрантов на необитаемый остров, где многие погибли от голода. Другая партия была вынуждена сойти на берег в необитаемом месте, где большая часть из них была съедена дикими зверями. Тем, кто достиг Феса в Марокко, не позволили войти в город, а заставили разбить лагерь на песках, терпя самые тяжкие лишения и подвергаясь жестоким оскорблениям со стороны туземцев.^[158] Пират Салли заманил несколько мальчиков на борт своего судна, пообещав дать им немного провизии, а затем увез их на глазах у родителей, которые с мольбами и криками просили пощады на берегу, чтобы продать их в рабство в далеком порту.

С теми, кого везли в Италию, обращались не так жестоко. Капитан судна, направлявшегося в Геную, проходя вдоль африканского побережья, увидел несколько голых несчастных, которых, очевидно, выбросило на берег море. Поинтересовавшись, он выяснил, что это несколько еврейских изгнанников, которых варварски заставили высадиться на берег. Он взял их на борт, сшил им одежду из парусины и доставил в Геную. Там им разрешили высадиться на берег, но их встретили священники с хлебом в одной руке и распятием в другой, и они не давали им первого, пока те не согласились принять и второе. Девять переполненных судов достигли Неаполитанского залива; , но среди пассажиров бушевали болезни, вызванные тяготами и лишениями плавания. Инфекция быстро распространилась по городу, и, как сообщается, в результате умерло 20 000 человек. В Риме даже эгоистичная натура Александра VI была тронута рассказом об их страданиях. Он не только предоставил им убежище в своих владениях, но и обратился с письмом ко всем итальянским государствам, желая, чтобы они предоставили еврейским изгнанникам те же привилегии, которыми пользовались их братья-резиденты^[159].

ФУТБОЛ:

^[153] Это было достигнуто с большим трудом. Изабелла, хотя и была послушной дочерью Церкви, обладала большим умом и нежным сердцем; и то и другое восставало против предложенной меры. Торквемада, который был ее духовником, был вынужден обратиться к обещанию, которое она дала ему много лет назад, искоренить ересь, если только сможет. Но и тогда ее согласие было дано с большой неохотой.

^[154] По предыдущему закону Генриха II, он стал наказуемым, если давал своим детям *христианские* имена. Должно быть, нелегко было понять, как их назвать.

^[155] Оружейная резня "аутос да фе", как называли эти казни, - одна из самых шокирующих их черт. 4 ноября 1481 года в Севилье было сожжено триста евреев, а в других частях той же провинции - еще две тысячи. В Сарагосе два оставшихся в живых инквизитора отомстили за убийство своего коллеги двумя сотнями смертей на костре.

^[156] Дон Исаак Абарбанель родился в Лиссабоне в 1437 году и рано привлек к себе внимание Альфонса V. В 1482 году он был вынужден внезапно покинуть Португалию, так как его заподозрили в участии в заговоре Брагацца против Иоанна II. Его любезно приняли Фердинанд и Изабелла, которые сделали его министром финансов. В 1492 году он был вынужден покинуть Испанию вместе со своими соотечественниками. Он нашел убежище в Неаполе, где его наняли Фердинанд и Альфонсо II. Он разделил изгнание последнего монарха и удалился в Венецию, где и умер.

[Обвинение в подлом безразличии к страданиям других всегда выдвигалось против средневековых евреев; нельзя отрицать, что в этом обвинении есть доля правды. Но это проявлялось только по отношению к христианам. По отношению к своим соотечественникам они во все века были в высшей степени щедрыми и милосердными. Вспомните, какое милосердие проявляли *к ним* их братья-христиане, и что *они* не были научены "делать добро тем, кто вас гонит". Когда евреи в Риме не захотели принять своих изгнанных братьев из Испании, Александр VI выразил крайнее удивление. "Впервые, - сказал он, - я слышу, чтобы еврей не сострадал еврею".

[158] Некоторые из рассказов о зверствах, совершенных над этими несчастными, слишком шокируют, чтобы их повторять. О них рассказывают несколько историков, но я считаю, что лучше, ради чести человеческой натуры, о них умолчать.

[159] Однако следует отметить, что, хотя Александр и проявил сострадание к беглецам, он заставил их заплатить высокую цену за свою защиту, а также даровал Фердинанду титул "самого католического" в качестве компенсации за изгнание евреев из его владений.

ГЛАВА XXVIII.

1400-1500 ГГ. Н.Э.

ЕВРЕИ В ПОРТУГАЛИИ.

До сих пор мы не упоминали о евреях, проживавших в Португалии. Историки мало что говорят о них, и в результате сложилось мнение, что они были немногочисленны и не имели большого влияния на дела страны. Но это ошибка. Они рано поселились в разных частях Португалии и при первых португальских королях играли важную роль в ее делах. В правление Санчо I., в 1190 году, еврей, дон Соломон Жажия, был произведен в фельдмаршалы и командовал португальской армией. В 1248 году Санчо II назначил столько евреев на государственные должности, что тогдашний папа Григорий IX обратился к нему с протестом по этому поводу и попросил выбрать христиан на различные должности получателей и фермеров доходов, которые в то время обычно занимали евреи, притесняя и обижая христиан. Нам рассказывают, что в благодарность за оказанную им королевскую защиту иудеи предоставляли якорь и трос длиной в шестьдесят сажений каждому королевскому судну, покидавшему порт.

Такую же милость продолжали оказывать и последующие монархи. В 1289 году духовенство подало жалобу папе Николаю IV на короля Денниса, что тот назначил евреев на высшие должности в государстве; главный раввин Иуда был его верховным казначеем и министром финансов. Следствием этого, по их словам, стало то, что он разрешил своим соотечественникам не платить причитающуюся им десятину, а также отказаться от своего отличительного знака. Но жалоба, похоже, была безосновательной. Когда в Эворе в 1325 г. были приняты законы о роскошной одежде, никаких исключений в пользу евреев сделано не было; и если не считать таковым соглашение, заключенное с евреями Брагансы и предусматривающее выплату фиксированной суммы вместо ежегодных налогов, то никакой особой милости к ним проявлено не было.

Альфонсо IV. в 1340 году отменил чрезвычайные поборы, которые время от времени взимались с них, заменив их суммой, которая, хотя и *была сама по себе* большой, стала для них большим облегчением. Его преемник, Фердинанд, в 1371 году приказал подтвердить все

привилегии, которые были дарованы евреям его предшественниками. Казначеем у него был еврей дон Джуда. В 1389 году Иоанн I по иску Моисея, своего врача, дал санкцию на буллу Климента VI, которая была подтверждена вновь избранным папой Бонифацием IX, предоставив евреям право праздновать свои праздники и исполнять обряды своей религии без какого-либо вмешательства. Короче говоря, вплоть до воцарения Иоанна II в 1481 году, хотя время от времени принимались законы, налагавшие на евреев штрафы и ограничения, которые мы в наши дни считаем суровыми и несправедливыми, не было ничего, что можно было бы назвать преследованием[160].

После воцарения Иоанна II в 1481 году он провел кортес в Эворе, когда были высказаны большие претензии к роскоши, которой предавались евреи, и к тому, как они выставляли напоказ свои богатства. Они ездили на великолепно убранных лошадях, носили шелковые дублеты, носили украшенные драгоценными камнями мечи, входили в церкви, где высмеивали проходящее богослужение; кроме того, они отказывались носить значок, которым их отличали. Еврейские ремесленники - сапожники, лудильщики и тому подобные - бродили по стране, проникая в дома, пока мужчины были заняты на полях, и извращая женщин. Король ответил на эти жалобы, пообещав ограничить потакание роскошным нарядам и обязать евреев носить свой значок, но добавив, что, что касается других преступлений, если будет доказано, что они их совершили, закон их накажет.

В 1491 году, когда произошло изгнание евреев из Испании, большое количество изгнанников нашло убежище в Португалии. Это было самое подходящее для них место. Здесь не нужно было совершать долгое и опасное морское путешествие, а схожесть языка и обычаев двух стран делала перемены менее суровыми и болезненными. Но хотя Джон и позволил беглецам найти приют в своих владениях, это было сделано лишь на короткий срок и на очень жестких условиях. Он потребовал, чтобы все люди, за исключением грудных детей, заплатили по восемь крусадо (19s. 4d.) за каждого, в обмен на что они получали сертификат, дающий право прожить в королевстве восемь месяцев. По истечении этого срока король обязывался предоставить им суда на разумных условиях, чтобы доставить их в любую землю, которую они выберут. Те, кто не мог заплатить крестоносцам или оставался в Португалии после установленного срока, должны были стать рабами короля.[161] На этих условиях около 20 000 семей, вероятно, более 100 000 человек, переправились в Португалию, намереваясь, вероятно, как можно скорее покинуть ее негостеприимные берега. Но прошло восемь месяцев, а большое количество людей все еще оставалось. Некоторые, несомненно, были слишком бедны, чтобы оплатить проезд, за который взимались непомерно высокие цены. Король, правда, приказал просить не более разумной суммы, но его приказ выполнялся вяло и небрежно, и жаловаться было бы бесполезно. Многие были напуганы рассказами о варварстве, которое творили над их соотечественниками дикие жители африканского побережья, а многие были ослаблены моровой язвой, разразившейся среди них. Не успели истечь восемь месяцев, как наказание было приведено в исполнение, и все бродяги стали рабами короля. Молодых и трудоспособных насильно крестили, а затем отправили колонизировать остров Сент-Томас в Гвинейском заливе, который недавно стал португальским владением.

В 1495 году Иоанна сменил Эммануил, известный в истории как "Удачливый". Поначалу казалось, что его престолонаследие сулит несчастным евреям некоторую передышку в их страданиях. Он отменил эдикт, по которому те, кто остался в королевстве, становились рабами. Он отказался от крупной суммы денег, которую ему преподнесли несколько богатых евреев, и заявил, что намерен обращаться с ними справедливо и милосердно.

К несчастью, солнечный блеск вскоре угас, и на смену ему пришла буря, более жестокая, чем все те, что еще омрачали небо. В несчастный час Эммануил добивался руки инфанты Изабеллы, дочери католических государей Испании; но они не соглашались на брак, кроме как при условии, что их зять изгонит евреев из Португалии, как изгнал их из Испании. Можно поверить, что в его душе происходила борьба, ведь он явно был склонен проявлять сострадание к несчастной расе, с которой уже успел подружиться. Но что такое, в конце концов, несколько тысяч несчастных евреев по сравнению с осуществлением его надежд? Нет, он заслужит одобрение своей возлюбленной, сделав даже больше, чем от него требовалось. Исполнив их желания, он сразу же завоюет ее благосклонность, а заодно и благосклонность Небес. Он издал прокламацию из Муджи, предписывающую всем евреям, все еще находящимся в его владениях, принять христианскую веру в течение трех месяцев или покинуть Португалию. Сначала были названы три порта - Лиссабон, Оporto и Сетубал, из любого из которых евреи могли высадиться; но впоследствии этот приказ был отменен, и единственным местом высадки был назван Лиссабон. Вероятно, Эммануил ожидал, что после того, как евреи с большой неохотой покинули свое нынешнее место жительства и отправились в неизвестные и недружелюбные края, большая часть из них предпочтет крещение, а не депортацию. Когда он обнаружил, что это не так, но что огромное количество людей решительно настроены на отъезд и делают необходимые приготовления к путешествию, он был сильно обескуражен. Он лишился славы обращения в Церковь и потерял огромное количество богатых и ценных подданных. Он решил не отказываться от этих преимуществ, не предприняв, по крайней мере, еще одной попытки их обеспечить. Он отправил секретный приказ, согласно которому все дети до четырнадцати лет должны быть отделены от родителей и воспитаны в христианской вере. Это распоряжение должно было быть приведено в исполнение только в день отплытия, чтобы не оставалось времени для оспаривания или уклонения от выполнения указа. Но намерение короля по какой-то ошибке было разглашено, и, чтобы иудеи не вздумали его сорвать, оно было приведено в исполнение немедленно. Последовали такие сцены ужаса, которые воображение не может представить. Это было повторение, в большем масштабе, резни в Вифлееме. Детей насильно вырывали из рук родителей, младенцев отрывали от материнской груди, чтобы подвергнуть их тому, что они считали хуже смерти. Многие, обезумев от агонии, бросали своих детей в колодцы и реки или убивали себя собственными руками.^[162] Одна несчастная мать бросилась в ноги королю, когда он ехал в церковь - в церковь! Великий Бог милосердия, что люди осмеливаются приносить такие деяния в дом Твой, на Твое одобрение! Она кричала, что шестеро из семи ее детей уже отняты у нее, неужели он не пощадит для нее младшего? Придворные посмеялись над ее несчастьем. Король приказал своим слугам убрать ее со своего пути - "бедная сука", как он выразился, "лишенная своих детенышей!" - было ли удовлетворено ее прошение или нет, мы не знаем. Но народ не был так глух к общечеловеческим инстинктам, как его монарх. Они помогли евреям спрятать своих детей, и бесчеловечный приказ был выполнен лишь частично. Тем не менее этот последний смертельный удар разбил сердца евреев больше, чем все их предыдущие страдания. При условии, что им вернут их детей и что инквизиция не будет введена в Португалии в течение двадцати лет,^[163] многие из тех, кто до сих пор сопротивлялся всем попыткам прозелитизма, согласились принять крещение. Более стойкие духом, которых не могли покорить никакие страдания, были либо отправлены в чужие края, либо остались после назначенного дня и стали рабами Эммануила.

Не следует думать, что эти акты фанатизма и безжалостной жестокости совершались с всеобщего согласия португальского народа. Действительно, сброд в любой стране в любое время может быть возбужден, чтобы преследовать и угнетать тех, кто отличается от них почти по любому вопросу, без размышлений и угрызений совести; однако даже среди них, как мы

видели, естественные чувства сострадания не могли быть полностью подавлены. Но среди более образованных и вдумчивых классов было немало тех, кто не только не одобрял действия своего государя, но и открыто выражал свое недовольство. Епископ Осорио ясно описал, как он и другие отнеслись к этому. Некоторые из советников короля, - говорит он, - считали, что евреев не следует изгонять, поскольку известно, что сам папа римский разрешил им проживать в своих владениях". Другие христианские князья в Италии, следуя его примеру, а также некоторые в Германии, Венгрии и других европейских государствах, предоставляли им ту же свободу и разрешали заниматься различными ремеслами и профессиями. Что касается обращения их в Церковь, то изгнание было бы менее вероятно, чем любой другой шаг, чтобы добиться этого. Евреи унесут с собой свои порочные наклонности. *Coelum non animum mutant qui trans mare currunt* - смена места жительства не приведет к изменению убеждений. Более того, отправить их в Африку означало бы уничтожить надежду на их обращение. Живя среди христиан, они могли бы под влиянием подаваемого им христианского примера (увы, какой христианский пример был подан им?) принять истинную веру. Но, смешавшись со слепыми и суеверными магометанами, как они могли научиться чему-то хорошему? И опять же, если подходить к вопросу совершенно иначе, для государства было бы самым вредным изгнать из страны народ, обладающий огромными богатствами, которые затем обогатили бы их врагов". Но слова божественной и человеческой мудрости не произвели никакого эффекта на увлеченного короля и его советников, и роковая политика была продолжена.

В течение этого столетия многие ученые и способные писатели, принадлежащие к древнееврейской расе, передали свои имена потомкам. В предыдущей главе упоминался Исаак Абарбанель, прорицатель, философ и историк, самый знаменитый еврей своего века. С ним соседствовали Исаак Абоаб, автор комментариев, эссе и проповедей; Давид бен Соломон Иахия, грамматик, поэт и талмудист; Иуда, Иосиф и Самуил Абарбанель, сыновья знаменитого Исаака, первый из которых также был известным автором; Соломон бен Вирга, историк; Давид бен Иосиф Иахия, философ, грамматик и поэт, и многие другие.

В течение этого века в Португалии появились типографии, созданные двумя евреями, Элиэзером и Изарбой, которые выпустили несколько прекрасных изданий Пятикнижия и Таргума Онкелоса. Примерно в то же время еврейские типографии были открыты во многих крупных городах Италии.

ССЫЛКИ:

[160] Таким образом, евреи были вынуждены жить в своем еврействе; они не могли иметь слуг-христиан; им было запрещено входить в дома христиан, если их не сопровождали два христианина; им не разрешалось носить шелковые платья; им не разрешалось собирать доходы Церкви. Но никто не мог причинить им зло, не получив возмещения; не было и намека на конфискацию их богатств; они могли свободно заниматься любым ремеслом или профессией.

[Кроме кузнецов и оружейников, которым было разрешено оставаться в стране, если они того пожелают.

[Трупы этих людей публично сжигались в знак гнева Небес на их нечестие!]

[163] Новообращенные также постановили, что, когда будет учреждена инквизиция, ее судопроизводство должно быть изменено настолько, чтобы обвиняемые могли встретиться со свидетелями против них, а в случае осуждения все их имущество не должно было быть отобрано у их семей.

ГЛАВА XXIX.

1500-1600 ГГ. Н.Э.

ЕВРЕИ В ИТАЛИИ.

Евреи были изгнаны из Англии, Франции, Германии и Центральной Европы, России, Испании и Португалии. ^{164]} Они были также изгнаны из Голландии и Низких стран, которые находились под контролем империи. Не похоже, чтобы они когда-либо утвердились в Швеции, Дании или Шотландии в какой-либо значительной степени. Фактически, единственными европейскими странами, в которых они продолжали проживать в значительном количестве в этот период, были Италия, Польша и Турция. В основном они находили убежище на Востоке и в Северной Африке под властью магометанских князей. Сначала мы расскажем о жителях Европы в этом веке, а затем перейдем к описанию судьбы их собратьев, переселившихся на Восток.

Как мы видели, их принимали с большей добротой, чем можно было ожидать в Италии. Многие папы были достаточно дальновидны, чтобы понять, что, изгоняя евреев из своих владений, они просто переводят капитал и интеллект в другие страны. ^[165] Лев X. в 1513 году сдержал рвение некоторых проповедников, которые возмущались против еврейских ростовщиков в Риме. Он не хотел, чтобы народные волнения привели к тому, что ему пришлось бы изгнать людей, чье пребывание в городе было ему так выгодно. Его преемник, Климент VII, придерживался аналогичной политики. Узнав о гонениях в Португалии в 1523 году н. э., которым подверглись новохристиане (так называли евреев, недавно обращенных в Церковь), он не только послал им приглашение приехать и жить в его владениях, но и намекнул, что не должен интересоваться, что с ними произошло в Португалии ранее. Нет нужды говорить, что многие воспользовались его предложением. Павел III в 1539 году выступил в их защиту еще более открыто. Он не позволил инквизиции продолжать преследования и кровавую работу в папских государствах. Какие бы преступления ни инкриминировались евреям в их собственной стране, когда они пересекали ее пределы, им предоставлялась полная амнистия. Особенно это касалось восходящего города Анконы. Здесь была разрешена полная свобода торговли, не требовалось выяснять вероисповедание человека. Существовало полное равенство в налогообложении. Никто не был вынужден носить какой-либо отличительный знак. Нам рассказывают, что благодаря этим мерам Анкона быстро росла в населении и богатстве. Несомненно, именно из-за этой особой благосклонности кардинал Садоле жаловался в Авиньоне на чрезвычайную благосклонность, проявленную к израильтянам; и мы узнаем, что позже, в период своего правления, Павел издал буллу, отменяющую декреты, принятые в их пользу, и требующую, чтобы новообращенные в Церковь были отделены от своих родственников.

Через десять лет после этого Юлий III подтвердил привилегии, предоставленные его предшественниками; более того, он пошел дальше. Учитывая, что Реформация опасно прогрессировала в Италии, он счел необходимым учредить в Риме инквизицию. Но он специально освободил евреев Анконы от ее надзора. Что же касается других евреев в его владениях, то он дал самые строгие указания своим легатам и кардиналам проявлять полную терпимость к их религиозным взглядам и обрядам. Они не должны были выяснять, что они исповедуют или что они могли исповедовать раньше - последнее обещание, очевидно, предназначалось для тех еврейских изгнанников, которых в их родной стране побудили сделать номинальное исповедание христианства, которое они теперь отбросили.

Однако его терпимое отношение к ним подверглось суровому испытанию. Один францисканский монах, некто Корнелио из Монтальчино, перешел в иудаизм, и сразу же им овладел дух прозелитизма, который побудил его открыто проповедовать лжехристианство на самых улицах Рима! Его схватили и дознались о причине его отступничества. К счастью для евреев, оказалось, что причиной стало изучение Талмуда, а не личное влияние какого-либо еврея. Талмуд, соответственно, был наказан. Было приказано публично сжечь его в Риме и других итальянских городах. Евреям, которые жили в страхе перед яростной народной вспышкой или суровым папским указом, было позволено избежать наказания - акт милосердия, о котором с благодарностью пишет один из их раввинов.

Но все изменилось, когда на понтификат вступил Павел IV, человек с высокомерным и порывистым характером, который довел нетерпимость, можно сказать, до наивысшей, на которую она только способна.^[166] Он был столь же суров в своем отношении к евреям, как и к реформаторам. Он возобновил все враждебные эдикты, действовавшие против них во времена его предшественников. Он запретил им владеть недвижимостью и заставил продать все, чем они владели, в течение шести месяцев - разумеется, с огромными потерями. Он запретил им торговать кукурузой и другими предметами первой необходимости, хотя и разрешил им торговать старой одеждой, с которой они так часто ассоциировались в народном воображении. Он приказал разрушить все их синагоги, кроме одной. Он первым закрыл их в гетто, где они были вынуждены жить на протяжении многих веков. Он снова обязал их носить отличительную одежду: мужчин - желтые шапки, женщин - желтые капюшоны, воздерживаться от работы в воскресенье, воздерживаться от всякого общения с христианами, особенно от посещения их в качестве врачей, и платить налог на обучение христианской вере всех евреев, которые были склонны принять ее.

Однако его правление продлилось всего четыре года, и Пий IV, сменивший его в 1559 году, несколько, хотя и не очень сильно, смягчил суровость политики своего предшественника. Он сохранил принудительное проживание в гетто, но расширил и улучшил его, а также запретил непомерную арендную плату, которую до сих пор требовали владельцы домов. Он снял ряд ограничений на их торговлю и разрешил им владеть недвижимостью стоимостью до 1500 дукатов. Он разрешил дружеское общение между ними и их христианскими согражданами, и, хотя он не отказался от шапки, которая была одним из их отличительных знаков, он изменил ее цвет с желтого на менее примечательный черный.

Пий V., 1566 г., человек суровый и мрачный, в значительной степени возродил суровость Павла IV. Он изгнал евреев из всех городов своих владений, кроме Рима и Анконы, и возродил большинство суровостей, без которых обходился Пий IV. Похоже, что он вообще терпел присутствие евреев только потому, что к тому времени пришло общее понимание того, что изгнать их из любой страны - значит разрушить ее торговое процветание. В обращении с ними мало что изменилось после прихода Григория XIII, 1572 год н.э. Он издал буллу, которую по его приказу вывесили у входа в гетто, запрещающую чтение Талмуда и обязывающую всех евреев старше двенадцати лет периодически являться в гетто для прослушивания проповедей, направленных на их особое обращение. Каким образом эти меры привели к желаемому результату, нам не известно.

В 1585 году, однако, понтификат принял Сикст V. - человек с гораздо более высоким характером и более властным умом, чем любой из его предшественников в течение нынешнего столетия. Его действия в отношении евреев были одновременно гуманными и государственными. Он одним росчерком пера уничтожил досадные и легкомысленные ограничения, которые были наложены на них; он предоставил им свободный доступ и беспрепятственное проживание во всех городах своих владений; он разрешил им

заниматься любой торговлей, которую они могли предпочесть; он приказал полностью терпимо относиться к их религии; подверг их тем же гражданским судам и тем же налогам, что и их христианских сограждан. Он также ограничил размер ростовщичества, которое им разрешалось взимать, восемнадцатью процентами.

После его смерти в 1590 году последовала череда пап, которые освободили папскую кафедру почти сразу после того, как заняли ее.^[167] Климент VIII, избранный в 1592 году, подтвердил буллу Пия V., по которой они были изгнаны из всех папских городов, кроме Рима и Анконы; но к ним он добавил Авиньон, где они с тех пор проживают, с полной свободой придерживаясь своих религиозных убеждений и сохраняя свою форму культа.

В других итальянских государствах их положение в течение этого столетия, похоже, было таким же хорошим - даже несколько лучше, чем в Риме. Во Флоренции их принимали любезно и так хорошо защищали законами, что, как нам рассказывают, в этом городе было принято говорить, что "человек может с таким же успехом оскорбить самого великого герцога, как и еврея"^[168]. В Венеции они были в равной степени благосклонны. Еще в прошлом веке они добились разрешения открыть в городе банк, поскольку сенат знал о коммерческих преимуществах, которые давало проживание евреев среди них. Они не одобряли шагов, предпринятых испанским и португальским королями, и сами нанимали евреев для важных миссий, как, например, Абарбанеля для переговоров о заключении договора с Португалией, а в 1589 году другого еврея, Даниэля Родригеса, для усмирения беспорядков в Далмации, с чем он успешно справился. В Ливорно (Ливорно), который Медичи во второй половине этого века взяли под свое особое покровительство, намереваясь сделать его великим торговым центром Европы, был выделен квартал для испанских и португальских изгнанников, которые стекались туда в большом количестве. В самом деле, город был объявлен еврейской колонией, и с тех пор и по сей день он продолжает процветать. Еврейское население до сих пор говорит на испанском языке, а ритуал Моисея, по словам одного современного писателя, сохраняется в большом великолепии.

В Ферраре испанские и португальские эмигранты были приняты с той же благосклонностью и теми же привилегиями, что и другие итальянские князья. Их было так много, что герцог был вынужден, вероятно, под влиянием народного шума, возобновить действие старого закона, обязывающего их носить на груди маленький желтый кружок. По той же причине, под давлением народа, он был вынужден в 1551 году уволить все еврейское население из своего королевства, из-за широко распространенного, хотя, кажется, и необоснованного, мнения, что они принесли чуму в Феррару. Однако вскоре им было разрешено вернуться. Многие евреи также поселились в Болонье, Кремоне, Модене, Мантуе, Падуе и других крупных городах, где их принимали доброжелательно.

Только в Неаполе из всех итальянских городов им не разрешили найти дом. Вначале, как читатель уже узнал, значительное число испанских изгнанников нашло убежище в этом городе, где их приняли дружелюбно. Но вторжение Карла VIII во Францию подвергло их новым гонениям. Измученные бесконечными испытаниями, они в конце концов пали духом и согласились принять христианскую веру. Но, как и в других случаях, обращение было лишь номинальным, и не успела опасность миновать, как псевдообращенные вернулись к своей прежней профессии. Через несколько лет после этого Гонсальво де Кордова захватил Неаполь от имени короля Испании. Он поднял вопрос о том, не следует ли их изгнать из страны, которая теперь стала частью испанских владений. Но в умах большинства людей уже закрепилась мысль, что изгнать евреев из любой страны - значит нанести ей серьезный ущерб. Поэтому он предложил ввести инквизицию, которая сохранила бы евреев в стране, но заставила бы их придерживаться недавно принятой профессии. Это, однако, не

понравилось неаполитанцам, которые подняли восстание, и правительство было готово пойти на компромисс, изгнав евреев; хотя некоторые еврейские писатели (например, Оробио де Кастро) утверждают, что эти суровые меры были приняты только в отношении сефардов (или испанских евреев).

В этом веке в Италии было создано множество ивритских типографий, которые находились под управлением ученых евреев. Среди них был знаменитый Авраам Уске, которым была напечатана известная Библия Феррары, испанская версия Ветхого Завета. Еврейские типографии были также построены в Кремоне, Ливорно, Падуе, Генуе, Римини и Вероне, а также в центральном городе Рима. Знаменитый Даниэль Бомберг из Антверпена обосновался в Венеции в 1516 году, и его работы приобрели большую известность. Он также опубликовал первое полное издание Талмуда и первую раввинскую Библию. К этой эпохе относятся также рабби Иосиф, историк французских крестовых походов и страданий евреев в Кастилии, Асарья де Росси и Авраам Порталеоне.

ПЯТНАДЦАТЬ:

[164] Однако было бы ошибкой полагать, что их нельзя было встретить в этих странах. Даже в Англии, хотя закон запрещал любое поселение, время от времени встречались евреи, к присутствию которых относились терпимо. Еще больше их было во Франции и Германии, а в Испании и Португалии оставалось огромное количество людей, чье исповедание христианства, как было широко известно, было лишь притворством. О них мы расскажем в следующей главе.

[165] Султан Баязет был достаточно проницателен, чтобы понять это. Когда он услышал об изгнании евреев Фердинандом, он воскликнул: "Мудрый король, который обедняет свое королевство, чтобы обогатить мое!"

[166] Павел IV был тем папой, чьи властные отношения с королевой Елизаветой привели к разрыву с английской церковью. Он также был автором известного *Индекса* запрещенных книг.

[167] Урбан VIII., Григорий XIV. и Иннокентий IX.

[168] Примечательным примером того, как их почитали во Флоренции, является ссора между Флоренцией и Миланом в 1414 году. Флорентийцы, считая, что у них есть повод для жалобы на миланского герцога, отправили к нему в качестве посла еврейского банкира по имени Валори. Герцог отказался принять еврея в качестве посланника, что так возмутило флорентийцев, что они объявили ему войну.

ГЛАВА XXX.

1500-1600 ГГ. Н.Э.

ЕВРЕИ В ПОРТУГАЛИИ, ИСПАНИИ И ГОЛЛАНДИИ.

После того как евреи были публично изгнаны из Португалии и Испании, можно подумать, что на этом их история в этих двух странах закончилась. Так, несомненно, и было бы, если бы изгнание было полным. Но было известно, что, хотя номинально они были изгнаны, осталось огромное количество людей, которые, хотя и называли себя христианами, на самом деле были евреями, и никем иным, как евреями. Как ни жалко было положение тех, чьи страдания

были описаны в предыдущих главах, можно усомниться, что те, кто остался, не были еще более жалкими. Правда, они избежали страшной разлуки с домом и страной; они могли по-прежнему жить среди привычных сцен юности и молодости; они не пережили ужасов дальнего плавания и высадки среди варварских и негостеприимных чужаков. Но их подстерегали угрызения совести и стыд за ложное исповедание веры; необходимость соблюдать формы и предписания, которые они в глубине души ненавидели; постоянный страх разоблачения и разорения. Они знали, что являются объектом постоянных подозрений, что за ними постоянно наблюдают зоркие и беспощадные глаза, и что при малейшем признаке открытого повторения поклонения, которое они все еще тайно совершали, страшные сцены, еще свежие в их памяти, будут возобновлены.

Прошло совсем немного времени, прежде чем эти предчувствия оправдались. В день Пасхи 1506 года в Лиссабоне произошла жестокая и кровопролитная вспышка, которая очень точно иллюстрирует состояние общественного чувства в тот день по отношению к новым христианам - так теперь принято было называть евреев. Ее непосредственной причиной стало оскорбление, нанесенное знаменитому чудотворному распятию, которое вынесли из собора на большую площадь. В городе разразилась чума, сезон был необычайно сухим, и мор усугублялся отсутствием воды. Была надежда, что с помощью образа будет послана помощь свыше. Вдруг, когда все с тревогой смотрели на него, на чертах изваянного Христа появилась улыбка. Все люди разразились словами восхищенной благодарности, кроме одного человека, который заявил, что улыбка была вызвана потоком света, пропущенным лампой через заднюю часть фигуры. Он был одним из Новых христиан, и о пустоте его профессии уже догадывались. Доминиканцы осудили его как отступника, и он был мгновенно сбит с ног и зарублен. Толпа последовала за этим актом насилия, нападая и убивая всех соотечественников преступника, которые попадались им на пути. Монахи подстрекали их к дальнейшим бесчинствам, обещая (как утверждает еврейский историк), что тому, кто убьет еврея, придется провести в чистилище не более ста дней, какими бы ни были его проступки. Подстрекаемый таким образом сброд напал на дома всех евреев в городе, выпотрошил и сжег их; повсюду убивали мужчин, женщин и детей; тех, кто бежал в церкви в поисках убежища, срывали с алтарей, тащили и сжигали. В течение трех дней резня не прекращалась. По истечении этого времени король Эммануил, отсутствовавший в Абрантесе, вернулся в Лиссабон. Он направил в город войска, достаточные для подавления беспорядков; зачинщики вспышки были арестованы и повешены, а магистраты, показавшие свою некомпетентность в решении чрезвычайной ситуации, сняты с должностей. Те из новых христиан, кто избежал убийственных рук толпы, снова оказались под защитой закона. Однако они не могли не чувствовать себя людьми, живущими вблизи кратера вулканической горы, которая в любой момент может извергнуться потоками раскаленной лавы и захлестнуть их целиком; стоит отметить, что, хотя бунтовщики были сурово наказаны за свое незаконное насилие, евреям не было сделано никакого возмещения - даже не было произнесено ни слова сожаления о неспровоцированных и жестоких обидах, которые они претерпели. Странно, что они все еще держались за землю, к которой были так недоброжелательны, и еще более странно, что те, кто покинул ее ради других стран, где, по крайней мере, жизнь и имущество были в безопасности, стремились вернуться в нее.

Тем не менее это произошло. Когда Карл V., внук Фердинанда и Изабеллы, в 1519 году вступил на престол Испании, некоторые еврейские изгнанники направили к нему депутацию с просьбой разрешить им вновь занять свои древние дома, свободные от постоянного и безжалостного вмешательства инквизиции. В качестве вознаграждения за эту услугу, если он будет склонен оказать ее им, они предлагали сумму не менее 800 000 крон золотом. Карл принял их благосклонно, и его совет посоветовал принять их предложение. Но тут вмешался

кардинал Ксименес, сменивший Торквемаду на посту генерального инквизитора, и сурово предупредил Карла, что он не может выполнить просьбу, не нарушив верности Христу. Карл уступил, как его дед уступил Торквемаде, и прошение евреев было отклонено. Под тем же влиянием он отказал португальским беженцам в разрешении остаться в Голландии, куда многие из них бежали. Все, которые не прожили в этой стране шесть лет, были обязаны покинуть ее.

В 1521 году Иоанн III. сменил Эммануила на посту короля Португалии. Последний пообещал новохристианам, если они согласятся принять крещение, что инквизиция не будет введена в Португалии.^[169] Но некоторые советники Иоанна убедили его, что это обещание не является обязательным по двум причинам: во-первых, потому что новохристиане, как известно, не были верны своим обязательствам; во-вторых, потому что он не имел права заключать такое соглашение без согласия Папы. Поэтому Иоанн обратился к папе за разрешением учредить Священный трибунал. Но Климент VII и его кардиналы сразу же отклонили прошение и приказали отпустить на свободу всех новых христиан, которых Иоанн арестовал. Когда в 1534 году Климента сменил Павел III, Иоанн вновь подал прошение. Но Павел отклонил его так же решительно, как и его предшественник, указав, что обещания Эммануила должны соблюдаться по чести и доброй воле.

Иоанн, однако, не пал духом. Узнав, что император Карл V. после военного успеха в Тунисе направляется на родину, он решил воспользоваться этой возможностью. Благодаря своим подвигам Карл имел право на триумф, на котором по обычаю он мог просить у Папы любую милость. Поэтому он попросил Карла сделать привилегированной просьбу об учреждении инквизиции в Португалии. Карл согласился,^[170] и Папа, хотя и с большим нежеланием, был вынужден ее удовлетворить. Однако в то же время он оговорил, что все португальские евреи, находившиеся до этого времени в заключении, должны быть освобождены из тюрьмы и получить бесплатное помилование. Король отказался выполнить это условие, и Папе пришлось воспользоваться своей личной властью, вывесив объявления о помиловании на дверях церквей и отправив своих офицеров освободить заключенных. Инквизиция, однако, была учреждена в Португалии, и эта мера привела к тем же результатам, что и в других местах, во всех других случаях. Многие тайные евреи, предвидя это, бежали в другие страны, где, если и не были в полной безопасности от преследований, то, во всяком случае, были менее подвержены им.

Через несколько лет после этого евреев и новых христиан можно было встретить в большом количестве в различных частях недавно открытой Америки, как в странах, которыми завладела Испания, так и в тех, которые перешли к Португалии. В Африке, а также по всей Азии они селились - иногда разрозненными группами, иногда большими общинами. Эмигранты были настолько многочисленны, и их отъезд был настолько вреден для национального благосостояния, что короли Португалии неоднократно издавали эдикты, запрещающие это под страхом самых суровых наказаний. О простом способе задержать их, сделав их пребывание в стране приятным или даже терпимым для них, похоже, не задумывались.

В Европе главным местом их убежища была Голландия. Пока она находилась под властью Испании, они были так же сурово исключены из нее, как и из любой другой части владений Его Католического Величества. Но когда долгая борьба за независимость закончилась освобождением Семи Соединенных Провинций, испанские и португальские эмигранты были приняты там благосклонно. В 1590 году три португальских еврея, так сказать, передовой отряд многочисленной армии, которая должна была последовать за ними, были гостеприимно приняты. В 1594 году из Эмбдена прибыли еще десять человек, носивших

португальские имена Лопеш Хомен и Перейра, но, как только они обосновались в столице Нидерландов, вернулись к своему первоначальному названию Абендана. Первая синагога была построена здесь в 1598 году. Несмотря на бегство многих так называемых новых христиан из Португалии, их осталось достаточно, чтобы сформировать в столице мощную партию, которая не раз во второй половине века вмешивалась в дела государства с большим эффектом.

Остается сказать еще несколько слов о тех евреях, которые, как мы уже говорили, продолжали проживать в Испании и Португалии. Более странной и в то же время более поучительной истории не найти в анналах мира. Никогда еще фанатизм не был столь слепым, столь решительным, столь беспринципным, как в Испании под железной властью инквизиции. Никогда произвол не осуществлялся более свободно, более настойчиво, более безжалостно, чем Торквемада и его преемники. Глаза инквизиции были повсюду - они выслеживали людей не только при исполнении ими общественных обязанностей, но и следили за ними, подобно Аргусу, в уединении их семейных отношений, а то и в уединении их чуланов и спален. Их уши впитывали тайный шепот мужчин, произносимый только в присутствии их ближайших родственников - жен или детей. Они без колебаний прибегали к самым страшным пыткам, чтобы выведать нужные им сведения. Для выполнения своей задачи они не щадили ни женской слабости, ни нежности младенчества, ни немощи возраста. И все же они не смогли проникнуть в тайну тайного иудаизма. Люди, занимавшие самые высокие посты в государстве и самые важные должности, почитаемые и почитаемые всеми людьми, тем не менее принадлежали к этой презираемой и запретной расе. Кровь, которая, как считалось, так унижала человека, в чьих жилах она текла, принадлежала величайшим и благороднейшим людям страны - маркизам, герцогам и принцам, с их громкими титулами и длинными родословными. В конце XVIII века о знаменитом португальском министре Помбале рассказывают, что король, предложив на заседании совета, чтобы все, кто имеет еврейское происхождение, впредь были обязаны появляться в желтых шапочках, явился на следующий совет с тремя желтыми шапочками в руках. Король поинтересовался смыслом этой процедуры, и тот ответил, что она призвана выполнить предложение короля. "Одна шапочка, - заметил он, - для вашего величества, другая - для Великого инквизитора, а третья - для меня".

Еще более странным, но столь же несомненным является тот факт, что тайные евреи занимали достойные посты не только в государстве, но и в церкви. В монастырях было полно еврейских монахов и еврейских монахинь. Священники совершали мессу у алтарей, принимали исповеди и произносили отпущение грехов, считая все эти обряды ложными и нечестивыми. Более того, тайные евреи обладали полномочиями самой Святой канцелярии. Они видели, как перед ними тащили людей, пытали их и приговаривали к костру за то, что они придерживались точно такой же веры, как и они сами, произносили приговор, возможно, своими собственными устами, а затем отправлялись в свои дома, чтобы самим принять участие в запрещенных обрядах. Если что-то и может доказать более ясно, чем уже было доказано, глупость, не менее чем нечестие, религиозных преследований, то это, несомненно, эта странная и поразительная история^[171].

Мы также не можем оставить эту тему, не отметив справедливое и суровое возмездие, которое постигло нацию, совершившую эти преступления. В начале шестнадцатого века Испания была ведущей державой в Европе, в ней проживало сорок миллионов человек, которым богатая и плодородная земля давала достаточно средств к существованию. Империя Нового Света, которая была как бы передана на ее попечение, безгранично наполняла ее богатствами. Что она представляет собой сейчас? За границей ее имя не

вызывает особого уважения; она опустилась на второстепенное место среди народов. Ее голос никогда не слышен при урегулировании европейских интересов. Внутри страны ее население сократилось до одной трети от того, что было четыре века назад; ее торговля парализована; ее правительство неустойчиво. Нищета и невежество ее народа, кажется, постоянно растут, а раздоры и анархия постоянно отвлекают страну. Кто может сомневаться в том, что ее двойной грех - против индейцев Нового Света и евреев Старого - навлек на нее этот тяжкий приговор?

ССЫЛКИ:

[169] В рассказе, данном во время обращения (1497 г.), говорится, что инквизиция не должна была вводиться "в течение двадцати лет", то есть до 1517 года. Но очевидно, что должно было быть и другое обещание на более длительный срок, хотя о нем не сохранилось никаких записей. Папа Римский, Павел III, недвусмысленно заявил об этом.

[170] На протяжении всего своего правления Карл был суров и строг в отношениях с евреями. Его личный секретарь Соломон Малехо, который был насильно обращен в христианство, впоследствии вернулся к своей старой вере и пытался обратить в нее императора. Последний передал его в руки светской власти в Мантуе, и тот был сожжен на костре.

[171] Чтобы получить яркое представление о странном состоянии общества в Испании в этот период, читателю следует ознакомиться с прекрасной повестью мисс Грейс Д'Агилар "Долина кедров". См. также некоторые поразительные подробности в книге Борроу "Библия в Испании".

ГЛАВА XXXI.

1500-1600 ГГ. Н.Э.

ЕВРЕИ В ГЕРМАНИИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ.

Положение евреев в шестнадцатом веке в тех частях Германии и Центральной Европы, где их присутствие было еще терпимым, существенно не отличалось от того, каким оно было на протяжении многих предыдущих поколений. Мы слышим о меньшем количестве вспышек беззакония, а зверства, совершаемые над ними, кажутся чуть менее варварскими. Но в основном история такова, что христианский летописец должен записывать ее, а христианский читатель - читать с чувством стыда и печали. В Мекленберге, в конце предыдущего столетия, возобновилось часто повторяемое, но так и не доказанное обвинение в подкупе христианского священника, чтобы тот продал освященную Святыню, которую купившие ее евреи тут же принялись колоть, выливая (как утверждалось) кровь Господа Иисуса, чьим телом она являлась. Было проведено серьезное и тщательное расследование. Тридцать евреев вместе со священником были приговорены к сожжению на костре за это преступление. В обвинении были замешаны несколько еврейских женщин и детей. Одна из них, как сообщается на сайте, предала смерти двух своих дочерей, чтобы спасти их от ужасов, которые их ожидали, и уже собиралась убить третью, когда ее выхватили из рук. Через два года после этого против некоторых венгерских евреев было выдвинуто другое обвинение, вернее, другая форма того же обвинения: на этот раз преступление заключалось в убийстве христианина с целью выпить его кровь.[172] Обвиняемых подвергли пыткам - не столько для того, чтобы выяснить, виновны ли *они*, сколько для того, не замешан ли в этом преступлении весь еврейский народ Венгрии. Как бы чудовищно это ни казалось,

но такое мнение высказывалось не впервые.^[173] Возможно, действительно, надеялись, что под давлением агонии страдальцы признаются в этом или в чем-либо другом, что от них требовалось, и таким образом дадут повод для всеобщей резни. Если это так, то попытка провалилась, так как мы видим, что пострадали только те, кого обвинили в преступлении.

Через несколько лет после этого в Нюрнберге и Кельне были проведены изгнания евреев. В обоих городах, хотя против них выдвигался целый ряд обвинений, настоящим преступлением, по-видимому, был их коммерческий успех и тяжелый груз долгов, который на них взвалили жители этих двух городов. Самым коротким способом погашения обязательств, как выяснилось, было признание кредиторов виновными в каком-либо преступлении, за которое они подлежали наказанию в виде конфискации их имущества, включая, разумеется, все причитающиеся им долги. Но эти изгнания, какими бы несправедливыми они ни были, не были запятнаны дополнительной виной кровопролития.

В 1509 году один еврей, принявший христианство, по имени Пфефферкорн, исполненный рвения, которым всегда отличаются прозелиты, предложил императору Максимилиану повсеместно уничтожить все книги, поддерживающие или излагающие еврейскую доктрину, и особенно Талмуд, великое хранилище еврейских басен. Он уже написал не одну книгу, в которой обвинял своих соотечественников не только в отрицании истинности Нового Завета, но и в отступлении от ветхозаветных заповедей. Он также обвинял их в том, что они используют проклятия против христиан, как публичные, так и частные. Эти слова так сильно подействовали на Максимилиана, что, как сообщается, он был наполовину склонен удовлетворить его просьбу. Однако он решил назначить комиссию из ученых людей, чтобы изучить этот вопрос и представить доклад. Во главе ее был поставлен Рейхлин^[174] (иначе Капнио), самый известный еврейский ученый своего времени, человек широких и либеральных взглядов. Он посоветовал императору, что те еврейские книги, которые содержат хулу на нашего Господа (а некоторые из них, несомненно, таковыми являются), лучше уничтожить; но те, которые просто описывают догматы и ритуалы евреев, должны быть сохранены. Он указал на невозможность подавления книг, которые определенное число читателей решило сохранить. Это было бы трудно в любое время, но с изобретением книгопечатания это стало морально невозможным, поскольку евреи теперь начали свободно пользоваться печатным станком.^[175] Мы не можем сильно удивляться, что человек с темпераментом Пфефферкорна не согласился бы с подобным решением. Он напал на Рейхлина в гневном памфлете, на что Рейхлин ответил. Спор был передан на рассмотрение папы, и Хохстратен, голландский инквизитор, поддерживавший Пфефферкорна, отправился в Рим, чтобы выступить в его защиту; но папское решение было принято в пользу Рейхлина. Еврейские книги были пощажены. Тем не менее, можно сомневаться, что дело было для них благоприятным. В результате христианские ученые обратили внимание на эти еврейские нападки на христианство, и в результате были написаны ответы, которые, вероятно, нанесли иудаизму больший вред, чем могло бы нанести сожжение их книг.

Из этих споров возникло несколько сект - по крайней мере, они впервые упоминаются писателями примерно в это время и вскоре после этого исчезают из истории. Среди них наиболее примечательны Сейделиус Силезский, Георг де Новара и Франциск Давид.^[176] Они придерживались мнений, взятых частично из иудаизма, частично из христианства, и сильно отличались друг от друга. Их постигла обычная судьба эклектиков: они были отвергнуты и презираемы обеими партиями.

В 1516 году евреям едва удалось избежать изгнания из Франкфорта. В этом городе было проведено собрание, состоящее из депутатов от различных государей и вольных городов, с целью организации мер по их изгнанию. К счастью для них, депутаты не смогли договориться

между собой. Тем не менее, евреи были изгнаны из Бранденбурга. Липпольд, врач курфюрста этой страны, был обвинен в том, что отравил своего работодателя. Под пытками он дал признательные показания и был казнен, после чего все его соотечественники были отправлены в изгнание.

В середине этого века евреи впервые были изгнаны из Праги. Они жили в этом городе с незапамятных времен. Никто не знал, когда они впервые поселились там, но традиция гласит, что это было в те времена, когда Богемия была еще языческой; в доказательство этого факта приводятся надписи на некоторых старых могилах на заросшем мхом кладбище. Самая поздняя дата их прибытия - десятый век христианства. Они построили знатную синагогу и открыли академию, в которой председательствовал знаменитый еврейский врач. Но в смутные времена, последовавшие за сожжением Гуса и Иеронима Пражского, они постоянно попадали под подозрение одной или, можно сказать, обеих партий, причем евреи были слишком осторожны, чтобы вступать в союз с кем-либо из них. Это чувство усилилось, когда сама Реформация уже полностью завладела умами людей. Среди взаимной ревности и подозрений, овладевших умами людей, постоянно возникали тайные заговоры евреев в пользу своих противников. Случилось так, что в некоторых крупных городах, в том числе и в Праге, вспыхнули страшные пожары. В их возникновении сразу же стали подозревать евреев. В те времена заподозрить было почти то же самое, что осудить. Всех, кто спасся из пламени, изгнали из города, за исключением десяти семей, получивших разрешение остаться. Император не был убежден в их виновности, но вызванное этим чувство было слишком сильным, чтобы он мог с ним справиться. Он ясно видел, что ничто, кроме смерти или изгнания евреев, не удовлетворит народ, и выбрал более милосердную из предложенных ему альтернатив. Ближе к концу года были обнаружены настоящие поджигатели, и тогда евреям разрешили вернуться.

Примерно через восемь лет после этого поднялся новый шум, на этот раз утверждалось, что евреи молились о том, чтобы христиане потерпели бедствие и гибель. В наказание были конфискованы их книги и увезены в Вену, так что раввинам пришлось служить в синагогах по мере сил, читая все по памяти. Надо полагать, что это обвинение было опровергнуто, как и другое, поскольку вскоре книги были возвращены. Но и на этом их беды не закончились. Не успел закончиться год, как последовал еще один императивный приказ, предписывающий всем евреям, за исключением десяти привилегированных семей, вновь покинуть город и поселиться в других местах Богемии; и на этот раз, судя по всему, им не позволили вернуться.

Мерзебург - столица одного из регентств Пруссии, почти полностью состоящего из уступок, сделанных Саксонией в 1815 году, - был еще одним городом, в котором, как утверждали евреи, они проживали без перерыва в течение почти четырнадцати веков. Однако чувство неприязни к ним настолько распространилось, что в 1559 году они были вынуждены покинуть и этот город, несмотря на то, что император Фердинанд был готов оказать им посильную помощь. Он не только защитил их, но и предоставил им привилегию, которая была дана их предкам на Востоке за много веков до этого - иметь своего особого правителя, который был известен под тем же титулом, который носил в самые ранние христианские времена Патриарх Востока, а именно - "Принц Плена".

В Моравии в 1574 году вспыхнуло аналогичное пламя гонений. Мы не знаем, в чем именно заключались обвинения, но, несомненно, они были во многом такими же, как и те, что выдвигались против почти всех еврейских общин в Центральной Европе в это время. Многие евреи, как мы узнаем, были сожжены на костре, а многие были преданы смерти другими способами. Они обратились к императору Фердинанду, который, судя по всему, всегда был

готов оказать посильную помощь своим еврейским подданным. Он вмешался и остановил казни, но не раньше, чем было принесено в жертву множество жертв.

Через шесть лет после этого во Франконии произошла похожая вспышка. В этом случае евреев, как и во многих других местах, обвинили в поджоге города Бамберга. Но здесь они спаслись, не подвергшись никаким более суровым мерам, чем возмещение убытков, которые понесли те, чье имущество было уничтожено.

В Польше и на Украине царило более милосердное положение вещей. В обеих этих странах евреи пользовались полной свободой от грабежей и преследований. В первой из названных стран они занимались главным образом торговлей, которую почти монополизировали; во второй - почти исключительно сельским хозяйством.

Но в самой России к израильской расе продолжали относиться, как гласит традиция, жестоко - к тем израильтянам, которым еще разрешалось жить в этой стране, а евреи в целом были изгнаны из нее, как читатель уже узнал (1113 г. н. э.). Однако в конце предыдущего и в начале нынешнего века, в последние годы долгого царствования Ивана III, произошло необычное отступничество от иудаизма, в истинности которого мы, конечно, были бы склонны усомниться, если бы оно не было столь достоверно засвидетельствовано. Еврей по имени Захария около 1490 г. н. э. начал пытаться обратить в иудаизм некоторых русских священников и в необычайной степени преуспел в этом замысле. Новообращенные приняли все иудейские обряды, кроме обрезания, от которого они отказались, поскольку в случае разоблачения оно стало бы определенным доказательством против них. Отступничество распространилось быстро и широко. Екклесиасты, занимавшие самые высокие посты в Церкви, даже сам патриарх Зосима, стали извращенцами. Заговор, если его можно так назвать, был наконец раскрыт, и множество этих "тайных иудеев" были вызваны на собор и осуждены. Они были наказаны более милосердно, чем их собратья в Испании. Их усадили на лошадей, направив их лица к хвостам своих коней, одели в причудливые одежды, напоминающие дьявольские, и провели по улицам под крики толпы. Зосима был отправлен обратно в монастырь, архимандритом которого он был. Но, хотя зло было обнаружено, сомнительно, что оно было искоренено. Говорят, что оно еще долго сохранялось в Русской Церкви.

Рабби Иосиф бен Меир - великий еврейский историк этого периода. Он родился в Авиньоне в 1496 году и написал "Всеобщую историю" и "Историю своего времени". Последняя, хотя к ее утверждениям следует относиться с осторожностью, в целом считается ценной книгой. Давид Ганс, родившийся в 1541 году, также был известным ученым и писателем. Он умер в Праге в 1613 г. н.э.

ССЫЛКИ:

[172] См. Приложение V.

[173] В правление Генриха III в Англии на дознании, проведенном над Хью из Линкольна в 1255 г., было объявлено, что все евреи в Англии были посвящены в преступление и виновны в нем.

[174] Иоганн Рейхлин родился в Пфорцхайме 28 декабря 1455 года от бедных родителей. Сладость его голоса привлекла к нему внимание, и его отправили получать образование в Париж. Он начал свою карьеру в качестве учителя классики в Базеле, но вскоре оставил это занятие ради профессии юриста. В 1482 году он стал известен как знаток иврита, и его заметил император Фридрих III. В 1498 году он вернулся в Штутгарт, где его слава

продолжала расти; в связи с этим предложения Пфефферкорна были представлены ему Максимилианом. Самая знаменитая сатира того времени, *Epistola Obscurorum Virorum*, была написана в поддержку его взглядов и имела эффект полного разгрома его противников. Рейхлин умер в Штутгарде в декабре 1521 года.

[175] Некоторые из еврейских книг, несомненно, были крайне оскорбительны для христиан, как, например, "*Чисук Эмуна*" Исаака бен Авраама, польского еврея. Португальские евреи перевели ее на свой язык и широко распространили. Ницахон, приписываемый рабби Липману из Мюлуза, был не менее, если не более злобным. Вряд ли можно было ожидать, что даже самые мудрые и дальновидные люди шестнадцатого века будут терпеть их.

[Зейделиус учил, что Мессия, когда придет, придет только к евреям, а язычники не будут иметь в Нем ни доли, ни жребия. Франциск Давид признавал Иисуса Христа, но считал, что молиться Ему грешно. Джордж де Новара утверждал, что верит в христианскую доктрину, но отрицал приход Мессии. Он был сожжен на костре.

ГЛАВА XXXII.

1500-1600 ГГ. Н.Э.

ЕВРЕИ В АЗИИ И АФРИКЕ.

Мы уже писали о судьбе евреев в XVI веке во всех странах Европы, где им было разрешено жить, а также в Испании и Португалии, где, хотя они и были изгнаны законом, им все же разрешалось оставаться под номинальным исповеданием христианства. Теперь мы снова должны переключить наше внимание на восточные и южные земли, в которых под властью магометан они нашли более милосердное убежище. Однако прежде следует повторить уже сделанное замечание, что, хотя в те века им было законодательно запрещено въезжать в некоторые европейские королевства, далеко не факт, что их нельзя было найти в них, причем в немалом количестве, хотя, несомненно, они старались держаться как можно дальше от посторонних глаз. Ссылаются на испанского историка, который утверждает, что "многие испанские изгнанники бежали в Англию, обосновавшись в трех крупнейших городах - Дувре, Йорке и Лондоне, и что они построили синагоги в последнем из названных городов, где впоследствии вели процветающую торговлю". "С 1291 по 1655 год, - пишет памфлетист в 1753 году, - евреи подвергались опасности, как и в другой стране [несомненно, Испании], где многие из них погибли и ежегодно продолжают погибать в огне; но, встречая все время lenitives [милосердное использование], они сделали верной одну из наших английских пословиц, утверждая, что за дюйм долготы полагается элл долготы"[177].

Во Франции, несомненно, к ним относились терпимо, вероятно, до тех пор, пока они не бросались в глаза. Рабби Иосиф рассказывает, что Генрих II разрешил некоторым евреям с Маврикия жить во французских городах, а в 1550 году предоставил им свою защиту и различные привилегии. У его отца и его королевы Екатерины Медичи были врачи-евреи, которые пользовались большой популярностью у своих работодателей. Нам рассказывают, что Парижский парламент в резких выражениях осудил бесчеловечное поведение государей Испании и Португалии, и что многим португальским эмигрантам было позволено обосноваться в Бордо и Байонне, где они с тех пор проживают без всяких притеснений. То же самое, несомненно, происходило и в немецких государствах, где, если евреи подвергались преследованиям в одном городе, можно было сравнительно легко укрыться в другом.

Так же и в России. Евреи никогда не были возвращены в те провинции, из которых их первоначально изгнали. Но в новейшее время Россия путем завоевания приобрела обширные территории, на которых проживало многочисленное еврейское население. Она не стала доводить свою неприязнь до изгнания евреев из своих новых владений и имеет до двух миллионов еврейских подданных. Но ее чувства к ним мало изменились.

Несомненно, многие из испанских и португальских беглецов устремились в ту или иную из вышеупомянутых стран. Но можно с уверенностью сказать, что основная масса избрала своим будущим пристанищем мусульманские королевства в Азии и Африке. Независимо от того, с каким презрением, спокойным равнодушием или состраданием относились к ним магометанские князья, несомненно, что они позволяли им свободно исповедовать свою религию и обладать всеми гражданскими правами. В Персии и Медиуме еще до исхода испанцев они, по-видимому, были очень многочисленны, хотя сведения о них крайне скудны. Во время войн Тимура они, естественно, страдали, как и все остальные жители Персии, от набегов его диких солдат, которые не принимали во внимание разницу в вероисповедании тех, на кого нападали и кого завоевывали. Нам сообщают, что их синагоги были разрушены, школы уничтожены, а при захвате городов было убито огромное количество людей. Эти беды едва успели утихнуть, как яростный шах Исмаил Софи вновь привел все в беспорядок. Говорят, что его быстрые и значительные успехи произвели на них такой эффект, что они были убеждены, что он должен быть Мессией, который должен прийти. Этой идее способствовал тот факт, что Исмаил объявил себя пророком, посланным от Бога, чтобы исправить развращенный исламизм. Но он принял их почтение очень холодно[178] - более того, говорят, что он относился к ним с меньшим вниманием, чем к любым другим своим новым подданным.

Один из его преемников, шах Аббас, через поколение или два после него, устроил жестокие гонения на евреев в своих владениях, хотя и весьма необычным образом. Он издал прокламацию о предоставлении больших привилегий тем чужеземцам, которые поселятся в его владениях. Евреи немедленно воспользовались этим и в таком количестве хлынули в страну, что быстро захватили всю торговлю. Это не превышало их обычного обыкновения, но подданные шаха Аббаса были очень огорчены и обратились к королю с горькими жалобами. После этого он очень подробно разобрался в их привычках и взглядах, возможно, для того, чтобы найти повод изгнать их из страны. Узнав, что они давно ожидали прихода своего Мессии и все еще ждут Его, он настоял на том, чтобы они назвали время, к которому, если Он не явится, они должны признать свою веру необоснованной и перейти в магометанство. После долгого совещания между собой они сказали шаху Аббасу, что согласны установить семьдесят лет в качестве предписанного срока, несомненно, аргументируя это тем, что, скорее всего, все заинтересованные лица, но, конечно, и шах Аббас, умрут до наступления этого дня. Король принял ответ со всей серьезностью, официально зарегистрировал его и поместил в архив королевства. Вероятно, память о нем угасла еще до конца правления шаха Аббаса. Во всяком случае, когда приближался назначенный срок, умы людей занимали войны и беспорядки того или иного рода, и на эту тему не обращали внимания. Но вот прошло более ста лет, и шах Аббас II в неудачный час случайно ознакомился с указом своего предка. Разумеется, выяснилось, что, хотя семьдесят лет давно истекли, а ожидаемый Мессия так и не явился, евреи не приняли мусульманскую веру и не собирались делать этого сейчас. Это было явным доказательством их вероломства и лжи; следствием этого стала резня, которая, как говорят, продолжалась три года; спаслись лишь те, кто отрекся от своей религии или бежал в Турцию с одной стороны или в Индию с другой. Однако через некоторое время выяснилось, что предполагаемые новообращенные, хотя номинально и были магометанами, как и их собратья в Испании, исповедовавшие себя христианами, на самом

деле в душе были иудеями. Более мудрый, чем Фердинанд и его преемники, шах Аббас отменил свой указ и позволил притворным мусульманам вернуться к своему настоящему вероисповеданию.

Но о евреях Восточной империи в период, предшествовавший взятию Константинополя турками в 1453 году, известно немного. Но через поколение или два после этого события их можно было найти в большом количестве как в самом Константинополе, так и в других частях европейских владений султана. Испанские изгнанники, приехавшие туда, обнаружили большое количество уже существующих синагог, в которых служили священники, ничуть не уступавшие тем, что были у них на родине. Однако они не стали объединяться с ними, а построили новые синагоги в Константинополе, Иерусалиме, Дамаске, Салониках и других крупных городах, каждая из которых впоследствии долго сохраняла имя первоначальных строителей: одна называлась синагогой Толедо, другая - Лиссабона, третья - Арагона и так далее. Турецкое правительство относилось к ним с большой либеральностью, предоставляя им неограниченную свободу в создании мануфактур и ведении торговли, разрешая им также владеть земельной собственностью. Можно быть уверенным, что все их богатства, которые были отняты у них испанскими гонителями, теперь были быстро возвращены. Не похоже также, что они подвергались каким-либо чрезмерным поборам. Несомненно, они платили определенную сумму налогов и время от времени подвергались произвольным требованиям, от которых никто на Востоке не застрахован; но в целом с ними обращались милостиво. И здесь, как и во всех других странах, где они проживали, их большие финансовые и дипломатические способности были использованы турецкими правителями. Селим I (1512 г. н. э.) очень доверял своему еврейскому врачу Иосифу Хамону. Его сын, Солиман II, прозванный "Великолепным" (1520 г. н. э.), также пользовался услугами Моисея Хамона, сына Иосифа, который, благодаря своему влиянию на своего повелителя, однажды спас весь свой народ от резни.^[179] Соломон Ашкенази был выбран агентом султана для ведения переговоров с Венецианской республикой. Иосиф Наси добился такого расположения Селима II. (1566 г. н. э.), что его сделали герцогом Наксоса и даже назначили королем Кипра, хотя это намерение так и не было осуществлено. После катастрофической битвы при Лепанто другой еврей, Соломон Рофе, был послан заключить мирный договор с венецианцами.

Среди прочего имущества испанские евреи привезли свои типографии в Турцию, где, по милости султанов, они были открыты. В Константинополе и Салониках они вскоре активно заработали. Ветхий Завет на иврите и испанском были напечатаны и получили широкое распространение, а также многие еврейские сочинения, которые до сих пор оставались в рукописях. В Салониках был основан знаменитый колледж, в котором, по слухам, обучалось до 5000 студентов. Здесь же находилась ценная библиотека, которая, к сожалению, была уничтожена пожаром в 1545 году.

Святая Земля - еще одна страна, в которую, как и следовало ожидать, устремились беженцы из других земель. Для евреев преклонного возраста всегда считалось достойным делом совершить туда паломничество и умереть среди священных мест, где хранятся их заветные традиции. С каждым гонением в европейских странах их число росло, и в начале XVI века Палестина была заполнена толпами израильтян, которые, как правило, были бедны и нищи, и сильно страдали от алчности турецких чиновников. Еврейские общины в других частях света считали своим долгом поддерживать этих нуждающихся собратьев, и в крупных городах в синагогах регулярно проводились сборы на эти цели. Поскольку не было предпринято никаких попыток обеспечить их средствами к существованию, - а возможно, они и не были

успешными, - бедственное положение всегда было значительным, а после испанского исхода достигло еще большей высоты.

Еще одним районом, куда мигрировало большое количество изгнанных евреев, было северное побережье Африки. Это был уже знакомый им регион. Египет долгое время был излюбленным местом их проживания, особенно со времен Маймонида. В Каире, Дамiette и других египетских городах были открыты школы, куда стекалось огромное количество учеников. В королевстве Марокко изгнанные евреи также осели в большом количестве. Это была самая близкая к Испании страна, за исключением Португалии, и между жителями двух королевств уже давно поддерживались связи. В Триполи, Ороне, Фесе, Тунисе и Алжире также обосновалось множество еврейских семей. Но они не встретили того дружеского приема, который был оказан их собратьям на Востоке. Им была предоставлена свобода совести, без сомнения, и защита закона; но это было все, что им было предоставлено. Власти возложили на них тяжелое бремя, а иногда требовали большие суммы в качестве субсидий, что очень напоминало действия английских и французских государей за несколько столетий до этого. Представители низших сословий смотрели на них с фанатичным предубеждением, и они были обязаны носить черные тюрбаны и сапоги другого цвета, чем у коренных жителей страны. Однако в целом их положение не было несчастным. Они были заняты на железных заводах в горах Марокко, а также в строительстве и сельском хозяйстве.

Одна особенность в их истории заслуживает особого упоминания. В 1578 году, когда состоялась злополучная экспедиция португальца Себастьяна, большое количество португальских дворян и джентльменов попали в плен и были проданы в рабство на рынках главных городов Марокко. Многие из них были куплены португальскими евреями, которые, должно быть, испытывали сильное искушение отплатить за обиды, нанесенные им самим и их отцам этими пленниками, которые были полностью в их власти. Но они отомстили более благородно. Они не только не потребовали за них выкуп, но и позволили им вернуться в свои дома, не потребовав от них никаких других условий, кроме честного слова, что по прибытии в Португалию они вернут своим прежним хозяевам суммы, которые были уплачены за их выкуп из рабства. История не знает более благородных поступков.

ССЫЛКИ:

[177] *Некоторые замечания лондонского купца по поводу законопроекта о натурализации евреев, 1753 год.* Писатель, вероятно, общался с людьми, которые помнили, как обстояли дела в Англии до реадмиссии евреев. Таким образом, что касается утверждения испанского историка, то существует вполне обоснованная вероятность того, что евреям разрешалось жить без притеснений в Англии во времена правления Тюдоров. Действительно, как заметил Дизраэли, если бы в Англии не было евреев, сэр Э. Кок вряд ли стал бы так настойчиво настаивать на том, что они не могут быть допущены в качестве свидетелей. Но к заявлению о строительстве и публичном использовании синагог следует отнестись с оговоркой. Изгнание из Испании произошло незадолго до конца пятнадцатого века. Спустя не более пятидесяти лет после этого мы находим заявление богословов Кромвеля о том, что "для евреев иметь синагоги или любые публичные собрания для богослужения было не только злом, но и скандалом для христианских церквей". Конечно, они не могли бы так говорить, если бы синагоги совсем недавно существовали в Лондоне и в них совершались богослужения!

[178] Этот король, похоже, не любил чрезмерного почтения, что было редкой чертой для восточного принца. О нем рассказывают, что однажды, после одной из его великих побед, его солдаты приветствовали его восточным поклоном, некоторые объявляли его

пророком, другие - ангелом, а третьи - самим Богом. Видя, что ему не удастся отучить их от нечестия, он приказал вырыть глубокую яму, а затем, бросив в нее один из своих башмаков, объявил, что тот, кто больше всех его почитает, должен его достать. Все тут же бросились в яму. Затем он приказал снова засыпать яму землей, похоронив всех своих поклонников заживо! Несомненно, никто и никогда больше не приносил ему поклонение.

[179] Один турок, имея основания подозревать одного из своих соседей в попытке соблазнить его жену, убил его и, чтобы избежать подозрений, бросил труп в еврейском квартале. Там его нашли, и это вызвало народное восстание, в ходе которого евреи были бы убиты до единого человека, если бы Моисей Хамон не уговорил Солимана провести расследование, в ходе которого была выяснена истина.

ГЛАВА XXXIII.

1600-1700 ГГ.

ЕВРЕИ В ГЕРМАНИИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ.

В начале семнадцатого века Реформацию можно считать свершившимся фактом. Великий поток разногласий, раздиравший Церковь, начал стихать, и все страны, которые были завоеваны новыми мнениями или сохранены старыми, в обоих случаях оставались твердыми в своей верности. Можно было ожидать, что произошедшие большие перемены в значительной степени повлияют на положение евреев, и в конечном итоге, несомненно, так и произошло; но на данный момент их последствия были едва заметны. Несомненно, в протестантских странах духовенство уже не могло пустить в ход те ужасные орудия преследования, которые до сих пор были у них наготове; и это само по себе было огромным облегчением. Кроме того, в странах, где еще сохранялось главенство Рима, ярость священства в отношении евреев по необходимости ослабла. Их мысли были заняты более серьезным и увлекательным делом. В разворачивающейся борьбе иудеи были в большей или меньшей степени упущены из виду. Но горечь чувств по отношению к ним едва ли уменьшилась, если вообще уменьшилась. Сами лидеры реформатского движения относились к евреям не слишком благосклонно. Они, конечно, не могли не испытывать отвращения к варварству, которое применяли по отношению к ним правители Церкви; но у них и в мыслях не было проявлять внимание к упрямой и непокорной расе, упорно отвергающей Христа.[180] Впрочем, так было не везде. Франк дю Йон (Франциск Юний), известный голландский реформатор, убедительно и настойчиво убеждал своих соотечественников в долге всех христианских народов перед их братьями-иудеями, которые должны быть завоеваны духом любви в лоно Христово. Так же поступил и Исаак Воссиус, профессор Амстердама, который обратился к евреям с письмом, ярко свидетельствующим об этом нраве. Арминиане Голландии и их союзники также проявляли самую братскую доброту по отношению к тем евреям, которые нашли убежище в их стране. Прославленный Гуго Гроций особенно отличался уважением, которое он питал к раввинам и их мнениям. И действительно, хотя некоторые из ведущих реформаторов иногда высказывались в манере, противоречащей мудрым принципам, которые они исповедовали, общее влияние их учения росло и укреплялось с течением поколений и в конце концов привело к широкому распространению просвещенной веротерпимости.

Следует также помнить, что сами евреи - во всяком случае, в течение долгого времени - проявляли не больше склонности к принятию евангельской истины, изложенной реформаторами, чем в предыдущих поколениях к принятию догматов римской церкви. Не стоило ожидать, что глубокая взаимная неприязнь, на которой выросло столько поколений - дикая жестокость с одной стороны и угрюмая, непреклонная ненависть с другой, - может быть устранена какими-либо внезапными переменами, даже если бы их результаты были гораздо более благотворными. Спровоцировать межнациональную вражду гораздо легче, чем утихомирить ее. Давайте вспомним, как долго в этой стране сохранялись неприязнь и презрение к французской нации, которые Нельсон и его школа из всех сил старались поощрять как лучшую защиту Англии от успешного вторжения, - давайте вспомним, говоря, как долго они сохранялись, после того как исчезла всякая возможная опасность страшных результатов. Нельзя сказать, что она умерла даже сейчас, хотя с момента ее появления прошло уже три поколения. Помните также, что взаимная антипатия англичанина и француза ни на минуту не может сравниться по своей горечи с той, что существовала в те мрачные и несчастные времена между евреем и христианином. Давайте будем благодарны за то, что дух терпимости и милосердия рос, пусть медленно, и продолжает расти, и будем молиться, чтобы наши дети смогли увидеть зрелое совершенство этого славного урожая.

О евреях в Германии и других странах Центральной Европы в начале семнадцатого века сохранилось немного сведений. В 1614 году во Франкфурте произошли беспорядки, которые оказались для них губительными, хотя, похоже, они возникли не на почве религиозного ожесточения. Следует помнить, что почти за сто лет до этого было выдвинуто предложение об изгнании всех евреев города. Оно возникло на почве коммерческой вражды, и ничто, кроме взаимной ревности депутатов, присутствовавших на собрании, не помешало его осуществлению. На сайте восстание торговых гильдий против городских властей увенчалось успехом, и первым делом гильдии изгнали еврейских торговцев, процветанию которых они завидовали. Но через два года мятеж был подавлен, а лидер *эмейта* предан смерти, после чего евреям разрешили вернуться. Аналогичное изгнание произошло и в Вормсе, когда беглецы нашли защитника в лице курфюрста Фридриха.

В 1619 году началась ужасная "Тридцатилетняя война", от которой сильно пострадали все сословия, и евреи в том числе. Во время знаменитой осады Праги они оказали императору большую услугу. Раввин Лев написал историю событий того богатого события; в ней он высоко оценивает поведение своих соотечественников, их рвение и мужество во время осады, и особенно их благочестие, когда они собирались в своих синагогах, чтобы молить Небеса даровать их соотечественникам победу, и читали литанию, составленную специально для этого случая одним из их раввинов. Он убежден, что сохранение города было полностью обусловлено их заступничеством.

Если это так, то следует опасаться, что императоры Фердинанд II и III не проявили должной благодарности. Мы узнаем, что в 1630 году первый из них отнял у них привилегию обрабатывать доходы Венгерского королевства. Причина, по которой он это сделал, не льстит им. По его словам, это произошло потому, что "у них не было ни совести, ни честности, и поэтому они были недостойны пользоваться этой привилегией". Однако они, должно быть, вернули себе это право, поскольку мы видим, что в 1647 году его снова лишили его его преемники.

Говорят, что в 1650 году на равнине Агеда, в тридцати милях от Буды, состоялось большое собрание евреев, на котором присутствовали триста раввинов, чтобы решить вопрос, который, как оказалось, будоражил умы многих - не пришел ли уже Мессия. Единственным авторитетом в отношении этого события является некий Сэмюэл Бретт, который опубликовал

рассказ о нем в Лондоне в 1655 году, через пять лет после предполагаемого собрания . Большинство историков отвергают эту историю как простую выдумку, призванную отчасти способствовать обращению евреев, отчасти бросить кляузу на Римскую церковь. Среди тех, кто отказывает ей в доверии, - знаменитый Менаше бен Израиль, чей авторитет имеет большой вес. Кроме того, в самом повествовании приписывание фарисеями чудес нашего Господа магическому воздействию выглядит как плагиат из Мф. xii. 24; также как и их возражения против Его подлого происхождения, схожие с выдержкой из Мк. vi. 3.[181]

С другой стороны, некоторые авторитеты принимают заявление Бретта как подлинное; и в нем есть обстоятельства, которые нелегко примирить с понятием самозванства. Так, автор приводит свое имя и подробности собственной жизни и карьеры, которые было бы легко опровергнуть, если бы они были вымышленными; а поскольку публикация рассказа должна была вызвать немало гневных чувств, по меньшей мере странно, что этого не было сделано. Но когда Натаниэль Холмс переиздал историю, как он сделал это одиннадцать лет спустя, он не добавил ни намека на то, что ее подлинность была хоть сколько-нибудь заподозрена. Не сделал этого и составитель Harleian Miscellany, который также воспроизвел ее позднее. Кроме того, Бретт утверждает, что евреи, распустив свое собрание, решили провести еще одно через три года - через два года, то есть после даты публикации Бретта. Самозванец, надо думать, не стал бы вставлять в свое повествование это совершенно ненужное дополнение, которое могло бы только привести к его обнаружению. Идея, которую вызывает вся эта история, скорее преувеличена, чем самозванна. Такое собрание, как он описывает, действительно могло состояться; но количество участников, характер ораторов и интерес, проявленный евреями к происходящему, сильно преувеличены. Будет лучше привести рассказ Бретта с учетом этого предостережения.

Он утверждает, что первое собрание состоялось в указанное время и в указанном месте с той целью, о которой уже говорилось, причем предварительно было получено разрешение короля Венгрии. Огромное количество ученых евреев из всех стран прибыли на место и расположились в палатках вокруг центрального павильона, где и заседал совет.

Первый день был посвящен проверке полномочий различных раввинов. На второй день рабби Захария, выбранный председателем, предложил главный вопрос: "Пришел ли уже Мессия или еще нужно ожидать Его прихода? Некоторые, как нам рассказывают, утверждали, что Он должен был прийти. По их словам, они уже 1600 лет терпят тяжелейшие бедствия, и нет никаких перспектив, что они закончатся. Но почему Бог так откладывает приход Избавителя? Ни они, ни их отцы на протяжении многих поколений не были виновны в идолопоклонстве, что само по себе было бы достаточной причиной для его отсрочки. Но мнение собрания было противоположным. Было заявлено, что Он не пришел, и что грехи народа отсрочили Его приход.

Далее обсуждалось, каким образом Он придет; и здесь не было недостатка в единодушии. Было решено, что Он явится, согласно старой вере, как завоеватель, который восстановит царство Израиля; что Он поддержит закон Моисея во всей его целостности и что Он родится от Девы. Тогда некоторые из присутствующих подняли вопрос о том, не может ли распятый Иисус быть Мессией. Но фарисеи возразили, что Иисус был человеком низкого происхождения и положения, в то время как Мессия явится в окружении всех аксессуаров земного величия. Раввин по имени Авраам возразил, что трудно объяснить чудеса, совершенные Иисусом, если Он не Мессия. Но Зеведей, главный фарисей, возразил, что эти чудеса были совершены с помощью магии. С этим согласились и присутствующие саддукеи, хотя до этого они выступали почти против всего, что выдвигали фарисеи.

Съезд продолжался уже шесть дней, когда появились несколько священников, которые по просьбе короля Венгрии были отправлены из Рима. Сначала они пытались доказать, что Иисус - Мессия, и, пока они рассуждали на эту тему, их, похоже, слушали с терпением. Но когда, отступив от этого, они стали настаивать на авторитете Церкви и требовать подчинения иудеев папе, все собрание разразилось бурными криками: "Нет Христа!", "Нет Богочеловека!", "Нет заступничества святых!". 'Никакого поклонения образам!' 'Никаких молитв Деве Марии!' Собрание распалось в беспорядке, так и не придя ни к какому выводу. Но утверждается, что многие евреи пошатнулись в своих убеждениях.

В другой части Европы - в той самой, где евреи до сих пор пользовались полной неприкосновенностью от страданий, - их постигли большие беды, вызванные восстанием казаков против власти поляков. Весной 1648 года в странах, лежащих к востоку от Днепра, произошли массовые убийства евреев, в которых погибли тысячи людей. Еще большее число было уведено в плен и продано в Турцию. Во время междоусобицы, последовавшего за смертью короля Ладислава, полчища варваров вторглись на Украину и учинили великий хаос, от которого пострадали все жители, но ни один, как нам говорят, не пострадал так сильно, как евреи.

В 1670 году евреи были изгнаны из австрийских владений императором Леопольдом, слабым и узколобым князем, которого легко было убедить принять меры, которые он так же быстро был вынужден изменить или отменить. Совсем незадолго до этого он разрешил рабби Захарию построить великолепную синагогу и школы для возрождения образования. Но едва синагога была закончена, как император превратил ее в христианскую церковь, а всех евреев изгнал из своих владений. Говорят, что причиной этого стало то, что императрица объяснила свое бесплодие недовольством Небес по поводу терпимости, проявленной к евреям. Но ее смерть в заточении вскоре после этого, несомненно, оказала обратное воздействие на разум императора; и мы не удивлены, узнав, что евреи были возвращены и восстановлены в своих владениях.^[182] Именно по этому случаю изгнанные из Вены евреи нашли убежище в Берлине, где выросла процветающая община.

В этом столетии появилось много образованных евреев и христианских ивритологов, чьи имена хорошо известны даже в наши дни. Среди них наиболее выдающимися были рабби Менассех, о котором мы еще будем говорить, и христианские писатели Покок, Суренхузий и Витринга. Но самыми известными христианскими гебраистами этого века были два Баксторфа. Старший, Иоганн, родившийся в Вестфалии в 1564 году и умерший в Базеле в 1629 году, является автором знаменитого словаря и грамматики древнееврейского языка, постоянно цитируемого учеными-евреями. Его сын, также по имени Иоганн, родившийся в 1599 году и умерший в 1664 году, закончил работу над конкордансом, начатую его отцом.

ССЫЛКИ:

^[180] Уже отмечалось, что Мартин Лютер, хотя иногда он говорит о евреях скорее с внимательным состраданием, чем с гневом, в другое время, особенно на более позднем этапе своей карьеры, использует по отношению к ним самые жестокие выражения, как, например, в своем трактате (опубликованном в 1543 году) "Евреи и их ложь", название которого, как можно заметить, вполне соответствует его содержанию. И снова, в своем изложении Псалма ххii, написанном за много лет до этого, он пишет: "Не сомневайтесь, возлюбленные во Христе, что после дьявола у вас нет более горького, ядовитого и жестокого врага, чем еврей". Он также предписывает применять против них самые суровые и жестокие меры. Великий основатель кальвинизма, хотя и не столь яростно обличает их, не может сказать, что относится к ним с большей благосклонностью. Он видит в них лишь яростных,

решительных врагов Христа, относиться к которым благосклонно было бы слабостью, если не грехом".

[181] Можно добавить, что само существование саддукеев как секты в этот период истории является анахронизмом.

[182] Странные изменения в отношении Леопольда к евреям объясняются по-другому. Говорят, что сначала он проявлял к ним благосклонность из-за своей привязанности к красивой еврейке. Но на нее было совершено покушение, и Леопольд, сначала полагая, что это дело рук евреев, изгнал их. Впоследствии, убедившись в своей ошибке, он разрешил им вернуться.

ГЛАВА XXXIV.

1600-1700 ГГ.

ЕВРЕИ В ГОЛЛАНДИИ - ДА КОСТА, СПИНОЗА.

Читатель уже узнал, что в конце прошлого века многие португальские изгнанники нашли убежище от преследований в Голландии. По правде говоря, из всех стран Европы в этот период их истории ни одна не проявила к ним такой доброты, как республика Низких стран. Если бы Реформация не оказала расе Израиля иной услуги, кроме открытия для них этого места убежища, они все равно были бы ей во многом обязаны. Никакая мечта воображения не может превзойти убогость евреев Испании и Португалии в начале семнадцатого века. Им приходилось выбирать между разорением, пытками и смертью, с одной стороны, - не только для себя, но и для своих жен и детей, - и отказом от своей заветной веры, что в их глазах означало отказ от всех надежд, здесь и в будущем. Единственным выходом из этих суровых альтернатив была пожизненная двуличность и самозванство, которые должны были унижить их в собственных глазах до самого праха. Из трех ужасных вариантов, предложенных им, мы видели, что многие из них выбрали этот последний; но наше презрение обезоруживает, и только жалость пробуждается, когда мы знакомимся с их печальной историей. Однако веротерпимость, царившая в Голландии, давала возможность избежать как унижения, так и опасности, в которой они жили. По мере продвижения века все большее число новых христиан бежало в Низкие страны, где они отрекались от своего ложного исповедания и открыто возвращались к своему древнему культу. Уже упоминалось, что в 1598 году в Амстердаме была построена первая еврейская синагога. Через десять или двенадцать лет после этого их число настолько возросло, что возникла необходимость во второй, а в 1618 году - в третьей.

Но не только изгнанники из Испании и Португалии стекались в Голландию как в гавань. Из многих районов Германии и сопредельных стран, когда вспыхивало пламя преследований, а оно всегда было готово вспыхнуть при малейшей провокации, евреи, наслышанные о справедливости и благосклонности голландцев к их соотечественникам, приезжали, чтобы самим принять участие в этом. Из Польши и Литвы снова эмигрировали тысячи евреев, изгнанных из своих домов в результате опустошительных действий казаков, которые под предводительством Хелмницкого восстали против своих польских хозяев. Значительная часть из них поселилась в Соединенных провинциях. Одна компания, состоявшая из трех тысяч человек, высадилась в Текселе, и было еще много других, почти таких же

многочисленных. После некоторых расспросов они были приняты в Амстердаме, и им было дано разрешение построить синагогу.

Таким образом, евреи Голландии разделились на два общества, которые можно назвать испанской и немецкой синагогами.^[183] Их религиозные догматы, несомненно, находились в полной гармонии. Но у них были разные обычаи и исторические традиции, и, как говорят, они испытывали взаимную ревность и вражду. Возможно, причиной разрыва послужило самозванство раввина Зейглера, одного из многочисленных авантюристов, объявивших Мессией или Его предтечей. Зейглер утверждал, что видел обещанного избавителя в Страсбурге, и уверял своих соотечественников, что, как только они заявят о своей готовности принять его, он явится, разрушит царство Христа (так он называл господство язычников) и распространит свое собственное от одного конца света до другого. Мессия также должен был провести собор в Констанце, который продлится двенадцать лет, и на нем будут решены все религиозные трудности. Поскольку Мессия так и не появился, последователи Цейглера не были обмануты, но вред, который принесло его самозванство, сохранялся еще долго.

Эта эпоха знаменательна демонстрацией нетерпимого фанатизма - не христиан против евреев, как раньше, а евреев против некоторых из своих собратьев. Можно было бы предположить, что они настолько убедительно доказали глупость, если не сказать жестче, попыток заставить людей путем позора и страданий принять или отказаться от религиозных убеждений, что сами воздержались бы от такого курса. Однако их отношения с двумя знаменитостями этого века, Уриэлем да Костой и Барухом Спинозой, демонстрируют такую жестокость и несправедливость, которую вряд ли смогли бы превзойти их собственные гонители.

Оба эти человека были португальцами по происхождению и принадлежали к семьям, которые назывались "Новые христиане". Оба отличались большой умственной активностью и необычайно умозрительным складом ума. Этой природной склонности, несомненно, способствовал их собственный ранний опыт - истинность или ложность каждого догмата их веры была, как бы, навязана им в качестве предмета логического исследования. Не нужно было знать человеческую природу, чтобы понять, что на мнение таких людей можно повлиять только спокойным рассуждением и размышлением. И все же по отношению к ним применялся курс, который мог быть успешным только в случае слабых или робких людей.

Уриэль да Коста принадлежал к семье маранов, или новых христиан, в Испании, где он не только исповедовал христианство, но и был рукоположен в священники. Как и многие другие его соотечественники, он бежал из Испании и в Амстердаме отказался от своей притворной веры. Но ранний опыт научил его недоверию, и он не был склонен безоговорочно соглашаться с раввинским толкованием Писания. После продолжительных споров он написал работу, которую назвал "Исследование фарисейского предания". Книга, судя по всему, не была опубликована или даже напечатана, но распространялась в рукописях среди членов еврейской общины. Выдающийся раввин Самуэль да Силва принял участие в споре и опубликовал ответ на работу да Косты, который он назвал "Трактат о бессмертии души". На это Уриэль ответил рецензией на свое собственное сочинение, дополненное опровержением аргументов да Силвы. Это вызвало сильную обиду, и были приняты суровые меры. Его бросили в тюрьму, обвинив в отрицании бессмертия души. Его с трудом освободили, но при условии уплаты крупного штрафа и уничтожения неприятных трудов. Такая суровость не заставила его замолчать, а скорее спровоцировала на более решительный антагонизм. Вскоре он был публично отлучен от церкви и стал, как по

взглядам, так и по практике, убежденным деистом. Но после пятнадцати лет страданий, измученный спорами, в которых его оставили все друзья, он дважды искал примирения со своей синагогой. Настало время, когда его можно было отучить от заблуждений. Нежность и милосердие, вероятно, оказали бы свое воздействие на натуру, в которой много благородного и великодушного смешалось с гордостью и яростью. Но, к несчастью, все пошло по другому пути. Во второй раз он получил разрешение на причастие только после того, как согласился подвергнуться публичному бичеванию в синагоге,^[184] позор и деградация которой так подействовали на него, что через несколько дней после этого он покончил с собой.

История да Косты, несомненно, имеет свой моральный урок и свой меланхолический интерес. Но ни в одном из этих аспектов она не может сравниться с историей Спинозы. В подобную работу невозможно вставить ни удлиненную биографию этого человека, ни анализ его философии. Тем не менее, учитывая огромное влияние, которое его своеобразные взгляды оказали на современную мысль,^[185] его нельзя оставить без внимания.

Он родился в Амстердаме в 1632 году. Его отец за несколько лет до этого эмигрировал из Лиссабона, гонимый туда религиозными преследованиями. Молодого Спинозу обучал древнееврейской литературе Мостейра, главный раввин его синагоги, а латыни - врач Ван Энде, к которому он питал горячую привязанность. Вскоре он стал недоволен своими учителями, и, поскольку его бунт против раввинского авторитета привлек внимание, последовали уговоры и угрозы. Но они не возымели действия, и он был публично отлучен от церкви^[186], а на его жизнь было совершено покушение. После этого он удалился в Рейнсбург, где зарабатывал на жизнь шлифовкой оптических стекол. После этого он переехал в Ворбург, а затем снова в Гаагу. Во всех этих местах он вел тихую, ученую, очень чистую и красивую жизнь, поддерживая переписку с некоторыми из величайших философов того времени и не раз отказываясь от предложений о продвижении по службе. Ни один человек не был более высокодушен и бескорыстен. Его любимый ученик де Врис, который знал, что его время сочтено, предложил сделать Спинозу своим наследником. Но у де Вриса был жив брат, и Спиноза настоял на том, чтобы деньги остались ему. После смерти отца его сестры потребовали все имущество, ссылаясь на то, что Спиноза был отлучен от церкви. Спиноза отстоял свое право в суде, но добровольно отказался от спорного имущества. Он умер, так же спокойно, как и жил, от чахотки, в 1677 году, на сорок пятом году жизни.

Ни один человек не подвергался более яростным нападкам и не защищался с большим энтузиазмом. Его обличали как атеиста, пантеиста, богохульника и фаталиста. Его поддерживали как человека в высшей степени святого, благочестивого любителя Бога и Христа.^[187] Как ни странно, все эти утверждения можно назвать правдивыми, хотя, конечно, в разных смыслах используемых терминов. Что касается его атеизма, то его, похоже, с самого начала оттолкнул антропоморфизм Писания. Дело было не только в том, что Бог был представлен там как обладающий глазом, рукой и т. д., но и в том, что он совершал человеческие действия и испытывал человеческие чувства. Это было, по его мнению, абсолютной ложью,^[188] и в результате он полностью отверг Бога откровения, а вместе с Ним, конечно, и всю схему спасения, изложенную в Библии. Таким образом, его можно назвать атеистом. Но, с другой стороны, он построил систему, в которой утверждал, что существует только одна субстанция, хотя и с бесконечным количеством атрибутов, и что эта субстанция - Бог, который либо абсолютно, либо в какой-то измененной форме является всем. Человек, придерживающийся такой точки зрения, не может быть, можно сказать, атеистом.^[189] Он также не является пантеистом, поскольку проводит различие между Богом и вселенной;^[190] однако христианские пантеисты, как их можно назвать, считают его своим,

если не своим основателем. Что касается других обвинений, то он, несомненно, утверждает, что, поскольку ничто не может быть сделано, прямо или косвенно, иначе как Богом, все человеческие деяния, какими бы злыми они ни были, можно сказать, совершены Им. Это, согласно нашим представлениям, является одновременно богохульством и фатализмом. Однако Спиноза приписывает Богу только сам *поступок*, а не его моральную порочность. Когда его попросили сказать, было ли зверское убийство Агриппины Нероном заслугой Бога, он ответил, что оно должно быть заслугой, если речь идет о поступке. Но ни одно действие не является добрым или злым само по себе, и преступление совершил злой ум Нерона, а не Бог.^[191] Так и с его фатализмом. Когда он отрицает, что человек может поступать иначе, чем хочет Бог, он, похоже, излагает самый простой фатализм;^[192] и я не вижу, как из его предпосылок можно логически вывести какой-либо другой вывод. Но Спиноза также учит красоте, счастью, необходимости святости, нравственной культуры и самодисциплины - вещам, не просто несовместимым, но непримиримым с фатализмом. Он использует язык, который мог бы одобрить апостол. "Справедливость и милосердие, - пишет он, - являются единственным непогрешимым признаком католической веры, подлинными плодами Святого Духа. Где они есть, там есть Христос. Там, где их нет, Христа нет. Ибо Духом Христовым мы побуждаемся к справедливости и милосердию". Мы *ведомы* - так учит Писание - ведомы, если мы хотим следовать за ним; а не слепо ведомы, как полагает фаталист.

В целом, мудрый человек вряд ли скажет о Спинозе иначе, чем с уважением и нежностью. Несомненно, несмотря на глубину и остроту его интеллекта, в чем он, пожалуй, никогда не был превзойден ни одним представителем рода человеческого, его система полна противоречий и не имеет практической ценности. Да и как может быть иначе, если он попытался сделать то, что само Откровение осуществило с трудом? Но он был честен, терпелив, скромн, благосклонен, как немногие люди; и его желание достичь истины было искренним и бескорыстным. Как и в случае с благочестивыми язычниками, такими как Аврелий, мы не можем быть уверены, что христианство когда-либо представало перед ним в своем истинном свете. Легкомысленность Талмуда, традиции инквизиции, церковь Родерика Борджиа и его преемников - ничто из этого не могло привести его к Христу, открытому в Его благословенном Слове. Пусть нашим приговором ему будет то, что каждый хороший человек говорит о тех, кого он уважает, но с кем вынужден расходиться: "Cum talis sis, utinam noster esses"^[193].

Помимо уже упомянутых выдающихся писателей этого века, да Коста, Спиноза, Оробио да Кастро, Томас - или, как его называют соотечественники, Исаак де Пинедо, один из самых выдающихся греческих ученых того времени, - заслуживает упоминания не только за свою классическую образованность, но и за необычайно мягкий и милосердный тон, который он неизменно использует, говоря о религии Христа. К этому времени относятся также лексикограф Давид Лара, натуралист Бенджамин Мусафия, поэты Исаак Узиэль, Эмануэль Гомес и Энрике Энрикес.

В начале века значительное число евреев отплыло в Бразилию из различных портов Голландии под руководством двух раввинов, чтобы основать еврейскую колонию. Она процветала и достигла значительного процветания, пока в 1654 году Бразилия не перешла во владение португальцев. При этих новых хозяевах евреям не разрешалось свободно исповедовать свою религию. Поэтому они покинули страну: одни вернулись в Голландию, другие поселились в Кайенне или Суринаме.

ПЯТНАДЦАТЬ:

[183] Сефарды и ашкеназы, как, впрочем, и в других странах.

[184] Добавим, что после этого его заставили лечь на землю, в то время как вся община ходила над ним.

[185] Все великие современные мыслители с благоговением отзываются о Спинозе, за единственным исключением, пожалуй, Лейбница. Лессинг был одним из первых, кто признал его глубокие способности. С.Т. Кольридж и Гете выражают ему величайшее восхищение, причем последний утверждает, что он был одним из трех его великих учителей. Позже Гердер, Шлейермахер, Гегель и другие высказывались в том же духе. Но хотя его взгляды оказали широкое и очень важное влияние на умы других людей, он не создал школы приверженцев своей особой философии. Можно усомниться в том, что он когда-либо обратил в свою веру хоть одного человека.

[186] Приговор об отлучении против него гласил: "Проклят он днем и проклят он ночью; проклят, когда выходит, и проклят, когда входит. И мы предупреждаем вас, чтобы никто не говорил с ним ни словом, ни письмом, не оказывал ему никаких услуг, не находился с ним под одной крышей, не приближался к нему ближе, чем на четыре локтя, и не читал ничего написанного или сочиненного им". И этот приговор был произнесен людьми, которые сами испытали на себе всю жестокость религиозных преследований!

[187] Некоторые утверждают, что он действительно был христианином. Но хотя некоторые места в его сочинениях, казалось бы, могут говорить в пользу этой идеи, его безоговорочное неприятие доктрины Воплощения делает ее невозможной.

[188] Здесь следует заметить, что Писание учит антропоморфизму не как истине, а как единственному способу, с помощью которого человек в ограниченном и омраченном состоянии своего интеллекта в нынешнем состоянии бытия вообще может постичь Бога. В Писании содержится наиболее четкое отрицание антропоморфизма, рассматриваемого иначе, чем в качестве метафоры. Так, Исх. xxxiii. 20: "Ты не можешь видеть лица Моего, ибо никто не увидит Меня и не оживет", *то есть* "он должен быть полностью *вне тела*, чтобы постичь Меня" - постичь Меня, то есть глазами духа, а не тела. См. использование двух слов, выражающих телесное и духовное зрение (Ин. i. 18; Ин. xvi. 16; Откр. iv. 2 и т. д.). Опять же, "Бог не человек, чтобы солгать" или "чтобы раскаяться" (Числ. xxiii. 19). В антропоморфных образах Писания "Бог виден только через *темное стекло*", как говорит святой Павел.

[189] Более чем в одном из его трудов мы находим явное отрицание его атеизма. Его критики, - говорит он, - не знают его, иначе они не смогли бы так легко убедить себя в том, что он учил атеизму". См. также его трактат "De Deo et Homine".

[190] "Те, - говорит он также в том же Послании, - кто отождествляет материю с Богом, *totâ errant viâ*".

[191] Здесь снова уместно заметить, что эта теория совершенно несостоятельна. Действия человеческой воли - это такие же действия, как и действия человеческой руки. Нерон, если бы точка зрения Спинозы была верна, не мог бы быть более свободным в умственном отношении, чтобы задумать зло, вопреки воле Бога, чем он был свободен в ручном отношении, чтобы совершить его.

[192] Действительно, в его работах есть отрывки, где он отрицает или, кажется, отрицает свободу воли самого Бога.

[193] "В Спинозе, - говорит один выдающийся историк евреев, - можно было бы найти семена Паскаля, если бы он только принял христианство, о котором, правда, он всегда говорил с уважением". Но у него не было веры в него, и он стал еще одной иллюстрацией к изречению святого Павла: "Без веры угодить Богу невозможно".

ГЛАВА XXXV.

1600-1700 ГГ. Н.Э.

ЕВРЕИ В ИСПАНИИ, АНГЛИИ И ИТАЛИИ.

Не хватит нескольких слов, чтобы рассказать о том, что случилось с испанскими и португальскими евреями в течение этого столетия. Кроме уже упомянутого факта их неоднократного переселения из обеих стран в гостеприимную Голландию, рассказывать почти нечего. Те, кто остался, не имея возможности или желания покинуть страну своего рождения, продолжали заниматься старым обманом и, будучи обнаруженными или заподозренными, подвергались тем же безжалостным суровым наказаниям, что и их отцы. Нет нужды повторять ужасные и однообразные рассказы об их страданиях. Трепет и ужас, с которыми относились к инквизиции, постоянно усиливались, пока, как известно, не только простой народ, не только вельможи и дворяне, но и сами государи не стали чуть лучше ее орудий. В начале века Филипп III, как рассказывают, присутствовал при сожжении еврейской девочки и не смог подавить в себе естественный ужас перед этим зрелищем. Это заметил Великий инквизитор, который, не удовлетворившись упреками в слабости монарха, приказал взять из его вен немного крови труса и сжечь его у публичного палача! Позднее, в 1680 году, М. Вилларс, посол Людовика XIV при испанском дворе, описывает "Авто да Фе", свидетелем которого он стал в Мадриде, где были публично сожжены двадцать евреев с сопутствующими обстоятельствами отвратительного варварства. Он рассказывает, что король, Карл II, присутствовал при этом, но занимал более низкое место, чем то, которое было отведено Великому инквизитору.

Если нам интересно узнать, каким страданиям подвергались экзамены, проводившиеся в подземельях инквизиции, мы можем почерпнуть их из рассказа Оробио, выдающегося португальского философа и врача. Его заподозрили в иудаизме и бросили в тюрьму. После предварительных расспросов, когда он отказался признаться, его, по его словам, отвели в подземное хранилище, тускло освещенное, где сидели два чиновника - судья и секретарь Священной канцелярии. Его раздели, привязали крепкие шнуры к рукам и ногам, а другие концы пропустили через железные кольца в стенах. Затем их затянули, так что он остался подвешенным на шнурах, которые палач затягивал все туже и туже, пока хирург не подтвердил, что дальнейшее давление уничтожит жизнь. Шнуры врезались в плоть и заставляли кровь вырываться из-под ногтей. Затем ему сказали, что это только начало его мучений, которые будут усиливаться до тех пор, пока он не признается. Эта сцена часто повторялась в течение трех лет, по истечении которых, видя, что его решимость непобедима, ему залечили раны и разрешили уйти. Он бежал в Тулузу, а затем в Амстердам, где сбросил маску и объявил себя евреем.

Еще одним знаменитым португальским евреем был Манассия Бен Израэль, который сыграл главную роль в восстановлении евреев в Англии, откуда они были изгнаны более трехсот пятидесяти лет. Его отец бежал из темниц инквизиции в Лиссабоне и поселился со своей семьей в Амстердаме. Он был выдающимся поэтом, философом, врачом и богословом. Его

высокая репутация, несомненно, послужила причиной того, что амстердамские евреи выбрали его для поездки в Англию и попытки добиться от Оливера Кромвеля, который в то время (1656 г. н. э.) вершил судьбы Англии, разрешения на возвращение евреев в страну. Манассия представил искусно составленное обращение, в котором доказывал, что, с точки зрения духовных и мирских интересов Англии, предоставление разрешения на возвращение евреев будет выгодно для них. Он утверждал, что восстановление Израиля уже близко, и что те, кто проявляет доброту к народу Божьему, будут непременно вознаграждены за это в тот день. Кроме того, с точки зрения светской жизни, те народы, которые давали приют евреям, всегда добивались наибольшего процветания в своих делах. Он также опроверг клевету, так часто возводимую на его народ, о распятии детей и использовании христианской крови для ритуальных целей[194].

Кромвель принял его благосклонно, но, вероятно, понимая, с какими трудностями сопряжен этот вопрос, передал его на рассмотрение собрания из двадцати трех человек, которых он назначил для рассмотрения вопроса. Из них семь человек были купцами, двое - юристами, а остальные четырнадцать - богословами. Сам он председательствовал на собрании и открыл дебаты речью, которую те, кто ее слышал, называли одной из самых ярких и красноречивых, которые он когда-либо произносил. Он сказал, что в первую очередь они должны рассмотреть вопрос о том, будет ли принятие евреев законным, а во вторую - целесообразным. Присутствующие юристы сразу же решили, что никакой незаконности не будет, и он перешел к другому вопросу. Но и здесь мнения разделились. Граждане расходились во мнениях относительно предполагаемых коммерческих выгод, а богословы так долго и горячо спорили о религиозной стороне вопроса, что Кромвель устал и отложил рассмотрение этого вопроса, насколько это касалось совета, *на неопределенный срок*. Тем временем он потворствовал их переселению, предоставив им своего рода особую защиту. Почти в то же время им был предоставлен участок земли под усыпальницу в номинальную аренду на 999 лет. То ли эти действия протектора вызвали недовольство, то ли это был эффект простой сплетни, но по этому поводу распространялись самые дикие и нелепые слухи. Говорили, что евреи отправили в Англию депутацию, чтобы выяснить, не является ли Кромвель сам Мессией, и что они отправились в Хантингдон, чтобы выяснить его родословную; также они сделали предложение в 500 000 фунтов стерлингов о покупке собора Святого Павла для своей синагоги, а Генри Мартин и Хью Питерс были лицами, которые должны были вести эти переговоры. В связи с этими странными слухами можно упомянуть, что Харрингтон в своем труде "Океана" (1656 г.) серьезно предлагает избавить правительство от трудностей, которые вызвало у него управление Ирландией, продав этот остров евреям.

Не похоже, что в оставшееся время правления Кромвеля были приняты какие-либо государственные меры в отношении евреев. Мы видели, что, хотя их проживание в Англии было нарушением закона, который все еще действовал, вряд ли на этом стали бы настаивать очень жестко, если только люди не были нестерпимыми по другим причинам; а дружеские чувства Кромвеля к ним, конечно, сделали бы их положение более безопасным. Вероятно, они возвращались поодиночке или небольшими группами, и в течение нескольких последующих лет им было позволено обосноваться без притеснений. Затем, на шестой год после Реставрации, когда возникло некоторое волнение по поводу их присутствия в Англии, Карл II дал им официальное разрешение на проживание в Великобритании, а также свободу торговли и вероисповедания. Не исключено, что эта уступка была сделана в угоду Антонио Мендесу, лекарю короля Испании, и его брату Андреа, камергеру инфанты Екатерины Португальской, королевы Карла. Несомненно, что братья примерно в это время приехали в Англию, где и поселились, вернув себе настоящую фамилию Де Коста. Через несколько лет

после этого, во время правления Якова II, евреи добились отмены пошлин, которыми облагался их трафик. Однако в последующее царствование она снова была взыскана.

При восшествии на престол Вильгельма III, когда понадобились деньги на ведение войны в Ирландии, было предложено потребовать от евреев субсидию в размере ста тысяч фунтов стерлингов, взяв лист из книги старых нормандских королей. Но времена изменились. Евреи заявили, несомненно, с расчетом на подобные поборы, что они скорее покинут страну, чем подчинятся; и теперь их нельзя было запереть в тюрьме, посадить на дыбу и ежедневно вырывать зубы, пока они не заплатят. Государственные деятели того времени поняли, что речь идет о простом грабеже, и отказались от этого предложения.

Дни варварского и жестокого насилия действительно прошли, и, к счастью, навсегда. Возможно, это удачное обстоятельство, - как бы ни были тяжелы повреждения, нанесенные обеим сторонам, - что евреи отсутствовали в Англии так долго. Традиция преследований, как следствие, давно прервалась. В Испании, Португалии, Германии, даже в Голландии и Италии еще живые люди сами были свидетелями - или слышали от своих отцов - тюремного заключения, изгнания и резни евреев по случаю религиозных волнений. Но огонь преследований в Англии остывал веками, и никто не был склонен разжигать его сейчас, даже если бы это было возможно[195].

В Италии на протяжении всего семнадцатого века положение евреев, по-видимому, было довольно благополучным. О них сохранилось мало сведений, и это лучшее свидетельство того, что они были избавлены от несправедливости и преследований. Из десяти пап, занимавших папскую кафедру в течение этого столетия, единственным, кто, кажется, сильно вмешивался в их дела, был Иннокентий XI, и его отношения с ними, как мы увидим в дальнейшем, были снисходительными и дружественными. Говорят, что в начале века в итальянских городах было более сотни еврейских синагог. В городах, расположенных на морском побережье, торговля в значительной степени находилась в руках евреев, и их богатство постоянно росло. Евреи также продолжали работать в дипломатических миссиях итальянских правительств - Венецианской республики, герцогов Феррары и даже императора. То же самое происходило и во всей Европе. Короли Дании, Швеции и Пруссии, а также Испании и Португалии, несмотря на их непримиримые гонения на еврейский народ, имели привычку нанимать евреев в качестве своих эмиссаров. Сэр Уильям Темпл, который был английским послом в Гааге в 1668 году, выражает свое удивление по поводу этого факта. Барон де Бельмон был испанским министром в Голландии в течение всей второй половины семнадцатого века, а Нуньес да Коста занимал аналогичный пост при короне Португалии, хотя оба они, как известно, были евреями.

Считается, что по литературному мастерству итальянские евреи этого века уступают как предшествующим, так и последующим поколениям. Это объясняется жесткой цензурой прессы, которая всегда неблагоприятна для литературы. В качестве примера можно привести знаменитого Лео из Модены, главу синагоги Венеции и автора множества работ на итальянском и иврите, посвященных древностям и теологии. Нам рассказывают, что он уже собирался сделать перевод еврейских Писаний на итальянский язык, который, несомненно, стал бы ценным трудом, но инквизиция приказала ему отказаться.

Но если с их трудами обращались сурово, то этого нельзя сказать об их личности. Так, упоминается, что в Риме, во время понтификата Иннокентия XI, они пользовались такой популярностью у народа, что их синагоги посещались последними, и в таком количестве, что папа был вынужден угрожать своим подданным отлучением от церкви и штрафом в двадцать крон каждый раз, когда они прибегали к месту иудейского поклонения.

Тот же понтифик очень старался обратить их в свою веру. Он построил семинарии, где евреи могли получать наставления в христианской вере, и дома, где могли содержаться новообращенные. Он организовал проповеди, в которых на основании еврейских писаний доказывал, что Иисус Христос - это Мессия, которого они ожидали. Чтобы еще больше поощрить прозелитов к христианской вере, какой-нибудь высокопоставленный человек, дворянин или кардинал, становился для них крестным отцом по случаю их крещения. Им также делался денежный подарок: их одевали в белый атлас и в течение двух недель после этого возили по Риму в прекрасных каретах, повсюду принимая поздравления зрителей. В то же время им недвусмысленно намекнули, что если они перейдут в иудаизм, то их тут же сожгут заживо[196].

Конечно, странно, что при таких обстоятельствах обращение не состоялось. Иннокентий проявлял не только спорное рвение, которое демонстрировали многие до и после него, но и настоящую благотворительность и добрую волю, которые, надо полагать, оказывали очень сильное влияние на евреев того времени. Когда в 1685 году венецианцы после успешной войны в Морее вернули большое количество христианских и еврейских пленников, они дали первым свободу, а вторых оставили в рабстве. Иннокентий, однако, вмешался и настоял на том, чтобы они освободили и евреев. Но мы узнаем, что, несмотря на все его щедрые усилия в их пользу, ему не удалось добиться значительного числа настоящих новообращенных. Кардинал Барберини, потративший большие суммы и приложивший огромные усилия для выполнения этой работы, был вынужден признать, что обращения были по большей части неискренними. В самом деле, не такими средствами, как эти, можно добиться обращения в веру.

Что касается выдающихся литераторов этого периода, то, как уже отмечалось, их было меньше, чем в предыдущем и последующих поколениях; и в большинстве европейских народов те, что были, не выгодно отличаются ни от своих предшественников, ни от преемников. Однако были и гениальные и образованные писатели; среди них Соломон Норци из Мантуи, автор знаменитого масоретского труда, который, хотя и был опубликован лишь через столетие после его смерти, приобрел большую известность. Два Абоаба, оба жившие в Венеции, прославились своими сочинениями: первый, Эммануил по имени, был автором прекрасного труда о традиции; второй главным образом примечателен тем, что разоблачил нечестивые самозванства мнимого пророка Саббатая Севи. Иуда да Модена создал много замечательных работ, в частности, лексикон древнееврейского языка и систему искусственной памяти. Следует также упомянуть Соломона Медиги, врача князя Радзивилла в Вильне, и Моисея Луццато из Венеции.

ССЫЛКИ:

[194] Manass. Vindiciæ Judaicæ. См. Приложение V.

[195] Манассия не дожил до успеха своих усилий, направленных на защиту своих соотечественников. Он умер на обратном пути в Голландию, в 1657 году.

[196] В течение всего этого и последующего столетия, а также в течение половины нынешнего, как бы ни ослабевали суровые меры, принятые в предыдущие эпохи преследований, положение евреев было крайне жалким. Они были строго ограничены своим гетто, ворота которого регулярно закрывались каждый вечер в восемь часов, и те евреи, которые не возвращались к этому времени, были вынуждены оставаться на улице всю ночь. Перед небольшой церковью, стоявшей у входа в гетто, было установлено большое деревянное распятие, сильно раскрашенное и позолоченное, с надписью: "Весь день Я простираю руки Мои к непокорному и презренному народу". В эту церковь по приказу папы

римского в свое время с бичами загоняли евреев, чтобы они слушали проповеди против своего упрямства и непокорности.

ГЛАВА XXXVI.

1600-1700 ГГ. Н.Э.

ЕВРЕИ НА ВОСТОКЕ - САББАТАЙ СЕВИ.

Состояние евреев на Востоке в течение этого столетия не требует особых комментариев; более того, о нем почти ничего не известно. Обращение с ними со стороны мусульманов, как князей, так и народа, сильно отличалось от того, которое они испытывали со стороны христианского населения Европы. Первые не относились к евреям с особой благосклонностью или уважением, - более того, презрение, которое они к ним проявляли, было даже больше, чем у их христианских современников, - но не было и *активной* вражды. Они с презрительным равнодушием взирали на то, как израильтяне занимаются своим ремеслом, понимая, что богатства, которые они накапливали, в значительной степени черпались из их собственной казны. Они презрительно сплевывали, проходя мимо еврейской синагоги, но и пальцем не пошевелият, чтобы ее разрушить или помешать множеству верующих собраться в ней. По всей Турции, Аравии и Персии в каждом городе можно было найти несколько евреев, где им разрешалось жить и процветать, если только они не нарушали какой-нибудь закон или не оскорбляли какого-нибудь правоверного исламита. Но если они делали что-то из этого, их ждали скудные церемонии и суровое наказание.

В предыдущей главе читатель уже слышал о резне, устроенной шахом Аббасом II, которая произошла около 1666 года. Говорят, что она продолжалась три года и почти истребила евреев в его владениях. Однако эта история очень туманна: даты, указанные разными авторами, значительно отличаются друг от друга. Но в этом, 1666 году, не только евреи Востока, но и всего мира были сильно взволнованы появлением самого упорного и успешного самозванца, появившегося среди них со времен Бархочебаса. Саббатай Севи, уроженец Смирны, сын пастуха из этого города, родился в 1625 году. Его отдали в школу, где он делал такие быстрые успехи, что его назначили раввином, когда ему было всего восемнадцать лет. Он рано привлек к себе внимание и имел много последователей, которые верили в то, что он уже тогда претендовал на роль ожидаемого Мессии. В возрасте двадцати лет он женился на женщине большой красоты и высокого положения, но брак был лишь номинальным, так как он жил совершенно отдельно от нее. Он был вынужден дать развод, а вскоре после этого заключил второй подобный брак с тем же результатом. Он придерживался строгой аскезы, постился шесть дней в неделю и постоянно купался в море в полночь. В двадцать четыре года его репутация настолько возросла, что он осмелился публично заявить о своих притязаниях на то, чтобы считаться Мессией, и в доказательство этого осмелился публично произнести имя Иеговы, что категорически запрещено евреям. Раввины пришли в ужас от его нечестия и объявили его достойным смерти. Он был вынужден бежать из Смирны и укрывался в одном городе за другим, пока в Газе не приобрел важного прозелита, знаменитого Натана Вениамина. Этот человек, занимавший высокое положение и пользовавшийся влиянием, утверждал, что видел в видении Самого Господа, Который сообщил ему, что обещанный Избавитель пришел в лице Саббатая Севи, а он, Натан Вениамин, был тем Элиасом, который должен был возвестить о Его приходе. Читатель помнит, что это точное повторение самозванства Вархохебаса и рабби Акивы за пятнадцать

столетий до этого. Опираясь на помощь этого союзника, Саббатай проповедовал в Иерусалиме и прожил в этом городе тринадцать лет, продолжая набирать прозелитов и смиряя всех противников.

Самозванству способствовал тот примечательный факт, что, согласно толкованию некоторыми видными кабалистами отрывка из книги пророка Даниила, Мессия явится примерно в 1675 году. Одним из первых шагов Натана Беньямина, когда он почувствовал в себе достаточно сил, чтобы предпринять его, было собрать евреев, проживающих в Иерусалиме, и сообщить им, что в силу власти, данной ему свыше, он отменяет пост, который должен был соблюдаться в июне, поскольку время пришествия Мессии было праздничным и несовместимым с каким-либо трауром. Затем он вывел к ним Саббатая, который, по его словам, в ноябре следующего года придет с силой и разрушит Османскую империю. Он встретил решительное сопротивление со стороны более мудрых соотечественников, которые поняли, что его притязания не только беспочвенны, но и могут навлечь на евреев тяжелейшие бедствия по всей территории султанских владений. Они даже пошли на то, чтобы судить его как мятежника и самозванца и приговорить к смерти. Однако его приверженцы были слишком многочисленны и влиятельны, чтобы позволить привести этот приговор в исполнение, и он продолжал беспрепятственно проживать в городе.

По прошествии тринадцати лет со дня объявления о своих притязаниях он предпринял экспедицию в Египет, где женился в третий раз на дочери польского еврея, который утверждал, что получил откровение о том, что она - сужденная невеста Мессии. Но этот брак, как и два предыдущих, был лишь браком по расчету; Саббатай вернулся в Иерусалим, где прожил еще три года, а затем в одной из синагог публично провозгласил себя Мессией. Это вновь вызвало негодование раввинов, которые вынесли ему приговор об отлучении от церкви. Этот приговор показался ему слишком сильным, чтобы бороться с ним, и он бежал в свой родной город, Смирну.

Весть о его осуждении опередила его, но, тем не менее, в родном городе его встречали почти с царским почетом. Каждый вечер он шествовал по улицам в сопровождении толпы последователей, которые несли знамена и пели гимны в его честь. Все сопротивление, оказанное ему, оказалось тщетным. Один иудей высокого ранга по имени Анакия напал на него на рынке, заклеивив как самозванца. Но его судьба не побудила других следовать тем же путем. Он вернулся в свой дом и едва успел войти в него, как внезапно упал с кресла и превратился в труп. Читателю не нужно рассказывать, что друзья Саббатая объявили это Божьим судом над богохульником!

Теперь его притязания возросли.^[197] Он принял на себя полномочия монарха. Он разделил царства земли между своими приверженцами. Двух своих братьев он назвал государями Иуды и Израиля, а сам принял титул "Царь царей земных". Он приказал убрать имя султана из молитвы, возносимой за государя в еврейской литургии, и вставить вместо него свое собственное. Из иностранных общин прибывали посольства с богатыми подарками и заверениями в преданной верности. Иногда они по две-три недели ожидали аудиенции. Его изображение было выставлено на всеобщее обозрение, увенчанное золотой короной; толпы пророков обоих полов толпились на улицах, возвещая во имя Небес о его приближающемся триумфе. Некоторые из них, как говорят, в одно мгновение обрели чудесное знание древнееврейского языка!

Безумие царило не только в Смирне или ее окрестностях. В тех европейских городах, где проживало наибольшее число евреев, - Гамбурге, Франкфурте и Амстердаме - все другие интересные темы были отложены, а дела прерваны, чтобы обсудить поступки новоявленного

Пророка Израиля. Не меньший ажиотаж был и на Востоке, где, как рассказывают, земледельцы отказались выполнять свою обычную работу на полях, потому что пришел Избавитель Израиля. Если бы Саббатай действительно был человеком способным и мужественным, невозможно сказать, чего бы он не добился. Однако вполне вероятно, что необычайный успех, которого он достиг, теперь скорее смущал, чем радовал его. Он чувствовал, что не может ни отступать, ни стоять на месте. Его сторонники настаивали на том, чтобы он отправился в Константинополь и заявил о своих притязаниях перед лицом самого султана. Он отправился в путешествие, сопровождаемый огромным количеством своих сторонников, и был принят константинопольскими евреями с величайшим энтузиазмом. Султан в момент его прибытия отсутствовал, но Саббатай потребовал аудиенции у великого визиря. Тот немедленно послал к своему господину за инструкциями и откладывал ответ до тех пор, пока не получил их. Султан ответил, что Саббатай должен быть арестован и находиться под надежной охраной до его возвращения. Сначала один, а затем и второй офицер янычар были посланы, но в присутствии Саббатая их охватил такой трепет, что они не осмелились исполнить свой долг. И снова, если бы Саббатай имел смелость, соответствующую случаю, он мог бы стать хозяином Константинополя. Но он сдался по собственной воле, и его держали в почетном плену в замке Сестос, где, однако, его последователям было разрешено свободно посещать его. Он издал манифест, предписывающий отменить пост, который всегда строго соблюдался в годовщину разрушения Иерусалима, и отмечать этот день как праздник, поскольку это был день рождения Мессии. В это время прибыл ученый кабалист, рабби Нехемия, глава одной из синагог в Польше, который поселился в замке в качестве гостя Саббатая. Несколько дней общения убедили его в том, что Саббатай - просто самозванец, и как таковой он обличил его перед своими последователями. Приверженцы пророка, разъяренные яростью, убили бы его на месте, но Нехемия стащил тюрбан с головы одного из турок и объявил себя мусульманом. Янычары тут же встали на его защиту, и он был доставлен в Адрианополь, где имел беседу с султаном. Теперь тот вернулся в столицу и вызвал Саббатая к себе. В час испытания самозванец полностью утратил ту твердость, которую проявлял до этого, и, когда султан спросил его, является ли он Мессией, не смог набраться смелости для ответа. Султан предложил проверить его притязания, выпустив в него три отравленные стрелы. Если они не ранят и не покалечат его, то его титул должен быть немедленно признан; если результат будет иным, то приговором должна стать смерть или исповедание магометанства. Саббатай не колебался. Следуя примеру Неемии, он надел на голову тюрбан и воскликнул: "Есть только один Бог, и Магомет - Его пророк!".

Удивительно, что это отступничество, очевидно, результат трусости и самозванства, не вызвало презрения как у турок, так и у евреев. Но султан осыпал его почестями, а евреи не отказались от веры в его чудесные притязания. С невозмутимой дерзостью он выступил с заявлением, что Бог превратил его из израильтянина в измаильянина. Он приводил в пример Моисея, который некоторое время жил среди эфиопов, и пятьдесят третью главу книги пророка Исаии, где говорится, что Мессия был причислен к преступникам. В течение долгого времени он продолжал сохранять свой двойной характер - освободителя евреев и преданного верующего в Магомета. Некоторые даже заявляли, по примеру гностиков ранней Церкви, что истинный Саббатай был вознесен на небо, и только его подобие или фантом подвергся деградации и отступничеству. Его пример побудил огромное количество евреев стать магометанами, и в конце концов ущерб, нанесенный еврейской общине, стал настолько велик, что они оказали все возможное влияние на великого визиря, который приказал арестовать Саббатая и сослать его в Боснию. Там, в 1676 году, через десять лет после своего отступничества от магометанства и на пятьдесят первом году жизни, он скончался в замке под Белградом. По мнению одних, он умер естественной смертью, по

мнению других - был обезглавлен в тюрьме. Последнее предположение более вероятно. Хотя он пытался убедить иудеев, что, несмотря на исповедание другой веры, в душе он был иудеем, они ему совершенно не доверяли; и вполне вероятно, что заверения, которым они не поверили, все же вызвали подозрения и беспокойство среди истинных последователей Магомета. Таким образом, обе стороны были заинтересованы в том, чтобы прервать его карьеру.

В длинном каталоге самозванцев, которым удалось на время ослепить глаза тех, кому они претендовали на миссию, случай с Саббатаем Севи кажется самым необычным.

Лже-Мессий было бесчисленное множество, начиная со времен Иуды Галилейского и почти до наших дней; и каждому из них евреи своего времени оказывали, по крайней мере на время, радушный прием, который почти в каждом случае в конечном итоге приводил к полному неверию в их притязания. Только в случае с этим человеком вера в него не сменилась презрением и недоверием. И все же среди всех претендентов на Божественную миссию он, безусловно, больше всех заслуживал такого позора. Иуда, Вархохебас, Давид Алрой, как бы необоснованно они ни претендовали на роль Мессии, - все они упорствовали до последнего и умерли с тем же заклятием на устах, которое произносили при жизни. Но хотя Саббатай открыто заявлял о своем самозванстве, его последователи продолжали верить в него. После его смерти появился не один пророк, который добился доверия, утверждая, что Саббатай был переведен на небо, как Енох и Илия до него, и через определенный промежуток времени снова появится на земле. Саббатаизм, как его называли, стал вероучением мощной и многочисленной секты, о которой мы услышим в следующем столетии. Говорят, что и сейчас она не вымерла. Этот пример - одно из многих доказательств того, что человеческое легкоеверие превышает все границы расчета.

Среди тех, кто продолжал поддерживать Саббатаи по этой моде еще долго после его смерти, наиболее известными были Нехемия Чаджон и Авраам Майкл Кардосо. Доводы, приводимые последним в защиту своего принципа, можно смело назвать самыми экстравагантными из всех, которые когда-либо выдвигались. По его словам, отступничество от исламизма, несомненно, является большим злом; но тогда следует помнить, что Мессия не должен был прийти, пока человечество не станет полностью хорошим или полностью плохим. Не было никакой перспективы, что все они станут хорошими. Таким образом, Саббатай своим нечестием, приняв Магомета, помогал, как истинный пророк, приходу Мессии!

ССЫЛКИ:

[197] Говорят, что он процитировал Исаяю xiv. 14: "Я вознесусь выше облаков", и обратился к своим последователям с просьбой сказать, не видели ли они, как он так возносится; на что они ответили, что видели! Однако следует добавить, что, если он и процитировал данный отрывок как относящийся к нему самому, он вряд ли мог изучить его контекст.

[198] Сомнительно, что сам Иуда когда-либо претендовал на роль Мессии. Но значительная часть его последователей, несомненно, считала его таковым.

ГЛАВА XXXVII.

1700-1800 ГГ. Н.Э.

ЕВРЕИ В ИСПАНИИ, ИТАЛИИ И ФРАНЦИИ.

Мы вступаем в восемнадцатый век и, как бы, находимся в поле зрения истории нашего времени. Положение, в котором мы находим евреев, в основном то же, что и в настоящее время. В римских странах они по-прежнему подвергались резким преследованиям, иногда от насилия толпы, иногда от действий церкви. Странами, где применялись самые суровые меры, по-прежнему оставались Испания и Португалия, где инквизиция господствовала на протяжении всего столетия, хотя с годами ее власть постепенно, но очень явно ослабевала. В правление Филиппа V, который вступил на испанский престол в 1700 году и занимал его до 1746 года, был нанесен первый прямой удар по ее власти. В войне за наследство, которая началась в самом начале его правления, его французские союзники отнеслись к инквизиции с весьма скудным уважением. Они вскрыли тюрьмы Священной канцелярии, освободили заключенных и даже захватили серебряные образа в доминиканских часовнях, переплавив их, чтобы оплатить расходы на кампанию. Король не принимал никакого участия в этом разграблении; но когда инквизиторы обратились к нему с жалобой на святотатственное насилие французов, он ответил, что не может вмешиваться в меры, принятые его союзниками. Он был слабым и мрачным молодым человеком, хотя, судя по всему, не был религиозным фанатиком и позволял духовенству в основном иметь свой путь. В течение всего его правления каждый год проводился один *Авто да Фе*, и число жертв, как говорят, достигло 14 000 человек. Можно не сомневаться, что большую часть из них составляли "тайные евреи". Не подлежит сомнению, что на протяжении всего этого века и еще долго после него - даже, как утверждают, до наших дней - тайный иудаизм продолжал сохранять свою власть; время от времени делались открытия, и за ними следовали казни.

В 1713 году англичане получили в свое распоряжение Гибралтар, который был отвоеван у Испании примерно за десять лет до этого. Примечательно, что испанцы, даже уступив свою крепость Великобритании, не могли смириться с тем, что евреям будет позволено жить там в мире; один из пунктов договора гласил, что "ни один еврей не должен быть терпим в этом городе"[199].

Фердинанд VI сменил своего отца в 1746 году и правил до 1759 года. Он обладает характером доброго и мудрого принца, и при нем не произошло ни одного публичного *Ауто-да-Фе*, хотя, судя по всему, было немало мелких местных казней. Вероятно, они происходили без его санкции или даже ведома. Он умер без потомства, и его преемником стал его брат, Карл III. Он снова был способным и энергичным государем, а власть инквизиции еще больше уменьшилась во время его правления. Через три года после своего воцарения он предпринял решительный шаг - изгнал Великого инквизитора за посягательство на привилегии короны. В 1770 году, а затем в 1784 году, он приказал, чтобы любая процедура против преступников была одобрена королем, и было представлено достаточно доказательств, чтобы оправдать тюремное заключение. Его сменил сын, Карл IV, слабая и несчастная жертва наполеоновских амбиций. Инквизиция поддерживалась во время его правления, хотя, судя по всему, никакого "*Авто да Фе*" не проводилось. Во многом аналогична история преследования евреев в Португалии, где власть инквизиции, хотя и сильно ограниченная, сохранялась до самого конца века.

В Италии продолжалось почти то же положение вещей, которое было описано в истории предыдущего века. После отделения королевства Обеих Сицилий от Испании Карл, ставший преемником власти, изменил политику, которую проводили его предшественники, и

пригласил евреев поселиться на шестьдесят лет в его королевстве. Он предложил им права и привилегии, которые не оставили бы им оснований для жалоб. Им разрешалось владеть землями, за исключением тех, которые давали феодальные права их владельцам. Им разрешалось торговать со всеми частями света, не облагаясь никакими особыми пошлинами - фактически на тех же условиях, что и его христианские подданные. Они могли заниматься всеми профессиями, в том числе и врачебной, и принимать христианских пациентов, если последние того желали. Они также могли заниматься любым ремеслом, служить в армии, свободно печатать и распространять свою литературу, иметь христиан на службе. Они также должны были свободно строить синагоги и совершать свои религиозные обряды, а власть их духовенства должна была поддерживаться государством. Кроме того, всем людям запрещалось под угрозой сурового наказания оскорблять или обижать их, а все попытки прозелитизма их детей должны были пресекаться. Мы не удивляемся, когда узнаем, что евреи в огромном количестве со всех концов Европы приняли приглашение короля Карла; не удивляет нас и то, что его подданные не были склонны согласиться с просвещенными взглядами своего государя. Тогдашний папа Климент XII и его духовник, человек с большим влиянием в церкви, осудили уступки, сделанные евреям; духовенство произносило зажигательные проповеди со своих кафедр, монах-капуцин публично предупредил короля, что в наказание за его виновный поступок он умрет бездетным. Евреи не могли противостоять буре. Они знали, что любая попытка открыть лавки или ввезти свой товар в Неаполь станет сигналом к бунту, а не исключено, что и к резне. После недолгого пребывания в городе они покинули его.

В 1775 году Пий VI, папа, которого Наполеон заключил в тюрьму и низложил, возродил некоторые из суровых законов против евреев, чье положение в течение долгого времени становилось все более спокойным и уверенным. Он издал эдикт, согласно которому раввинистическая литература подавлялась; ни одна еврейская книга или даже рукопись не могла оставаться во владении еврея. Он должен был строго придерживаться границ своего гетто; он был обязан снова носить свой желтый значок; когда хоронили труп, не разрешалось устраивать похоронную процессию; ни один еврей не мог нанять христианскую акушерку или сиделку; и *наоборот*, христианин не мог нанимать евреев. Старое постановление, обязывающее евреев присутствовать на противоречивых проповедях, было вновь введено в действие; раввины были обязаны составлять списки своих учеников, которые должны были присутствовать. Похоже, это было в самом начале долгого правления Пия. Начало Французской революции и те беды, которые она на него навлекла, вероятно, придали новое направление его мыслям.

Обратившись к Франции, мы обнаруживаем, что положение евреев в восемнадцатом веке было весьма своеобразным. В предыдущей главе уже упоминалось, что, хотя номинально они были исключены из Франции, им долгое время разрешалось жить там под протекцией, предоставленной им Генрихом II и другими. В действительности, в это время во Франции проживали три различные группы евреев: португальские евреи, которым французский парламент выдал хартии в 1550 году. Их можно было встретить в основном в Байонне, Бордо и их окрестностях. Поначалу они, по-видимому, скрывались под именем новых христиан и, как таковые, несомненно, должны были подчиняться церковным таинствам; но в ожесточенных распрях, начавшихся между католиками и гугенотами, они ускользнули от внимания. Говорят, что они заключали браки по своим собственным обрядам и уклонялись от крещения своих детей. Были еще авиньонские евреи, которые были либо итальянцами, либо коренными французами. Их терпели папы во время своего пребывания там, и, вероятно, после удаления папского двора на них не обращали особого внимания. Опять же, после завоевания Меца и Эльзаса значительное число немецких евреев стало подданными

Франции. Вполне вероятно, что они ничуть не жалели о смене хозяев; ведь всего за несколько лет до этого парламент в Меце сжег несколько евреев по старому обвинению в убийстве младенцев. Людовик XIV предоставил евреям Эльзаса те же привилегии, что и Бордо и другим городам, - свободу торговли, при условии уплаты определенного налога, который впоследствии складывался в единую сумму. Тем не менее, по всей Лотарингии и Эльзасу евреи в течение этого столетия подвергались жестокому обращению. Их ростовщические поборы сделали их одиозными для народа, как, впрочем, и их предков на протяжении многих поколений. В Страсбурге было разрешено проживать лишь нескольким еврейским семьям. В Лотарингии долгое время действовали законы герцога Леопольда, принятые в 1724 году. По ним только 180 семьям было разрешено проживать и заниматься торговлей, и даже они должны были жить в еврейских кварталах.

Когда Нантский эдикт был отменен, и все подданные короля Франции должны были принять таинства католической церкви, евреи во Франции оказались под угрозой преследования. Но этот закон, похоже, так и не был реализован в их отношении. Как и прежде, духовенство было слишком занято исполнением закона против гугенотов, чтобы беспокоиться о горстке евреев. Но, хотя к ним относились доброжелательно, было бы ошибкой полагать, что они были натурализованы, как утверждают некоторые авторы. Говорят, что они предложили регенту Орлеана два миллиона ливров в обмен на привилегию натурализации - сумму, которую этот безнадешный правитель с удовольствием взял бы в свои руки. Но он испугался непопулярности, которую повлечет за собой этот акт, и отказался от предложения. Автор памфлета, посвященного биллю о натурализации 1753 года, который цитировался в предыдущей главе, говорит: "Вульгарная ошибка - полагать, что евреи во Франции были натурализованными подданными; и любой француз, которому вы зададите этот вопрос, рассмеется вам в лицо". Судя по всему, только в некоторых городах евреям разрешалось жить постоянно. В Лионе они могли проживать только три месяца подряд. В Париже, как говорят, их проживание было полностью запрещено.

Людовик XV, судя по всему, относился к ним с добротой и препятствовал шагам, направленным на ограничение их привилегий. Он также проявил большую благосклонность к знаменитому Сэмюэлю Бернару, известному банкиру своего времени, который впоследствии обратился в Церковь. По мере того как век продвигался вперед, а Вольтер и энциклопедисты начали оказывать широкое влияние во Франции, можно было ожидать, что они будут использовать его в пользу евреев; которые, хотя и не подвергались больше ужасным страданиям, которым они подвергались в предыдущих поколениях, все еще подвергались более измененным религиозным преследованиям - вещь, совершенно отвратительная для писателей, о которых идет речь. Но энциклопедисты недолго любили евреев почти так же сильно, как христиан. Еврейская раса жестоко страдала в предыдущие века, будучи врагами Евангелия. Но в глазах неверных писателей они были почти так же неприятны, как и живые свидетели его истинности. Ни один доминиканский гонитель пятнадцатого века не относился к евреям с большим презрением и ненавистью, чем Вольтер, поборник религиозной терпимости.

На самом деле очевидно, что евреям пришлось пережить немало лишений во Франции во времена правления Людовика XIV и XV. Через несколько лет после воцарения Людовика XVI, мягкость нравов которого стала общеизвестной, евреи подали королю и совету петицию, в которой жаловались на тяжелое бремя, возложенное на них. Помимо платы, взимаемой за королевское покровительство, на них налагался налог с феодала, в поместье которого они проживали. Право на проживание было только личным, и за каждого рожденного ими

ребенка нужно было платить новую сумму. Кроме того, каждый еврей платил пошлину у ворот каждого города, в который он въезжал, как если бы он был лошадью или овцой. Кроме того, существовали ограничения на их торговлю, которые тяжким бременем ложились на них.

Обращение к Людовику XVI не было напрасным. В 1784 году был отменен неприятный налог на подати, а в 1788 году была назначена комиссия, президентом которой стал Малешерб, и первым ее актом было прекращение пошлин на городских воротах. [200] Малешерб также начал принимать меры для общего улучшения положения евреев. Он предложил присудить премию за лучшее сочинение на эту тему. Эту премию получил знаменитый аббат Грегуар, чье сочинение получило всеобщее одобрение. Были предприняты шаги по осуществлению некоторых предложенных улучшений. Но прежде чем это удалось сделать, началась революция, и свобода, равенство и братство для всех людей стали всеобщим криком во Франции. Евреи не замедлили воспользоваться представившейся возможностью и направили в Генеральную ассамблею петицию с просьбой о предоставлении им прав равного гражданства. Вопрос обсуждался в Национальном собрании и был утвержден, хотя и после долгих дебатов. 17 сентября 1791 года был принят декрет, согласно которому евреи, без исключений и различий, были допущены к правам французского гражданства. Он также был ратифицирован Конституцией 1795 года.

ССЫЛКИ:

[199] Вскоре это решение было отменено, поскольку противоречило духу английского законодательства. Евреи обосновались в Гибралтаре и в настоящее время являются процветающим населением, имеющим четыре синагоги.

[200] Сохранился тариф пошлин, который имеет любопытное звучание. За еврея 12 дензнаков (около 1 ден.), за еврейку и ребенка 9 дензнаков, за еврейку 6 дензнаков; за умершего еврея 5 су, за умершую еврейку 30 дензнаков.

ГЛАВА XXXVIII.

1700-1800 ГГ.

ЕВРЕИ В ГЕРМАНИИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ.

Положение евреев в Германии, Пруссии и Австрии в начале восемнадцатого века было, если верить историкам того времени, необычайно жалким. Рассказы выдающегося немецкого еврея Й. М. Йоста о страданиях его соотечественников в тот период не могут не вызвать у читателя сострадания. [201] "Они были, - по его собственному выражению, - кучей страданий". Оскорбления и несправедливость, действительно, на протяжении многих веков были их уделом, о чем меланхолично свидетельствуют все написанные истории о них. Однако во многих странах Европы период, последовавший за Реформацией, привел к некоторому улучшению их положения. Но в странах, которые мы сейчас рассматриваем, евреи опустились, если это возможно, на более низкую ступень, чем та, которую они занимали раньше. Их страдания, по правде говоря, продолжались так долго, что они стали почти нечувствительны к ним. Любимая немецкая пословица, бытовавшая на протяжении многих веков, сама по себе может показать, в каком свете их воспринимали. "Счастлив тот город, - гласила поговорка, - в котором нет ни еврея, ни тирана, ни прокаженного".

Начнем с Пруссии. Мы видели, как в 1670 году евреи были изгнаны Леопольдом I. из Вены и нашли убежище в Пруссии, которое им предоставило человеколюбие Фридриха Вильгельма, получившего за свою мудрость и благочестие народный титул "Великого курфюрста". Его сын, Фридрих I, был обязан Гомперцу и Элиасу, двум евреям, которые оказали ему большую услугу, снабдив его средствами для ведения войны, в которой он участвовал. Когда евреи были изгнаны из Австрии, они привлекли этих двух людей для отстаивания своих интересов, и в результате определенному числу еврейских семей было разрешено обосноваться в Берлине, Потсдаме и других городах курфюршества. С этого разрешения, можно сказать, и началась вся история прусских евреев. Действия курфюрста вызвали значительное недовольство среди его подданных; но курфюрст был тверд, и через несколько лет после этого был составлен и введен в действие специальный свод правил для евреев курфюршества. В целом он был чрезвычайно благоприятен для них, хотя они по-прежнему не допускались ко всем государственным должностям, а свобода вероисповедания им не предоставлялась. Но вскоре после этого некоторые евреи, которые были придворными ювелирами, получили разрешение проводить религиозные службы в своих частных домах. Это был шаг к разрешению построить синагогу, в которой совершались публичные богослужения; но ритуал, как нам рассказывают, подвергался строжайшей проверке, чтобы убедиться, что в нем нет ничего оскорбительного для христианства. В 1712 году король запретил под страхом суровых наказаний приток в страну бродячих евреев - мера, которая, хотя и может показаться недружественной по отношению к еврейскому народу, на самом деле принесла величайшую пользу респектабельной его части. Во время правления Фридриха Вильгельма также была построена и открыта с королевской санкции великолепная синагога - лучшая, как говорили, в то время во всей Германии, - несмотря на возмущение, которое вызвала эта уступка.

В 1717 году король Фридрих умер, и его сменил Фридрих Вильгельм, отец и предшественник Фридриха Великого. Это был государь с самым деспотичным характером, но не жестокий и не несправедливый. Его характерные качества проявились в отношениях с евреями. Он сохранил привилегии, предоставленные им его отцом, и даже добавил некоторые другие. Но, с другой стороны, он наложил на них некоторые довольно произвольные обременения, которые, однако, больше смахивают на эксцентричность, чем на суровость. Так, если царь во время охоты убивал больше кабанов или оленей, чем мог съесть за своим столом, евреи были обязаны купить то, что осталось. Говорят, что евреи, не имея возможности съесть оленину сами, преподносили ее в дар государственным больницам. Опять же, по случаю любого важного события в семье, такого как вступление в наследство, рождение наследника, женитьба сына и т. д., каждый еврей был обязан сделать покупки на сумму в триста талеров на королевском фарфоровом заводе. К концу века, во время правления Фридриха Вильгельма II, они были освобождены от этого обязательства при уплате единовременной суммы в четыре тысячи талеров.

В 1740 году Фридрих Вильгельм умер, и на престол вступил его сын, вошедший в историю под именем "Великий". Его отношения с евреями были весьма своеобразными. Он не питал к ним никакого пристрастия; более того, все личные чувства, которые он к ним испытывал, носили противоположный характер. Друг и ученик Вольтера, он разделял предубеждение этого философа против них. Они не были друзьями христианства, конечно; но они были религиозными предками христиан, самыми сильными свидетелями истинности Евангелия, и как таковые были одиозны в его глазах. С другой стороны, даже в его странном законодательстве по отношению к ним прослеживалось мрачное чувство справедливости; кроме того, он был достаточно проницателен, чтобы понять, что гонения на них - отнюдь не выгодная политика. "Никто никогда не получал ничего хорошего, причиняя вред этому

народу", - так он заметил однажды. Действительно, его законодательство, похоже, было направлено скорее на предотвращение увеличения их численности, чем на взимание суровых пошлин или ограничение их гражданских привилегий. Так, в 1750 году в изданном им указе о регулировании евреев в его владениях проводится строгое различие между евреями, которые терпимы по наследству, и теми, кто терпим лично - когда терпимость, то есть, не переходит к детям того, кому она предоставлена. К последнему классу относились все те, кто не занимался непосредственно торговлей, не занимал никакой должности или поста в синагоге. Среди тех, кто был терпим по наследству, привилегия домициля переходила только к одному ребенку. Впоследствии, за уплату семидесяти тысяч талеров, привилегия была распространена и на второго ребенка, хотя он мог воспользоваться ею только при условии предоставления доказательств, что владеет имуществом в размере одной тысячи талеров. Иностранному еврей не мог поселиться в Пруссии, если не платил за свой въезд непомерную цену. Если вдова защищенного еврея выходила замуж за того, кто не был так защищен, она была обязана покинуть страну. Помимо этих повинностей и, конечно, обычных налогов, которые платили все подданные короля, существовало несколько пошлин. Взимался охранный патент при рождении ребенка, налог при каждом браке и при избрании каждого старейшины синагоги. Еврею также запрещалось занимать все гражданские должности, заниматься сельским хозяйством, держать трактир, пивоварню или винокурню, открывать мануфактуру любого рода, а также заниматься врачебной или хирургической практикой. Все еврейские слуги, пожелавшие жениться, должны были покинуть страну. Наконец, евреям запрещалось приобретать домашнюю собственность, если только они не имели прямого разрешения короля. Ни в коем случае еврей не мог владеть более чем сорока домами.

В 1786 году Фридрих Вильгельм II, племянник Фридриха Великого, унаследовал трон своего дяди. Он был мудрым и милосердным государем и постарался улучшить положение евреев, частично смягчив суровость существующих законов, частично приняв новые. С его времен положение дел постепенно, но верно улучшалось. Но законодательство тех времен, как заметил один умный писатель, "несет на себе печать ужасающе деградировавшего состояния еврейского населения, а также угнетающих, исключительных и репрессивных мер, которые считались необходимыми в интересах этой части общества"[202].

Положение евреев в австрийских владениях в начале XVIII века было не лучше, чем в Пруссии. Император Карл VII питал к ним неприязнь, которая побуждала его с готовностью выслушивать любого врага, клеветавшего на них. То же самое, возможно, в большей степени происходило и с императрицей Марией Терезой, его дочерью. Через несколько лет после своего воцарения она издала указ об изгнании всех евреев в своих владениях, число которых, как полагают, достигало двухсот тысяч человек. Значительное число из них уехало, и остальные должны были бы последовать за ней, если бы заступничество английского и голландского правительств не побудило ее отказаться от своей цели. Впоследствии она смягчила суровость своих отношений с ними. Она не только разрешила им жить, но и позволила им заниматься определенными ремеслами, например, торговать драгоценностями, открывать лавки для мясников или фабрикантов. Им было разрешено проводить службы в своих синагогах, хотя по воскресеньям они были строго ограничены своими домами, особенно в те часы, когда проходило христианское богослужение.

Когда после смерти матери в 1780 году Иосиф II полностью овладел императорской властью, одним из первых его действий стало издание эдикта о веротерпимости, по которому положение евреев значительно улучшилось. Все старые запретительные постановления были отменены. Евреи могли поселиться в любом городе австрийских владений, а также в

деревне - правда, в этом случае они должны были получить разрешение императора. Он также открыл для них школы и университеты по всей империи, разрешив им получать степени докторов медицины, гражданского права и моральной философии; но он обязал их открыть собственные начальные школы для подготовки своих детей к поступлению в государственные школы. Он разрешил им заниматься любым ремеслом, за единственным исключением - производством пороха. Они также могли посещать общественные рынки и ярмарки по всей стране, носить любую одежду, занимать любой дом в любом квартале города и пользоваться общественными променадами так же свободно, как и остальные жители. Они также могли вступать в армию - правда, через некоторое время они становились военнообязанными - и становиться унтер-офицерами; но поскольку, согласно военному кодексу Австрии, никто не может занимать должности, не принадлежащие к благородной крови, они не могли подняться выше. Наконец, их дети были защищены от прозелитизма: запрещалось пытаться склонить их к смене религии, пока им не исполнится четырнадцать лет. Этот эдикт можно считать началом новой эры в еврейской истории; и все улучшения, которые могли произойти в европейском законодательстве, в той мере, в какой это касается их самих, на самом деле произошли благодаря ему.

В 1781 году советник Дохм опубликовал свой знаменитый трактат "Об изменении политического положения евреев". Этот автор отстаивает принцип предоставления евреям свободы и равенства прав, их свободного приема в школы и колледжи, принадлежащие государству, беспрепятственного занятия ремеслами и профессиями и даже участия в государственных должностях. Однако он утверждает, что власть раввинов над своими общинами, наложение ими дисциплинарных взысканий и, при определенных обстоятельствах, отлучение от церкви должны поддерживаться государством. Публикация этой работы вызвала гневные чувства среди немецких евреев. Знаменитый Моисей Мендельсон, о котором мы расскажем в следующей главе, опубликовал по этому поводу письмо, в котором в возмущенных выражениях обличал духовную тиранию раввинов, что оказало очень широкое и важное влияние на его соотечественников.

В России в течение этого столетия положение евреев было столь же плачевным, как и в любой другой европейской стране. Уже отмечалось, что по строгим законам страны их присутствие вообще не допускалось. И в самой Московии это исключение соблюдалось с суровой непреклонностью. При Петре I несколько евреев были допущены в другие части его владений; царь заявил - так, по крайней мере, утверждает народная молва, - что "он не боится присутствия евреев, поскольку его русские не уступают самым хитрым из них". Но в царствование Елизаветы (1545 г.) их пребывание в России было вновь запрещено. Они сумели завладеть имуществом некоторых сибирских ссыльных и вложили его в иностранные государства. В конце века политика императоров по отношению к евреям, по-видимому, заключалась в том, чтобы изгнать их из городов в сельскую местность, чтобы побудить их отказаться от торговли в пользу сельского хозяйства, о чем так часто мечтали те или иные теоретики. В Украине, и, по-видимому, только там, они приняли этот образ жизни[203].

О евреях Польши, которая на протяжении многих веков была страной во всей Европе, где еврейская раса находила самый надежный дом и самое гостеприимное обращение, мы еще не говорили. Их история в восемнадцатом веке - это в основном история религиозных авантюристов и соперничающих сект. Будет лучше рассмотреть их в отдельной главе.

ССЫЛКИ:

[201] Й. М. Йост, немецкий еврей, родился в 1793 г., умер в 1860 г., профессор сначала в Берлине, а затем во Франкфурте-на-Майне. Он является автором "Истории израильтян" в девяти томах, опубликованной в 1820-28 годах, и "Истории иудаизма" в трех томах, которая появилась позже. Вплоть до появления великого труда Г. Гретца "История евреев" работа Йоста была самым надежным авторитетом. Это зрелая работа, - пишет Мильман, - неутомимого и беспристрастного писателя. Конечно, как еврей, он представляет доктрины и обычаи своей расы в благоприятном свете, но он всегда полностью заслуживает уважительного и откровенного слушания" (Milm. Hist. Jews, vol. ii. p. 476 n.).

[202] "Израиль и язычники" (Da Costa, p. 519), работа, которую я часто с пользой для себя читал.

[203] Готовность евреев Украины заниматься сельским хозяйством может быть объяснена чрезвычайным плодородием почвы. По естественной продуктивности ни одна часть Европы не превосходит, и мало кто может сравниться с ней. Пшеница, овес и ячмень выращиваются почти без затрат труда, а пастбища богаты и роскошны. Этим можно объяснить необычайное различие в привычках, которые демонстрируют евреи этих стран по сравнению со своими соотечественниками в других местах. Следует добавить, что, поскольку здесь мало торговли и мало мануфактур, многие из них, во всяком случае, вынуждены жить сельским хозяйством или не жить вовсе.

ГЛАВА XXXIX.

1700-1800 ГГ. Н.Э.

ЕВРЕИ В ПОЛЬШЕ: ХАСИДЫ-ФРАНКИ-МЕНДЕЛЬСОНЫ.

Со времен Маккавеев, если не раньше, и до времен самозванца Саббата Севи, в иудейской церкви преобладал раввинизм. Единственная оппозиция исходила от караимов, о которых мы уже говорили, и они были лишь небольшой сектой, не имевшей большого влияния. Выдающиеся евреи, такие как Соломон Бен Авраам из Монпелье в XIII веке, Нафанаил Триботти из Рима или более известный Маймонид, могли выдвигать мнения, которые раввины осуждали, доходя иногда до отлучения оскорбивших их авторов. Но последние либо покорялись, либо изменяли свои мнения, либо их судьи пересматривали свои решения, и раввинистическое богословие оставалось в основном неизменным. Но последователи Саббата Севи образовали отдельную секту, называя себя иудеями и исповедуя основные доктрины иудейской веры, но в то же время отличаясь от нее в самых существенных чертах.

Его последователи, как мы видели, не были отчуждены его отступничеством и не были обмануты его смертью. Один пророк поднимался за другим, формируя свою собственную богословскую систему, напоминающую в общих чертах саббатаизм, но имеющую свои особенности и отличительные черты. Большинство из них при жизни, во всяком случае, обеспечили себе большое и горячее число последователей, а в некоторых случаях их учение было принято в качестве правила веры еще долго после их ухода с земли. Среди этих пророков наиболее примечательными были Малах и Хаджун. Это были два раввина, принадлежавшие к польской, а другой - к немецкой синагоге, которые в 1700 году совершили паломничество в Иерусалим, чтобы возвестить о скором пришествии Мессии. Большинство их спутников умерли от нужды или усталости во время путешествия; почти все

оставшиеся в живых, следуя примеру Саббата, перешли в исламизм. Но оба лидера, и особенно Хаджун, ревностно распространяли свои взгляды, несмотря на самое решительное противодействие раввинов Иерусалима и Константинополя. Среди доктрин, которые проповедовал Хаджун, была доктрина о триединстве богов, хотя все трое были совершенны в своем единстве. Эту догму, почти совпадающую, если не идентичную, с католическим учением о Троице, он, по его словам, нашел в Книге Зоар[204].

Нет необходимости добавлять, что такое учение вызывало крайнюю враждебность раввинов. В 1722 году н. э. Хаджун и его последователи были публично отлучены от церкви всеми синагогами, и его влияние на Востоке было почти полностью уничтожено. Однако в Центральной Европе он получил некоторую поддержку. Своими обличениями евреев он заискивал перед императором Карлом VI, и многие общины в Богемии и Моравии присоединились к нему. Были предприняты попытки распространить его влияние на Голландию, Венгрию и другие европейские страны, но они малоуспешны. Вскоре после этого аналогичное движение было инициировано Моисеем Луццато, который в сотрудничестве с врачом по имени Иефукиил собрал общину в Вильне. Раввины отлучили его от церкви и неоднократно заставляли отказываться от своих заявлений. Он вел бродячую, неустроенную жизнь и в конце концов отправился в Иерусалим, где и окончил свои дни в 1747 году.

Другая, более важная секта, которая, как представляется, по крайней мере, берет свое начало от саббатаизма, - это секта хасидов, которая утвердилась главным образом в Польше, Галиции и России. По словам одного известного писателя современности, это религия почти всех евреев Галиции, Венгрии, Южной России и Валахии. Ее основателем был некий Израиль Баал Шем, который впервые появился в Подолии в 1740 году. Он утверждал, что является представителем Бога на земле, и, как таковой, его веления должны были выполняться с беспрекословной покорностью. Его ранняя история полна небылиц, о нем рассказывают дикие, экстравагантные истории, которые недостойны повторения. Ортодоксальные раввины утверждают, что он был человеком низкого происхождения, не обладал никакими способностями и притворялся святым и таинственным, чтобы произвести впечатление на своих последователей. Ученики каббалистов неизменно утверждали о некоей сверхъестественной силе, но те способности, которые предполагал Израиль, не имели предела. Он мог отпустить все грехи, мог излечить все болезни простым повелением, мог творить самые потрясающие чудеса, был наделен всеми знаниями, не только о прошлом, но и о будущем. Основная идея его учения, полностью отвергавшего Талмуд как раввинскую традицию, заключалась в необходимости познания путем непрерывного созерцания и самосозерцания истинной природы Бога, а также в полном подчинении цаддикимам, или священству. Доктор М'Каул рассказывает, что у них принято проводить каждую субботу со своим цадиком, приходя для этого за много миль, принося с собой провизию для дневной трапезы, а также подарки цадик. Они советуются с ним во всех затруднениях, принимая его ответы как вдохновение Небес; устраивают свои личные дела и улаживают ссоры по его указанию. После смерти Исраэля Баал Шема его ученики настаивают на том, что он был взят на небо, чтобы там обитать со святыми ангелами и совершать заступничество перед Всемогущим Богом от имени каждого еврея, который воспитывает своих детей в соответствии с учением хасидизма и подчиняется цадик. Его сменили на посту три внука, которые были его главными учениками. Но это неизбежно привело к распаду общины на три разных тела, и с тех пор происходят дальнейшие разделения, хотя различные синагоги хасидистов, разбросанные по странам Восточной Европы, в целом находятся в единстве друг с другом.

Несколько лет спустя появилось еще одно странное развитие каббалистического саббатаизма под названием зохаризм. Яков Франк, его основатель, по преданию, родился в Польше, ок. 1722 ГОДА Н.Э. В молодости он занимался дистилляцией бренди, а в качестве религиозного учителя впервые появился в Турции в 1760 году. Тогда ему шел сорокалетний год. Он последовал за хасидистами в своих нападениях на Талмуд и преданности Книге Зоар. Возникли столь ярые разногласия, что польское правительство, - ведь именно в Польше он впервые изложил свои теологические догмы, - сочло необходимым вмешаться. Но Франк нашел защитника в лице епископа Каминека, который увидел, или ему показалось, что он увидел, в системе Франка элементы католического христианства. Франк сам способствовал этому, приняв христианское крещение и публично сжег Талмуд. Он также провозгласил свою веру в то, что Бог явился в человеческом облике для искупления человеческих проступков и что в будущем Он явится снова, также в человеческом облике, для окончательного избавления от власти зла. Это звучало достаточно ортодоксально, но Франк старался не говорить, в чьем лице Бог явился на землю, и действительно ли он принимает Иисуса Христа или Саббатая Севи как Мессию.

Но ни иудеи, ни христиане не были удовлетворены тем, что все осталось в таком виде. Раввины, относившиеся к Франку со смесью тревоги и неприязни, донесли на него польскому правительству как на отступника от их общины (и, следовательно, подлежащего их порицанию с юридической точки зрения), а папскому нунцию - как на еретика-христианина. Ни одна из сторон не была склонна оставить обвинение без внимания, и зохариты оказались на грани двойного преследования. Самого Франка бросили в тюрьму, а его последователей рассеяли во все стороны, большинство из них пытались найти убежище в Турции. По пути, проезжая через Молдавию, они подверглись жестокому обращению со стороны властей и населения. Тех, кто остался, обязали исповедовать христианство. Сам Франк оставался в тюрьме, пока крепость, в которой он был заключен, не была захвачена в 1777 году русскими, которые освободили его. Затем он путешествовал по Польше, Моравии и Богемии, везде взимая большие суммы с синагог, которые все еще продолжали его поддерживать, пока не достиг Вены, где прожил несколько лет под покровительством Марии Терезии. Оттуда он отправился в Брунн, в Моравии, и, наконец, обосновался в Оффенбахе, в Гессене, где прожил до самой смерти, в 1791 году.

В его повседневной жизни присутствовала странная тайна, на которую до сих пор не пролили свет. Очевидно, что он не имел денежных средств, но жил много лет - десять или двенадцать, по крайней мере, - в стиле, который мог поддерживаться только за счет самых щедрых расходов. У него была свита, которая могла соперничать со свитой восточного принца, - несколько сотен красивых еврейских юношей и девушек; к его резиденции постоянно подвозили повозки, в которых, как говорили, было золото и серебро; когда он отправлялся на богослужения, его везли на колеснице, запряженной лучшими лошадьми, которых только можно было достать, а по обе стороны от него ехала охрана из десяти или двенадцати улан в великолепной форме зеленого, алого и золотого цвета. Служба проходила с большим великолепием и сопровождалась различными странными церемониями, смысл которых так и не был объяснен. Когда он умер, а случилось это примерно через три года после его поселения в Оффенбахе, его похоронили с величайшей пышностью и великолепием, на похоронах присутствовало до восьмисот человек; над его могилой установили дорогой крест. Но тайна его безграничного богатства была погребена вместе с ним. Его семья, как выяснилось, осталась совершенно без средств к существованию. Они обратились к его последователям, которые проявили такую преданность, но совершенно напрасно; они впали в абсолютную нищету. Те из его последователей, кто остался в живых,

присоединились к Римско-католической церкви Польши. Однако считается, что они до сих пор втайне хранят некоторые из особых догматов своего основателя.

Почти в то же время появился еще один еврей, сильно отличавшийся по характеру и взглядам от Якоба Франка, но которому суждено было оказать гораздо более широкое и постоянное влияние. Моисей Мендельсон родился от скромных родителей в Дессау в 1729 году. Его жажда познания проявилась с самого детства, а раннее увлечение учебой, как говорят, навсегда подорвало его здоровье. В возрасте тринадцати лет он последовал за своим любимым учителем, раввином Френкельсом, в Берлин, где после долгих лет труда получил место репетитора в семье герра Бернхарда, производителя шелка. Вскоре он познакомился с философом Лессингом^[205] и стал известен в литературном мире благодаря публикации своих философских работ, в особенности "Федона, или Бессмертие души", написанного в подражание Платону. Затем последовали и другие работы, которые еще больше увеличили его известность. Получив премию Берлинской академии за сочинение о доказательствах метафизической науки, он был избран членом этого общества; но Фридрих Великий вычеркнул его имя из списка, посчитав, что еврей недостойн принадлежать к столь величественному органу. Тем не менее его труды продолжали вызывать всеобщее восхищение, а полное освобождение от оков раввинизма, которое они демонстрировали, побудило многих его друзей надеяться, что он уже стал христианином по принципу и находится на пути к тому, чтобы принять его в качестве своей профессии. Прославленный Лаватер обратился к нему с письмом, в котором настоятельно умолял его сделать этот шаг. Но Мендельсон вежливо, но твердо отказался, оставаясь номинальным членом еврейской синагоги до самой смерти, хотя и не позволял своим духовным пастырям налагать какие-либо ограничения на его частные суждения. Похоже, его принципом было свести к минимуму различия между христианством и иудаизмом и, оставаясь евреем по имени, быть христианином по духу.

Имя Мендельсона пользуется большим уважением и восхищением, но можно серьезно усомниться в том, что выбранный им курс был оправдан сам по себе или полезен по своим результатам. Никто из его последователей не смог удержаться на той позиции, которую он занял. Кто-то принял истинную веру Христа, кто-то вообще отказался от религии. Примечательно, что все потомки Мендельсона, включая знаменитого композитора Мендельсона-Бартольди, стали христианами. Так же поступили Луи Борне, Неандер, историк и знаменитый поэт Генрих Гейне.

Нельзя обойти вниманием трех знаменитых друзей Мендельсона - Уэсли, отца современной ивритской поэзии, Давида Фридландера, основателя Свободной еврейской школы в Берлине, и Исаака Евхеля, переводчика еврейского молитвенника. Эти люди, хотя и менее выдающиеся, чем их великие современники, оказали столь большое влияние на своих соотечественников и единоверцев, что можно сказать, что они почти полностью изменили тон еврейской мысли и чувства.^[206] Служба в синагоге также претерпела значительные изменения. Молитвы и священные стихи были сокращены, а проповедь введена очень широко. Даже использование органов не является чем-то необычным. Действительно, старая стереотипная служба, похоже, была заменена ритуалом, который в незначительных вопросах соответствовал настроениям и склонностям каждой общины.

В России в течение этого столетия положение евреев, по-видимому, менялось в зависимости от капризов как правителей, так и народа. Петр Великий разрешил им жить в пределах Московского царства, но в царствование Елизаветы Петровны, в 1745 году, их проживание было вновь запрещено на том основании, что они вели изменническую переписку с некоторыми сибирскими ссыльными. Изгнание не могло быть всеобщим, поскольку всего

через несколько лет, в 1753 году, против них снова выдвинули старое обвинение в принесении в жертву детей; было подано обращение к правящему папе Бенедикту XIV, и его преемник (Климент XIII) обязался провести расследование. Он поручил графу Брюлю расследовать это дело, добавив, к его чести, что тот должен пренебречь всеми слухами и удовлетвориться лишь доказательствами. Нет нужды добавлять, что он их не получил. Но народная ярость поднялась на такую высоту, что для ее усмирения потребовался императорский указ. То же самое обвинение повторяется с тех пор, при том же полном отсутствии доказательств, даже в наше время.

ССЫЛКИ:

[204] "В Боге есть три света: Древний Свет, Чистый Свет, Очищенный Свет. Эти три составляют единого Бога". Книгу Зоар см. в Приложении.

[205] Натан Еврей, герой знаменитой пьесы Лессинга "Натан дер Вайс", был задуман как портрет Мендельсона.

[206] Были и другие выдающиеся люди, принадлежавшие к этой эпохе, которая, действительно, была необычайно богата литературными талантами. Иоэль Лоу, профессор в Бреслау; герр Гомберг, суперинтендант еврейского образования в Галиции; Аарон Вольфсон, также профессор в Бреслау; Соломон Маймон, автор нескольких философских работ и собственной автобиографии.

ГЛАВА XL.

1700-1800 ГГ.

ЕВРЕИ В АНГЛИИ.

В течение этого столетия в положении английских евреев не произошло никаких заметных изменений, хотя их дела несколько раз становились предметом внимания законодательной власти. При Стюартах они получили свободу отправлять общественные культы, заниматься всеми ремеслами и профессиями и владеть любой собственностью, кроме той, которая не разрешалась иностранцам. Ни одна из этих привилегий не была отменена или изменена в течение восемнадцатого века. С другой стороны, евреи не были натурализованы, не могли владеть землей, занимать какие бы то ни было государственные должности - в любом реальном смысле не были английскими гражданами. Тем не менее было очевидно, что они считают себя постоянными поселенцами в этой стране. Они начали строить синагоги, основывать школы, больницы и другие благотворительные фонды на благо своей общины. Следует отметить, что, как и в Голландии, так и в Англии, существовало два класса евреев - немецкие и польские (их называли ашкеназим) и испанские и португальские (сефардим). [207] Они сходились в своих религиозных взглядах, но в других вопросах значительно отличались друг от друга, и говорят, что межнациональные браки между ними долгое время были редкостью. Последние первыми построили синагогу, которая была открыта в 1662 году на Кинг-стрит в Олдгейте. В 1676 году потребовалось построить более просторную синагогу, а еще через три года была построена третья. Она стоит на Бевис Маркс и сохранилась до наших дней, но мало изменилась внешне. В 1703 году была открыта Еврейская больница, которая сейчас находится на Майл-Энд-роуд. В 1730 году Исаак да Коста построил школу для девочек, названную его именем, а в 1735 году Руес Ламего основал еще одну школу для общего образования.

Немецкие и польские евреи поселились в Англии только через поколение. В целом они были менее культурными и образованными, а также менее состоятельными, чем их испанские собратья. В начале прошлого века у них появилось место для богослужений. Она была расширена в 1722 году. Нынешняя синагога в Гамбурге была возведена в 1726 году, а Большая синагога на Дюк-стрит - в 1763 году.

Первый законодательный акт века, касающийся евреев, был принят в 1703 году, когда был принят закон, обязывающий евреев обеспечивать всех членов своей семьи, которые могут перейти в христианство. Он был принят в связи с действиями одного богатого еврея, чья дочь приняла крещение; сразу после этого он выставил ее за дверь в состоянии полной нищеты. Вскоре после этого впервые стал подниматься вопрос об их натурализации. Во времена королевы Анны казначею Годольфину было сделано предложение купить город Brentford для их проживания, причем покупка должна была сопровождаться полными правами гражданства. Влиятельные люди убеждали Годольфина принять это предложение. Но он, предвидя противодействие, которое окажут купцы и духовенство, отказался от этого предложения. Через несколько лет после этого был опубликован памфлет неизвестного Джона Толанда,^[208] которого обычно клеймят как неверного, но который, похоже, на самом деле был виновен лишь в эксцентричности. Он настаивал на мудрости и справедливости натурализации евреев. Но Джон Толанд, одно из произведений которого было приказано сжечь публичному палачу, был не из тех, к кому можно было бы прислушаться в подобном вопросе. В 1715 году он написал памфлет, в котором в резких выражениях осуждал предлагаемую натурализацию. Любопытно почитать этот памфлет, который можно увидеть в Британском музее. Автор с неослабевающей яростью повторяет обвинения, которые веками выдвигались против евреев, но на которые английский народ теперь, к счастью, перестал реагировать. В нем говорится, что причинами, по которым Эдуард I изгнал их из Англии, были, во-первых, распятие и пытки христианских детей; во-вторых, выдача секретов государства иностранным врагам; в-третьих, подделка и обесценивание монет; в-четвертых, ненависть, которую они питали к людям-христианам; и, наконец, их вымогательское ростовщичество. Первые два пункта вряд ли заслуживали доверия, и их повторяли лишь для проформы, как преамбулу к договору. Четвертое тоже почти все люди того времени отвергли бы как абсурдное само по себе; ведь если бы евреи действительно питали такую лютую ненависть к англичанам, зачем бы им так стремиться поселиться среди них? В третьем и пятом пунктах, несомненно, есть доля правды, хотя обвинение в дебетовании монеты никогда не было удовлетворительно доказано и, во всяком случае, не могло быть обоснованно предъявлено евреям восемнадцатого века. С последним мы уже не раз сталкивались в этой истории. Идея о том, что евреи - враги Небес и что проявление благосклонности к ним - это нелояльность к Всемогущему Богу, принадлежит уже только прошлому. Настоящим основанием для возражений писателя, несомненно, является предполагаемый ущерб, наносимый английской торговле конкуренцией евреев, чье присутствие в Англии он стремится доказать, что оно не увеличивает богатство общества. Билль о натурализации не был представлен, но в 1723 году был сделан еще один шаг к улучшению их положения. Тогда был принят закон, согласно которому, если кто-либо из подданных Его Величества, исповедующих иудейскую религию, явится для принесения обычной присяги об отречении от предполагаемых прав Претендента в Англии, ему будет позволено опустить слова "На истинной вере христианина". Это первый случай, когда в каком-либо государственном документе было проявлено хоть какое-то уважение к совести или чувствам еврея. В 1740 году другой парламентский акт предоставил иностранным евреям, прослужившим два года на борту британского военного корабля, привилегию британского гражданства.

В 1753 году мистер Пелхэм, в то время премьер-министр, представил свой знаменитый закон о натурализации евреев. Одной из причин этого, как говорят, были верные услуги, оказанные евреями короне во время попытки Карла Эдуарда в 1745 году вернуть себе трон.^[209] Билль был внесен на в Палату лордов в начале сессии и прошел без оппозиции,^[210] почти без замечаний. Он предусматривал натурализацию всех евреев, проживавших в Англии в течение трех лет подряд. Но следует отметить, что он не позволял им занимать какие-либо государственные должности, даже самого незначительного характера. Они не могли быть даже акцизными или таможенными чиновниками. Тем не менее, несмотря на крайнюю умеренность законопроекта, когда он был внесен в палату общин, последовали гневные дебаты. Некоторые члены заявили, что предоставление евреям привилегии гражданства является оскорблением христианской веры. Вдохновенное Слово, говорили они, провозгласило, что они должны быть рассеяны по лицу земли, не имея нигде постоянного места жительства; поэтому предоставить им постоянный дом - значит пойти наперекор Богу и пророчеству. Это привело бы к тому, что королевство заполнили бы еврейские ростовщики, маклеры и нищие. Евреи будут скупать титулы и тем самым разрушать Церковь! Пелхэм ответил, что высказанные опасения были пустыми и химерическими, что евреи слишком малочисленны и не влиятельны, чтобы причинить вред, который был предсказан; и поскольку они не могут принимать участие в наших религиозных службах или даже входить в наши церкви, невозможно, чтобы они могли нанести вред Церкви. Что касается предполагаемого противодействия воле Божьей, то, если бы существовало такое Божественное постановление, как было представлено, человеку было бы невозможно отменить или даже изменить его. Билль прошел большинством в девяносто пять голосов, и только шестнадцать человек проголосовали против. Однако, несмотря на то, что законопроект был принят парламентом, за его пределами он вызвал бурю негодования. Пэры, и особенно епископы,^[211] преследовались толпами с оскорблениями и яростью. Простой народ заполнил улицы криками "Нет евреям - нет деревянным башмакам!" "Деревянные башмаки" были типичны для французских крестьян, которые обычно их носили. Таким образом, популярная *открытка* "Нет деревянной обуви" означала "Ничего французского". Между евреями и французами не было никакой связи, но рифма между "евреями" и "башмаками" пришлась по вкусу народу, и оба возгласа были объединены в один.

Членам Палаты общин пригрозили потерей мест, и, поскольку парламент находился на последней сессии, это была не пустая угроза. С наступлением осени агитация усилилась. Священнослужитель по имени Такер, написавший памфлет в защиту этой меры, подвергся нападению и жестокому обращению со стороны толпы. Епископ Норвича Томас Гуч, также сторонник этой меры, когда он отправился в свою епархию на конфирмацию, повсюду подвергался оскорблениям. В Ипсвиче мальчики, которых он собирался конфирмовать, кричали ему, что хотят быть обрезанными; а на дверях одной из церквей была найдена бумага, объявлявшая, что епископ будет конфирмовать евреев в субботу, а христиан - в ближайшее воскресенье.

Эти крики были подняты не только толпой. Лорд-мэр и лондонская корпорация, движимые, надо полагать, коммерческой ревностью, публично осудили эту меру как посягательство на конституцию и оскорбление христианской религии, а сельское духовенство повсеместно проповедовало то же самое со своих кафедр.

Министерство обнаружило, что не в силах противостоять народной ярости. В первый же день следующей сессии, сразу после того как пэры согласились с обычным обращением к короне, герцог Ньюкасл выступил с речью, заявив, что недовольные воспользовались

принятым на прошлой сессии законом в пользу евреев, чтобы посеять недовольство среди подданных Его Величества. Поскольку сам закон не имеет большого значения, его лучше отменить. Это предложение вызвало столь же мало возражений, как и первоначальный законопроект. Некоторые, правда, протестовали против этой уступки шумам толпы; среди них были епископ Сент-Асаф и лорд Темпл. Но в нижней палате обе партии, казалось, соперничали друг с другом в выражении своего неприятия этой неудачной меры.

Но даже эта готовность подчиниться народной воле не ослабила разгоревшегося брожения. Оказалось, что существует закон, по которому любой еврей, проживший семь лет на одной из американских плантаций Его Величества, может стать свободным жителем Великобритании. Было обнаружено, что это чревато почти такой же опасностью для интересов английского народа, как и та пагубная мера, которая только что была исключена из свода законов. Один из членов нижней палаты предложил положить на стол для ознакомления членам палаты список евреев, которые воспользовались преимуществами этого закона с 1740 года. Было установлено, что, поскольку получение данной привилегии связано с большими расходами и хлопотами, очень немногие евреи воспользовались ею. Тем не менее, поскольку сохранялась *вероятность* того, что в будущем евреи в большом количестве воспользуются данным законом и наводнят Англию евреями, присутствие которых в высшей степени повредит интересам и даже безопасности Великобритании, лорд Харли попросил разрешения внести законопроект об исключении из закона его неприятных пунктов. Но в этот момент правительство отказалось идти на уступки внешнему шуму. Предложение лорда Харли поддержал сэр Джеймс Дэшвуд, его поддержали и другие влиятельные лица. Но мистер Питт произнес одну из своих великих речей против него, и оно было отклонено решающим большинством голосов. Все это дело - любопытный пример того, как легко английский народ может быть возбужден к громкому и громкому возмущению по самым пустяковым вопросам, в которых ни его безопасность, ни его удобства ни в коей мере не затрагиваются;[\[212\]](#) хотя его, как и его соседей по континенту, нельзя побудить к актам насилия, если только им не угрожает реальная опасность или на карту не поставлен какой-то важный интерес.

В течение оставшейся части века, да и в течение большей части последующего, не было предпринято никаких новых попыток осуществить натурализацию евреев. Вероятно, их друзья считали, что гневные и необоснованные предрассудки, вызванные предложенной мерой 1753 года, скорее всего, вспыхнут с такой же силой, как и прежде,[\[213\]](#) если подобный законопроект будет внесен в парламент. Необычно и то, что многие евреи сами не желали принятия этой меры, опасаясь, что за ней может последовать обращение многих из их общины в христианскую веру.

Однако не было недостатка в признаках того, что отношение к евреям постепенно становилось все более внимательным и доброжелательным. В 1781 году, когда Родни захватил остров Святой Евстафии, в парламент поступила жалоба на то, что евреи проявили излишнюю строгость при конфискации их имущества и вывозе с острова. Генерал Воган, командовавший сухопутными войсками, заявил, что проявил к евреям величайшее уважение, проявил уважение к их лицам и, обнаружив, что их имущество было захвачено по ошибке, немедленно приказал вернуть его им. Для них было сделано не больше, чем того требовала справедливость, но тон обеих сторон, когда они говорили о евреях, разительно отличался от того, каким он, вероятно, был бы, если бы этот случай произошел несколькими поколениями раньше.

Ближе к концу века был создан орган, известный как Совет депутатов, который дал евреям возможность официально выражать желания и настроения еврейских жителей

Великобритании. Изначально он был назначен для того, чтобы передать Георгу III поздравления евреев Англии с его восшествием на престол. Созданная однажды, она возобновляла свои заседания, когда того требовал случай, и часто играла важную роль в еврейских делах.

ССЫЛКИ:

[207] Ашкеназ, сын Гомера (Быт. х. 3), по преданию, поселился в Германии. Зарифат и Сефаред (Обад. 20) - во Франции и Испании. Поэтому немецких и испанских евреев называют ашкеназами и сефардами. Эти страны, в которых в свое время проживали европейские евреи, стали причиной того, что вся нация была отнесена к той или иной категории.

[208] Джон Толанд, как его называли, хотя его настоящее имя при крещении было Джеймс Джулиус, родился в Лондондерри в 1669 году. Его родители были римскими католиками, но, похоже, он рано отверг римское учение. Он учился последовательно в Глазго, Лейдене и Оксфорде. В последнем из названных университетов он, по-видимому, приобрел репутацию вольнодумца; его книга "Христианство не таинственно" вызвала брожение, которое практически ничем нельзя оправдать. Она была осуждена ирландским парламентом и сожжена палачом. Леланд причисляет его к деистическим писателям; но он вряд ли заслуживает порицания Леланда и уж точно не стоит его.

[209] Евреи оказали правительству ценную помощь. Они ссудили большую сумму на весьма либеральных условиях и согласились принимать государственные бумаги до тех пор, пока золото будет оставаться в дефиците. Два еврея за свой счет оборудовали суда, которые предоставили на службу королю. Большое количество евреев также записалось в добровольческие войска, спешно созданные министерством.

[210] Лорд Литтелтон, автор "Жизни Генриха II", говорит, заявил по этому поводу, что "человек, ненавидящий другого за то, что он не христианин, сам не христианин" - достойное его высказывание.

[211] Удивительно, что, хотя епископы не имели никакого отношения к продвижению этого законопроекта, основной одиоз был брошен на них. Считалось, что они обязаны по совести не допустить его принятия или, во всяком случае, сделать все возможное для его предотвращения. Уильям Ромейн в памфлете, привлечшем большое внимание, утверждал, что "епископы, находившиеся в то время на скамье подсудимых, были единственными со времен Христа, кто мог бы поддержать столь антихристианскую меру". Общее обвинение, выдвигаемое против епископов, - это обвинение в нетерпимости. Любопытно наблюдать, что если они когда-либо опережают мирян в терпимости, то это сразу же становится предметом их горьких упреков.

[212] Любопытной иллюстрацией этого является тот факт, что до середины нынешнего века, хотя все завещания, сделанные евреями своим соотечественникам на благотворительные цели, такие как строительство больниц, создание богаделен и т. д., считались действительными и при необходимости исполнялись Канцлерским судом, любое положение об образовании их детей в их собственной вере считалось недействительным. Завещание, сделанное в середине века евреем по фамилии Де Пасс, в размере 1200 фунтов стерлингов на строительство колледжа для евреев, было также признано судами недействительным, поскольку оно было направлено на пропаганду ложной веры, и деньги были переданы в госпиталь для подкидышей.

[213] Во время беспорядков 1780 года евреи в Хаундсдиче, опасаясь, что насилие толпы будет привлечено к ним, как это часто случалось во время народных волнений, написали каждый на своей двери: "Это дом истинного протестанта". Отец клоуна Гримальди, как говорят, проявил еще большую осторожность и написал на своей двери не "Никакого папизма", а "Никакой религии". Лорд Джордж Гордон, лидер беспорядков, завершил свою нестабильную карьеру, исповедуя иудейскую веру, в которой и умер.

ГЛАВА XLI.

1800-1885 ГГ.

ЕВРЕИ В АНГЛИИ - продолжение.

Нас не удивляет, как было отмечено в предыдущей главе, что во второй половине восемнадцатого и первой четверти девятнадцатого века не было предпринято никаких шагов для исправления положения евреев. В течение многих лет после борьбы 1753 года память о ней была свежа в памяти людей, и попытка возобновить ее вызвала бы только еще более ожесточенное проявление враждебности. Затем борьба с Америкой, ужасы Французской революции, волнение наполеоновских войн, торговые беспорядки и внутренние волнения последних лет регентства заняли все мысли людей, и у них не было ни досуга, ни желания заниматься жалобами евреев. Даже когда в правление Георга Четвертого вопросы внутренней политики снова стали актуальными, проблемы римских католиков, многочисленной и влиятельной части нации, естественно, превалировали над проблемами евреев. Но когда они были устранены, а Закон об испытаниях и корпорациях в 1829 году был отменен, Совет депутатов, о котором уже говорилось, почувствовал, что настал удобный момент. Они обратились к ведущим государственным деятелям того времени, в том числе к герцогу Веллингтону, указав, что, поскольку он недавно провел через парламент законопроект об облегчении положения римских католиков, он последовательно обязан сделать то же самое для облегчения положения евреев. Но герцог ответил, что подобная попытка вызовет такой гневный протест, что успех этой меры окажется безнадежным.

Тем не менее, кое-что было сделано. Первый шаг был сделан в 1828 году, когда были сняты ограничения, наложенные на допуск евреев на фондовую биржу. До этого времени туда допускались только двенадцать еврейских брокеров, а привилегию входа приходилось покупать, выплачивая крупную сумму лорд-мэру. [214](#) Теперь это было отменено, и в 1830 году мистер Роберт Грант, впоследствии лорд-адвокат в министерстве Грея, внес в Палату общин законопроект о снятии ограничений для евреев. Он был отклонен подавляющим большинством в 163 голоса. Реформированная Палата общин приняла его через три года после этого, но он был отброшен в Палате лордов.

Тем не менее дело евреев продвигалось вперед. В 1830 году был принят закон, легализующий еврейские браки, которые до этого времени закон не признавал. В 1832 году они были допущены к избирательному праву и стали свободными жителями Сити. Теперь им было разрешено открывать в городе магазины, что до сих пор им было запрещено. В 1833 году еврей, мистер Голдсמיד, был принят в Общество Линкольнс-Инн в качестве барристера. В 1835 году мистер Саломонс, тоже еврей, стал шерифом Мидлсекса. В 1837 году королева посвятила мистера Монтефиоре в рыцари, а в 1844 году евреи были объявлены имеющими право на все муниципальные должности. В 1847 году мистер Саломонс стал олдерменом, а в 1856 году - лорд-мэром.

Примерно в это время в Лондоне развернулось движение за реформирование еврейской церкви. Утверждается, что в первой половине нынешнего века службы в синагогах проводились плохо и посещались мало. Некоторые ревностные члены общины пытались добиться улучшения ситуации, но долгое время без особого успеха, пока в 1841 году дело не дошло до кризиса. Реформаторы, среди которых выделялся сэр Исаак Голдсמיד, отделились от своих собратьев и построили так называемую Реформатскую синагогу, которая сейчас находится на Верхней Беркли-стрит. Целью отделившихся было главным образом улучшить существующую литургию, частично сократив ее, частично устранив некоторые выражения в молитвах, которые не гармонируют с чувствами образованных евреев в наши дни.^[215] По этому поводу было вызвано много гневных чувств, и отлучения отделившихся свободно произносились. Однако через несколько лет эти чувства стали утихать, а теперь, как нам говорят, и вовсе исчезли. И сефарды, и ашкеназы, действительно, внесли значительные изменения в свои литургии в течение нынешнего столетия.

В 1847 году лидеры еврейских эмансипаторов предприняли важный шаг. На всеобщих выборах в том году барон Лайонел Ротшильд предложил себя в качестве кандидата от Лондона и был избран. Когда открылась сессия 1849 года, лорд Джон Рассел, тогдашний премьер-министр, внес на законопроект об исключении из парламентской присяги слов "на истинной вере христианина", что делало невозможным ее принятие евреями. Билль был принят большинством в 66 голосов. Затем он был внесен в Палату лордов графом Карлайлом, который настаивал на том, что евреи теперь единственные лица, исключенные из парламента по причине их религиозных взглядов. Поскольку единообразие убеждений по религиозным вопросам перестало быть обязательным условием допуска в законодательный орган, исключать евреев на этом основании было явно несправедливо. Против законопроекта выступал архиепископ Кентерберийский, утверждавший, что эта мера несовместима с национальным исповеданием христианства, а также епископ Эксетерский, заявивший, что она нарушает договор, заключенный между государем и нацией, согласно которому "корона должна поддерживать законы Божьи и истинное исповедание Евангелия". С другой стороны, архиепископ Уэли утверждал, что дух христианства запрещает нам требовать наложения гражданских наказаний на тех, кто расходится с ним. При разделении голосов законопроект был проигран большинством в 25 голосов.

Теперь была предпринята попытка иного характера, чтобы добиться желаемого. 26 июля 1850 года барон Ротшильд предстал перед спикером, чтобы принести необходимую присягу; когда клерк представил Новый Завет, он сказал: "Я хочу быть присягнутым на Ветхом Завете". Сэр Р. Инглис поднялся, чтобы возразить против этого предложения; барону было приказано удалиться, после чего начались долгие дебаты. Выслушав мнение служителей закона Короны, палата постановила, что барон Ротшильд не может принести присягу иначе, как в обычном порядке, предписанном законом. Однако было решено, что на следующей сессии должен быть внесен другой законопроект для облегчения положения евреев.

Так и было сделано. Билль был внесен и принят, хотя и меньшим большинством голосов, а затем отправлен к лордам, которые, как и прежде, отклонили его. За его отклонением последовала вторая попытка, аналогичная той, что была предпринята бароном Ротшильдом в предыдущем году. Олдермен Саломонс, который был избран от округа Гринвич, предстал перед столом и потребовал, чтобы его привели к присяге на Ветхом Завете. Ему было приказано удалиться, но он отказался это сделать, пока не был передан под стражу сержанту-атташе. Он также проголосовал в двух или трех отделениях, хотя и не принял присягу. Палата объявила эту процедуру незаконной, и против олдермена Саломонса был подан иск в Суд казначейства о взыскании с него штрафа в 500 фунтов стерлингов, который

он, как утверждается, понес, голосуя в Палате общин без предварительной присяги. Решение было вынесено в пользу истца. Мистер Саломонс подал апелляцию, и дело было вновь рассмотрено шестью судьями, но они подтвердили решение предыдущего суда.

С тех пор и до 1858 года законопроекты неоднократно вносились в нижнюю палату и принимались большинством голосов, иногда большим, иногда меньшим, вплоть до вышеупомянутого года, когда, при правительстве консерваторов, община приняла евреев резолюцией, отменяющей постоянный порядок палаты, и барон Ротшильд занял свое место в качестве первого еврейского члена. В 1860 году через обе палаты прошел законопроект, позволяющий евреям исключить из парламентской присяги слова "на истинной вере христианина". Чтобы завершить историю еврейской эмансипации, следует добавить, что в 1873 году сэр Джордж Джессел стал магистром Роллса, первым евреем, принятым в английскую коллегия; а в 1885 году сэр Н. Ротшильд стал пэром, первым, кто вошел в английскую палату лордов. Ни один еврей до сих пор не был министром Кабинета; но очевидно, что, когда в интересах партии, которая на данный момент преобладает в стране, будет необходимо сделать еврея лордом-канцлером, или одним из государственных секретарей, или даже премьер-министром, не будет никаких юридических препятствий, и, вероятно, не будет никакой оппозиции такой мере. Борьба, по сути, закончена. Евреи полностью эмансипированы.

История этой затянувшейся распри представляет большой интерес для изучающего еврейскую историю, потому что она самым наглядным образом иллюстрирует разницу во взглядах людей на евреев, существовавшую с самых ранних веков существования Церкви, которая, по сути, существует и сейчас, несмотря на большие перемены в их положении, которые произошли в нынешнем веке. Многие искренние христиане по-прежнему считают, что нация, допустив евреев в законодательные органы, нарушила свой долг перед Богом. Прежде всего, существует убеждение, что евреи - это народ, находящийся под проклятием Божиим, и что проявлять к ним какую-либо благосклонность - значит восставать против этого постановления. Мы видели, к каким отвратительным варварствам приводила эта идея в темные и средние века. Ее форма девятнадцатого века - отстранение и лишение их гражданских прав - менее шокирующая по своим результатам, но столь же ложная по принципу. У Бога, несомненно, есть Свои собственные цели по отношению к ним, и они - стоящее чудо, неизменное свидетельство истинности Его пророческого слова. Но Он не повелел нам быть орудиями того, что мы можем считать Его благоволением, и может совершить Свою работу без нашей помощи. Каждый верный последователь святого Павла будет рассматривать иудеев в том же свете, в каком рассматривал их он.^[216] Каждый искренне верующий в Господа будет повторять ту же молитву^[217], которую Он возносил за них. Опять же, есть те, кто, хотя и отвергает предложенную выше идею, все же считает, вместе с архиепископом Самнером, что допуск еврея в законодательный орган - это отречение от нашего национального христианства; или, вместе с епископом Филпотсом, что это нарушение коронационной клятвы государя. Если бы это было так, ни один верующий, ни один лояльный гражданин не смог бы поддержать эту меру. Но давайте рассмотрим, к чему на самом деле приводит "допуск в законодательные органы". Еврей, попавший в парламент, не может сам принимать или изменять законы. Он имеет лишь один голос из тысячи при принятии любого законодательного акта. Скажут, что он вообще не должен иметь никакого голоса. Но если это так, то он не должен обладать избирательным правом; или он может способствовать возвращению депутата, который представляет его мнение. Нет, даже если у него нет избирательного права, он может, используя свои деньги, свое положение, свой личный характер, свой язык как оратор, свое перо как писатель, оказывать мощное влияние на решение государственных дел, что, по сути, является законодательством. Единственным

способом помешать ему это сделать было бы поступить так, как поступили наши предки в Англии, как Торквемада в Испании, - запретить ему вообще жить на этой земле. Они, по крайней мере, были последовательны и не могли быть иными.

Опять же, нарушает ли государь, давая королевскую санкцию на законопроект об отмене еврейских ограничений, обязательство коронационной клятвы "соблюдать законы Божьи и истинно исповедовать Евангелие"? Под "законами Божьими" мы, я полагаю, должны понимать "заповеди Божьи". Эта фраза постоянно встречается в Писании именно в этом, и ни в каком другом, смысле. Но как их соблюдение может быть нарушено принятием в законодательный орган иудея, который признает эти заповеди с такой же религиозностью, как и христианин? Опять же, есть "истинное исповедание Евангелия" - то есть, как я заключаю, исповедание Евангелия, не запятнанное ересью или ложью. Но иудей не сможет запятнать его, даже если станет членом парламента. Парламент не решает богословские споры, не судит ереси, не принимает кандидатов в сан, не рукополагает и не посвящает. Если бы еврею было позволено, благодаря его избранию в Палату общин, вмешиваться во все эти дела, это, несомненно, было бы совсем другое дело, которому все лояльные церковники сопротивлялись бы изо всех сил. Но, как известно, еврейский член парламента не имеет и не желает ничего подобного[218].

По правде говоря, в умах некоторых людей существует путаница между "Божьими законами" и христианскими догмами, которая вводит их в заблуждение. Как глава государства, суверен поддерживает "законы Божьи" - общественную мораль, то есть те, которые справедливо называются так, потому что они в первую очередь устанавливаются Богом. Их обязаны поддерживать все люди, независимо от их вероисповедания. Как глава Церкви, государь поддерживает христианские догмы через служение тех, кто занимает в ней должности, и принимает к рассмотрению отрицания и извращения веры. На эти должности никогда не предлагалось допускать евреев, и нет ни малейшей вероятности, что это когда-либо будет сделано.

ПЯТНАДЦАТЬ:

[214] Сэр Мозес Монтефиоре заплатил 1200 фунтов стерлингов за допуск на биржу.

[215] В двенадцатой молитве, используемой евреями на протяжении многих веков в общественном богослужении, есть такие слова: "Пусть не будет надежды у тех, кто отступает от истинной религии, и пусть еретики, как бы многочисленны они ни были, погибнут в одно мгновение. И пусть царство гордыни (Римская империя) будет быстро выкорчевано и сокрушено в наши дни". В литургии ашкеназим эта молитва (которую традиция приписывает Гамалиэлю) теперь звучит следующим образом: "Пусть клеветники не имеют надежды, все нечестивцы будут уничтожены быстро, а все тираны - быстро отсечены". У сефардов молитва звучит следующим образом: "Пусть у клеветников не будет надежды, и пусть все самонадеянные отступники погибнут в одно мгновение. Пусть враги Твои и ненавидящие Тебя будут внезапно отсечены, и все, кто поступает нечестиво, будут внезапно уничтожены, сломлены и выкорчеваны; и смири их быстро в наши дни" - Horne's Introduction, iii. 474.

[216] Romans x. 1.

[217] Luke xxiii. 34.

[218] Сэр Г. Джессел не стал бы представлять живых, которые находились под его патронажем в качестве Магистра Роллов, на том самом основании, о котором здесь

говорится, - что он не имеет и не должен иметь ничего общего с христианской церковью. Несомненно, при нынешнем ненормальном положении вещей на рассмотрение парламента могут быть вынесены вопросы, связанные с церковью, в которые ни один еврей не может вмешиваться с полным правом. Но если он должен быть исключен на этом основании, то все, кроме истинных членов Церкви, также должны быть исключены.

ГЛАВА XLII.

1800-1885 ГГ.

ЕВРЕИ ВО ФРАНЦИИ, ИТАЛИИ И ГЕРМАНИИ.

Мы не слышали больше о евреях во Франции после облегчения, предоставленного им республиканским правительством, до 1806 года, когда Наполеон, получивший благодаря победе под Аустерлицем почти неоспоримое господство в Европе, разрабатывал свои планы по осуществлению этой заветной мечты его воображения - континентальной системы. Мало кто был более зорким и дальновидным человеком, чем Наполеон. Не приходится сомневаться, что он понимал, насколько ценным было бы для него сердечное сотрудничество евреев, если бы он только мог его получить. Их тайная, но широко распространенная система взаимных связей,^[219] их богатство, их интеллект, их совершенное владение принципами торговли значительно облегчили бы задуманные им планы. Вероятно, уже тогда он подумывал о возрождении Польского королевства как грозного соперника России; а огромное количество евреев, которое можно найти в этих странах, делало их добрую волю чрезвычайно важной для успеха такой затеи. Он созвал в Париже собрание евреев, которое, чтобы удовлетворить их национальные чувства, назвал Синедрионом, и вынес на его рассмотрение двенадцать вопросов,^[220] в основном касающихся их социальной жизни и положения во Франции. Как он, несомненно, и предполагал, это произвело эффект, вызвав заверения в их признании привилегий французского гражданства и горячей привязанности к родной земле, как они называли Францию. Императорское правительство признало себя удовлетворенным ответом. Был созван второй Синедрион, на который были приглашены иностранные евреи, и составлена своего рода конституция, которой, как надеялись, будут связаны евреи по всей Европе. Она была ратифицирована императорским эдиктом и в целом была чрезвычайно благоприятна для них. Он вступил в силу во Франции и во всех странах, на которые распространялась власть Наполеона, хотя в некоторых частях, например в Эльзасе, были сделаны уступки народным предрассудкам, а привилегии евреев были урезаны. Эффект вскоре проявился в покупке поместий еврейскими собственниками, использовании еврейского капитала в мануфактурах и участии евреев в целом в национальных планах внешней и внутренней политики.^[221] Во время революции 1830 года им было предоставлено самое полное равенство гражданства; с тех пор законы Франции не претерпели никаких изменений в том, что их касается.

В Италии положение евреев мало изменилось за это столетие, хотя общественное внимание к ним привлекалось раз или два. В большинстве крупных городов, хотя к ним и относятся с молчаливой неприязнью, открыто им ничего не делают. В некоторых, как, например, во Флоренции, к ним относятся строго справедливо, можно даже сказать, благосклонно. Их права защищены, и им разрешено заниматься всеми ремеслами и профессиями, кроме врачебной. В Риме, после прихода к власти Пио Ноно, среди различных либеральных мер, принятых им, была и одна в пользу евреев. В то время они были строго ограничены

пределами своего гетто; они были обязаны каждый год посылать депутацию из четырех старейшин, чтобы попросить разрешения проживать в течение этого года в Риме, и должны были периодически посещать проповеди, произносимые для их обращения. Все эти обязательства были отменены новым понтификом. 17 апреля 1847 года он торжественной процессией отправился в гетто и приказал снести стену, отделявшую его от остального города.^[222] Он отменил правила, по которым евреи были вынуждены просить разрешения жить в Риме и посещать противоречивые проповеди. Он даже заменил звезду на крест в учрежденном им ордене за заслуги, чтобы не оскорблять их чувства. После революции 1848 года, однако, старые правила были вновь введены в действие.

Летом 1858 года внимание общественности вновь было привлечено к положению евреев в папских государствах. 23 июня того года синьор Мортара, болонский торговец тканями, получил визит от полицейских, которые, как оказалось, были посланы падре Феллетти, главным инквизитором Болоньи. Была ночь, и все семеро детей синьора Мортары лежали в постели. Их разбудили, выяснили имена и возраст каждого, а затем сообщили, что служанка, которая была у них в услужении, дала показания о том, что шесть лет назад, когда один из их детей, по имени Эдгар, был опасно болен, она тайно крестила его. Поэтому ребенок был христианином и должен быть отдан в католическую церковь, чтобы его воспитали в этой вере. Мать закричала и упала в обморок. Отец обратился к архиепископу Болоньи и губернатору, но безрезультатно. Ребенок был насильно схвачен карабинерами и отправлен в Рим.

Синьор Мортара последовал за ним и имел беседу с кардиналом Антонелли. Его позиция, похоже, не была той, которая могла бы прийти в голову англичанину. Он не представил, что, даже если предположить, что заявление девочки верно, было бы самым чудовищным извращением как естественного права, так и христианской доктрины, если предположить, что ее поступок может быть достаточным основанием для изъятия ребенка из-под опеки родителей, которым его вверило Божье провидение. Вероятно, он понимал, что подобные доводы будут напрасны и что единственный шанс на успех - опровергнуть, что такое крещение, как утверждала служанка, когда-либо имело место. Поэтому он привел доказательства того, что у ребенка не было той опасной болезни, о которой она заявила, и что характер служанки настолько плох, что ее показания не имеют никакой ценности. Антонелли было не переубедить. Он, правда, смирился и разрешил родителям иногда видеться с сыном, но священники постоянно вмешивались, и в конце концов, обнаружив, вероятно, что они не продвинулись в примирении ребенка с новой жизнью, пока отец и мать имели к нему доступ, они увезли его совсем.

Эта история вызвала глубокую сенсацию во всей Европе. Несколько великих держав обратились в Ватикан, настаивая на том, что мальчик должен быть возвращен родителям. Но их попытки не увенчались успехом, и сэр Мозес Монтефиоре, известный защитник прав евреев, предпринял путешествие в Рим, где имел беседу с кардиналом Антонелли и просил разрешить ему лично изложить свой иск Папе. Его усилия рьяно поддерживал британский агент мистер Одо Рассел, но они оказались тщетными. Сэру Мозесу сообщили, что Пио Ноно считает дело окончательно решенным и отказывается его возобновлять. Мать мальчика, как говорят, умерла от горя. Как бы то ни было, несомненно, что более позорная история преследования никогда не позорила анналы папства. Утешением может служить тот факт, что с установлением итальянской монархии еврейский народ наконец-то обрел свободу и гражданское равенство^[223].

В Германии их история в течение этого столетия полна интереса, отчасти из-за замечательных колебаний политики, проявлявшихся время от времени в отношениях с ними

немецкого правительства, а отчасти из-за конфликта мнений между древними раввинскими школами и тем, что можно назвать неологией современного иудаизма, которая, зародившись, как мы видели, у Мендельсона и его современников, впоследствии черпала вдохновение у Штрауса и других родственных писателей.

После падения Наполеона, когда Германия была восстановлена, как утверждалось, почти на древней основе, одна из статей Федерального закона о германских государствах, обнародованного в июне 1815 года, обеспечивала евреям равные права гражданства на всей территории Германии, условно только при условии соблюдения ими законов государства, в котором они проживали. Однако принять закон всегда легче, чем обеспечить его соблюдение, и это особенно актуально для Германии, состоящей из множества федеральных государств, в которых существовали большие разногласия по многим вопросам, и особенно в отношении статуса евреев. Принцип социального и политического равенства евреев с христианскими жителями каждой страны все же пробивал себе дорогу, но очень медленно, и прошло несколько поколений, прежде чем он получил полное признание.

Приходилось преодолевать не только, так сказать, *vis inertiae* общественного мнения. В некоторых странах, во всяком случае, наблюдалась положительная реакция против благосклонности, которую диеты и правительства проявляли к евреям. Уже в 1815 году Франкфорт, Любек и Бремен приняли несколько законов, отменяющих гражданские привилегии, которые были предоставлены евреям. Коммерческая ревность, по-видимому, не была главной или, во всяком случае, единственной причиной такого изменения политики. На евреев нападали люди образованные и способные, от которых можно было ожидать, что они будут выше тех предрассудков, которые они демонстрировали. Против них выдвигались все недостатки их национального характера - их исключительность, их неизбывное упрямство, их жадность к наживе и особенно фанатизм их религиозных убеждений. Это, несомненно, оскорбляло рационалистическую школу, которая набирала популярность. Некоторые немецкие профессора настаивали на том, чтобы их всегда и везде считали пришельцами, которых нельзя заставить слиться с какой-либо другой нацией - они могут существовать в большом количестве в любой стране, но никогда не будут ее частью. Результатом этой агитации стало то, что вопрос об эмансипации евреев на время был отложен. Они были лишены возможности занимать должности в магистратуре, профессоров в университетах, комиссий в армии. В некоторых государствах обсуждался вопрос об их высылке; она даже была осуществлена в Любеке, насколько это касалось самого города. В других местах возобновились старые средневековые бесчинства. В Гамбурге и других городах дома евреев были разграблены и разрушены. Говорят даже, что в некоторых местах вновь раздался старый клич монаха Родольфа "Нер, Нер".

Революционная вспышка 1830 года во Франции распространилась и на Германию; но крайняя либеральная партия уже не выступала, как прежде, за полное социальное и политическое равенство евреев с их согражданами. Ненависть к догматическому учению, похоже, взяла верх над всеми другими соображениями; а поскольку догматизм евреев всегда был одной из их наиболее ярких характеристик, лидеры рационалистов, среди которых выделялся Бруно Бауэр, ратовали за их подавление как религиозной общины и лишение их гражданских прав и привилегий. У ортодоксальных евреев не было недостатка в способных и ревностных защитниках; но, как уже было сказано, они сталкивались с противодействием не только со стороны христиан. Как некоторые номинальные христиане в Германии и некоторые другие, которые вряд ли вообще могли претендовать на звание христиан, имели дело с историческими записями и богословскими догмами Евангелия, так и

номинальные евреи имели дело с догмами иудаизма. "В синагоге, как и в Церкви, - говорит да Коста, - все национальное и израильское, все сверхъестественное и недоступное человеческому разуму подвергалось яростным нападкам и отвергалось". Не просто в древнееврейскую литургию и синагогальную службу вводились новшества, импортировались органы и музыка, проповеди читались на немецком языке, новые молитвы интерполировались, а старые исключались, но фундаментальные доктрины их веры подвергались сомнению и дискредитации. Одна партия предлагала отменить иудейскую субботу, заменив ее христианским воскресеньем. Другая открыто заявила, что они не ждут и не желают прихода Мессии. Другая, более коварная, утверждала, что они действительно верят в будущее пришествие Надежды Израиля, но Он не личность, а просто представитель постоянно развивающегося просвещения и благословения - тот, кто всегда был и всегда будет, но никогда не придет, пока не достигнет совершенства человечества. Но подобная теория была бы более неудобной для иудея, чем ее аналог для христианина. Рационалисты могли бы объявить воплотившегося Бога олицетворенным мифом, идеальным Существом, в чьих словах и поступках нашла воплощение христианская идеология. Но были Его слова, которые не мог произнести ни один человек; были Его деяния, которые не мог совершить ни один человек; были Его предсказания, которые история мира с Его дня воплотила в жизнь, и которые не мог произнести никто, кроме Божественной Премудрости. У иудеев не было ничего из этого, что могло бы их поддержать, и нас не удивляет, что многие из них не нашли убежища в таком море сомнений, кроме как приняв христианское вероучение. Отсюда, по всей вероятности, и количество обращений, о которых сообщается, что они произошли в Германии в этот период. Да Коста сообщает, что их число составило пять тысяч за двадцать лет.

Но ортодоксальный иудаизм решительно противостоял этому злу. В крупных немецких городах были созданы школы и колледжи, возглавляемые учеными и ревностными учителями: среди них не было недостатка в выдающихся писателях и способных проповедниках. Среди ученых выделялись Рапорт и Леопольд Цунц; среди историков - Гейгер и Гретц, последний из которых является автором самой обширной и содержательной "Истории евреев", которая еще не появилась. Немецкие евреи также отличились во всех областях науки и литературы - в политике, в музыке, в метафизике, в медицине, в литературе. Их свободный допуск ко всем государственным должностям и полные права гражданства появились только после восстановления Германской империи, но теперь они полностью, и мы можем надеяться, окончательно, обеспечены.

ПЯТНАДЦАТЬ:

[219] Барон Ротшильд через свои частные агентства получил возможность сообщить британскому правительству о побеге Наполеона с Эльбы и победе Веллингтона при Ватерлоо.

[220] Эти вопросы были: 1, 2, 3. Разрешены ли еврейским законом многоженство, разводы и браки с христианами? 4, 5, 6. В каком свете евреи относятся к французам и считают ли евреи себя связанными законами Франции? 7, 8, 9. Каким образом и кем избираются раввины и каковы их полномочия? 10, 11, 12. Есть ли профессии, запрещенные для евреев? Допустимо ли ростовщичество как со своими, так и с чужими? Евреи отвечали: многоженство запрещено; развод разрешен, если он соответствует закону страны; межнациональные браки законны, но не отмечаются никаким религиозным обрядом; евреи считают французам своих братьями и признают французские законы; любая профессия законна; раввины избираются по обычаю и не имеют судебной власти; законный процент разрешен, но ростовщичество запрещено.

[221] В декларации, составленной в 1808 году, спустя не более года после эдикта Наполеона, говорится, что во Франции насчитывалось 80 000 евреев, из которых 1232 были землевладельцами, 250 - промышленниками и 797 военными, среди которых были офицеры всех рангов, вплоть до фельдмаршалов.

[222] Гетто было открыто во время французского владения Римом; но в 1815 году, когда Италия вернулась к своим старым хозяевам, прежнее положение вещей было восстановлено.

[223] С момента полного объединения итальянского королевства под властью Виктора Эммануила евреи во всех частях Италии пользуются правами гражданства без каких-либо ограничений. Они могут жить где угодно, заниматься любыми ремеслами и профессиями, занимать те же должности и выполнять те же обязанности, что и все остальные итальянские граждане. Гетто повсеместно упразднены, то есть каждому, кто пожелает, разрешено жить в них, и никто, кто не пожелает, не обязан там проживать.

[224] Israel and the Gentiles, p. 597.

[225] Цунц - автор великолепного обзора еврейской этики и двух работ о поэзии средневековых евреев. Он также написал заметку о знаменитом Раши и другие работы.

ГЛАВА XLIII.

1800-1885 ГГ.

ЕВРЕИ В ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ.

В Испании, вплоть до последних нескольких лет, положение евреев не претерпело существенных изменений по сравнению с тем, каким оно было в восемнадцатом веке. В 1808 году, когда Испания перешла под власть Наполеона, инквизиция была подавлена. Она возродилась вновь, когда в 1814 году страна вернулась под власть родных государей, но просуществовала лишь несколько лет и была окончательно подавлена кортесами в 1820 году. Однако старая нетерпимость, железное законодательство Фердинанда и Изабеллы все еще оставались практически в силе. Евреи как таковые не могли спокойно проживать в Испании, пока - как уже отмечалось - совсем недавно пример цивилизованной Европы не возымел свое действие, и евреям было разрешено вернуться в страну, к которой, несмотря на гонения многих поколений, они всегда питали горячую привязанность. В 1881 году испанский посол в Константинополе настолько изменил традиционную политику своей страны, что предложил убежище в Испании некоторым еврейским беглецам из России; и в некоторых главных испанских городах теперь публично совершаются еврейские богослужения.

То же самое происходит и в Португалии. В 1821 году кортесы отменили инквизицию, восстановили древние права, которыми обладали евреи до правления короля Эммануила, и постановили, что евреи могут повсеместно селиться в Португалии.

В Голландии и Бельгии царит полная свобода и равенство. Это началось в 1796 году, когда французы вступили во владение страной и ввели те же правила, которые существовали между ними. Поначалу они были не совсем приемлемы для еврейских жителей, поскольку, с одной стороны, снимали многие ограничения, наложенные до сих пор, но в то же время ограничивали власть раввинов и требовали от евреев участия во всех общественных

обязанностях и тяготах. Но права гражданства оказались благом, с лихвой компенсирующим эти недостатки; и теперь между ними и коренными жителями этих стран нет никакого различия.

В Дании, Швеции и Норвегии число евреев незначительно, и, судя по всему, им уделяется мало внимания. В Швейцарии с ними долгое время обращались крайне жестоко. Французское влияние, столь эффективное в других сопредельных странах, очень мало помогло им. Только в течение последних десяти лет государство предоставило им свободу вероисповедания.

Если перейти к более важной стране, Австрии, то в начале этого века евреи подверглись несколько суровому обращению. Преемники их великого покровителя и друга, Иосифа II, отменили многие привилегии, которые он им предоставил. Действительно, на протяжении большей части нынешнего столетия они подвергались ограничениям, которые следует считать необоснованными. Им не разрешалось арендовать или покупать землю, они не могли переезжать из одного места в другое без специального разрешения правительства, и с них взимался большой налог на капитуляцию. Однако в 1848 году он был снижен, и через двадцать лет после этого они получили от правительства полную свободу, которой пользуются сейчас. Несколько евреев, как нам сказали, сейчас являются членами законодательного собрания.

Эти правила имеют силу закона как в Венгрии, так и в самой Австрии; но ни правительство, ни народ не предоставляют им той полной свободы и равенства, которые закон призван обеспечить. Антипатия к ним во всей Центральной Европе хорошо известна. В Венгрии за последние несколько лет это было болезненно проиллюстрировано процессом в Ньирегьязе, который в течение многих недель привлекал внимание всей Европы. Поскольку он более убедительно, чем любой комментарий, иллюстрирует истинное положение венгерских евреев, будет уместно изложить здесь суть происшедшего.

В марте 1882 года молодая девушка по имени Эстер Солимоши внезапно исчезла. Она была недовольна своим положением и поссорилась с хозяйкой. Через несколько недель после этого еврей по имени Шарф вместе с еще одним или двумя своими соотечественниками был обвинен в ее убийстве, чтобы использовать ее кровь в ритуальных целях. Сначала единственным свидетельством был еврейский ребенок пяти лет, который сказал, что видел, как его отец и брат перерезали девушке горло и выловили ее кровь в таз. Брат, четырнадцатилетний мальчик, сначала отрицал свою осведомленность об этой операции, но затем отказался от своих слов. Теперь он заявил, что не присутствовал при совершении преступления, но видел его через замочную скважину в двери скинии. Его рассказ не имел никаких подтверждений, и, помимо того, что он противоречил его первым показаниям, было доказано, что невозможно увидеть через замочную скважину двери то, что он описал.

Через шесть недель после этого в реке Тайсс было найдено тело Эстер Солимоши, которая поклялась, что это она. Оно было одето в ее одежду и опознано по своеобразному шраму. Чтобы сорвать расследование, было сделано заявление, что в одежду Эстер было одето тело другого человека. Но дело развалилось, и евреи были полностью оправданы. Приговор сопровождался официальным заявлением о том, что часто повторяемое обвинение против евреев в использовании христианской крови в своих службах является необоснованной клеветой. Но народное возмущение, с которым было встречено оправдание, показывает, насколько глубоко укоренилось предубеждение венгерского народа по этому вопросу.

Расследование, по сути, выявило массу невежества, предрассудков и несправедливости, которые были бы достаточно плохи в двенадцатом веке, но в девятнадцатом почти невероятны. Низшие классы, действительно, в большинстве европейских стран все еще погрязли в невежестве. Но что мы должны думать об образованных людях - мэрах, комиссарах полиции, юристах, занимающих высокие посты, - которые могут поверить, что евреи использовали христианскую кровь при совершении своих религиозных обрядов? Что мы должны думать о прокуроре, который может заявить, что евреям нужна христианская кровь, а она не может быть нужна иначе, как для ритуальных целей? Это поразительный пример того, как далеко могут зайти закоренелые предрассудки, влияющие на умы даже образованных людей[226].

В России, как уже отмечалось, число евреев больше, а обращение с ними более суровое, чем в любой другой стране мира. Из самой России - "Святой Руси", как ее называют, - они были исключены на протяжении многих поколений, и закон не позволяет им оставаться там и сейчас. Закон часто обходят, и от этого часто случаются большие беды. Какая-нибудь досужая или злонамеренная история получает широкую огласку и возбуждает население до яростной фанатичной вспышки, в ходе которой грабежи, бесчинства и резня совершаются в огромных масштабах; или же власти внезапно возбуждаются в настоящем или притворном рвении к защите закона, и тысячи еврейских семей в один момент вынуждены эмигрировать из страны. В 1846 году царь Николай издал новый указ, предписывающий всем евреям, проживавшим в пределах пяти и тридцати миль от границы Германии и Австрии, удалиться в глубь страны. Основанием для этого указа послужило то, что через границу контрабандой провозилось большое количество товаров. Английский совет депутатов, среди которых были Монтефиоре и Ротшильд, представил лорду Абердину, тогдашнему министру иностранных дел, заявление, в котором указывалось на ужасные страдания и разорение, к которым приведет эта мера. Лорд Абердин обратился за помощью к императору, которого убедили приостановить действие указов сначала на три года, а затем еще на четыре. Убедившись, что ему не удастся добиться его полной отмены, Монтефиоре предпринял личную экспедицию в Санкт-Петербург, где был любезно принят царем и сумел склонить его к отмене эдикта. При Александре II недовольство было в некоторой степени смягчено. Некоторым из них было разрешено покинуть старые перенаселенные поселения и основать новые торговые центры в других провинциях империи. Но их положение по-прежнему остается крайне плачевным. Они обложены специальными поборами и подвергаются всевозможным ограничениям: они лишены возможности заниматься многими профессиями или могут заниматься ими, только давая взятки чиновникам, которые держат их в полной своей власти. Фанатичные восстания против них также часты, и власти попустительствуют, а то и поощряют их.

В Сербии их положение несколько лучше. Насильственная эмиграция иногда случается, но не в таких масштабах, как в соседних странах. Примерно так же обстоят дела и в Молдавии, где им разрешено заниматься большинством ремесел. Говорят, что крыши, шпили и церкви по всей стране - дело рук евреев, и почти в каждом трактире есть еврейский хозяин. Однако в последние годы их привилегии были урезаны, и они подвергались довольно суровому обращению.

В Румании отношение к ним было еще хуже. Можно сомневаться, что даже в России евреи претерпели столько незаслуженных обид. Следует помнить, что Румания - самое недавно созданное из всех европейских королевств, признанное независимым государством Берлинским договором 1878 года. Одно из условий ее включения в список европейских суверенитетов было закреплено в статье 44 этого договора

"В Румании различие религиозных верований не должно служить основанием для лишения какого-либо лица гражданских и политических прав, приема на государственную службу, занятия профессиями и промыслами в какой бы то ни было местности".

Но едва конгресс распался, как румыны попытались уйти от возложенного на них обязательства. Вместо того чтобы предоставить привилегию натурализации всем евреям страны, они предоставили ее только тем лицам, которые подали заявление, и потребовали от них выполнения определенных условий, соблюдение которых для многих евреев было бы затруднительно, а для многих и вовсе невозможно.^[227] Следствием этого стало то, что, хотя в Румании, как утверждают, проживает более двухсот пятидесяти тысяч евреев, которые на протяжении многих поколений проживали в этой стране,^[228] натурализовалось немногим более тысячи; и даже в случае с ними натурализация носит только личный характер, а дети таких лиц считаются иностранцами. В 1884 году ни один еврей не получил этой привилегии. Короче говоря, условие, на котором Румания была признана Берлинским конгрессом в качестве суверенного государства, сознательно и систематически уклоняется. На это, правда, указывали румынскому правительству некоторые из держав-подписантов, но безрезультатно.

Не следует думать, что отказ в натурализации - это просто сентиментальная обида. Она влечет за собой ограничения самого серьезного характера, лишая евреев возможности заниматься большинством профессий и ремесел и серьезно затрудняя их в тех, которыми им разрешено заниматься. Ни один еврей не может быть государственным, железнодорожным или санитарным чиновником, директором банка, брокером, клерком или химиком. Они исключены из всех мест общественного образования; во многих местах у них отнято право содержать трактиры; ведется непрерывная агитация за то, чтобы лишить их права заниматься теми немногими ремеслами, которые им еще разрешены. Только в 1884 году был принят так называемый "Закон о лоточниках", согласно которому лоточники подлежали судебному преследованию, если они торговали без лицензии, а в этой лицензии евреям неизменно отказывали. История их несчастий также не заканчивается лишением их всех привилегий гражданства. Они подвергаются всевозможным оскорблениям и обидам, за которые практически невозможно получить возмещение; ни один суд не рискнет вынести беспристрастное решение по любому иску между христианином и евреем.^[229] Любые попытки поставить вопрос об их правах перед сенатом неизбежно терпят неудачу: им отказывают даже в разрешении на обсуждение этого вопроса. Пресса, в большинстве стран выступающая за терпимость и свободу, здесь является самым яростным и громким сторонником несправедливости и угнетения. Фактически, худшая нетерпимость худших периодов Франции, Испании и Германии проявляется в Румании сегодняшнего дня. Удивительно, что европейские державы, навязавшие свои условия румынскому правительству на Берлинском конгрессе, не сочли себя обязанными по чести следить за их лояльным выполнением. Можно надеяться, что в скором времени в них проснется чувство ответственности, и они сделают это.

ССЫЛКИ:

^[226] См. Приложение V., "Обвинение в крови".

^[227] Они должны были представить прошения, в которых заявитель указывал сумму капитала, которым он владеет, и профессию или призвание, которому он следует. После подачи прошения он был обязан прожить в стране *десять лет*, в течение которых он должен был зарекомендовать себя полезным членом общества. Очевидно, что эти условия дают

широкие возможности для отказа в натурализации любому еврею, который может не понравиться правительству.

[228] В основном это сефарды, бежавшие из Испании в пятнадцатом и шестнадцатом веках.

[229] В Ботушани в 1885 году пятеро румын были обвинены в убийстве еврея. Улики были очевидны, но защита утверждала, что христианин не может быть наказан за убийство еврея; был вынесен оправдательный приговор, но с предписанием выплатить тысячу франков семье еврея за убийство. Совсем недавно одна иллюстрированная газета выпустила большую гравюру, предметом которой стало убийство евреями христианского ребенка - старая, бесстыдная, избитая, тысячу раз опровергнутая клевета. Невозможно поверить, что владельцы газеты прекрасно понимали, какую ложь и клевету они распространяют; но они знали, что лютая ненависть к евреям обеспечит им выгодный сбыт.

ГЛАВА XLIV.

1800-1885 ГГ.

ЕВРЕИ В АФРИКЕ, АМЕРИКЕ И АЗИИ - ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Положение евреев в Марокко менее безопасно, чем в большинстве магометанских стран. Они страдают от фанатизма магометан, которые являются менее гуманной расой, чем их азиатские собратья. Грабежи и убийства совершаются почти безнаказанно, а защита закона для них - почти мертвая буква. В подтверждение их жалкого состояния говорят, что в большинстве главных городов они вынуждены ходить босиком. За пределами Марокко большое количество евреев ведут кочевой образ жизни, живут в палатках, держат стада и отары и обрабатывают землю в своих окрестностях. В Каире и Александрии их положение несколько лучше, и в этих городах много состоятельных евреев. Но везде они подвержены вспышкам слепой фанатичной ярости, о которых так часто упоминалось. В 1863 году произошел случай, на который важно обратить внимание, поскольку он слишком наглядно демонстрирует положение дел в этих странах. В Саффи внезапно умер испанец, и испанские власти потребовали провести расследование обстоятельств его смерти. Чтобы отвести от себя подозрения, мавры обвинили в отравлении еврейского мальчика, который был в услужении у покойного. Тот отрицал свою вину, но его бичевали до тех пор, пока он не признался в этом и не оговорил еще нескольких человек. Если бы марокканские евреи не обратились к сэру Мозесу Монтефиоре, последовали бы народные волнения. Он попросил вмешательства нашего правительства и отправился в Марокко, где ему не только удалось освободить нескольких евреев, содержащихся в тюрьме по обвинению, которое не удалось доказать, но и добиться аудиенции у султана Марокко, который принял его с большим почетом. Он указал султану на то, что евреи Марокко лишены какой-либо правовой защиты и, как следствие, часто подвергаются бесчинствам, за которые они не могут получить никакого возмещения; он просил обеспечить им равное правосудие, как и другим жителям страны. Через несколько дней был издан указ, предписывающий впредь одинаково справедливо относиться к евреям, христианам и магометанам во всех владениях султана. Опыт показал, что добиться подобных уступок от мусульманских государей гораздо легче, чем обеспечить их должное соблюдение подчиненными офицерами. Тем не менее, несомненно, это большой прогресс в социальном положении евреев Марокко.

Евреев много в Бразилии и в Соединенных Штатах Америки. В последней стране нет нужды говорить, что они пользуются самой полной терпимостью. Еврейские больницы, еврейские приюты, бесплатные школы, богадельни, благотворительные учреждения всех видов существуют в главных городах, в которых также можно найти великолепные синагоги. Однако авторитет раввинов, как правило, не так велик, как в европейских странах. Говорят, что в их ритуалах наблюдается большая расхлябанность: некоторые полностью отказываются от иврита в своих литургиях, другие делают воскресенье вместо субботы днем религиозного соблюдения. За последние несколько поколений их население росло необычайно быстро. Евреи рассеяны в Мексике и в крупных городах Южной Америки, но не в большом количестве.

В султанских владениях, как европейских, так и азиатских, положение евреев в течение нынешнего столетия мало чем отличалось от того, каким оно было в предшествующие ему. Как уже отмечалось, к ним относятся более доброжелательно и справедливо, чем в других магометанских странах, что, вероятно, является результатом более свободного общения с Европой. Но и здесь они подвержены внезапным вспышкам религиозного фанатизма или торговой ревности, и этих случаях они страдают от большой несправедливости и жестокости. Два ярких случая произошли в 1840 году.

В тот год на острове Родос внезапно пропал греческий мальчик, и одна женщина утверждала, что видела его незадолго до этого в компании с евреем. Случилось это как раз во время Пасхи, и, как ни странно, некоторые европейские консулы, не имея более веских доказательств, чем это, подняли старую клевету, что мальчик был убит, чтобы его кровь могла быть использована в ритуальных целях. Еврей был арестован и отрицал свое знакомство с мальчиком. После этого его подвергли пыткам, под которыми его рассудок сдался, и он назвал имена нескольких евреев, которых сразу же приняли за его сообщников. Их схватили и, в свою очередь, посадили на дыбу; еврейский квартал был закрыт, и туда не пускали еду; говорят даже, что была сделана попытка занести труп в один из домов, чтобы его там нашли. Эта история распространилась во всех направлениях, последовали народные восстания и бесчинства против евреев.

Случай в Дамаске был еще более серьезным. Отец Томазо, монах, много лет занимавшийся врачебной практикой, внезапно исчез. Распространился слух, что в последний раз его видели в еврейском квартале, куда тут же ворвалась толпа христиан, объявивших евреев его убийцами. Граф Ментон, французский консул, движимый, как полагают, политическими мотивами, взялся за дело и настоял на наказании преступников, каковыми он решил считать евреев. Он привел людей, которые поклялись, что монаха видели входящим в лавку еврейского цирюльника, из которой он больше не выходил. Парикмахера схватили и стали бить бастинадой, пока он в агонии не обвинил нескольких богатейших евреев города в причастности к убийству. Их в свою очередь подвергли пыткам, от которых двое из них умерли, а еще несколько признались в соучастии в преступлении. Молодого еврея, который поклялся, что видел, как отец Томазо входил в дом турецкого купца в вечер его исчезновения, запытали до смерти, чтобы заставить его отказаться от своих показаний. Теперь французский консул представил турецкому паше вырванные у пленников признания и настоял на том, чтобы их немедленно предали смерти.

К счастью, паша счел за лучшее обратиться в штаб-квартиру за инструкциями, и, таким образом, прошло достаточно времени, чтобы сообщение о случившемся достигло Англии. Там оно произвело глубокую сенсацию. В Лондоне, в доме сэра Мозеса Монтефиоре, состоялось большое собрание влиятельных евреев, которым было поручено добиться беседы с лордом Пальмерстоном, в то время министром иностранных дел. От него сэр Мозес

получил всю возможную помощь, но было решено отправить на Восток специальную миссию, чтобы представить дело в истинном свете турецким властям. Сэр Мозес сам взял на себя эту миссию и отправился в Сирию в сопровождении М. Кремье, еврейского члена Французской палаты, и еще нескольких человек. Они узнали, что на Родосе пленные были освобождены, а губернатор, санкционировавший это дело, отстранен от должности; но дело Дамаска все еще не было решено. Сэр Мозес добился встречи с пашой Египта, который попытался найти компромисс, предложив помиловать всех заключенных, которые были обвинены. Но ему ответили, что помиловать невиновных - это несправедливо. Требовалось полное и почетное оправдание обвиняемых. Это было вскоре предоставлено, и заключенные были освобождены из-под стражи. Впоследствии сэр Мозес имел беседу с самим султаном, 6 ноября того же 1840 года, когда он получил от него - как ранее от султана Марокко - знаменитый фирман, который предоставлял евреям на всей территории турецких владений самую полную защиту.

В Персии, Бохаре, Йемене и Средней Азии существуют многочисленные колонии евреев, занимающихся, как правило, торговлей, но иногда и сельским хозяйством. По всей видимости, они не так богаты, как их западные собратья. Многие из них, более того, крайне бедны, зарабатывая на пропитание поденной работой. Они говорят и едят только на своем языке, хотя могут общаться с жителями страны. Они живут в основном между собой, никогда не вступая в браки с чужаками, и переносят свои разногласия к раввину своей синагоги, который, по сути, является судьей, уполномоченным законом разрешать их споры. Одной из причин их замкнутости является боязнь разрешить своим детям изучать светские предметы, которые, по их мнению, могут подорвать основы их веры.

В 1881 году сообщалось, что в Святой Земле в Иерусалиме проживает около 15 000 евреев - примерно половина его населения. Верно это или нет, но несомненно, что число евреев в этом городе неуклонно, хотя и не быстро, растет, и растет оно со времен Крымской войны. Что бы ни думали об этой войне, одним из ее последствий было открытие Палестины для европейских поселенцев; и, как и следовало ожидать, евреи воспользовались возможностью обрести свой дом на древней земле их отцов. Но очень немногие из тех, кто попытался это сделать, обладали средствами для комфортного существования. Один из тех, кто хорошо знает евреев, заметил, что они довольствуются тем, что живут в других местах, пока жизнь их благополучна. Именно бедные, несчастные, гонимые ищут там убежища. Старик, чьи дети ушли в мир иной, приезжает, чтобы провести остаток дней в религиозных упражнениях. Несколько раввинов также посвящают себя работе по присмотру за различными общинами, созданными таким образом. Заветный комитет Монтефиоре сделал кое-что, чтобы помочь этой иммиграции. Он основал сельскохозяйственные общины в разных местах, в частности за западными стенами Иерусалима, где четыре тысячи евреев живут в комфортабельных домах, специально построенных для них. По достоверным сведениям, с 1860 года население увеличилось втрое.

Но есть и большие недостатки. Евреи от природы не склонны к ручному труду, предпочитая, как они сами говорят, работать мозгами, а не руками. Кроме того, существует искушение, которое всегда преследует тех, кто в той или иной степени живет за счет благотворительности других, - злоупотреблять щедростью своих благодетелей, не делая никакой работы самостоятельно. Кроме того, существует конкуренция со стороны местных рабочих, феллахов, которые привыкли к климату, тяжелому труду и скудной пище и могут прожить примерно на треть того, что необходимо еврею. В целом нельзя сказать, что низшие слои евреев процветают на Святой Земле.

Однако в Иерусалиме есть множество синагог как для ашкеназов, так и для сефардов, а также талмудические школы, поддерживаемые крупными взносами, взимаемыми с евреев всего мира. Школы также существуют в Хевроне, Тверии, Цфате, Яффо и других городах. В Иерусалиме есть три еврейские больницы, а также многочисленные богадельни. В Иерусалиме представлены все секты евреев: хасиды и караимы, а также ортодоксальные последователи раввинов. В целом, хотя нет сомнений в том, что положение палестинских евреев в последние годы улучшилось, все же сомнительно, что можно добиться каких-либо постоянных улучшений, пока страна остается под властью Турции.

На этом мы заканчиваем это странное разнообразное, но еще более странное монотонное повествование - не потому, как в случае с любым другим древним народом, что его национальная история подошла к концу, а просто потому, что мы не можем прочесть будущее. Восемнадцать веков в всех других случаях привели к столь значительным изменениям в состоянии нации, что трудно проследить какую-либо идентичность между ее предыдущими и последующими поколениями. Восемнадцать веков назад наши предки были дикими племенами, жили в плетеных хижинах, пачкали свои обнаженные тела ватой и практиковали варварские и кровавые обряды. В языке, в религии, в умственной и нравственной культуре, в социальной организации они настолько отличались от нас, что трудно найти между ними хоть какое-то сходство. Но во всех этих отношениях еврей первого века мало чем отличается от своего потомка восемнадцатью сотнями лет позже. Он говорит на том же языке, придерживается того же вероучения, соблюдает те же или почти те же привычки жизни, что и его праотцы все это время назад. И все же этот долгий период - не половина жизни еврейского народа. Он начался в эпоху, когда предание о Потопе было еще свежо на земле; он все еще находится в полноте своей жизни, когда глаз веры может различить, не очень далеко, рассвет Судного дня. Чем же закончится эта странная история? Каким должен быть последний акт этой удивительной драмы? Иерусалим уже давно попирается язычниками; времена язычников почти исполнились. Что же последует за этим? Восстановятся ли евреи как отдельный народ в Земле обетованной и примут ли они там Того, Кого их отцы отвергли как своего Царя? Нет такого предмета, на котором было бы больше спекуляций или более уверенных суждений. Но это голос человека, а не Бога. Одно можно сказать с уверенностью. Бог не отбросил Свой народ. Кто может читать его историю и сомневаться в этом? Но когда, где и как Ему будет угодно снова взять их к себе в услужение, никто не может предсказать. Наши дети увидят решение этой загадки и благословят Бога за Его милость. Давайте и мы благословим Бога и будем ждать с верой.

КОНЕЦ.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

СТАТИСТИКА ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ.

Всегда трудно определить количество евреев, проживающих как в Святой Земле, так и в любой другой стране мира. Это замечание относится не только к древним, но и к современным временам. Дело не только в том, что сведения, сообщаемые писателями, скудны, но и в том, что утверждения одних историков сильно отличаются от данных других, а многое приходится отвергать как совершенно невероятное. Например, автор Книги Самуила[230] сообщает нам, что численность военного населения царства Давида составляла 1 300 000 человек. Но в параллельном отрывке из Книги Хроник[231] говорится,

что их было почти на 300 000 больше. Попытка примирить эти расхождения, - говорит один умный писатель[232], - была бы напрасным трудом". Во время правления Реховоама, 975 г. до н. э., число мужчин Иуды, взявших в руки меч, оценивается в 180 000.[233] Но при воцарении его сына, не прошло и двадцати лет после этого, оно составляет 400 000.[234] Относим ли мы эти противоречия к искажениям текста или к различным способам подсчета, для нас не имеет большого значения. Эти два утверждения совершенно непримиримы друг с другом. Цифры Иосифа, опять же, не заслуживают доверия. Он считает количество тех, кто вернулся с Зоровавелем из Вавилона, огромной цифрой в 4 628 000 и 47 000 женщин.[235] Это, конечно, абсолютная невозможность; и мы знаем из книг Ездры и Неемии, что реальное количество составляло 42 000.[236] Было высказано предположение, что текст Иосифа в этом отрывке испорчен. Но если это так, то вполне можно предположить, что он испорчен и в других подобных местах. Так, он утверждает, что число людей, запертых в Иерусалиме во время осады Титом, составляло 2 700 000 человек,[237] в то время как Тацит оценивает его в 600 000.[238] И здесь, хотя подсчеты римского историка, вероятно, не соответствуют действительности, поскольку он не учел необычное количество жителей во время осады, все же данные Иосифа следует отвергнуть как невероятные.[239] Обычно считается, что окружность стен Иерусалима составляла около четырех миль. Пространство, заключенное в стенах, было бы примерно равно той части площади Лондона, которая простирается от Тайбернских ворот до Британского музея в одну сторону и от Риджентс-парка до Уайтхолла в другую, если провести воображаемый круг, центром которого будет Риджентс-цирк. В отгороженной таким образом части - едва ли десятая часть того, что находится в пределах смертности, - может находиться полмиллиона человек. Если учесть узкие улочки старого Иерусалима, можно подсчитать, что на той же площади в этом городе поместится еще 100 000 человек, что почти полностью подтверждает утверждение Тацита. Несомненно, во время Пасхи огромное количество людей прибывало из чужих стран, и они, как могли, размещались в самом Иерусалиме или в его окрестностях. Многие, вероятно, останавливались в отдаленных деревнях, а многие, согласно общепринятой на Востоке практике, спали под открытым небом. Конечно, они были бы согнаны в Иерусалим с приближением римских войск, и, таким образом, их число в начале осады могло достигать миллиона или около того. Но представление о том, что на описанной выше территории скопилось почти три миллиона человек, просто абсурдно.

Но если статистические данные Иосифа по этим двум важным пунктам должны быть отвергнуты как не заслуживающие доверия, то как мы можем доверять его утверждениям в вопросах почти такого же рода? Он говорит нам, что в Галилее в его время было более двухсот городов и деревень, ни в одной из которых не было менее 15 000 жителей.[240] Если это действительно так, то в этой провинции, которая по размерам едва ли больше одного из крупнейших английских графств, должно было проживать около трех миллионов человек, а население всей Палестины приближалось бы к десяти миллионам. Мало кто из читателей поверит этому.

В то же время не один заслуживающий доверия писатель утверждает, что Палестина была густонаселенной страной. Говорят, что население на квадратную милю в ней было больше, чем в любой другой части римских владений. Диодор,[241] Страбон,[242] Тацит,[243] и Дион Кассий[244] согласны в этом; и поэтому, хотя мы не можем принять утверждения Иосифа как даже приблизительно точные, их можно признать, поскольку они подтверждают многочисленность населения Палестины во время осады. Мы также не имеем возможности оценить его численность независимо от вышеупомянутых писателей. Так, Гекатей Абдерский (цитата из Joseph. Ар. i. 21) говорит, что в Иерусалиме в его время (312 г. н. э.) было 120 000 жителей. Если предположить, что население росло в среднем, то, согласно этому подсчету, в

Иерусалиме во время осады проживало около 600 000 человек, что вполне согласуется с оценкой Тацита. Согласно Маккавеем. II., в городе на момент правления Антиоха Эпифана, 180 г. н. э., проживало 160 000 человек, или, по другим данным, 180 000. Таким образом, число жителей на момент начала гражданской войны будет несколько меньше, но существенной разницы не будет. В целом можно предположить, что, разделив оценки Иосифа на три, мы приблизимся к реальному числу. Согласно этому, перепись населения Святой земли в 71 г. н. э. составила бы около трех с половиной миллионов человек, а общее число осажденных в Святом городе - менее миллиона.

Еще сложнее оценить общее количество евреев в других странах мира в это время. Мы можем с уверенностью предположить, что их количество не могло быть меньше, чем жителей Палестины. У нас есть основания полагать, что основная часть народа не вернулась вместе с Зоровавелем. Те, кто остался в чужих странах, куда они были отправлены, процветали и размножались в своих новых домах. Есть основания предполагать, что в последующие периоды происходили большие эмиграции из Святой Земли, возможно, во время эдикта царя Ахазура, а еще более вероятно - во время гонений Антиоха Эпифана и римского вторжения. У нас есть самые четкие свидетельства современных авторов о том, насколько сильно евреи во времена нашего Господа распространились в чужих землях, образуя повсюду отдельный народ, как это происходит и в наши дни. Моммзен приводит высказывание одного из писателей времен Юлия Цезаря о том, что римскому правителю своей провинции было бы опасно обижать евреев, потому что по возвращении в Рим он мог бы встретить презрение со стороны их соотечественников там. Агриппа I. писал императору Калигуле о том же, но более определенно. Иерусалим, - говорит он, - является метрополией не только Иудеи, но и многих земель, из-за колоний, которые он время от времени посылал в прилегающие страны - Египет, Финикию, Сирию, Кело-Сирию, Памфилию, Киликию, Малую Азию, вплоть до Вифинии, и самые отдаленные части Понта; Также в Европе - в Фессалии, Беотии, Македонии, Итолии, Аттике, Аргосе, Коринфе и Пелопоннесе. Еврейские поселения не ограничиваются материком. Их можно найти и на более важных островах - Эвбее, Кипре, Крите. Я не настаиваю на странах за Евфратом, ибо, за редким исключением, все они, Вавилон и плодородные области вокруг него, имеют еврейских жителей"[245]. Это свидетельство подтверждается рассказом святого Луки о том, что произошло в день Пятидесятницы сразу после распятия (Деян. ii. 9, 10). Вряд ли можно сомневаться в том, что на момент начала этой истории в других землях было столько же евреев, сколько и в Палестине, а весь народ насчитывал, по самым скромным подсчетам, не менее семи миллионов.

С тех пор прошло восемнадцать столетий, а евреи по-прежнему остаются отдельным и особенным народом, вступающим в смешанные браки с другими расами реже, чем любой другой народ в мире. Согласно темпам[246], с которыми обычно растет население, они должны были бы удвоить свою численность более чем в семь раз и в настоящее время составлять многие сотни миллионов. Врожденная сила этой расы, похоже, не нарушена ни интеллектуально, ни физически. По сообщениям тех, кто изучал этот вопрос, их здоровье в различных странах, где они проживают, по крайней мере, не хуже, а то и явно лучше, чем у населения, среди которого они живут. Поэтому интересным и любопытным становится вопрос о том, какова численность этих людей в настоящее время. Те же трудности, с которыми мы столкнулись, пытаясь установить точную численность их населения во время падения Иерусалима, не встретились нам и при рассмотрении этого вопроса. Достоверные авторитеты привели статистические данные, которые, как выяснилось при рассмотрении, почти полностью совпадают друг с другом. Я предлагаю привести их здесь в деталях.

Начнем с Европы. Здесь самой многочисленной страной является Россия. В ней официальные данные за 1876 год составили 2 612 179 человек. В Австрии и Венгрии - 1 372 333, в Германской империи - 520 575. Во Франции их общее число не превышает 60 000 или 80 000. [247](#) В Англии число почти такое же. В Италии - 53 000; в Голландии - 68 000; в Молдавии, Сербии и Румании - около 300 000. В остальных странах Европы их может быть 20 000. Эти данные показывают, что общее число евреев в Европе составляет несколько сотен тысяч, а не 5 000 000.

Если перейти к Азии, то евреев в турецких владениях (включая как Турцию в Европе, так и Турцию в Азии) насчитывается около 200 000. В Персии, Бохаре, Самарканде, Центральной и Восточной Азии установить их реальную численность сложнее, но, по общему мнению, их можно приблизительно оценить в 50 000. В Аравии мнения сильно расходятся, некоторые утверждают, что их число достигает 200 000, в то время как более надежные авторитеты оценивают их в одну десятую этого числа. Есть также евреи Сирии и Святой земли, перепись которых уже была приведена. В целом, азиатских евреев можно считать 300 000, а может быть, и 400 000.

Если перейти к Африке, то евреи Египта оцениваются в 80 000, Триполи - в 100 000, Туниса - в 50 000, Алжира - в 70 000, Марокко - в 300 000. Таким образом, общее число африканских евреев в северных королевствах превышает полмиллиона. Если к ним добавить тех, кого можно найти в Центральной и Южной Африке, то общая сумма может составить 600 000 человек.

Наконец, в Америке и Австралии, как утверждается, проживает еврейское население, несколько превышающее азиатское. Главными центрами здесь являются Соединенные Штаты, Канада и Бразилия.

Судя по этим данным, которые, как можно предположить, не намного превышают и не намного меньше фактического количества, общее число исповедующих евреев в настоящее время составляет чуть меньше семи миллионов - то самое число, которое, насколько можно определить, было у еврейского народа, когда Господь воплотился на земле. Может ли кто-нибудь осознать этот поразительный факт и при этом сомневаться в живом чуде, которое представляет собой история евреев?

Сколько поколений человечества
Восстали и уснули,
а оно остается неизменным!

ССЫЛКИ:

[\[230\]](#) 2 Сам. xxiv. 9.

[\[231\]](#) 1 Chron. xxi. 5.

[\[232\]](#) Adam Clarke.

[\[233\]](#) 1 Kings xii. 21.

[\[234\]](#) 2 Chron. xiii. 3.

[\[235\]](#) Joseph., *Ant.* xi. 3, § 10.

[\[236\]](#) Ezra ii. 64; Nehem. vii. 66.

[237] Joseph., *Bell. Jud.* vi. 9, § 3.

[238] Tac. *Hist.* v. 13.

[239] Это наиболее вероятное объяснение малости его оценки численности города во время осады. Обычное население, вероятно, было бы примерно таким, как он называет.

[240] Joseph., *Bell. Jud.* iii. 3, § 2.

[241] Diodor. Sic. xl. Eclog. 1.

[242] Strabo xvi. 2, § 28.

[243] Tacitus, *Hist.* v. 8.

[244] Dion Cass. lxi. 14. Дион делает поразительное утверждение, что Адриан разрушил около 1000 городов κῶμαι ὀνομαστόται в Палестине, помимо крепостей.

[245] Philo, *Legat. ad Gaium*, § 36.

[246] Прирост населения, по мнению тех, кто занимался этим вопросом, составляет 1/227 в год, или, по мнению других, 1/223.

[247] Это, вероятно, слишком низкая оценка. Согласно переписи, проведенной в 1808 году, во Франции насчитывалось 80 000 евреев; и до сих пор ничто не мешало их увеличению. Скорее всего, их число составляет 100 000.

ПРИЛОЖЕНИЕ II. ТАЛМУДЫ.

Слово "Талмуд" имеет несколько значений, которые наиболее точно можно передать как "изучение" или "познание". Существует две так называемые книги - Иерусалимская и Вавилонская. Каждая из них состоит из двух частей: Мишны, или повторения, - это, так сказать, переиздание Моисеева закона, - и Гемары, или дополнения, критического расширения Мишны. Мишна в обоих Талмудах одна и та же, Гемары разные: вавилонская - более объемная и разнообразная. Они представляют собой энциклопедии еврейских знаний своего времени и касаются гражданских и уголовных, а также моральных и религиозных вопросов, права, науки, метафизики, истории и общей литературы.

Мишна была составлена рабби Иудой, прозванным Хаккадошем, или "Святым", который жил в царствование Антонина Пия. Она написана на очень чистом иврите. Но поскольку в него введено много вещей, имеющих иностранные названия, в нем часто встречаются латинские и греческие фразы. Гемара Иерусалимского Талмуда, который, как полагают, был завершен в конце четвертого века, написана на так называемом восточном арамейском языке: Вавилонский, который по крайней мере на столетие, а скорее всего на два столетия позже, - на западном арамейском.

Происхождение Мишны объявляется следующим. Когда Моисей был с Богом на Синае, Он сообщил ему двойной закон, письменный и устный. [248] Последний Моисей повторил Аарону, который передал его Елеазару и Итамару, те - семидесяти старейшинам, они - пророкам, а пророки - синагогам. Так оно передавалось из поколения в поколение, вплоть до

времени великого еврейского врача Гиллеля, жившего незадолго до рождения Христа. Он объединил огромную массу заповедей в шесть глав, однако, не закрепив их в письменном виде, что, как считалось, противоречило бы намерениям Божественного Дарителя. В более формальной форме, которую он теперь принял, Устный закон продолжался до разрушения Вифора и окончательного рассеяния еврейского народа. Затем, как мы уже видели, рабби Иуда Хаккадош, понимая, что восстановления древнего статуса евреев ждать не приходится, и опасаясь, что следствием этого станет полная утрата "Закона Уст", как его называли, - понимая также, что особые обстоятельства дела оправдывают его в нарушении правил, которые так долго соблюдались, - запечатлел традиции в том, который мог сохраниться навечно, защищенный от дополнений и изменений.

Его соотечественники поддержали это убеждение и приняли Мишну с глубочайшим уважением. Едва она была издана, как ученые раввины начали писать к ней комментарии, которые в конце третьего века были собраны рабби Йохананом Бен Элиэзером в один том и названы Гемарой. Стил, в котором она написана, суров и значительно уступает стилю Мишны; и даже лучшие гебраисты не в состоянии удовлетворительно объяснить некоторые ее фрагменты. Эта неясность, вероятно, послужила причиной того, что месопотамские евреи, примерно через столетие после выхода Иерусалимского Талмуда, приступили к созданию еще одной Гемары. Работа была начата рабби Асой или Аше и продолжалась до времени рабби Йосе, около 500 г. н.э. Существуют различные мнения относительно даты его завершения; однако считается, что Лауренс убедительно доказал, что он не может быть позже начала шестого века. Христианские комментаторы обычно предпочитают Иерусалимский Талмуд [\[249\]](#) как содержащий меньше баснословных и фривольных сведений; но евреи предпочитают Вавилонский Талмуд.

Мишна делится на шесть основных глав, или, как их еще называют, орден. Каждый орден делится на множество названий или трактатов, а те - на главы и разделы. Шесть Порядков таковы: I. Зераим, или Семена; II. Моэд, или Праздники; III. Нашим, или женщины; IV. Незикин, или травмы; V. Кодашим, или святые вещи; и VI. Тахарот, или очищение.

Первый порядок подразделяется на одиннадцать трактатов: - 1.

1. Молитвы и благословения, которые должны предшествовать и следовать за едой.
2. О сборах с виноградных и оливковых дворов, милостыне и первых плодах, которые следует отдавать бедным.
3. О купленных плодах земли, которые могут быть законно использованы, если они заплатили десятину, но являются незаконными, если они не заплатили.
4. Из смесей различных видов зерна и шерсти животных.
5. О законах, относящихся к субботнему, или седьмому, году.
6. О первых плодах, отдаваемых священникам.
7. О десятине, отдаваемой левитам.
8. Из второй десятины, которая должна быть отправлена в Иерусалим.
9. Из лепешки, приносимой в жертву.
10. Из плодов деревьев, которые будут считаться необрезанными в течение трех лет.
11. О первых плодах вообще.

Второй орден содержит тринадцать трактатов:.

1. О субботнем дне.
2. О различных субботних правилах.
3. О Пасхе.
4. О половине шекеля, выплачиваемой в качестве дани Святилищу.
5. О великом Дне искупления.
6. О празднике кущей.
7. О Пятидесятнице.
8. О некоторых вещах, запрещенных в праздничные дни.
9. Новый год.
10. О постах и днях унижения.
11. О празднике Пурим. 12. О меньших еврейских праздниках.
13. О трех великих праздниках.

Третий орден имеет семь названий:.

1. Закон о левитском браке.
2. О брачных контрактах.
3. О женских обетах.
4. Об обетах назаритов.
5. Письма о разводе.
6. О разводе жен.
7. О церемонии изгнания.

Четвертый орден состоит из девяти разделов:.

1. Повреждения, нанесенные насилием, раны и т. д.
2. Аренда, наем, ссуда, обмен и т. д.
3. Наследование имущества, партнерства, контрактов и т. д.
4. Синедрион.
5. Полосы.
6. Клятвы.
7. Свидетели, доказательства, также идолопоклонство[250].
8. Постановления судей и апофегмы мудрецов.
9. Запись ошибок в решениях судей.

Пятая часть состоит из одиннадцати трактатов, в которых рассматриваются следующие вопросы

1. Жертвоприношения.
2. Обязательства и приношения.
3. Вещи профанные.
4. Первенец.
5. Оценки самцов и самок.
6. Обмен и выкуп.
7. Искупительные жертвы.
8. Жертвоприношения за нарушение.
9. Ежедневная жертва.
10. Размеры, форма и структура святилища.
11. Приношения птиц.

Шестой и последний орден содержит двенадцать глав, касающихся

1. Очищение сосудов.
2. Шатры и скинии, а также загрязнение трупами.
3. Облачения и нечистота от проказы.
4. Пепел телицы, очищающий нечистых.
5. Очищения вообще.
6. Сосуды, содержащие воду.
7. Разделение на юридические примеси.
8. Юридическая примесь в целом.
9. Правила, касающиеся нечистоты.
10. Омовение прокаженных.
11. Омовение рук.
12. Дополнительные вопросы.

Следует отметить, что Гемары - это не столько комментарии к Мишне, сколько серия рассуждений об отрывках из Священного Писания, о тексте Мишны или, возможно, о каком-то вопросе еврейского права. В этих рассуждениях проявляется тонкость мышления. Обнаруживаются точки сходства между вещами, которые, по мнению обычного наблюдателя, совершенно различны, и точки различия между вещами, казалось бы, совершенно идентичными. Похоже, что главный принцип писателей заключается в том, что в

священных писаниях, и особенно в Пятикнижии, нет ни одного слова, ни одной буквы, которые не имели бы своего особого применения и значения. Там, где это не очевидно или нелегко обнаружить, они считают, что оно все же скрыто в тексте и проявится, когда произойдут события или будут высказаны мнения, необходимые для его развития, - как то, что кажется простым пятнышком на фотографии, может быть увеличено, пока не окажется, что оно само по себе полное изображение. Эти пространственные и заумные рассуждения часто сменяются случайными анекдотами (называемыми Haggadoth), которые служат для иллюстрации смысла писателя, аллегориями, пословицами и притчами, а иногда и самыми дикими восточными легендами, мифами и романтическими сказками. Некоторые из них чрезвычайно трогательны и красивы, другие - абсурдны, легкомысленны и экстравагантны, граничащие иногда с профанацией, если не с богохульством. На самом деле, это странная и причудливая смесь разнородных сюжетов. Восточные причуды перемешаны с рассуждениями греческих и римских моралистов. Один знаменитый писатель назвал Талмуд "необыкновенным памятником человеческой промышленности, человеческой мудрости и человеческой глупости"[251]. Вероятное объяснение этого извращения высокого интеллекта и терпеливого изучения можно найти в том, что писатели, будучи исключены особенностью своего социального и политического положения из рассмотрения тем, на которые обычно работают литераторы, были вынуждены заниматься единственными открытыми для них темами. Отсюда, вероятно, и то необычайное уважение, с которым еврейский народ относится к Талмудам. Они всегда относились к этим книгам, и особенно к Вавилонскому Талмуду, с глубочайшим почтением и любовью. Действительно, их обвиняли в том, что они относятся к ним с большим почтением, чем к своим собственным вдохновенным Писаниям. У них есть пословица: "Те, кто изучает Писание, совершают добродетельный, но не безусловно добродетельный поступок. Те, кто изучает Мишну, совершают полностью добродетельный поступок и заслуживают награды. Но те, кто изучает Гемару, совершают самое добродетельное из всех деяний". И еще: "Писания - это вода, Мишна - вино, Гемара - приправленное вино"[252].

Что касается истории Талмудов, то необычным фактом является то, что ни один из Отцов, принадлежащих к первым четырем векам церковной истории, не обращает внимания ни на Мишну, ни на Гемару, несмотря на то, что они часто обращаются к теме еврейской традиции. Даже Тертуллиан, когда специально пишет на эту тему, говоря о первородном законе, данном Адаму, и о законах Двух скрижалей, переданных Моисею, не упоминает Мишну. Августин в пятом веке называет δευτέρωσις, или Второй закон, но даже он говорит о нем как о содержащем *неписаные* традиции евреев, передававшиеся из поколения в поколение из уст в уста. Мы можем только предположить, что, хотя Мишна действительно была завершена до конца второго века, знание о ней долгое время было ограничено учеными среди евреев, а еще дольше - среди еврейского народа в целом. То же самое происходило и с завершенным Иерусалимским Талмудом. Христиане фактически не признавали этот труд до времен императора Юстиниана, который в середине шестого века издал против него Новеллу, или эдикт. Он разрешил чтение Писания в синагогах, но запретил чтение Мишны, как "простого изобретения земных людей, в которых нет ничего небесного". Начиная с его времени и вплоть до XVI века христианства папы и короли выпускали один манифест за другим, предостерегая людей от их прочтения и предписывая подавлять и даже публично уничтожать саму книгу. В 1286 году папа Гонорий IV обратился с письмом к архиепископу Пекхэму, требуя от него запретить чтение Талмуда как "проклятой книги", из которой непременно проистекает всевозможное зло. Папы также не ограничивались предписаниями. В 1230 году Григорий IX, следуя примеру своего предшественника Иннокентия, сжег двадцать телег с ним. В 1553 году, во время праздника Кушпей, по приказу Юлия III все экземпляры, которые только можно было найти, были преданы огню; а через несколько лет по приказу Павла IV та же участь

постигла 12 000 томов. В течение последней половины XVI века Талмуд таким образом доводился до костра не менее шести раз, и сжигали его не по одному экземпляру, а целыми повозками. Еврейские переписчики тех времен наверняка приложили немало усилий, чтобы не допустить полного исчезновения книги. Но создание печатных станков и появление Рейхлина в начале XVI века[253] в ее пользу в течение жизни одного-двух поколений положили конец попыткам искоренить все следы этой книги.

Знаменитый Маймонид в XII веке составил краткое изложение законов Талмуда, которое многие предпочитают самому Талмуду, поскольку он опускает странные басни, которыми изобилует оригинальный труд, и сохраняет действительно ценную информацию. Его книга называется "Яд-ха-чаззак", или "Сильная рука". Она очень полезна для тех, кто хочет получить знания о еврейских законах и церемониях.

ПЯТНАДЦАТЬ:

[248] Смысл этого в том, что развитие Закона содержится в самом Законе. С самого начала должны были возникнуть трудности в толковании Закона. Они были адресованы Моисею. Его решения традиционно сохранялись и назывались Устным Законом, о чем свидетельствует передача Богом Устного Закона Моисею. Раввинская басня далее гласит, что Бог передал Моисею днем Письменный закон, а ночью - Устный. Это символизирует, во-первых, что Божий закон - истинное мерило времени, а во-вторых, что Письменный закон противостоит Устному, как свет тьме.

[249] Иерусалимский Талмуд содержит только четыре из шести постановлений, составляющих Вавилонский, и часть пятого. Всякий раз, когда, как следует отметить, говорится о "Талмуде", без какого-либо намека на то, какой именно Талмуд имеется в виду, это выражение следует понимать как Вавилонский.

[250] Введено потому, что идолопоклонство иногда является предметом судебного разбирательства.

[251] Против этого, однако, можно привести мнение знаменитого Баксторфа. Он говорит, что "она содержит прекрасные уроки юриспруденции, медицины, физики, этики, политики и астрономии; восхитительные пословицы, апофегмы и сияющие жемчужины красноречия, не менее украшающие еврейский язык, чем цветы красноречия греческого и латинского языков. Без них знание иврита и халдейского не будет полным".

[252] Некоторые люди, возможно, склонны заметить по поводу этого изречения, что оно во многом вернее, чем думали его авторы. Однако его смысл, вероятно, был неправильно понят, и в нем нет намерения унижить Писание. Оно может означать лишь то, что Мишна - это знание Писания с добавлением дополнительных знаний, а Гемара - это знание Писания и Мишны в сочетании с еще одним добавлением знаний.

[253] См. с. 269.

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

ТАРГУМЫ, МАССОРА, КАББАЛА, СЕФЕР-ЙЕЦИРА И ЗОАР.

ТАРГУМЫ.

Таргумы - это разоблачительные пересказы книг Ветхого Завета. Они написаны на халдейском языке, который был более знаком евреям после времен Эзры, чем древнееврейский. По-видимому, после возвращения из плена в синагоге было принято зачитывать часть Писания на иврите, а затем устно приводить таргум на данный отрывок. Но *письменные* таргумы - Ионафана, Онкелоса, Ионафана, сына Уззиэля, Иерусалимского и Иосифа Слепого - были составлены или, во всяком случае, записаны задолго до эпохи нашего Господа. Поэтому они входят в рамки данной работы.

Таргум Ионафана - самый древний, и принято считать, что в своем нынешнем виде он был составлен примерно за тридцать лет до рождения Христа. Таргум Онкелоса - несколько более поздний, он касается только Книги Моисея. Он значительно превосходит своего предшественника по простоте языка и чистоте стиля. Он цитируется в Мишне, но, похоже, не был известен ранним христианским отцам.

Таргум младшего Ионафана комментирует только Книги пророков. По чистоте стиля он напоминает Таргум Онкелоса, но менее прост и иногда переходит в аллегорию. Считается, что дополнения к нему были сделаны врачами, жившими много позже его автора.

Иерусалимский Таргум посвящен Книгам Моисея, точнее, их части. Он представляет собой не более чем фрагмент древнего пересказа Пятикнижия.

Таргум Иосифа Слепого посвящен Агиографии, то есть Псалмам, Притчам, Екклесиасту, Песни Соломона, Эсфири, Иову и Руфи. Стиль - очень испорченный халдейский, содержащий много иностранных слов.

Таргумов на Даниила, Ездру и Неемию не существует, поскольку эти книги уже были написаны на арамейском языке. Таргумы представляют большую ценность для установления подлинности современного еврейского текста, доказывая, что он был таким же, каким был во время написания таргумов. Они также полезны в иудейских спорах, поскольку показывают, как иудеи до христианской эры толковали великие пророчества о Мессии.

МАССОРА.

Это слово правильно обозначает традицию, а массоритами называют тех людей, которые определяли смысл еврейского текста, добавляя к нему заостренные гласные. В древнееврейском языке четыре гласных, но их оказалось недостаточно; кроме того, в ранние времена было принято опускать эти гласные, записывая только согласные в словах. Следствием этого стало то, что значение слова часто было двусмысленным, его смысл менялся в зависимости от вставленных гласных. Так, рассказывают, что между Давидом и Иоавом возник спор о значении слова נָתַתְּ (Втор. xxv. 19). В одном из своих набегов на амаликитян Иоав убивал мужчин, но щадил женщин и детей. Давид упрекнул его за это, утверждая, что повеление было "изгладить память", *то есть* истребить (נָתַתְּ) амаликитян. Но Иоав ответил, что это слово было נָתַתְּ, приказывающее убивать только мужчин.^[254] Чтобы положить конец возникшим недоумениям, массориты^[255], как говорят, добавили точки, или заостренные гласные, которых в четырнадцать. Они располагаются под или над согласными, заменяя гласные, когда их не хватает, и определяя произношение, когда они есть.

Массориты не только добавили гласные, но и пронумеровали главы, разделы, стихи, слова и даже буквы священного текста. Так, они отметили, что в Книге Бытия 1 534 стиха, 20 713 слов и 78 100 букв. Они также отметили центральный стих, слово и букву книги. То же самое они сделали и в отношении всех остальных книг Ветхого Завета. Цель - сохранить вдохновенный

текст от интерполяции, искажения, фактически от любых изменений, а также предоставить возможность для справок. Большая часть их работы была осуждена как "трудоемкая мелочь", но, тем не менее, она оказалась полезной для ученых.

Возраст массоритов вызывает сомнения. Некоторые утверждают, что Моисей сам передал старейшинам этот метод разъяснения и сохранения в неприкосновенности Священного Писания. Другие приписывают изобретение масоретских гласных Эзре и Великой синагоге его времени. Но ни одно из этих мнений не имеет под собой оснований, и наиболее достоверные авторитеты относят их к пятому или шестому веку христианства. О том, что в священный текст долгое время после Ездры вносилось множество изменений, достаточно ясно свидетельствуют версии авторов Септуагинты, Акилы, Симмаха и Феодотиона, ни одна из которых не находится в полном соответствии друг с другом. Этого не могло бы быть, если бы до появления этих переводчиков массориты завершили свои труды. Иероним утверждает, что текст не был определен даже в его время. Наиболее приемлемой представляется точка зрения Уолтона. Он считает, что работа была начата в начале пятого века и постепенно становилась все более заметной, пока не была завершена около 1030 года н. э. Маймонид утверждает, что окончательный пересмотр текста был сделан знаменитым ученым рабби Бен Ашером. Массориты, следует отметить, обвиняются в стремлении выдать ошибочные чтения за свои собственные взгляды и, чтобы добиться этой цели, предотвратить любое возвращение к оригинальному и подлинному тексту.

КАББАЛА.

Это слово также обозначает традицию и первоначально включало в себя все толкования Писания, которые евреи, как они утверждали, получили, во-первых, от Моисея, а во-вторых, от Ездры. Но впоследствии оно стало использоваться для обозначения заумного вида науки, с помощью которой мистически объясняются некоторые отрывки Священного Писания. Каббала, в этом смысле, имеет множество процессов, из которых три наиболее известных - Гематрия, Нотарикон и Темура.^[256] Первый из них состоит в том, чтобы принять буквы еврейского слова за шифры, или арифметические числа, и затем объяснять каждое слово арифметическим значением составляющих его букв. Так, например, буквы слова Иабо-Шилох (Быт. xlix. 10), то есть "придет Шилох", при пересчете в соответствии с их арифметической оценкой, составляют то же число, что и еврейское слово "Мессия". Отсюда каббалисты делают вывод, что Шилох означает то же самое, что и Мессия.

Нотарикон заключается в том, что каждая буква слова сама по себе является полным словом, а буквы, собранные вместе, - полным предложением. Так, первое слово Книги Бытия, Берешит, разложенное на составляющие его буквы, означает Бара, Ракия, Арес, Шамайон, Иам, Техомот, *то есть* "Он сотворил твердь, землю, небеса, море и глубину". Или, опять же, начальные буквы каждого слова в предложении могут быть сформированы в слово, обладающее, конечно, мистическим смыслом.

Темура - это когда буквы переставляются таким образом, чтобы образовать новое слово - иногда с помощью процесса, известного нам как анаграмма, иногда путем замены одной буквы на другую. Каббалисты верили, что Писание содержит бесконечные тайные смыслы, которые могут быть раскрыты путем терпеливого исследования. Они были убеждены, что священные писатели имели какую-то особую тайную причину для выбора каждого слова, которое они использовали, и для его места в стихе, главе и книге, в которой оно встречается.

КНИГА ЙЕЦИРА.

Хотя некоторые хасиды исповедуют благоговение перед Талмудом, их система теологии в действительности антагонистична ему. [257\]](#) Основой их исповедания веры является не Талмуд, а Книга Зоар. В ней, вместе с Йецирой, содержится наиболее полное изложение их взглядов.

Возраст Сефер-Йетциры, Книги Творения, является предметом споров. Многие относят ее к седьмому или восьмому веку. Более надежные авторитеты считают, что она была написана значительно раньше. В Талмуде упоминается Сефер-Йецира, книга, которая, по-видимому, старше самой Мишны. Если это та же самая работа, что и рассматриваемая сейчас, то ее следует отнести к первому или, самое позднее, ко второму веку христианства. Язык и стиль книги согласуются с этим представлением, поскольку относятся к апостольскому веку; и хотя есть отрывки, указывающие на более позднюю дату, чем эта, ученые склонны придерживаться мнения М. Адольфа. Франке, [\[258\]](#) что книга относится к апостольскому веку.

КНИГА ЗОХАРА.

Сефер-Зохар, Книга Света, [\[259\]](#) имеет большее значение, поскольку считается кодексом и учебником теологической системы, принятой хасидами. Она имеет форму комментария к Книгам Моисея, чрезвычайно мистична и полна аллегорий. Суренхузий описывает его содержание следующим образом: "*Veteris Ecclesiæ judaicæ fundamenta, prout Templo Hierosolymano stante secundo erant, non ex opere Talmudico, vel ab alio quodam auctore antiquo, sed ex Zohare tantum sunt quærenda. Cum in opere Talmudico, leges Ecclesiasticæ, forenses et politicæ exponantur, in Zohare autem loca scripturæ sacræ ad Theologiæ capita reducuntur, in quibus de Existentiâ, de Attributis, de Epithetis, ac Nominibus Dei, itemque de Messiâ, de Angelis, tam bonis quam malis, de animâ humanâ, ejusdemque origine ac statu, atque, ut uno verbo dicam, de cognitione Dei nostri per Messiam genuinum Filium, agitur.*"

Его авторство и дата написания вызывают еще больше споров, чем авторство и дата написания Йециры. Многие считают, что это сочинение Симеона Йохайда (Симеона бен Йохая), который, как полагают, жил примерно во времена нашего Господа. Другие, хотя и не считают Симеона настоящим автором, все же полагают, что она была написана одним из его учеников, который воплотил в ней учение своего учителя. Язык, на котором она написана, - это язык палестинских евреев времен, непосредственно предшествовавших созданию Талмуда. Идеи и выражения также, - пишет Этеридж, - относятся к этому времени. Однако было бы возможно, возможно, даже очень трудно, имитировать этот стиль, если бы целью композитора было выдать его за произведение раннего возраста; и трудно поверить, что некоторые из содержаний книги могли быть работой любого еврея указанной даты. Мнение М. Франке здесь также является наиболее безопасным. Он относит ее к седьмому веку. Однако мнение о том, что "Зоар" - это просто сочинение Моисея де Леона, написанное спустя шестьсот лет после него, находит сторонников и в наши дни.

По форме, как уже было сказано, это комментарий к Пятикнижию, но в действительности - разнородная масса доктрин: аристотелевские, неоплатонические и раввинистические концепции неразрывно слиты воедино. Она утверждает, что открывает великие тайны; но откровение передается языком настолько загадочным и неясным, что часто трудно прийти к какому-либо определенному значению. Он признает Бога Бесконечным, не имеющим ни начала, ни конца существования; и заявляет, что Он явил Себя в десяти формах, или, скорее, эманациях, которым Зохар дает название Сефирот. Эти десять - Трансцендентность (корона), Мудрость, Знание, Милосердие, Справедливость, Красота, Триумф, Слава, Основа, Господство. Во всех этих изображениях проявляется Троиственный характер Божества. [\[260\]](#)

Таким образом, в исповедании веры, принятом зохаритами, как называли последователей Якова Франка и других, отчетливо исповедовалась доктрина Пресвятой Троицы, которой придерживается католическая церковь.

СНОСКИ:

[254] Эта история может быть, а может и не быть исторической; но в любом случае она иллюстрирует использование массоретских пунктов.

[255] Массориты были низшей категорией книжников, чьей профессией было записывать копии еврейских Писаний, обучать людей истинному чтению, а также комментировать их. Они называли свою работу "Массора", или традиция, поскольку верили, что Бог дал Закон на Синае, передав Моисею в то же время истинное толкование".

[256] Грец говорит о каббале, что это грибовидная опухоль, которая с тринадцатого века пробралась на тело Закона.

[257] Говорят, что Талмуд был публично сожжен в Подолии, в 1755 году, некоторыми каббалистами-саббатянами. С другой стороны, раввинистические талмудисты неоднократно осуждали каббализм хасидов.

[258] La Cabbale, par Adolph. Francke, Paris, 1843; работа, содержащая обширные исследования и глубокие познания.

[259] Daniel xii. 3. Наши переводчики переводят это слово как "яркость".

[260] Следует отметить, что еврейские сподвижники отрицают существование тринитарной доктрины в Книге Зоар. Напротив, они утверждают, что каббалисты были склонны дразнить их тем, что они "верят в десять богов, тогда как (говорят они) даже христиане верят только в трех".

ПРИЛОЖЕНИЕ IV.

ПОПЫТКА ВОССТАНОВЛЕНИЯ ХРАМА ПРИ ЮЛИАНЕ.

Те или иные авторы высказывали серьезные сомнения в том, что можно назвать древней верой по этому вопросу. Были поставлены следующие вопросы: I. действительно ли была предпринята попытка восстановить Храм; и II. если допустить, что работа была начата и прервана, то ее прекращение не было вызвано только естественными причинами.

I. Ларднер утверждает, главным образом, [261], что Юлиан не более чем вынашивал проект такого предприятия, которое он так и не попытался осуществить. В своем письме, адресованном еврейскому народу, он сообщает, что "если он вернется из своего персидского похода, то отстроит и заселит вместе с ними святой город Иерусалим". Но поскольку он так и не вернулся, Ларднер утверждает, что он так и не предпринял обещанной попытки. Такова же, по-видимому, и традиция евреев. [262] Так, Давид Ганс в XV веке пишет: "Работу не удалось завершить, поскольку Юлиан так и не вернулся, а погиб в Персидской войне"; и аналогично Кассель: "Он сделал приготовления к восстановлению Храма, но после недолгого правления пал в битве". Далее Ларднер цитирует отрывок из одной из ораций Юлиана, в котором говорится, что "он задумал восстановить храм". Но поскольку он не добавляет, что он его осуществил, Ларднер считает, что, вероятно, он этого не сделал.

Почти нет необходимости говорить, что эти аргументы имеют очень малый вес. Читатель должен заметить, что Юлиан пообещал восстановить не *Храм* по возвращении из Персии, а *Иерусалим*. Поскольку город в то время стоял на месте, он, должно быть, имел в виду, что восстановит его в первозданном великолепии. Это была бы долгая и дорогостоящая работа, которая вполне могла потребовать его личного присутствия. Но он мог поручить восстановление Храма, проект которого был хорошо известен, своему заместителю - так сказать, в качестве части более значительной работы, которая должна была последовать. Нельзя также обоснованно утверждать, что если человек не говорит, что привел в действие замысел, *значит*, он его не приводил в действие[263].

Какой бы вес ни имели рассуждения Ларднера, они полностью теряют смысл, когда мы принимаем во внимание свидетельства современных историков и тех, кто жил в эпоху, непосредственно следующую за ней. К первым относятся Григорий Назианзен, епископ Константинопольский, Иоанн Златоуст, Кирилл Иерусалимский, Амвросий и Аммиан Марцеллин; ко вторым - Сократ, Созомен и Феодорит. Все они описывают основные факты, а именно: неоднократные вспышки огня, пока работа не была прекращена из-за невозможности продолжать ее. Каждый из них добавляет несколько незначительных деталей, которые не влияют на достоверность самого события.[264] Самый важный свидетель - Аммиан Марцеллин, язычник и личный друг императора. Будет лучше, если он расскажет об этом своими словами. Император задумал, - пишет он, -[265] "восстановить за неограниченный счет иудейский храм и поручил заботу об этом Алипию из Антиохии. Когда Алипий энергично взялся за дело, а правитель провинции оказывал ему помощь, страшные огненные шары, непрерывно вспыхивающие у фундамента, снова и снова сжигали рабочих и делали невозможным приближение к месту; и таким образом стихия еще более упорно (*то есть* более упорно, чем даже настойчивость рабочих) гнала их прочь, и попытка была оставлена".

Перед лицом подобных доказательств, наверное, найдется упорный защитник, который будет утверждать, что этого происшествия не было.

Но можно возразить, что, хотя оно и имело место, в нем не было ничего чудесного. Можно утверждать, что

(1) Что это было просто землетрясение, из-за которого все и произошло.

(2) Возможно, произошел взрыв нечистого воздуха, вызванный внезапным открытием сводов под Храмом. Они были давно закрыты, и вредные испарения, соприкасаясь с огнем рабочих, взорвались.

(3) Маловероятно, *чтобы* такое чудо свершилось: в восстановлении Храма не было ничего, что *требовало бы* чуда. Наш Господь, несомненно, объявил, что Храм должен быть полностью разрушен, но не то, что он никогда не будет восстановлен. Даниил (правильно понятый) или любой другой пророк также никогда не говорил этого.

(4) В эпоху, о которой говорится, что это чудо произошло, чудеса происходили почти ежедневно, некоторые из них были легкомысленными и детскими до последней степени. В них не может верить ни один разумный человек, и нет ничего, что могло бы отделить это чудо от них.

Давайте рассмотрим эти возражения.

1. Землетрясения всегда были обычным явлением в Палестине. Не отрицается и то, что землетрясение имело место в данном случае. Но простое землетрясение не объясняет

вырывание огненных шаров, как *только рабочие пытались возобновить работу*. Ни одно другое землетрясение не демонстрировало подобных явлений.

2. Это объяснение, как я полагаю, не было известно ни Уорбертону, ни Баснажу, ни Ларднеру, ни Гиббону. Похоже, что впервые оно было предложено в немецком журнале^[266] знаменитым Михаэлисом во второй половине восемнадцатого века. Но при ближайшем рассмотрении она оказывается скорее изобретательной, чем вероятной. Кто знает, что пещеры под Храмом были герметично закрыты в течение долгого времени до попытки Юлиана? Их постоянно открывали и в другие времена (о чем свидетельствует история, рассказанная Вениамином Тудельским), и ничего подобного не происходило. Этот случай был лишь одним из многих, когда на одном и том же месте рыли фундамент и возводили здание, но без взрыва или вспышки пламени. Как получилось, что рабочие Соломона, Зоровавеля, Адриана и многих других - как получилось, что они избежали смертельных травм, постигших Юлиана?

Опять же, явления, описанные Марцеллином и другими, не согласуются с идеей взрыва мефитических газов. Они мгновенно воспламеняются и горят до полного истощения. Ни один писатель не мог описать их как "огненные шары", вспыхивающие непрерывно, как только рабочие пытались возобновить работу. Очевидно также, что огонь разгорался не в тот момент, когда была открыта земля, а только когда весь фундамент был заложен и каменщики приступили к строительству; ведь Златоуст говорит, что некоторые из уже заложенных камней были сброшены вниз.

3. Разбирая это возражение, мы вступаем на новую и более сложную почву. Возможно, это правда, и я склонен верить, что это так, что истина Святого Писания не была, так сказать, затронута этим предприятием. Если бы оно увенчалось успехом, я не вижу, чтобы какое-либо изречение Вдохновения было бы тем самым нарушено.^[267] Но такое событие, несомненно, противоречило бы Божественной цели создания христианской Церкви. Вид и тень должны были исчезнуть с приходом реальности и сущности. Восстановление иудейского храма было бы их бессмысленным возобновлением. Кроме того, такие странные аномалии, как восстановление Святого Святых с его незакрытой завесой и возобновление жертвоприношений в храме, предвещающее давно прошедшее событие, нарушили бы веру большого числа исповедующих Церковь, а также удержали бы не менее большое число людей от вступления в ее пределы. Трудно, а может быть, и самонадеянно пытаться определить, что является достаточным основанием для ожидания чуда. Но если в истории христианской церкви и был случай, когда чудо было, так сказать, востребовано, то это был именно тот, который мы рассматриваем. Всемогущему Богу бросил прямой вызов верховный правитель земли и всего христианства, чтобы доказать свою правоту. Стоит ли удивляться, что, как и на горе Кармил, Он ответил огнем?

4. Эти соображения позволяют легко разобраться с последним из четырех возражений. Можно смело признать, что век Юлиана ознаменовался бесконечным повторением сообщений о чудесах, к большинству из которых следует относиться с серьезным подозрением, а многие другие и вовсе недостойны доверия. Так, Григорий рассказывает о Юлиане, что однажды, когда он приносил жертву, на внутренностях жертвы был обнаружен отпечаток креста в круге^[268]. В другом случае, когда он попытался построить языческий храм на месте, где был похоронен христианин, он рухнул, как только его поставили.^[269] Это два примера из многих досужих рассказов, ходивших в те времена. Если рассматриваемое нами происшествие отнести к их числу, то никто не сможет удивляться нежеланию людей отнести к нему с доверием. Но оно стоит совершенно особняком от них. Оно произошло не по приказу и не по уговорам кого-либо из людей. Оно было явлено не для того, чтобы

доказать истинность какого-либо спорного догмата, или святость какого-либо богословского лидера, или ортодоксальность какой-либо партии в Церкви. Это было сделано перстом Божиим непосредственно и зримо; и если мы не готовы утверждать, что с апостольского века Он никогда открыто не вмешивался в дела людей, мы можем с полным основанием полагать, что Он вмешался здесь.

ССЫЛКИ:

[261] Lardner, V. iii. p. 603 ff.

[262] Cassel, I. § 53. Другие еврейские писатели, например, Йост, признают это событие, но отрицают чудо.

[263] Ларднер также настаивает на молчании Иеронима, Пруденция и Орозия. Если факты истории подвергаются сомнению из-за того, что некоторые историки того времени не упоминают о них, то сколько же останется таких, которые можно считать достоверными?

[264] Так, Григорий говорит, что двери церкви были чудесным образом закрыты против беглецов, и огненное пламя, выходящее из нее, уничтожило их; что огненный круг и крест были видны на небе, а огненные кресты - на одеждах зрителей. Златоуст утверждает, что рабочие уже вырыли фундамент и начали строить, как вдруг вспыхнуло пламя. Сократ говорит, что строительные инструменты и орудия были поглощены огнем и горели целый день, и добавляет, что важно, что землетрясение произошло ночью, а пожары вспыхнули на следующий день. Феодорит говорит, что землетрясение повалило некоторые камни только что заложенного фундамента и вытряхнуло часть вынудой земли обратно в яму, из которой она была вырыта. Златоуст подтверждает его в этом.

[265] Аммиан. Марцеллин. XXIII. 1. Было высказано предположение, что он взял свой счет без запроса у христианских писателей. Так считает Гиббон, гл. XXXIII. Но то, что языческий историк и преданный друг Юлиана должен был таким образом записать то, что было одновременно неблагоприятно для его вероучения и болезненно для его дружеских чувств, слишком неправдоподобно, чтобы нуждаться в опровержении.

[266] Magazin von Lichtenberg. Цитируется редактором Аммиана. Марцелл. в своих примечаниях.

[267] Варбуртон утверждает, что наш Господь не только никогда не заявлял, что иудейский храм не должен быть восстановлен, но даже подразумевал, что это произойдет, когда сказал (Св. Луки xxi. 24): "Иерусалим будет попираем язычниками, доколе не исполнятся времена язычников". Но это значит ошибиться в значении греческой фразы "Ἀχρις οὔ, ἕως οὔ". Эти обозначают состояние вещей до определенного момента, но ничего не определяют относительно того, что последует. См. Златоуст на св. Матф. i. 25 и др.

[268] Greg. Naz. Orat. III.

[269] Chrysost. in Matth. Hom. IV.

ПРИЛОЖЕНИЕ V. ОБВИНЕНИЯ В КРОВИ.

Среди множества обвинений, выдвинутых против иудеев, есть три, которые можно выделить как "обвинения в крови" и которые стали для них причиной ужасных страданий. Первое из них - это обвинение в распятии мальчиков, пародирующее крестную смерть Спасителя; второе - в использовании христианской крови при приготовлении пасхальных пирогов; третье - в том, что они нечестным путем завладели освященной Святыней для того, чтобы оскорблять и колоть ее. Может показаться, что это последнее обвинение не было *кровным*. Но поскольку считалось, что они резали и прокалывали облатку, как само тело Господа, которое действительно истекало кровью, как любое человеческое тело, под их ножами, его можно отнести к двум другим. Первая - самая древняя, и именно ее упорно придерживаются, хотя две другие постоянно повторяются и подтверждаются. Наша цель - выяснить, когда впервые были выдвинуты эти обвинения и что могло послужить основанием для них.

Что касается времени и происхождения представления о распятии мальчиков, то я уже говорил на с. 73 о вероятном источнике этого обвинения. Из всех еврейских праздников самым веселым или, скорее, самым буйным был праздник Пурим, о котором говорили, что "евреи были склонны пить до тех пор, пока не могли отличить благословения, произнесенные над Мордехаем, от проклятий, наложенных на Хамана". На этом празднике в первые века христианства было принято представлять чучело Хамана, подвешенное на виселице; сходство этой фигуры с распятым преступником вскоре привлекло внимание евреев. Поэтому шутки и намеки на нашего Пресвятого Господа стали обычной темой среди празднующих; на этом основании христианские императоры запретили евреям отмечать этот праздник. Иудеи не ограничивали свою дерзость словами. Однажды в Инместаре они схватили христианского юношу, которого привязали к виселице Хамана и бичевали так безжалостно, что он умер от их рук. Это, конечно, вызвало яростную вспышку негодования и ужаса; и мы вполне можем понять, что предание об этом возмущении распространилось далеко и сохранялось в течение многих поколений.

Второе обвинение - в смешивании христианской крови с пасхальными лепешками, или, как говорили некоторые, с самой пасхальной жертвой, - было выдвинуто только в XIII веке, хотя точную дату установить невозможно. В связи с этим обвинением примечательно, по крайней мере, то, что оно было впервые выдвинуто как раз в то время, когда доктрина транссубстанции начала прочно овладевать умами людей.^[270] Впервые она была объявлена доктриной католической веры на Латеранском соборе 1215 года. Согласно этой вере, евхаристическая облатка после освящения становилась реальным Телом и Кровью Господа, так что люди действительно ели Его плоть и пили Его кровь. Можно с уверенностью предположить, что иудеи будут насмехаться и высмеивать эту доктрину, которую огромное количество благочестивых христиан оказалось не в состоянии принять. Даже если бы евреи не сатириковали открыто христиан, поддерживающих эту экстравагантную концепцию, их мнение о ней было бы достаточно известным; и знание того, что евреи думают об этом, не могло бы не вызвать еще большего ожесточения, с которым крайние ревнителю ультрамонтанизма уже относились к ним. Легким и очевидным дополнением к старому обвинению в распятии христиан в насмешку над страстями Спасителя стало утверждение, что иудеи еще смешали кровь своей жертвы с пасхальным хлебом, чтобы высмеять святой обряд, благодаря которому христиане стали причастниками Его Тела и Крови.

Сами евреи называют другие причины распространения этой клеветы. Они заявляют, что это обвинение впервые прозвучало в самые ранние века Церкви и было направлено номинально

на евреев, но на самом деле на христиан. Среди язычников распространился смутный слух о словах, сказанных Иисусом на Пасхальной вечере, когда Он передал чашу апостолам: "Сие есть Кровь Моя", и возникла идея, что христиане действительно пили человеческую кровь на своих религиозных праздниках. Правда, авторы этих обвинений приписывают оскорбление израильтянам; но (говорят иудеи, и пока это, безусловно, верно) более ранние языческие писатели постоянно смешивают христиан с иудеями, считая первых просто еретической иудейской сектой. Кроме того, утверждается, что эта клевета получила некоторую поддержку от известной практики некоторых еретических христианских сект, в частности катафрактариев, которые смешивали с освященным хлебом кровь младенцев, которую они извлекали из них, прокалывая вену. Однако это не более чем правдоподобная теория. Если допустить, что подобные сообщения получили распространение в первом или втором веке христианства, то христиане, против которых они действительно распространялись, должны были знать об их чудовищной ложности и полностью игнорировать их. Невозможно представить, что они стали бы выдвигать подобное обвинение против евреев или даже поддерживать его распространение.

Опять же, утверждается, что в Талмуде есть императивное предписание^[271], согласно которому евреи должны на Пасху выпить определенное количество "красного вина", и что это "красное вино" должно было означать действительно человеческую кровь, хотя повеление было замаскировано под метафору. Но независимо от экстравагантности такого толкования очень простых и понятных слов, обвинение, выдвинутое против евреев, заключалось не в том, что они *пили* христианскую кровь, а в том, что они смешивали ее с пасхальным хлебом. Никто и никогда не предполагал, что вместо одной из четырех чаш, выпитых на празднике Пасхи, была подменена чаша с человеческой кровью.

Если вышеупомянутая идея не имеет ничего, кроме вероятности, чтобы поддержать ее, то, во всяком случае, она имеет ее. А третье обвинение, выдвинутое вскоре после этого, - в тайном завладении освященной облаткой с целью оскорбительного обращения с ней - еще более усиливает эту вероятность. Утверждается, что, не довольствуясь высмеиванием доктрины Пресуществления, они стремились оскорбить само Тело Господа. Они подкупили бы крупной суммой какого-нибудь чиновника, чтобы тот похитил Воинство и передал его им, после чего они проткнули бы его ножами, и оно истекло бы кровью, как любое человеческое тело - они, как предполагалось, остались бы совершенно не тронутыми видом столь грандиозного чуда, а лишь стремились бы многочисленными доказательствами этого усилить свое осуждение в глазах Небес! Не подлежит сомнению, что эти предполагаемые чудеса были приведены в поддержку доктрины телесного Присутствия в Евхаристии. Вряд ли будет слишком много, если предположить, что обвинения против евреев были придуманы - отчасти, несомненно, из-за лютой ненависти, с которой к ним относились, но отчасти и для того, чтобы утвердить уверенность в популярности тогдашней догмы.

Я не счел нужным приводить какие-либо аргументы, чтобы доказать ложность этих обвинений. Ни один компетентный суд, на котором они рассматривались, не смог признать их необоснованными. В самом деле, ни один человек, знакомый с Моисеевым ритуалом самым обычным образом, не должен осознавать не только ложность, но и абсурдность и невозможность этих обвинений. Согласно иудейскому закону, прикосновение к мертвому телу, даже простое соседство с ним, делало всех людей, находящихся поблизости, нечистыми, так что они не могли участвовать в религиозных обрядах, а тем более праздновать их, пока не очистятся от загрязнения. Как же тогда кровь убитого человека могла использоваться при освящении жертв и приношений, которые само ее присутствие *ipso facto* оскверняло? Если некоторых умов не удовлетворит ничего, кроме самого четкого

утверждения по этому вопросу, то у них есть даже это. Слова Моисея, Левит. vii. 26, 27, гласят: "Не ешьте *никакой* крови" (פֶּאֶן אִימָא סוֹךְ עֲדַשְׁתֶּה) - никакой крови, даже звериной или птичьей, а тем более человеческой!

ССЫЛКИ:

[270] "Эти обвинения начались всего 600 лет назад", - пишет де Вирга в "Шебет Иегуда", изданной в Амстердаме в 1651 году. Они начались во времена правления Альфонсо X. Кастильского. В его время в Испании был священник, который в своих проповедях заявлял, что израильтяне не могут принести пасхальную жертву, если у них нет христианской крови, которую они могли бы использовать при совершении обряда".

[271] Hierosolym. Talmudis, Fol. II. 1. "Quæritur de mensurâ poculorum, quæ ebiberunt ad Pascha, aliaque convivia sacra; et qualitate vini. Præceptum est. ut vino rubido præstat officium. Vinum rubrum requiritur in sacris. См. Lightfoot, Index Talmud. Hierosolym. Vol. X. p. 509 его работ.

Примечания транскриптора

стр. 1 Изменено написание Chrosroes 79 на: Chosroes
стр. 2 Изменено написание Sepher-Yetsira на: Йецира
стр. 392 Изменено написание Сефер-Йецира на: Сефер-Йецира
стр. 19 Добавлено слово умный не быть: не быть
стр. 19 Добавлена точка к: уклонение от своих требований
стр. 49 Соединил слова сильный и держит в: в свои твердыни
стр. 50 Запятая заменена на точку в: арендовали улицы
стр. 57 Добавлена точка к: 429 Г. Н.Э.
стр. 63 Заменял запятую на точку после: потребовать его подчинения
стр. 71 Изменены даты заголовков глав с 365-429 на: 363-429
стр. 89 Изменено написание слова illustrious на: illustrious tribe of the Koreish
стр. 109 Удалено повторяющееся слово of из: Евангелия, из длины
стр. 110 Заменен один из аббасидских халифов на: Аббасид
стр. 126 Добавлена запятая перед: отказал в аудиенции
стр. 133 Заменен Юсеф, царь Альмораридов на: Альморавиды
стр. 146 Добавлена точка к: с правительством
стр. 153 Заменял примирить их добрую волю на: добрую волю
стр. 155 Замена запятой на точку после: Повесть об Алрое
стр. 162 Исправлен интервал между словами: трудно примириться на: примириться
стр. 172 Убрана ненужная запятая после: 1233 г. н.э.
стр. 200 Заменено слово eat на seat at: occupation of the eat
стр. 203 Добавлена фраза The Jews in к заголовку главы
стр. 206 Заменял слово privy to и articipators на: participators
стр. 207 Добавлен период к: наказание преступников
стр. 228 Добавлена точка к: другие христианские государства
стр. 238 Изменено написание слова "считая непримиримым" на "непримиримым"
стр. 262 Изменено написание слова: после этого вернулся к своим на: после этого
стр. 291 Заменено на: пожизненный

стр. 300 Изменено написание: уже записано на: записано
pg 302 Изменено преимущество повторного приема на: повторный прием
pg 307 Добавлен период к: добился большой репутации
pg 314 Добавлен период к: среди нарушителей
стр. 337 Заменено , на точку с запятой в: профессор в Бреслау
стр 345 Добавлена точка к: эта неудачная мера
pg 347 Добавлен период к: участие в еврейских делах
pg 357 Заменено: едва ли больше года на: чем
стр. 363 Заменено написание полные права гражданства на: гражданство
pg 367 Изменено на: за исключением или на: для
стр. 373 Заменены бесплатные школы, богадельни на: богадельни
стр 383 Добавлен период к: до 600 000
стр. 404 Изменено написание: По одному случаю на: по случаю
стр. 407 Изменено написание Боккара на: Бокхара, чтобы соответствовать стр. 376
стр. 407 Изменено написание Алкикоран, 128 на: Алкихоран
Добавлены недостающие знаки препинания, где это необходимо в указателе
Различные слова с ударением и без ударения оставлены так, как они написаны
Добавлено слово The к заголовкам различных глав